

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

XXVII съезд КПСС
и советское Китаеведение

Китай
и проблемы разоружения

Проблемы безопасности
в АТР

Международные
конференции
по истории Китая

Шесть рассказов
о «школе кадров»

Правда и ложь
о японских сиротах

ИНСТИТУТ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
АН СССР

1668 экз
3/87

Журнал АН СССР «Общественные науки» знакомит читателей с новыми исследованиями советских ученых по комплексным проблемам общественного развития. Стержневые темы журнала — теория и практика социалистического строительства, развитие мировой социалистической системы, коллективный опыт обществоведов стран социалистического содружества в деле решения актуальных социально-экономических, политических и идеологических задач.

Специфика журнала — в систематическом освещении теоретико-методологических проблем, находящихся на «стыках» наук и представляющих интерес для междисциплинарной аудитории. Прослеживаются также интегративные процессы в науке и формирование новых областей знания.

Основные рубрики журнала: «Социализм: единство теории и практики», «Наука и общество», «Методология общественнознания», «Системные и междисциплинарные исследования» и др.

* * *

Журнал «Общественные науки» выходит 6 раз в год. Цена номера — 1 руб. 50 коп., стоимость годовой подписки — 9 руб. Индекс по каталогу «Союзпечать» — 70677.

Подписка на журнал принимается с любого срока и на любой период:

в СССР — отделениями связи, агентствами «Союзпечать» и общественными распространителями;

в других странах — фирмами, распространяющими советскую периодику и имеющими деловые отношения с В/О «Международная книга» (СССР, 113095, Москва, ул. Димитрова, 39/20).

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

3/87

3 [63] 1987
Издается с 1972 г.

Научный, общественно-политический журнал, выходит
шесть раз в год на русском, английском, японском
и испанском языках

СОДЕРЖАНИЕ

НАВСТРЕЧУ 70-ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

ПЕРЕДОВАЯ. Великий Октябрь и мировое развитие

ПОЛИТИКА. ЭКОНОМИКА

Экономические и
социальные процессы
в КНР

В. Н. ФЕДОТОВ. Китай и проблемы разоружения

А. М. КРУГЛОВ. Сельская промышленность Китая
ЛИНЬ ЦУЙПАЙ. Правовая основа ответственности
по подряду в деревнях Китая

Т. Л. КОРОБКИНА. Реформа системы материально-
технического снабжения в КНР

В. В. КУЗНЕЦОВА. Современные аграрные преоб-
разования в Китае в оценках западных специали-
стов

АТР:

СТРАНЫ И ПРОБЛЕМЫ

НАУКА И КУЛЬТУРА

Идеология

Образование

Из истории отечественного востоковедения

Искусство

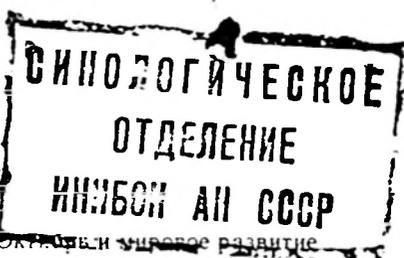
П. Н. БАРАХТА, Ю. Г. ЖАРКИХ. Азиатско-тихо-
океанский регион и безопасность в Азии

Б. В. ПОСПЕЛОВ. Капиталистическая модерниза-
ция Японии и идейно-политические аспекты японо-
американских отношений

Н. Е. БОРЕВСКАЯ. Китайская школа на пути пе-
ремен

Ю. Д. МИХАЙЛОВА. Выдающийся буддолог
О. О. Розенберг

С. А. ТОРОПЦЕВ. Советское киноискусство в оцен-
ках китайской критики

3

12

25

34

36

45

57

68

79

87

97

ИСТОРИЯ	Выступление Лю Даяня на Международной научной конференции в Москве	106
ИЗ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКИХ ДВИЖЕНИЙ В КИТАЕ	<i>С. Л. ТИХВИНСКИЙ.</i> Проблемы истории Китая на международных научных конференциях в КНР <i>В. Н. ОВСЯННИКОВ.</i> Тайпины: поиск будущего в прошлом	108 120
ПУБЛИКАЦИИ	<i>ЯН ЦЗЯН.</i> Шесть рассказов о «школе кадров»	130
КОММЕНТАРИИ	<i>В. П. ЗИМОНИН, Ю. М. ЩЕБЕНЬКОВ.</i> Правда и ложь о японских сиротах	142
ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ	<i>Б. Н. БАСОВ.</i> Критика «буржуазной либерализации» в газетах КНР	148
СООБЩЕНИЯ. СПРАВКИ	<i>Л. М. ГУДОШНИКОВ.</i> Особенности начального этапа формирования политической системы КНР <i>Э. В. КИКАБИДЗЕ.</i> Состояние и перспективы развития биотехнологии в Японии <i>В. А. МОИСЕЕВ.</i> О Кульджинской школе переводчиков и толмачей	152 160 167
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	<i>В. Ф. СОРОКИН.</i> Труды по истории китайской литературы <i>П. Ю. МАСЛОВ.</i> Экспансия США в зоне Индийского океана <i>В. Н. ХЛЫНОВ.</i> Как в Японии решают проблему повышения эффективности экономики	173 176 177
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	Заседание правления Всесоюзной ассоциации китаеведов ИДВ АН СССР расширяет международные связи	180 184
ДОКУМЕНТЫ	Закон КНР о банкротстве предприятий	186

Адрес редакции: Москва, 117848
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. А. АРХИПОВ (и. о. главного редактора), Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ, Б. Г. ГРЕБЕННИКОВ (зам. главного редактора), М. С. КАПИЦА, И. И. КОВАЛЕНКО, В. С. МЯСНИКОВ, В. Я. ПОРТЯКОВ, С. С. РАЗОВ, О. Б. РАХМАНИН, И. А. РОГАЧЕВ, Б. В. САГАРЕВ (и. о. зам. главного редактора), А. И. СЕНАТОРОВ, В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИТАРЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Н. Т. ФЕДОРЕНКО

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1987

НАВСТРЕЧУ 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Великий Октябрь и мировое развитие

Каждая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции — это не только наш праздник, но и новое подтверждение всемирно-исторического значения Октября, это новое напоминание о большом и трудном пути от отсталости к прогрессу, пройденном нашим народом за короткое время. Октябрь ознаменовал рождение первого в мире пролетарского государства, общества социальной справедливости, открыл социалистическую эру в жизни человечества, положил начало коренным изменениям в облике планеты. Социализм стал реальностью в одной стране, а затем превратился в мировую систему, значительно ограничив сферу империалистического господства. Прошедшая через пламя трех революций, битв с иноземными агрессорами и силами реакции, закаленная в борьбе и труде, партия великого Ленина в условиях переломного этапа развития современного мира выдвинула новые ориентиры на пути к спасению самой жизни человечества и ускорению общественного прогресса.

Среди отстаиваемых коммунистами с Октября 1917 г. ценностей цивилизации на первом месте — право человека на жизнь, право на мир и благополучие. 1986 год был ознаменован решительными действиями Страны Советов в этом направлении. В Заявлении М. С. Горбачева от 15 января 1986 г. развернута конкретная впечатляющая программа борьбы за мир и поэтапной ликвидации оружия массового уничтожения. Руководствуясь реальностями ядерно-космической эры, Советский Союз пошел на шаг беспримерной смелости, неоднократно продлевая односторонний мораторий на любые ядерные взрывы.

Длившаяся до января 1987 г. тишина на наших испытательных полигонах — лучшее подтверждение действенности нового политического мышления, в котором так нуждается современный мир. Это новый тип поистине глобального подхода к решению политических проблем. Под его воздействием в сознании народов нашей планеты, политических, общественных сил самой разной ориентации и мировоззрений все прочнее утверждается убеждение: на карту поставлено само существование цивилизации, человеческого рода, настала пора безотлагательных и ответственных мер, требующих предельной мобилизации разума и здравого смысла.

1986 год был объявлен Организацией Объединенных Наций Международным годом мира. К сожалению, он не стал годом заметного уменьшения опасности. По-прежнему в разных «горячих точках» планеты гремят выстрелы, льется кровь и гибнут люди. Виною тому прежде всего силы империализма, политика, диктуемая военно-промышленными кругами Запада, неспособность его политических лидеров подняться над старыми стереотипами мышления, чтобы исходить в политике из сегодняшних реальностей. В этих условиях новое политическое мышление, выработанное нашей партией, становится мощной интеллектуальной предпосылкой сохранения цивилизации. Росту действенности этого активного фактора утверждения мира способствует политическое мужество КПСС и ее руководителей, с огромной силой проявившееся в драматической эпопее Рейкьявика, в последовательных и на-

стойчивых практических мерах, нацеленных на создание системы всеобщей безопасности.

Новое мышление, выраженное в миролюбивой международной политике нашей партии и Советского государства, имеет принципиальную классовую основу, вырастает на почве марксистско-ленинской идеологии, развивает ее ключевые, базовые положения. Ныне все теснее переплетаются борьба за мир и борьба за социальный прогресс, еще более необходимым становится единство действий всех освободительных сил, массовых демократических и антивоенных движений. Динамизм и размах современных общественных процессов подтверждают творческую силу марксистско-ленинской теории, вскрытую классиками научного коммунизма, диалектику прогресса человечества к высшим формам его социальной организации. Сегодняшние революционные по своему характеру перемены в нашей стране происходят в условиях, когда построенный в СССР социализм развивается к качественно новому своему состоянию уже на собственной основе.

В революционном духе набирающей силу перестройки ощущается живое дыхание Октября, 70-летие которого в нынешнем году будет отмечать вместе с советским народом все прогрессивное человечество. Оценивая минувший после XXVII съезда нашей партии период, следует прежде всего отметить позитивные сдвиги, происходящие в экономической, социально-политической и духовной жизни советского общества, в отношении к человеку и волнующим его проблемам, в стиле и методах работы всех звеньев нашего общественного организма.

Наша внешняя политика, будучи органически связана с политикой внутренней, продемонстрировала в послесъездовский период огромный потенциал мира, разума и доброй воли, заботу о судьбах всей планеты. Для дела упрочения мира и безопасности на Земле, отмечалось на форуме советских коммунистов, нужны новые инициативы, энергичный поиск новых подходов, непрекращающаяся творческая работа. И сама жизнь убедительно показала, что советские коммунисты оказались на высоте поставленных перед ними задач. Ныне в мире растет доверие к миролюбивой политике КПСС, которая на практике доказывает народам, что мир без войн, без оружия — идеал социализма.

* * *

XXVII съезд КПСС, опираясь на коллективный разум партии, выдвинул и обосновал генеральную линию на ускорение социально-экономического развития страны, упрочение мира на Земле. Главной сферой деятельности КПСС, всего советского народа была и остается экономика. И это естественно, ведь именно успешное развитие экономики создает надежную основу для реализации всех других целей партии как внутри страны, так и на международной арене. Любой наш хозяйственный успех, в котором есть частица труда каждого советского человека, — это укрепление материальной базы всеобщей безопасности, действенная преграда на пути агрессивных происков сил империализма. «...Сильная, здоровая экономика, — подчеркивал М. С. Горбачев, — обеспечивает успех и политике мира. Это и называется связью внешней политики с внутренней».

В свое время В. И. Ленин указал, что, чем больше будут успехи нашей страны в области экономики, тем эффективнее она будет воздействовать на международную обстановку. Советский Союз был и остается убежденным противником политики силы и войны. Весь свой экономический и научно-технический потенциал наша страна ставит на службу делу мира, на то,

чтобы перед человечеством была открыта принципиально иная полоса развития, лейтмотивом которой стала бы не гонка вооружений, а созидание во имя мирной жизни нынешнего и грядущих поколений людей. Такова логика взаимосвязи внутренней и внешней политики социализма, которая предопределяется самой природой нашего общественного строя. Как в СССР, так и в других социалистических странах нет и не может быть социальных слоев и групп, заинтересованных в гонке вооружений или войне.

Ныне мировой социализм обрел такой экономический потенциал, что с ним бесполезно разговаривать языком силы. Тем не менее именно в самой могучей социалистической стране на XXVII съезде партии был сделан вывод о том, что характер современного оружия не оставляет ни одному государству надежды защитить себя лишь военно-техническими средствами, созданием самой мощной обороны. В этих условиях продолжение гонки вооружений на Земле, а тем более распространение ее на космос ускорит и без того критически высокий темп накопления и совершенствования ядерного и других видов оружия, что чревато самыми катастрофическими последствиями. Сегодня на международной арене сложились объективные условия, в которых противоборство между капитализмом и социализмом может протекать исключительно в формах мирного соревнования и мирного соперничества.

Анализ реальной обстановки не оставляет сомнений в справедливости вывода о том, что подлинная равная безопасность в наш век гарантируется не предельно высоким, а предельно низким уровнем стратегического баланса, из которого необходимо полностью исключить ядерное и другие виды оружия массового уничтожения. Такие категории, как военное превосходство, расчет на победу в ядерной войне, глобальная гегемония, превратились в смертельно опасные для всего человечества химеры. Им на смену должно прийти осознание того, что обуздание гонки вооружений равносильно выживанию.

Необходимо разумное сокращение военных потенциалов. Именно из этого исходят СССР и его союзники по Варшавскому Договору. Такой уровень вооружений определяется тем минимумом, который достаточен для того, чтобы в случае агрессии, говоря словами В. И. Ленина, защитники отечества не были истреблены противником. Другими словами, этот уровень диктуется потребностями обороны, а не иллюзорным стремлением превзойти оппонента во всех видах вооружений, обзавестись «абсолютным оружием», будь то ядерное или космическое.

Концепция нового политического мышления в международных отношениях, выдвинутая XXVII съездом КПСС, органически связана и со стратегией ускорения, с перестройкой всей нашей жизни. Это со всей силой было подчеркнуто в речи М. С. Горбачева на московском форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества»: «Наша международная политика более, чем когда-либо, определяется политикой внутренней, нашей заинтересованностью в том, чтобы сосредоточиться на созидательной работе по совершенствованию своей страны. Именно поэтому нам нужны прочный мир, предсказуемость и конструктивная направленность международных отношений».

Катастрофическое расточительство ресурсов человечества, не говоря уже об угрозе уничтожения всего живого в результате термоядерного конфликта, превращает в поистине общечеловеческую поставленную съездом нашей партии задачу достижения к 2000 г. безъядерного мира. Советский Союз предлагает достигнуть его путем принятия таких конкретных и безотлагательных мер, как полное уничтожение ядерных арсеналов до конца текущего

столетия, недопущение вывода любого оружия в космос, полное запрещение испытаний ядерного оружия, запрещение создания новых видов оружия массового уничтожения, запрещение химического оружия и уничтожение его запасов, снижение уровней обычных вооружений и вооруженных сил.

Для руководства и народа нашей страны перестройка и разоружение — это не просто словесные декларации, это основа политики, это практическая задача, решения которой и партия и народ последовательно добиваются.

Вместе с тем события истекшего года подтвердили глубокую обоснованность вывода, сделанного XXVII съездом КПСС, относительно агрессивного характера империализма. Будучи не в силах предложить народам мирную историческую альтернативу, отвечающую интересам всех, реакционные империалистические круги нагнетают милитаристский психоз, который, по их замыслу, может заморозить исторический прогресс, помочь им сохранить экономическую и политическую власть. Более того, они тешат себя надеждой, пусть даже иллюзорной, помешать осуществлению планов Советского Союза, сбить его с курса XXVII съезда, затормозить развитие социалистических стран, удержать их в путях гонки вооружений. Приверженность Вашингтона и НАТО в целом милитаристским доктринам служит главной причиной того, почему процесс оздоровления международного климата идет так трудно.

В этих условиях нельзя рассчитывать на легкость пути к безъядерному миру. Было бы близорукостью не замечать и того, что наряду с попытками реакционных кругов «переиграть» в свою пользу историю, за истекший год все убыстряющимися темпами шел процесс накопления сил антивоенным движением. Свидетельством этого стали успех форума «За безъядерный мир, за выживание человечества» и высочайшая оценка речи на нем М. С. Горбачева, которому аплодировали не только его участники, но и весь мир.

Только официальные представители рейгановской администрации да некоторые ее союзники делают вид, что не произошло ничего особенного, но и они на фоне горячего энтузиазма, с которым были встречены итоги форума и выступление советского руководителя, вынуждены обещать, что тщательно изучат его. «Попытки Запада представить международный форум Москве пропагандистским трюком не соответствуют реальности, — пишет падногерманская газета «Нойе Рур-цайтунг». — Тот, кто предпринимает такие попытки, не учитывает изменений, которые стали действительностью в результате политики М. С. Горбачева». Выступление М. С. Горбачева расценено во всем мире как мощная поддержка всем тем, кто решительно борется за предотвращение гонки вооружений в космосе и прекращение ее на Земле.

Перипетии международной жизни после XXVII съезда КПСС вновь и вновь говорят о том, что обеспечение безопасности даже отдельно взятой страны — дело общее. С помощью односторонних акций силового давления его не добиться. Конкретные дела, расчищающие путь к доверию, — вот рациональное решение этой жизненно важной для человечества проблемы. Поступая так, советские люди руководствуются утвержденной съездом Программой КПСС, в которой заявлено: «Защитить и упрочить мир, обуздать силы агрессии и милитаризма во имя жизни нынешнего и грядущих поколений — нет более высокой и ответственной миссии. Мир без войн, без оружия — идеал социализма».

Большинство стран мира, в том числе азиатские страны, глубоко осознают опасность ядерной войны и поэтому тверды в своем стремлении

проявить новое политическое мышление в решении проблем международных отношений, и прежде всего в вопросе войны и мира, что было продемонстрировано на 41-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. На этой сессии предложение социалистических стран о создании всеобъемлющей системы международной безопасности было принято делегациями более 100 государств, только США и Франция проголосовали против. Резолюция о принятии мер против милитаризации космоса получила 154 голоса «за», только США воздержались.

Азиатско-тихоокеанский регион в силу различных причин занимает особое место в мировой политике. От мира и безопасности в Азии во многом зависит общая ситуация на нашей планете. Несмотря на сложность и противоречивость обстановки в азиатско-тихоокеанском регионе, здесь все более крепнет потенциал сил мира и здравомыслия. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в последнее время выдвинут целый ряд важных предложений и инициатив, направленных на обеспечение мира и безопасности в этом регионе. Поддержку широкой мировой общественности снискали важные предложения о создании в Азии всеобъемлющей системы международной безопасности, выдвинутые М. С. Горбачевым во Владивостоке, Делийская декларация о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира, другие важные инициативы и практические усилия, имеющие огромное международное значение.

Азиатско-тихоокеанский регион становится районом, где находит практическое воплощение идея создания безъядерных зон.

Азиатско-тихоокеанское направление внешней политики Советского Союза является составной частью международной деятельности КПСС и Советского государства. Заботой о длительном мире и безопасности, интересами упрочения мира в Азии и во всем мире пронизаны действия СССР на всем протяжении его 70-летней истории. В Советском Союзе исходят из того, что безопасность в Азии может строиться на таких началах, как отказ от применения силы в отношениях между государствами; уважение суверенитета и неприкосновенность границ; невмешательство во внутренние дела; широкое развитие экономического и иного сотрудничества на основе полного равноправия и взаимной выгоды; признание и строгое соблюдение права каждого народа распоряжаться своей судьбой; недопустимость аннексии территории путем агрессии; урегулирование всех международных споров мирными средствами; утверждение неотъемлемого права каждого народа на суверенное владение своими природными ресурсами и осуществление социально-экономических преобразований. Советская концепция безопасности в Азии была значительно обогащена предложением XXVII съезда КПСС о включении этого обширного региона в общий процесс создания основ всеобъемлющей системы международной безопасности, идеей комплексного подхода к проблеме безопасности в Азии и возможным объединением усилий азиатских государств в этом направлении. Именно эти цели преследуют предложения советской стороны по вопросам развития равноправного, открытого для всех сотрудничества в Азии и бассейне Тихого океана, содержащиеся в Заявлении Советского правительства (апрель 1986 г.), развернутые соображения и конкретные предложения по вопросам международной безопасности и мирного взаимодействия государств в азиатско-тихоокеанском регионе, изложенные в речи М. С. Горбачева во Владивостоке и включающие положения об ускорении решения вопросов регионального урегулирования, начала переговоров о сокращении активности на Тихом океане военных флотов, радикальном сокращении вооруженных сил и обычных вооружений в Азии, переводе в практическую плоскость

обсуждения мер доверия и неприменения силы в регионе.

К сожалению, добрая воля Советского Союза не всегда находит понимание на Западе. Заявление Советского правительства о решении прекратить мораторий на ядерные испытания с 1 января 1987 г. — это вынужденная мера, диктуемая исключительно интересами безопасности. Наша страна остается убежденным сторонником полного прекращения всех ядерных испытаний как важнейшей первоочередной меры достижения главной цели — сдерживания гонки ядерных вооружений, их последующей ликвидации.

И это понятно. Прекратить ядерные взрывы — значит остановить процесс модернизации ядерных систем, создания все новых, более опасных видов оружия массового уничтожения. Разорвав эту зловещую цепочку, можно остановить гонку вооружений, повернуть ее вспять, перейти к ликвидации ядерных арсеналов. Вот почему советский мораторий был первым важным (не на словах, а на деле) шагом в этом направлении, проявлением нового мышления, которое положено в основу советской программы ликвидации ядерного оружия к 2000 г.

Как же отвечают на советскую инициативу Соединенные Штаты? Ведь к ним прежде всего обращены советские призывы, которые, помимо всего, являются еще и примером новой дипломатии, соответствующей нынешним реалиям.

Увы, ядерный воз Вашингтона и ныне на старом месте. Испытания на полигоне в Неваде продолжают, а из-за океана слышатся в их оправдание все те же фальшивые аргументы. То США, дескать, «отстали от СССР» и вынуждены «восстанавливать равновесие», то им не подходит «контроль», то без дальнейших испытаний «заржавеют» их ядерные арсеналы и, не дай бог, «прохудятся». Эти и прочие надуманные доводы мы слышим изо дня в день, но ни разу не было сказано и слова правды. А заключается она в том, что, наращивая испытания, Вашингтон продолжает делать ставку на достижение военного превосходства над СССР, в частности путем создания космического оружия первого удара.

В последнее время это стало особенно очевидным. Администрация Рейкьявика пытается ликвидировать «эффект» Рейкьявика. Все ее действия не оставляют сомнения в том, что она всю старается сейчас «забыть» тот факт, то за столом переговоров в исландской столице вопрос о запрещении ядерных испытаний рассматривался как один из важнейших. Что ж, и в этом видится своя логика: ведь отношение к ядерным взрывам — экзамен правительств на историческую зрелость. Это испытание на соответствие слов и дел.

Отсюда напрашивается важный вывод — мировая общественность должна сконцентрировать свое внимание на обструкционистских действиях Вашингтона.

Наша концепция взаимной безопасности, предусматривающая совместный поиск путей обеспечения мира в Азии на основе объединения усилий всех государств континента, с учетом опыта, накопленного самими азиатскими странами и государствами других континентов, — хорошая основа для углубления взаимопонимания и сотрудничества между государствами Азии, установления в этом регионе прочного мира. Советский Союз выступает за активизацию поиска путей обеспечения в этом регионе мира и безопасности с участием всех азиатских государств, создания атмосферы, способствующей развитию отношений дружбы и двустороннего сотрудничества на региональном уровне.

В недавнем совместном советско-индонезийском заявлении подчеркивалось, что Советский Союз и Индонезия, подтверждая свою позицию в поль-

зу превращения Индийского океана в зону мира, призвали к скорейшему созыву международной конференции по этому вопросу, работа которой должна быть начата не позднее 1988 г. Они поддержали идею создания безъядерных зон в различных частях планеты, рассматривая их как важный шаг в интересах международного мира и безопасности. Они также приветствовали установление в южной части Тихого океана зоны, свободной от ядерного оружия.

Советский Союз — за последовательный подход в пользу политического урегулирования в Юго-Восточной Азии. Его заинтересованность в обеспечении в этом районе мира и стабильности подтверждает твердое намерение и далее вести линию на укрепление и развитие дружественных отношений с государствами — членами АСЕАН. Советский Союз приветствует возрастающую роль движения неприсоединения как влиятельной силы, активно выступающей за принятие мер по обеспечению всеобщего мира и безопасности и создание нового международного экономического порядка. Он также придает большое значение решениям, принятым VIII Конференцией глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Хараре. Советский Союз выступает за перестройку международных экономических отношений на справедливой и демократической основе и установление нового международного экономического порядка.

В современной международной обстановке все более важными и неотложными становятся задачи нормализации международных экономических отношений, утверждения чуждого всякой дискриминации торгово-экономического и научно-технического сотрудничества. Учитывая тесную взаимосвязь между разоружением и социально-экономическим развитием, Советский Союз считает необходимым переключение ресурсов, расходуемых ныне на военные нужды, на социально-экономическое развитие, в том числе оказание помощи развивающимся странам.

«Опыт истории,— подчеркивал М. С. Горбачев в речи во Владивостоке,— законы растущей взаимозависимости, интеграционные запросы экономики настраивают на поиск путей к согласию, налаживанию открытых связей между государствами внутри региона и за его пределами». Советский Союз в своей внешней политике в азиатско-тихоокеанском регионе исходит из признания и понимания существующих в этом районе реальностей. При этом важно подчеркнуть, что СССР не претендует на какие-то привилегии и особое положение, не предпринимает попыток укрепить свою безопасность за чужой счет, не навязывает свои идеи, не ищет выгоды в ущерб другим. Сотрудничество при полном уважении законных интересов других стран, право народов жить по собственному выбору — вот чем руководствуется Советский Союз. Такое сотрудничество и мирное взаимодействие не ущемляют и не могут ущемить независимости и самостоятельности стран и народов при решении своих собственных проблем, при формировании их внутренней и внешней политики. Правящие круги США, некоторых союзных им государств пытаются изобразить мирные советские инициативы, касаются ли они региональных проблем мира и добрососедства в азиатско-тихоокеанском районе или таких, как запрещение и ликвидация к концу нынешнего века ядерного оружия, как отвечающие только интересам СССР, сознательно искажают и скрывают тот факт, что советские предложения проистекают из глубокой озабоченности за судьбы всего мира, за судьбы человечества. Советскому Союзу — азиатской и тихоокеанской державе — близки и понятны сложные проблемы этого региона. Их справедливые решения отвечают интересам не только других азиатско-тихоокеанских государств, но и Советского Союза.

Ныне международная обстановка остается по-прежнему сложной и напряженной. На пути к тому, чтобы принципы мирного сосуществования прочно вошли в практику отношений между государствами различных общественно-экономических систем, на пути к ядерному разоружению и созданию безопасного мира предстоит разобрать многочисленные искусственно нагроможденные завалы. Ситуация осложняется тем, что силы реакции, враги мира и прогресса отнюдь не сложили оружия, не отказались от своих авантюристических замыслов. Отсюда — необходимость высочайшей бдительности, твердости и хладнокровия в отстаивании завоеваний социализма, в борьбе за сохранение мира на Земле.

Достаточно четко прослеживающееся стремление определенных империалистических кругов перенести решение исторического спора между капитализмом и социализмом в сферу военного противоборства — убедительное свидетельство дальнейшего углубления общего кризиса последней в истории антагонистической формации, ее неспособности справиться с нарастающими внутренними трудностями и противоречиями. Империализм, прежде всего американский, продолжает цепляться за политику, которая целиком принадлежит прошлому, не отвечает реалиям ядерно-космического века. Ставка снова делается на достижение военно-стратегического превосходства над социализмом. Вынашиваются далеко идущие планы восстановления позиций, утраченных в последние семь десятилетий, взятия социального реванша в мировом масштабе. Причем тот факт, что их реализация будет сопровождаться усилением угрозы гибели человеческой цивилизации, просто не принимается в расчет.

Однако в капиталистических странах ориентация на силовой перелом хода истории не является единственной. Правящие круги ряда государств, том числе и входящих в НАТО, будучи тесно связаны с монополистической олигархией США классовыми узами, тем не менее не склонны всегда и во всем слепо следовать в фарватере Вашингтона. Многие из размышляющих политиков в Западной Европе, да и в других регионах все ближе подходят к пониманию того, что военные решения сложнейших проблем международной жизни — опаснейшая химера, не что иное, как самообман, путь, неизбежно ведущий в ядерную пропасть. Попытки Вашингтона втянуть прямо или косвенно своих союзников по блокам в различные региональные конфликты, настойчивое стремление Белого дома заставить их свернуть торгово-экономические связи со странами социализма все чаще вызывают раздражение и протест, нежелание жертвовать своими национальными интересами в угоду корыстным и эгоистическим устремлениям американского монополистического капитала.

В рамках политики «неоглобализма» Соединенные Штаты поддерживают и сохраняют очаги напряженности в отношениях между странами азиатско-тихоокеанского региона, пытаются использовать конфликтные ситуации вокруг Кампучии и Афганистана для подключения АСЕАН к реализации военно-стратегических планов Вашингтона, для усиления вмешательства в дела стран региона в форме военной и иной поддержки разного рода контрреволюционных, антиправительственных сепаратистских сил, укрывающихся на территории соседних государств. Откровенно проводится политика дискриминации и различного рода санкций в отношении государств, не устраивающих по той или иной причине Соединенные Штаты. Даже на своего союзника по АНЗЮС — Новую Зеландию — Белый дом обрушивается грубо и бесцеремонно, оказывает давление с целью заставить ее отказаться от антиядерного курса. Такие действия выглядят особенно вызывающими и саморазоблачительными именно сейчас, когда открываются перспективы оздо-

рования обстановки в азиатско-тихоокеанском регионе.

Ныне без преувеличения можно сказать, что вся мировая политика вращается вокруг широкомасштабных, имеющих поистине историческое значение инициатив, выдвинутых Советским Союзом.

Миротворческая политика Советского Союза — политика многоплановая, разворачивающаяся сейчас, как говорится, по всем азимутам. Возрастающее значение в ней приобретает и азиатско-тихоокеанский регион, что было подчеркнуто на XXVII съезде КПСС. Внимание к этому региону нашло свое воплощение во владивостокской речи М. С. Горбачева, где он выдвинул широкую программу укрепления безопасности и сотрудничества в Азии и бассейне Тихого океана. Новый практический шаг в том же направлении — состоявшаяся в марте поездка Э. А. Шеварднадзе в Австралию, Индонезию, Кампучию, Лаос и Вьетнам.

В азиатско-тихоокеанском районе, как и повсюду в мире, СССР стремится к тому, чтобы конфронтационный подход был заменен иным, общечеловеческим подходом, основанным на осознании взаимосвязи всех проблем и взаимозависимости всех государств. «К международным проблемам,— говорится в Обращении ЦК КПСС к советскому народу,— мы подходим реалистически, руководствуясь новым политическим мышлением».

Вместе с другими социалистическими странами наша страна ведет мощное, непрерывно нарастающее наступление во имя мира на Земле, во имя избавления человечества от угрозы ядерной катастрофы. Легких побед в такой борьбе нет и не может быть. Наша партия никогда не питала и не питает на этот счет каких-либо иллюзий. Тем более она далека от завышенной оценки достигнутого, прежде всего в области создания безъядерного мира, обуздания гонки вооружений. Реальности жизни таковы, что практического прогресса в этом деле пока достигнуть не удалось из-за сопротивления сил империалистической реакции. Однако благодаря усилиям Советского Союза открылись новые, гораздо более широкие перспективы движения в данном направлении.

Это с особой силой проявилось в период, когда советский народ, широкие круги мировой общественности отмечали годовщину со времени выдвижения советской комплексной программы ликвидации ядерного оружия к 2000 г.

Если под этим углом зрения оценивать итоги и перспективы усиливающегося движения за обуздание ядерной опасности, то совершенно очевидно, что странам социализма, всем миролюбивым силам удалось значительно нарастить мощь мирного наступления, поднять на качественно новую ступень сам уровень борьбы за ликвидацию ядерного оружия. Поборники войны и гонки вооружений уже почувствовали на себе мощь этого мирного наступления. Вот почему они вынуждены прибегать ко все более изощренным маневрам и неприкрытой демагогии, всячески изворачиваться, стремясь оправдать свою обструкционистскую политику. Но в той же степени, в какой обнажается вся безрассудность и бесплодность их линии, возрастает и мощное давление миролюбивых сил, требующих покончить с ядерной угрозой. Борьба за создание безъядерного мира стала мощным движением современности.

Руководствуясь ленинскими идеями, решениями XXVII съезда партии, советский народ ведет последовательную и целеустремленную борьбу за то, чтобы над нашей планетой зарделась заря безъядерного века, чтобы все люди Земли могли спокойно смотреть в свое будущее, не чувствуя над собой угрозу дамоклова меча ядерного самоуничтожения. В этом цель и смысл внешней политики КПСС и Советского государства.

В. Н. ФЕДОТОВ,
кандидат исторических наук

Реальности ядерной эпохи выдвинули вопросы разоружения и ограничения вооружений в ряд первоочередных задач современности. XXVII съезд КПСС подчеркнул, что решение мировых проблем, таких, как охрана окружающей среды, энергетическая, сырьевая, продовольственная, демографическая, мирное освоение космоса и богатств Мирового океана, преодоление экономического отставания многих освободившихся стран, также «будет существенно облегчено, если прекратится растрачивание сил и средств на гонку вооружений»¹.

Объективным требованиям времени в полной мере отвечает концепция нового политического мышления, которую отстаивают на международной арене Советский Союз и другие социалистические страны. Активная позиция СССР в борьбе за мир, конкретные и всеобъемлющие предложения по вопросам разоружения, в первую очередь крупномасштабные инициативы, сформулированные Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым в Заявлении от 15 января 1986 г. и на встрече в Рейкьявике, получили позитивный отклик на всех континентах. Очевидно, однако, что в мире, где сегодня сосуществуют пять ядерных держав и целый ряд государств располагает крупными вооруженными силами и потенциальной возможностью в короткое время оснастить их ядерным оружием, вопросы разоружения не могут быть решены волей и действиями лишь одной страны. В этой связи представляет большой интерес подход к актуальным проблемам разоружения других стран. В числе первых — КНР, государства с более чем миллиардным населением, располагающего ядерным оружием, средствами его доставки различных классов и многочисленной армией.

Говоря на XXVII съезде КПСС об отношениях СССР с Китаем, М. С. Горбачев отметил «возможность во многих случаях работать совместно, взаимодействовать на равноправной и принципиальной основе, не в ущерб третьим странам»². В этом плане весьма перспективными представляются вопросы разоружения и ограничения вооружений, подход Китая к которым в последнее время претерпел определенные изменения и несколько приблизился к позициям СССР и стран социалистического содружества. Следует отметить, что в настоящее время линия КНР в области разоружения в целом ряде случаев также совпадает с позициями Движения неприсоединения и продолжает эволюционировать в данном направлении в рамках принципов «независимой и самостоятельной» внешней политики, «подлинного неприсоединения к союзам», провозглашенных на XII съезде КПК и в последующих выступлениях китайских руководителей.

В последние годы в Китае пошли на корректировку подходов к основополагающей проблеме войны и мира. Во время встречи с бывшим премьер-министром Японии Фукудой в апреле 1986 г. Дэн Сяопин сказал: «Раньше мы говорили, что война неизбежна, а теперь мы отказались от такой точки

зрения. Судя по тенденции развития международной обстановки, мир может быть завоеван». При этом он подчеркнул, что Китай «одобряет разоружение»³.

В течение 1986 г., провозглашенного ООН Международным годом мира, китайское руководство осуществило целую серию мероприятий, призванных подтвердить, что именно «борьба за мир является главной целью внешней политики КНР». Это, в частности, нашло отражение в перспективных планах КНР, где, как утверждается, основной акцент будет сделан на развитии экономики и повышении благосостояния народа, а не на приобретении новейших вооружений. На это прямо указал лидерам западноевропейских стран Ху Яобан во время своей поездки по странам Западной Европы в июне 1986 г.⁴ К аналогичным выводам в результате анализа внешнеторговой практики КНР приходят и западные наблюдатели⁵.

В осторожных выражениях китайские представители отреагировали на Заявление М. С. Горбачева от 15 января 1986 г., отметив, что в нем «содержится кое-что новое» и что его следует внимательно изучить⁶.

В общей форме Китай выступает за продолжение советско-американских контактов на высшем уровне, считая, что они «будут способствовать укреплению мира во всем мире», хотя и выражает определенный скептицизм в отношении возможности достижения в ходе таких контактов крупных договоренностей в ближайший период. При этом отмечается, что КНР исходит из того, что «вести переговоры в целом лучше, чем их не вести, возможность достижения соглашения по некоторым вопросам в целом лучше, чем полный тупик, возможность некоторого сокращения ядерного оружия в целом лучше, чем его новое наращивание»⁷. Нельзя не отметить, что эта позиция по своему существу перекликается с гибкой тактикой Советского Союза на переговорах с Соединенными Штатами.

В целом реакция КНР на встречу в Рейкьявике была позитивной. И премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян в интервью мексиканской газете «Эксельсиор», и представитель МИД КНР на пресс-брифинге в Пекине выступали с позиций того, что «диалог лучше, чем конфронтация»⁸. В откликах на Рейкьявик из Китая также ясно прозвучала мысль о том, что в деле защиты мира во всем мире народы различных стран должны опираться прежде всего на свои действия, активнее включаться в борьбу, не уповая лишь на советско-американские переговоры.⁹ В Пекине негативно отреагировали на решение администрации США нарушить договор ОСВ-2, указали при этом на обеспокоенность западноевропейских стран подобными действиями Вашингтона.

С начала 80-х гг. определенно наметился поворот в сторону активизации позиции КНР по вопросам разоружения и ограничения вооружений. С одной стороны, в Пекине стали более внимательно изучать состояние данного вопроса и его различные аспекты, международный опыт обсуждения проблем разоружения, инициативы и проекты других стран, а с другой стороны, китайские представители возобновили практику участия в важных международных форумах, посвященных проблемам разоружения, начали все более смело формулировать свои подходы к отдельным вопросам, выступать с проектами и предложениями.

Уже в выдвинутом в мае 1979 г. предложении о компонентах программы комплексного разоружения содержалось немало позитивных моментов, свидетельствовавших о начавшемся в Китае процессе выработки нового подхода к задачам разоружения. К числу несомненных позитивных моментов этого первого крупного программного выступления Пекина по данной проблеме можно отнести требования полного запрещения химического и бактериологического оружия, ликвидации военных баз на иностранных территориях, предложения о создании зон мира и уважении их статуса¹⁰.

В феврале 1980 г. КНР впервые направила представителя для участия в работе женевского Комитета по разоружению, который выступил там с предложением о принципах разоружения. В июне 1980 г. Китаем было внесено первое развернутое предложение по конкретной проблеме разоружения — основному содержанию Конвенции о запрещении химического оружия. А в июле того же года китайский наблюдатель впервые принял участие в работе Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях.

Дальнейшее развитие позиции КНР по вопросам разоружения связано с ее подготовкой и активным участием в июне 1982 г. во 2-й специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН), посвященной разоружению. Возглавлявший китайскую делегацию министр иностранных дел Хуан Хуа выступил с несколькими противоречивой, но достаточно широкой программой из шести пунктов, сделал акцент на необходимости принятия всеми ядерными государствами безусловных обязательств «не применять ядерное оружие против безъядерных государств или районов, свободных от ядерного оружия, и не применять такое оружие первыми друг против друга в любое время при любых обстоятельствах». Он отметил, что правительство КНР уже взяло на себя такие обязательства¹¹.

Необходимо отметить, что к данной сессии и Советское правительство приняло важное обязательство об отказе от применения ядерного оружия первым. Этот крупный шаг реально сблизил подходы СССР и КНР в борьбе за запрещение ядерного оружия, оказал благоприятное воздействие на укрепление безопасности в Азии, поскольку обе ядерные державы данного континента дали публичные обязательства не применять ядерное оружие первыми.

В числе сформулированных в речи Хуан Хуа перспективных инициатив следует также упомянуть предложение об одновременном прекращении СССР и США ядерных испытаний, совершенствования и производства ядерного оружия и предложение о сокращении на 50 % всех типов ядерных вооружений этих двух стран и средств их доставки.

Выдвинутое в 1983 г. на 38-й сессии ГА ООН новое комплексное предложение КНР по вопросам разоружения наметило этапный подход к решению проблемы ликвидации ядерного оружия более однозначно, чем предыдущие проекты, предусматривало совместное сокращение ядерных вооружений всех стран после предварительного 50-процентного сокращения ядерных сил СССР и США.

Китай все более определенно высказывается за запрещение испытаний ядерного оружия, но тесно увязывает его с процессом ядерного разоружения в целом, рассматривая запрещение испытаний как составную часть ядерного разоружения, поскольку «само по себе запрещение испытаний не способно остановить гонку вооружений»¹². Такой подход был вновь подтвержден в интервью члена Политбюро и Секретариата ЦК КПК Цяо Ши газете «Аванти!» в апреле 1986 г., в котором он на вопрос о том, готова ли КНР согласиться при определенных условиях на запрещение ядерных испытаний, ответил, что благоприятная атмосфера для полного запрещения испытаний ядерных вооружений будет создана только после того, как США и СССР «первыми запретят испытания, производство и размещение ядерного оружия, провозгласив соответствующий мораторий, и возьмут на себя обязательство запретить ядерные вооружения всех видов»¹³. Важно то, что советско-американский мораторий рассматривается здесь в качестве первого шага на пути запрещения ядерных испытаний. Такой подход нашел отражение в политике КНР. В период действия советского моратория на ядерные взрывы КНР, не присоединившись к нему формально, фактически заняла равнозначную позицию, не проводя ядерных испытаний. К этому следует добавить, что общественность Китая

настроена в пользу запрещения испытаний ядерного оружия, о чем, в частности, свидетельствуют демонстрации студентов-уйгуров в Пекине в декабре 1985 г. с требованием прекратить испытания в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

Хотя Китай и не подписал Договор о частичном запрещении испытаний ядерного оружия в 1963 г., к началу 80-х гг. он на практике пришел к соблюдению его ключевого положения о непроведении ядерных взрывов в трех средах. Испытаний в космическом пространстве и под водой КНР никогда не проводила, а в последние годы отказалась и от ядерных взрывов в атмосфере. Официальное заявление на этот счет было сделано в выступлении премьера Госсовета КНР Чжао Цзяна на митинге в Пекине 21 марта 1986 г. в связи с Международным годом мира¹⁴. Таким образом, некоторые важные практические шаги Китая в вопросе о запрещении испытаний ядерного оружия идут в том же направлении, что и получившие широкое международное признание инициативы СССР в данной области.

Что касается Договора о нераспространении ядерного оружия, заключенного в июне 1968 г., то Китай отказывается присоединиться к нему, указывая, что нераспространение должно быть как «горизонтальным», так и «вертикальным», то есть не только неядерные государства не должны приобретать ядерное оружие, но и ядерные государства не должны увеличивать или совершенствовать его. При этом подчеркивается, что «вертикальное» нераспространение является более важным. В докладе на второй сессии ВСНП шестого созыва в 1984 г. Чжао Цзян следующим образом сформулировал политику КНР в этом вопросе: «Китай критически относится к дискриминационному Договору о нераспространении ядерного оружия и отказался присоединиться к нему. Однако Китай ни в коем случае не выступает за распространение ядерного оружия, а также не будет участвовать в таком распространении путем оказания помощи другим странам в развитии их ядерного оружия». Можно вспомнить, что еще в 1965 г. заместитель премьера Госсовета и министр иностранных дел КНР Чэнь И заявил: «Что касается просьб к нам об оказании помощи в создании атомной бомбы, то об этом не может быть и речи»¹⁵.

В 80-е гг. эта позиция была подкреплена конкретными шагами, стала более последовательной. В 1983 г. Китай вступил в члены Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). Одновременно с этим было объявлено, что КНР будет требовать соблюдения гарантий МАГАТЭ в качестве условия для экспорта своих атомных материалов и оборудования в другие страны. Было также заявлено, что Китай гарантирует использование только в мирных целях оборудования и атомного топлива, которое он сам закупает на международном рынке.

На XIX Генеральной конференции МАГАТЭ, состоявшейся в сентябре 1985 г., китайская делегация заявила о намерении правительства КНР поставить часть своих гражданских ядерных установок под контроль МАГАТЭ, заключив с ним соответствующее соглашение. В августе 1986 г. состоялся первый тур переговоров по этому вопросу. В течение 1987 г. МАГАТЭ планирует выработать и согласовать с китайской стороной текст соглашения. Характерно, что незадолго до этого аналогичный шаг сделало советское правительство, подписав соглашение такого рода с МАГАТЭ.

Вскоре после того, как при активном участии СССР на Генеральной конференции МАГАТЭ в 1986 г. были заключены Конвенция о раннем оповещении о ядерных авариях и Конвенция об оказании срочной помощи в случае ядерных аварий, министр атомной промышленности КНР Цзян Синьсюн на 1-й специальной сессии МАГАТЭ в Вене в сентябре 1986 г. от имени правительства Китая дал заверения, что его страна не только подпишет обе конвенции,

но и будет извещать на добровольной основе о ядерных авариях, не подпадающих под положения первой статьи конвенции, но которые будут чреваты радиационными последствиями для других стран.

После того как Китай, подписав в 1973 г. дополнительный протокол II к Договору Тлателолко, поддержал создание безъядерной зоны в Латинской Америке, продолжалось дальнейшее развитие и уточнение позиции КНР в вопросе о безъядерных зонах. Во время переговоров в Китае с премьер-министром Финляндии К. Сорсой в сентябре 1986 г. китайские руководители весьма однозначно выступили в поддержку финской инициативы о создании безъядерной зоны на Севере Европы, высказавшись в том духе, что рассматривают создание таких зон «в качестве средства разоружения». В том же году во время пребывания в Финляндии Е. К. Лигачева были выдвинуты новые важные предложения СССР по ускорению процесса создания безъядерного Севера Европы.

КНР в принципе выступает в поддержку Договора Раротонга о безъядерной зоне в южной части Тихого океана. На пресс-брифинге представитель отдела печати МИД КНР заявил по этому поводу, что «китайское правительство уважает и поддерживает общее стремление стран южной части тихоокеанского региона создать безъядерную зону в южной части Тихого океана для поддержания мира и безопасности в этом районе мира»¹⁶. 10 февраля 1987 г. посол КНР от имени китайского правительства подписал в столице Фиджи городе Сува, где расположена штаб-квартира Южно-Тихоокеанского форума, протоколы 2 и 3 к Договору Раротонга, поддержав таким образом на практике стремление стран данного региона к превращению южной части Тихого океана в безъядерную зону. Несколько ранее, 15 декабря 1986 г., аналогичный шаг предприняло Советское правительство. Следовательно, и в этом вопросе СССР и КНР действуют фактически параллельно.

С 1982 г. китайские представители на международных форумах последовательно выступают против милитаризации космоса и перенесения гонки вооружений в космическое пространство¹⁷. В развернутом виде китайская позиция по данному вопросу была сформулирована в «рабочем документе», внесенном делегацией КНР на Женевской конференции по разоружению в марте 1985 г. Этот документ, названный Основной позицией КНР по вопросу о предотвращении гонки вооружений в космическом пространстве, предлагал рассматривать данный вопрос в качестве «приоритетного пункта повестки дня Конференции по разоружению», содержал важные требования «запрещения разработки, испытаний, производства, размещения и применения любых видов космического оружия и полного уничтожения всех космических вооружений». В документе содержалось компромиссное предложение «оставить на рассмотрение и разрешение в подходящее время в будущем» вопрос об ограничении и запрещении военных спутников, поскольку не все страны выражают готовность пойти на это в настоящее время¹⁸. Сбалансированный и реалистичный характер документа вызвал позитивную реакцию большинства участников конференции, что позволило КНР на очередной 40-й сессии ГА ООН осенью 1985 г. внести составленный на основе этого документа проект резолюции о предотвращении гонки вооружений в космосе.

В Пекине постоянно демонстрируют свою негативную реакцию на американскую Программу перенесения гонки вооружений в космос. 19 сентября 1986 г. радио Пекина в комментарии на эту тему выступило с предостережением о том, что «результатом попыток создания и совершенствования ядерного щита может стать война». В комментарии агентства Синьхуа от 5 декабря 1986 г. отмечалось, что программа «звездных войн» вызывает широкие опасения в мире. В прессе публикуются материалы, подчеркивающие «жизненно необхо-

димось предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве»¹⁹.

Пекин принял и ряд конкретных мер в подкрепление своей позиции по мирному освоению космоса. В 1983 г. Китай подписал Договор о принципах, регулирующих деятельность государств в освоении и использовании космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. В феврале 1986 г. китайский представитель в Комитете ООН по использованию космического пространства в мирных целях заявил о готовности КНР «поставить на международный рынок китайские ракеты-носители «Чанчжэн-2» и «Чанчжэн-3» с тем, чтобы внести вклад в развитие международного сотрудничества по космосу, в освоение и использование космического пространства»²⁰. В настоящее время Китай сотрудничает в области мирного освоения космоса как с западными странами — США, Францией, ФРГ, Италией, Англией, Канадой, — так и с некоторыми развивающимися государствами — Бразилией, Таиландом, Индией. КНР выражает твердое намерение расширять и укреплять сотрудничество и обмена в сфере космической науки и техники с различными странами мира на основе равенства и взаимной выгоды²¹.

Шаги в аналогичном направлении уже давно предпринимаются и Советским Союзом. Наша страна активно развивает связи в деле освоения космоса как с социалистическими государствами в рамках программы «Интеркосмос», так и с западными и развивающимися странами. Сотрудничество ведется широким фронтом, охватывая область научно-технического взаимодействия, совместную подготовку космонавтов и использование советской ракетно-космической техники. Советская инициатива о создании Центра космических полетов для развивающихся стран на территории Индии, выдвинутая во время визита М. С. Горбачева в эту страну, и предложение о запусках советскими носителями иностранных космических объектов на основе коммерческих контрактов, сформулированное в ответах Председателя Совета Министров СССР Н. И. Рыжкова на вопросы корреспондента ТАСС, исходят из неизменного стремления Советского Союза продвигать вперед дело мирного освоения космоса в условиях международного сотрудничества²². Позиция Советского Союза открывает широкие перспективы взаимовыгодного и равноправного взаимодействия в области космических исследований со всеми странами мира, и в том числе с КНР, занимающей по данному вопросу сходную позицию.

Как уже отмечалось, вопрос о запрещении химического оружия был одним из первых в ряду проблем разоружения, по которому Китай занял активную позицию. Следует отметить, что она носит весьма последовательный характер, так же как и в вопросе о запрещении и ликвидации бактериологического оружия. Уже в 1952 г. правительство КНР заявило, что будет придерживаться Женевского протокола 1925 г. о запрещении применения во время войны удушающих, отравляющих и других газов и бактериологических средств ведения войны, если другие участники будут делать то же самое.

В КНР весьма определенно высказываются по вопросу о химическом оружии, подчеркивают, что оно «является вторым самым смертоносным оружием после ядерного... страшным оружием — ненавистным и бесчеловечным», указывают на «необходимость как можно быстрее запретить химическое оружие»²³. В Пекине отрицательно отнеслись к решению президента Рейгана о возобновлении производства химического оружия и развертывании бинарных боеприпасов. В специальном комментарии редактора международного отдела «Бэйцзин ревью» по данному вопросу подчеркивалось, что «решение президента Рейгана идет вразрез с волей народов и мы выступаем против него... мы поддерживаем подписание международного соглашения о полном запрещении и уничтожении химического оружия путем запрета применения, производства, развития, размещения и накопления химического оружия любого вида»²⁴. В

последующий период вплоть до настоящего времени КНР продолжает последовательно выступать за скорейшее завершение переговоров на эту тему и заключение Международной конвенции о запрещении и уничтожении химического оружия. Как по объемам запретов, так и по методам контроля китайские предложения и проекты в основных положениях заметно ближе к советским позициям, чем к западным.

В 1984 г. КНР подписала Международную конвенцию 1972 г. о запрещении разработки, производства и складирования бактериологического (биологического) и токсинного оружия и его ликвидации. В послании министра иностранных дел КНР У Сюэцяня госсекретарю США Дж. Шульцу по этому поводу отмечалось, что следует и далее укреплять режим запрещения бактериологического оружия, а для этого желательно устранить в конвенции 1972 г. ряд недостатков, выражающихся в отсутствии «конкретных и эффективных мер наблюдения и контроля» за ее выполнением и «точных условий запрещения применения бактериологического оружия». На II Конференции по рассмотрению действия данной конвенции, прошедшей в сентябре 1986 г. в Женеве, впервые присутствовала китайская делегация и выступила с позиций строгого соблюдения всех запретов, наложенных конвенцией.

Все большее внимание в Пекине в последние годы уделяют проблеме сокращения обычных вооружений. В выступлении Чжао Цзыяна на митинге в Пекине 21 марта 1986 г. содержалось положение о «необходимости резкого сокращения обычных вооружений»²⁵. Хотя в предложениях китайской стороны, сформулированных на 40-й сессии ГА ООН в 1985 г., речь шла лишь о вооруженных силах НАТО и Организации Варшавского Договора, Китай дал понять, что и сам не останется в стороне. 4 июня 1985 г. председатель Центрального военного совета КНР Дэн Сяопин объявил о решении китайского правительства сократить в 1986 г. численность Народно-освободительной армии Китая на 1 млн. человек. Это решение было мотивировано желанием «сконцентрировать усилия на экономическом развитии, с тем чтобы превратиться в мощную современную социалистическую страну»²⁶.

Разумеется, нельзя переоценивать значение этого шага, поскольку сокращение охватывает полувоенные формирования и «немодернизированные» воинские части, отказ от которых практически не снижает боевых возможностей китайской армии, непомерно разбухшей в 60-е и первой половине 70-х гг. Тем не менее сама постановка вопроса об органической связи ядерного и обычного разоружения, готовность к практическим шагам в данном направлении перекликаются с подходами и инициативами социалистических государств. В частности, в Обращении государств — участников Варшавского Договора к государствам — членам НАТО, принятом на совещании Политического консультативного комитета Организации Варшавского Договора в Будапеште в июне 1986 г., содержатся сходные предложения о сокращении на 1 млн. человек армий обоих блоков в Европе. Причем, одновременно с обычными вооружениями страны Варшавского Договора предлагают сократить и оперативно-тактические ядерные средства.

28 апреля 1986 г. в письме, направленном генеральному секретарю ООН от имени китайской делегации, впервые была всесторонне изложена основная позиция правительства КНР в вопросе о контроле над процессом разоружения²⁷. Это был важный шаг, поскольку в течение длительного времени китайская сторона не формулировала своего конкретного подхода к мерам контроля, занимаясь в основном осторожным зондажем и изучением позиций других стран. Из числа изложенных принципиальных установок можно выделить требование увязки мер международной проверки с мерами контроля самих государств и положение о недопустимости вмешательства под предлогом контроля во

внутренние дела стран, готовых принять участие в процессе разоружения. Такой подход представляется конструктивным, направленным на достижение практических соглашений. Он заметно отличается от американских маневров вокруг вопросов контроля.

В своем выступлении 21 марта 1986 г. Чжао Цзыян вновь подчеркнул, что «в целях практического осуществления сокращения вооружений в соглашениях о разоружении должны быть предусмотрены необходимые эффективные меры проверки». Заинтересованность КНР в рациональных мерах контроля и строгом соблюдении соглашений о разоружении является фактором, реально сближающим позиции Китая и СССР в этом сложном вопросе.

1986 г. — Международный год мира — ознаменовался крупными советскими инициативами в области разоружения, особое место среди которых занимает Заявление М. С. Горбачева от 15 января 1986 г., в котором была сформулирована программа освобождения человечества от ядерного оружия до конца нынешнего столетия. Масштабные предложения, направленные на достижение практических договоренностей между СССР и США о сокращении ядерных вооружений, были внесены Генеральным секретарем ЦК КПСС во время его встречи с президентом Р. Рейганом в Рейкьявике в октябре 1986 г.

Китай также не пожелал оставаться в стороне от важных международных усилий в борьбе за мир и разоружение, тем более что к началу 1986 г. КНР уже выработала достаточно стабильные подходы к большинству ключевых проблем разоружения, а по ряду направлений сформулировала развернутые позиции, рассмотренные нами выше. В сжатой тезисной форме основное содержание китайской политики в вопросах разоружения было изложено в речи Чжао Цзыяна по случаю Международного года мира 21 марта 1986 г. В большинстве положений, касающихся ядерных, космических, химических и обычных вооружений, а также принципов разоружения, подходы КНР перекликались с советскими инициативами, изложенными в Заявлении М. С. Горбачева от 15 января 1986 г. Чжао Цзыян сказал, что Китай «поддерживает любые предложения, которые действительно содействуют разоружению, и вместе с другими странами готов продолжать усилия по обеспечению подлинного прогресса в области разоружения»²⁸.

После 21 марта позиция КНР по вопросам разоружения продолжала развиваться с учетом взглядов других стран и объективных реальностей, существующих в мире. 6 мая 1986 г. китайский представитель в Комиссии ООН по разоружению изложил новые подходы Пекина к вопросам сокращения военных бюджетов и выработки мер доверия. КНР призвала все стороны к гибкости в решении сложной проблемы сокращения военных расходов и выразила готовность активно включиться в работу по выработке соглашения на этот счет. В качестве руководящих принципов для достижения договоренностей о мерах доверия китайский представитель предложил «пять принципов» отношений между странами, которые применяются во внешней политике КНР (взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, отказ от агрессии, невмешательство во внутренние дела других стран, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование). Китайская сторона также внесла предложение решать проблемы формулирования мер доверия консенсусом, создавая таким образом с самого начала атмосферу взаимного доверия.

26 июня того же года на пленарном заседании Конференции по разоружению глава китайской делегации изложил в обновленной редакции позицию КНР относительно участия всех ядерных держав в процессе ядерного разоружения. В соответствии с ней после прекращения испытаний ядерного оружия в СССР и США и значительного сокращения ядерных арсеналов этих стран «может быть проведена широкая представительная международная конференция с

участием всех стран, обладающих ядерным оружием, для обсуждения мер дальнейшего ядерного разоружения и тщательного уничтожения ядерных вооружений». Причем, и это немаловажно, подготовительная работа к такой конференции могла бы начаться, как только СССР и США смогут достичь существенного прогресса в деле ядерного разоружения.

Активность КНР в обсуждении вопросов разоружения, а также отмеченные позитивные тенденции и корректировки постепенно формируют новый весомый фактор внешнеполитической стратегии Китая. Расширяется сфера международных контактов и консультаций по вопросам разоружения, в которых участвует китайская сторона, при этом, помимо международных форумов и организаций, такая работа все более регулярно ведется по линии двусторонних отношений Китая с другими странами.

Советский Союз проявляет заинтересованность в обмене мнениями с китайской стороной по актуальным вопросам борьбы за разоружение и ознакомлении ее с подходами и позициями СССР по данной группе проблем. В июле 1986 г. начальник Управления по проблемам ограничения вооружений и разоружения МИД СССР В. П. Карпов провел в Пекине консультации по вопросу о предотвращении гонки вооружений в космическом пространстве и другим проблемам разоружения²⁹. В ноябре того же года в КНР находился советский специальный представитель посол Л. А. Мастерков, возглавляющий одну из групп на советско-американских переговорах в Женеве. Он проинформировал китайскую сторону об итогах шестого раунда советско-американских переговоров по ядерным и космическим вооружениям³⁰. Регулярно проводятся консультации по международным вопросам на уровне заместителей министров иностранных дел, на которых проходит обмен мнениями и информацией по широкому кругу актуальных международных проблем.

Возрастающий интерес КНР к вопросам разоружения отмечен и на Западе, где в последнее время предпринимаются меры к тому, чтобы по ключевым вопросам разоружения Китай занял прозападные позиции. В октябре 1985 г. китайский представитель был приглашен на II Конференцию Социалистического интернационала по разоружению, в ходе которой состоялись его встречи с директором Агентства по контролю над вооружениями и разоружению США Эделманом и руководителями делегаций многих западноевропейских стран³¹. США оказывают Китаю содействие в подготовке специалистов по широкому кругу вопросов разоружения. Важную роль в этом играет Стэнфордский университет и функционирующий на его базе Центр изучения проблем международной безопасности и контроля над вооружениями, который, помимо подготовки стажеров из КНР, стремится привлекать к совместным разработкам видных китайских ученых-обществоведов. По линии научно-технического обмена китайской стороне передаются многочисленные документы и данные, касающиеся изучения проблем контроля над вооружениями. В отдельных случаях, как это было после Заявления от 15 января 1986 г., в Пекин направляют специальных представителей американского правительства для разъяснения китайскому руководству подходов США к ключевым проблемам разоружения.

Развиваются контакты по этой линии и с другими западными странами. В июне 1986 г. во время визита в ФРГ Генерального секретаря ЦК КПК была достигнута договоренность о проведении в будущем регулярных консультаций по проблемам разоружения и контроля над вооружениями³².

Все более широкое обсуждение проблем разоружения с зарубежными партнерами оказывает заметное влияние на формулирование китайской позиции, делает ее более объективной и реалистичной, усиливает готовность и способность китайской стороны при выработке своих проектов в области разоружения и ограничения вооружений учитывать взгляды и интересы других стран, высту-

пать с компромиссных позиций, приемлемых для большинства членов мирового сообщества. Это особенно четко проявилось в ходе 41-й сессии ГА ООН осенью 1986 г.

На сессии китайские представители заняли активную позицию в вопросах разоружения. Предложения КНР были сформулированы с достаточной осмотрительностью, с учетом подходов других сторон, облечены в форму жизнеспособных проектов и получили широкую поддержку, прежде всего со стороны социалистических и развивающихся государств. Это вызвало удовлетворение в Пекине, где постоянно подчеркивали, что китайские проекты «правильно отражают настоятельные и конкретные требования мирового сообщества, особенно малых и средних государств»³³. Линия КНР в вопросах разоружения на 41-й сессии характеризовалась комплексностью подхода и стремлением сформулировать широкомасштабные предложения, соответствующие по своему значению месту Китая в современной международной жизни.

Китайские представители внесли в Первом комитете ГА ООН три взаимосвязанных, но не объединенных в «пакет» проекта резолюций: о предотвращении гонки вооружений в космическом пространстве, о ядерном разоружении и о разоружении, касающемся обычных вооружений.

Проект резолюции о предотвращении гонки вооружений в космическом пространстве носил наиболее сбалансированный и заверченный характер. Последовательный курс Пекина на запрещение милитаризации космоса привел к заметному сближению позиций Китая и СССР в этом вопросе, и китайский проект совпадал с нашим практически во всех принципиальных положениях. Как и на 40-й сессии ГА ООН, Китай не стал доводить свой проект резолюции по космосу до голосования и после обсуждения в Первом комитете снял его, с тем чтобы на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи сконцентрировать внимание на поддержке проекта неприсоединившихся стран.

В проектах о ядерных и обычных вооружениях были зафиксированы некоторые важные положения, получившие в последнее время международное признание. В них отмечалось, что «эффективные меры ядерного разоружения и предотвращение ядерной войны имеют первоочередное значение»³⁴, что «конечной целью ядерного разоружения является полная ликвидация ядерного оружия»³⁵, «ресурсы, высвобождаемые в результате разоружения, в том числе и в области обычных вооружений, могут быть использованы в целях социально-экономического развития народов всех стран, особенно развивающихся»³⁶. Большое значение придавалось вопросу о взаимосвязи между разоружением и развитием, указывалось на необходимость проведения в ближайшем будущем на эту тему международной конференции, которая была охарактеризована как «исключительно важная»³⁷.

В Проекте о ядерном разоружении выражена поддержка того положения из Совместного заявления СССР и США в Женеве от 21 ноября 1985 г., которое подчеркивает, что «ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней не может быть победителей». Отмечается «выраженное в том же заявлении общее стремление к скорейшему достижению прогресса в областях, где имеются точки соприкосновения, включая надлежащее применение принципа 50-процентного сокращения ядерных вооружений Советского Союза и Соединенных Штатов»³⁸. В положительном плане упомянуты двусторонние советско-американские переговоры по различным вопросам разоружения.

В Проекте резолюции о разоружении, касающемся обычных вооружений, закреплено характерное для китайской позиции требование того, чтобы «все государства» учитывали «необходимость защиты своей безопасности и сохранения необходимых оборонных потенциалов»³⁹.

Оба проекта опираются на принципиальные установки об «особой ответ-

ственности» СССР и США — двух стран, обладающих самыми крупными военными потенциалами, и о том, что разоружение в области обычных вооружений «должно осуществляться параллельно с ядерным разоружением», поскольку «эти два вопроса взаимосвязаны и влияют друг на друга»⁴⁰.

Как в речи министра иностранных дел КНР У Сюецяня на 41-й сессии ГА ООН, так и в проектах резолюций нашли отражение требования Китая, чтобы «никакие переговоры и соглашения по разоружению между крупными ядерными державами не ставили под угрозу интересы других стран», положения о том, что «двусторонние и многосторонние усилия по ядерному разоружению должны дополнять и содействовать друг другу», а также намерения придать Конференции по разоружению и другим структурам ООН более важную роль в процессе переговоров по разоружению⁴¹. Стремление китайской стороны расширить рамки переговоров по различным аспектам разоружения, придать им более универсальный характер отвечает объективным требованиям международной жизни, глобальному характеру процесса борьбы за мир и разоружение и не противоречит, а, напротив, идет в одном направлении с магистральным курсом внешней политики СССР.

В работе над своими проектами в ходе сессии ГА ООН китайская дипломатия продемонстрировала возросшую гибкость и готовность к международному сотрудничеству, внося в них значительное количество дополнений и корректив. К моменту голосования на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи в ноябре 1986 г. оба проекта в достаточной степени учитывали взгляды и подходы основных заинтересованных сторон. В итоге впервые китайский Проект резолюции о ядерном разоружении был принят консенсусом, а Проект, касающийся обычных вооружений, прошел 125 голосами при 2 воздержавшихся.

Советская делегация на 41-й сессии ГА ООН поддержала китайское предложение о введении своего рода химического моратория, то есть отказа от производства и передачи химического оружия на весь период до заключения новой всеобъемлющей конвенции о его запрещении и уничтожении.

Всего в ходе сессии по различным резолюциям, затрагивающим проблемы разоружения, китайская делегация 29 раз голосовала одинаково с СССР, в 4 случаях одинаково и с СССР, и с США, лишь в 5 случаях одинаково с США и в 12 — отлично и от СССР, и от США⁴². Китайский представитель вместе с большинством делегатов от развивающихся стран проголосовал на сессии за Проект резолюции социалистических государств по созданию всеобъемлющей системы международной безопасности. Советская и китайская делегации одинаково проголосовали по таким важным вопросам, как предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве, запрещение применения ядерного оружия, климатические последствия ядерной войны, запрещение разработки, производства новых видов оружия массового уничтожения и новых систем такого оружия, запрещение химического и бактериологического оружия, запрещение разработки, производства, накопления запасов и применения радиологического оружия, меры по укреплению доверия и безопасности, разоружение в области обычных вооружений и многим другим.

Ход и итоги обсуждения проблем разоружения на сессии показали, что позиция Китая по большинству направлений продолжает отличаться от политики США в ООН. Заметно стремление Пекина в общем плане ориентироваться на линию неприсоединившихся стран при сохранении полной самостоятельности в формулировании проектов и голосовании. Принципиальное совпадение интересов и целей социалистических и неприсоединившихся стран в вопросах борьбы за мир и разоружение объективно сближают подходы КНР с позициями социалистического содружества в данной сфере. К этому же китайскую сторону подводит и весь ход борьбы вокруг данных проблем на международной арене.

41-я сессия ГА ООН показала, что по многим вопросам разоружения КНР уже сейчас могла бы выступать совместно или на параллельных курсах с СССР и странами социалистического содружества.

Однако это, разумеется, не означает полного единства взглядов и отсутствия расхождений по тем или иным конкретным вопросам. Прежде всего нельзя согласиться с тезисом Пекина о равной ответственности СССР и США за усиление напряженности и наращивание вооружений в мире, с попытками поставить при обсуждении международных проблем на одну доску известную всему миру миролюбивую политику СССР и милитаристский курс правящих кругов США. О том, что в Китае не отказались пока от такого подхода свидетельствует, в частности, уже упоминавшееся интервью Чжао Цзыяна мексиканской газете «Эксельсиор», выступление у Сюэцяня на 41-й сессии ГА ООН, а также публикации китайской прессы⁴³.

Подход КНР к вопросу о ракетах средней дальности, изложенный в выступлениях китайских представителей на 41-й сессии, предполагает сокращение и ликвидацию «одновременно и сбалансированным образом» всех «ракет средней дальности действия, размещенных Советским Союзом или Соединенными Штатам как в Европе, так и в Азии»⁴⁴. Несмотря на стремление продемонстрировать объективистский подход к советско-американской дискуссии в этом вопросе, китайская позиция все же ближе к американской, поскольку исключает из зоны сокращения территорию США, охватывая в полной мере лишь советские ракеты. Однако и такой подход не помешал китайской стороне в целом позитивно воспринять новую советскую инициативу о заключении отдельного соглашения по ракетам среднего радиуса действия, выдвинутую М. С. Горбачевым 28 февраля⁴⁵.

Выступая по основным позициям за международное сотрудничество в мирном освоении космоса, китайская сторона не поддерживает предложение СССР о создании Всемирной космической организации. 41-я сессия показала, что КНР, как и западные страны, продолжает маневрировать в вопросе о прекращении испытаний ядерного оружия, не проявляя готовности к полному отказу от них в настоящее время. У китайской стороны также появилась тенденция к увязке проблем разоружения с некоторыми региональными конфликтами, к оценке которых КНР подходит иначе, чем Советский Союз, что также в известной мере играет на руку Западу.

Эти и некоторые другие разногласия не носят характера неразрешимых противоречий, а проистекают из расхождений в позициях по тем или иным конкретным вопросам.

Возрастающее внимание в Китае к вопросам мира и обеспечения безопасности, разоружения, а также постоянное развитие и совершенствование позиции Советского Союза по всему комплексу проблем разоружения объективно расширяют области соприкосновения позиций наших двух стран, создают реальную почву для полезного и конструктивного диалога СССР и КНР в вопросах борьбы за мир и разоружение.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 178.

² Там же, с. 72.

³ «Жэньминь жибао», 24.IV.1986.

⁴ In: «Xinhua News Bulletin», 12.VI.1986.

⁵ In: «Le Monde», 20.II.1986.

⁶ См.: «Жэньминь жибао», 19.I.1986.

⁷ «Ляован», 1986, № 50.

- ⁸ «Жэньминь жибао», 8.XII.1986; «Шицзе чжиши», 1986, № 22.
⁹ «Жэньминь жибао», 15.X.1986.
¹⁰ См. там же, 17.V.1979.
¹¹ См. там же, 12.VI.1982.
¹² «Beijing Review», 27.V.1985.
¹³ «Avanti!», 23.IV.1986.
¹⁴ См.: «Жэньминь жибао», 22.III.1986.
¹⁵ «Beijing Review», 27.V.1985.
¹⁶ «Жэньминь жибао», 15.X.1985.
¹⁷ См.: «Жэньминь жибао», 7.VIII.1982, «Xinhua News Bulletin», 12.VIII.1982.
¹⁸ In: UN/CD/579, 19.III.1985.
¹⁹ «Beijing Review», 27.V.1985.
²⁰ «Xinhua News Bulletin», 14.II.1986.
²¹ Ibid.
²² См.: «Правда», 6.I.1987.
²³ «Beijing Review», 27.V.1985.
²⁴ Ibid., 3.V.1982.
²⁵ «Жэньминь жибао», 22.III.1986.
²⁶ UN/A/40/411, p. 2.
²⁷ In: «Xinhua News Bulletin», 29.IV.1986.
²⁸ «Жэньминь жибао», 22.III.1986.
²⁹ См.: «Известия», 25.VII.1986.
³⁰ См. там же, 29.XI.1986.
³¹ См.: «Правда», 18.X.1985.
³² In: «Xinhua News Bulletin», 14.VI.1986.
³³ «China Daily», 26.XII.1986.
³⁴ UN/A/c. 1/41/ L. 29, p. 2.
³⁵ UN/A/c. 1/41/ L. 28, p. 1.
³⁶ UN/A/c. 1/41/ L. 29, p. 2.
³⁷ UN/A/c. 1/41/ PV. 7, p. 23.
³⁸ UN/A/c. 1/41/ L. 28, p. 2.
³⁹ UN/A/c. 1/41/ L. 29, p. 2.
⁴⁰ UN/A/c. 1/41/ 7, p. 18.
⁴¹ UN/A/c. 1/41/ PV. 8, p. 43—54; «Жэньминь жибао», 4.II.1987.
⁴² Из подсчета исключены 22 резолюции по вопросам разоружения, принятые Генеральной Ассамблеей ООН консенсусом.
⁴³ См., например: «Шицзе чжиши», 1986, № 8; «China Daily», 26.XII.1986.
⁴⁴ UN/A/c. 1/41/PV. 7, p. 18.
⁴⁵ См.: «Жэньминь жибао», 2, 3. III.1987.

А. М. КРУГЛОВ,
кандидат экономических наук

В настоящее время сельская промышленность — самый динамичный, быстро растущий сектор китайской экономики. Это — отражение наиболее характерной черты экономического развития страны и одновременно одного из проявлений глубоких социально-экономических изменений, вызванных осуществлением хозяйственной реформы в китайской деревне.

В китайской печати термин «сельская промышленность» получил распространение лишь в последние годы, особенно с 1985 г.¹

Сельская промышленность в Китае в виде кустарно-ремесленных производств имеет длительную историю. После образования КНР она переживала периоды спада и подъема, например, в годы «большого скачка» и создания народных сельскохозяйственных коммун. С передачей административной власти волостям решением ЦК КПК и Госсовета КНР в марте 1984 г. предприятия коммун и бригад² соответственно стали предприятиями волостей и деревень. В статистико-экономическую литературу они вошли как «поселково-волостные предприятия». Помимо предприятий волостей и деревень (то есть бывших предприятий коммун и бригад), они включают также предприятия, созданные различного рода кооперативами, объединениями крестьянских дворов и отдельными дворами (то есть разнообразные «семейные» фабрики и заводы, представляющие по существу мастерские кустарного типа). В последние годы к ним добавились различного рода производственные объединения межволостного и даже уездного и выше масштаба, а также образованные совместно с государственными крупными предприятиями и т. п.

В 80-е гг. происходит рост производства сельской промышленности. Стоимость ее валовой продукции по данным ГСУ КНР возросла с 72 млрд. юаней в 1980 г. до 330 млрд. юаней в 1986 г. Среднегодовые темпы прироста валовой продукции сельской промышленности в шестой пятилетке (1981—1985) в 2,5 раза превысили аналогичные показатели промышленности страны в целом. Впервые по объему реализации сельская промышленность превзошла сельское хозяйство (включая сельские подсобные промыслы). Тем самым, как отмечают в Китае, был досрочно достигнут уровень, предусмотренный проектом седьмого пятилетнего плана на 1990 год.

В сельской промышленности (свыше 12 млн. предприятий) занято 76 млн. человек, что составляет 20 % от общего числа рабочих рук в деревне. Таким образом, развитие сельской промышленности помогает решать проблему избыточной рабочей силы в сельском хозяйстве, которая имеет место в связи с обусловленным хозяйственной реформой переходом к семейному (дворовому) подряду и связанным с этим повышением производительности труда. По данным китайских исследователей, с 1978 г., когда началась реформа, по 1985 г. продукция с каждого гектара возросла почти на 50 %³. По подсчетам, высвобождающееся в ходе реформы избыточное сельское население к концу столетия должно составить 30—40 % рабочей силы в деревне, т. е. приблизительно 200—300 млн. человек. Как следует из тех же расчетов, земледелие, с учетом модернизации, в состоянии поглотить не более 30 % рабочей силы деревни, совокупная способность животноводства, лесоводства и рыбоводства не превышает 20 %, городов и горнодобывающих районов — 10 %. Для остальных же 40 % избыточного населения, то есть примерно 100 млн. человек, как подчеркивается в китайской печати, невозможно разрешить проблему путем создания государством рабочих мест в городах. Единственный путь, позволяющий смягчить

демографическое давление на города, да и на само сельское хозяйство, — создание миллионов новых рабочих мест в деревнях и мелких сельских поселках, то есть всемерное развитие сельской промышленности. В КНР за тридцать лет число рабочих мест в крупной промышленности городов увеличилось на 80 млн., а в поселково-волостных предприятиях сельской промышленности — более чем на 70 млн. человек за последние пять-шесть лет.

Предпринятые государством меры по реализации этого курса явились одной из причин, обусловивших высокие темпы развития сельской промышленности. Так, на протяжении последних лет 50 % средств, предназначенных на поддержание сельского хозяйства, государство направляло на развитие предприятий сельской промышленности. Кроме того, вновь создаваемые предприятия освобождались на 2—3 года от уплаты налогов, что означало сокращение налоговых поступлений ежегодно более чем на 2 млрд. юаней.

Однако основным фактором, обусловившим быстрые темпы и широкие масштабы развития сельской промышленности в Китае в последние годы, по-видимому, следует считать политику в отношении деревни, направленную на использование ее ресурсов, в том числе средств крестьян, на оказание помощи в развитии сельского хозяйства.

На Всекитайском совещании по сельскому хозяйству в марте 1985 г. заместитель премьера Госсовета КНР Вань Ли указывал на необходимость «трезво видеть, что страна еще остается довольно бедной и отсталой, и что в ближайшие годы государство не сможет значительно увеличить инвестиции в сельское хозяйство»⁴. В связи с этим заместитель премьера отметил как серьезную проблему «недооценку развития сельской промышленности» и высказался за «поощрение различных форм использования личных средств и накоплений крестьян»⁵. Это прямо вытекает из установки, содержащейся в докладе Чжао Цзыяна на второй сессии ВСНП шестого созыва в мае 1984 г. Подчеркнув, что «главная проблема сводится к тому, что перед Китаем стоит задача развернуть широкое экономическое строительство, а средств не хватает», премьер Госсовета призвал сельское население «вкладывать финансово-материальные средства в строительство мелких топливно-энергетических, транспортных и других объектов». Иными словами, курс в отношении сельских мелких промышленных предприятий, определенный решениями 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г. о реформе в деревне, полностью сохраняется и в настоящее время, после переноса центра тяжести в осуществлении хозяйственной реформы на городскую крупную промышленность.

В докладе на третьей сессии ВСНП в марте 1985 г. Чжао Цзыян, отметив важность в развитии промышленности переноса акцента на оживление деятельности крупных предприятий, в то же время подчеркнул необходимость «и впредь интенсивно развивать в деревне строительство мелких предприятий по переработке сельскохозяйственных продуктов, мелких рудников, шахт и гидроэлектростанций, мелких предприятий строительной промышленности и т. п., а также предприятий сферы бытового обслуживания и транспорта»⁶. Не случайно в китайской печати подчеркивается, что всемерное развитие сельской промышленности в настоящее время составляет основное содержание «второго шага в осуществлении экономической реформы в деревне».

Итак, курс на всемерное развитие сельской промышленности преследует цель создать и использовать этот источник капиталовложений для модернизации сельского хозяйства в условиях, когда «государство в ближайшие годы не сможет значительно увеличивать инвестиции» в эту отрасль народного хозяйства. По официальным данным, из общей суммы капиталовложений на нужды развития сельского хозяйства государство выделит лишь около 20 %, основная тяжесть финансирования возлагается на собственно сельский сектор, причем ведущая роль отводится сельской промышленности. Ее значение тем более очевидно, что как считают китайские экономисты, «проблема накоплений самим сельским хозяйством страны трудноразрешима». По их подсчетам, капиталовложения в осуществление механизации 1 му (1/15 га) пахотной земли должны находиться в пределах от 300 до 500 юаней. Это означает, что общая сумма капиталовложений в масштабах всей страны должна составить 750 млрд. юаней (из расчета 1,5 млрд. му пахотной земли). Коэффициент же накопления в сельском хозяйстве на современном уровне его развития невелик. Так,

накопления в расчете на 1 му полей в одной из наиболее благополучных провинций — Цзянсу — в 70-е гг. не превышали 11 юаней.

В соответствии с отмеченным выше курсом, за годы шестой пятилетки (1981—1985) на нужды развития сельского хозяйства из прибылей предприятий сельской промышленности было отчислено 9,05 млрд. юаней. В ряде мест это превысило государственные капиталовложения в сельскохозяйственное производство. В течение этих лет еще 30,7 млрд. юаней были выделены этими предприятиями для пополнения фондов благосостояния волостей, деревень и поселков. Кстати, поселки в сельской местности в значительной мере развиваются теперь за счет отчислений от прибылей предприятий сельской промышленности.

Выделяемые сельской промышленностью средства направляются не только в помощь сельскому хозяйству, но все в больших масштабах вкладываются в развитие инфраструктуры страны. Так, во второй половине 1986 г. в провинции Хэйлуцзян в строй вступил первый в стране речной порт, построенный на средства сельских предприятий.

Иными словами, сельскую промышленность по существу уже можно рассматривать как важный источник финансовых поступлений государства. Сумма внесенных государству налогов за годы шестой пятилетки превысила 39 млрд. юаней (причем только за 1985 г. она составила 13,7 млрд. юаней), что составило 7,5 % всех финансовых поступлений страны.

Все в больших масштабах используется продукция предприятий сельской промышленности для получения иностранной валюты. В 1985 г. объем ее экспорта достиг 4 млрд. ам. долл., в 1986 г. сельские предприятия дали 10 % валютной выручки страны.

Хотя в последние годы все больший размах приобретают кредиты Сельскохозяйственного банка на цели развития сельской промышленности (по данным на конец 1986 г. общая сумма кредитов составила 51,4 млрд. юаней), однако вплоть до настоящего времени главную роль в создании основных фондов предприятий в сельской местности играют индивидуальные капиталовложения крестьян, а также объединенные капиталовложения крестьянских дворов, снабженческо-сбытовых и других кооперативов, то есть коллективные. Все большее распространение получает создание предприятий сельской промышленности на базе паевого капитала акционерного типа.

В качестве образцового примера развития сельской промышленности за счет использования средств крестьянских дворов китайская печать широко пропагандирует так называемую модель Вэньчжоу — района в провинции Чжэцзян, включающего город того же названия и девять прилегающих уездов. К концу 1985 г. в районе насчитывалось 107 тыс. «семейных фабрик», как индивидуальных, так и созданных объединенными крестьянскими дворами. По сути дела, это является распространением системы семейной (дворовой) ответственности за рамки сельского хозяйства. Примером создания в деревне предприятий на паевом капитале акционерного типа может служить фабрика поливинилхлоридной пряжи в уезде Цанъань. Она была построена в 1982 г., и первоначальная сумма капиталовложений была собрана примерно в 100 деревнях. Во второй половине 1986 г. размер капиталовложений возрос до 390 млн. юаней, в том числе за счет выпуска и продажи 55 акций по номинальной цене 2 тыс. юаней каждая. Среди держателей акций есть лица, имеющие по три акции, а бывает и так, что одной акцией владеют четыре человека. По предварительным данным, каждая акция принесла помимо 2 % в месяц дивиденд в размере 1 тыс. юаней (норма прибыли сохранялась на уровне 1985 г.). Годовая стоимость продукции, выпущенной фабрикой, достигла 3 млн. юаней. Планируется, чтобы по крайней мере один член каждой из 550 семей этой деревни работал на фабрике.

Возрастает роль сельской промышленности в производстве важнейших видов продукции. В конце 1985 г. на ее долю приходилось около половины производства фосфорных удобрений, свыше трех четвертей мелких сельскохозяйственных орудий, более одной шестой ядохимикатов. Сельская промышленность уже вышла за рамки удовлетворения потребностей лишь сельскохозяйственного производства и сельского населения. Ее продукция составляет ныне более 10 % общего объема, выпускаемой легкой промышленностью страны. Это треть производимой в стране одежды, пятая часть текстильных изделий, три четверти обуви. Сельская промышленность выпускает также более половины стройматериалов, на ее шахтах добывается 28 % угля, причём из

230 млн. т годового прироста добычи на долю сельской промышленности пришлось 140 млн. т то есть более 60 %.

Как отмечалось в циркуляре ЦК КПК о работе в деревне (июнь 1984 г.), «значительное число мелких предприятий в сельской местности являются вспомогательной силой, без которой не может обойтись крупная промышленность городов». Так, пекинский завод стиральных машин получает 98 % деталей некоторых видов продукции от предприятий в пригородных сельских районах. В Шанхае на них приходится более 60 % производства готовой одежды и швейных изделий и 30 % деталей велосипедов некоторых марок, выпускаемых крупными заводами. В районах Пекина, Шанхая и Тяньцзиня 80 % доходов предприятия сельской промышленности получают от выполнения заказов крупной городской промышленности на изготовление деталей. Подобная же ситуация наблюдается в топливно-энергетических отраслях сельской промышленности, особенно в угольной, где большая часть добычи используется на нужды крупных предприятий⁸. Это нашло отражение и в отраслевой структуре сельской промышленности. По нашим подсчетам, удельный вес в стоимости валовой продукции составляет: машиностроения — 26 %, производства стройматериалов — 18 %, текстильной, швейной и кожевенной — 18 %, химической — 9 %, пищевой — 8 %, угольной — 5 %, бумажной — 4 %, металлургии — 2 %, производства электроэнергии — около 1 % и т. д.

Как показывают приведенные цифры, переработка сельскохозяйственной продукции, которая, казалось бы, должна составлять одно из основных направлений сельской промышленности, занимает незначительное место. И напротив, ведущее положение — за машиностроением. Как отмечалось выше, это объясняется тем, что сельской промышленности отводится роль совокупного подрядчика крупной современной промышленности. Она дополняет плановое централизованное промышленное производство. Как свидетельствует опыт упоминавшегося выше пекинского завода стиральных машин, использование сельской промышленности позволило, не расширяя заводских корпусов и не привлекая дополнительной рабочей силы, за последние пять лет увеличить объем производства в 30 раз, а прибыль — в 50 раз.

Опыт осуществления реформы экономической системы в городах свидетельствует о двойственном влиянии ее на развитие сельской промышленности. С одной стороны, предоставление хозяйственной самостоятельности городским предприятиям, превращение их в хозрасчетные единицы, в основном ориентирующиеся на рыночную конъюнктуру, бросает вызов сельской промышленности, означает усиление конкурентной борьбы. С другой стороны, углубление реформы в городах сопровождается все более тесным переплетением производственно-экономических связей с сельской промышленностью, все более устойчивой и глубокой координацией производительных сил. По определению китайских экономистов, происходит «постепенное распространение производительных сил города на деревню», представляющее собой «стратегическое мероприятие по развитию экономических связей города и деревни». Речь идет уже не о спорадическом выполнении сельской промышленностью заказов городских предприятий, а о своего рода производственно-хозяйственной кооперации.

В упоминавшемся выше выступлении заместителя премьера Вань Ли отмечается, что на основе получившего распространение по всей стране опыта пекинского завода стиральных машин и ряда других крупных государственных предприятий ЦК КПК и Госсовет КНР определили курс развития экономики, при котором города, осуществляя руководство уездами, играют стержневую роль. Им придается важное значение в развитии разделения труда между городом и деревней. Таким образом, в отличие от прошлых лет, например, периода создания сельских народных коммун, взят курс на урбанизацию деревни.

Одновременно этот курс предполагает ограничение масштабов развития крупных городов и всемерное развитие мелких городов и поселков в сельской местности. В принятом на 6-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва решении «по некоторым вопросам ускорения развития сельского хозяйства», в частности, указывалось: «Для скорейшего изменения облика деревни необходимо ускорить строительство мелких поселков с использованием современной промышленности, транспорта, связи, торговли, сферы обслуживания, а также науки, культуры и образования... Задача трудноосуществима, если рассчитывать только на государственные силы и средства;

главной опорой должны стать предприятия сельской промышленности». Как подчеркивалось в журнале «Хунци», такие мелкие поселки должны стать политическими, экономическими и культурными центрами в сельской местности. Основу их должны составлять предприятия сельской промышленности, а источником роста их населения — окрестные деревни. Это могут быть как покинувшие сельское хозяйство жители, так и лица, совмещающие сельскохозяйственный труд с работой на сельских предприятиях⁹. За годы шестой пятилетки число мелких городов и поселков в сельской местности возросло с 2600 до 6600. Что же касается мелких сельских поселков, по определению китайской печати, «не входящих в организационную административную структуру», то их число, как отметил в цитированном уже выступлении Вань Ли, превысило 50 тысяч.

Быстрый рост поселков отмечается прежде всего в районах, прилегающих к крупным и средним городам. Это связано с предоставлением городской промышленностью сельским предприятиям сырья, техники, рынка сбыта, технической информации и т. д. «В отношении небольшого числа районов, располагающих сетью крупных и средних городов, можно говорить о возможности процветания поселков, — подчеркивается в китайской печати, — в отношении же прочих районов такого сказать нельзя»¹⁰.

Практика развития сельской промышленности породила большое многообразие форм предприятий. Например, в последние годы все большее распространение получает создание предприятий на базе паевого капитала акционерного типа, а также за счет отчисления от прибылей уже действующих предприятий сельской промышленности, путем слияния или объединения так называемых «семейных заводов» (мастерских), специализированных крестьянских дворов и т. д. В связи с этим приобретает актуальность вопрос о характере собственности предприятий сельской промышленности.

К настоящему времени в китайской литературе доминирует точка зрения, что ведомственная принадлежность этих предприятий не распространяется на право собственности. Например, «волостные предприятия», то есть созданные волостями, не являются их собственностью. Вместе с тем, они не являются собственностью рабочих и служащих данного предприятия или администрации компетентных органов волостей или деревень. Главным и определяющим в характере этих предприятий по-прежнему остается то, что основные фонды представляют собой коллективные капиталы бывших коммун (или больших производственных бригад). Предприятия находятся в совместной собственности всех крестьян данной административной единицы — волости или деревни — и представляют, таким образом, органическую часть коллективной экономики сельской местности, осуществляющую хозяйствование по принципу территориального подчинения.

Основной костяк рабочей силы, занятой в сельской промышленности, составляют сельские жители, входившие ранее в состав производственных бригад. Значительная часть этого контингента продолжает трудиться по месту жительства, на них не распространяется система централизованного снабжения зерном и пищевым маслом. В период страды они, как правило, возвращаются к сельскохозяйственному труду.

В силу этого большинство китайских исследователей склонны относить их к категории «и рабочий, и крестьянин»¹¹.

Китайская печать признает, что за показателями высоких темпов развития сельской промышленности скрываются определенные, порою довольно серьезные проблемы. Сразу после возникновения большинство этих предприятий вступило в конкурентную борьбу с государственным сектором за источники сырья, рынки сбыта и т. д. Особенно остро эта борьба проявилась в таких отраслях, как табачная, вино-водочная, сахарная, консервная, шелковая, горнорудная и др. По данным обследования Датунского угольного месторождения (провинция Шаньси), крупнейшей угольной базы страны, в 1980 г. самочинно, без разрешения местных властей, было создано 140 мелких шахт коммун и бригад, причем 42 из них находились в серьезном конфликте с крупными государственными шахтами в вопросе о границах участков добычи. Только в течение одного года возникло 15 серьезных инцидентов, нанесших значительный материальный урон крупным шахтам. Примером того, сколь значительным может быть ущерб от сельских предприятий, нанесенный государственной крупной промышленностью, могут служить процессы, происходящие в лег-

кой промышленности. Ежегодные возможности государственных организаций, занятых заготовками шкур крупного рогатого скота, в масштабах страны составляют немногим более 5,5 млн. штук. Однако в 1979 г. они смогли закупить лишь около 4 млн. шкур, остальное количество пришлось на долю огромного числа небольших кожевенных предприятий коммун и бригад. В провинции Цзянсу — основном заготовительном районе — эти предприятия скупали по ценам, немного превышающим государственные закупочные, почти весь запас шкур, обрекая тем самым на голодный паек крупные государственные кожевенные фабрики. К тому же, по признанию китайской печати, из-за крайне низкого технического уровня сельских предприятий качество выделанных кож почти всегда не отвечало стандартам.

Несмотря на предпринимаемые в общегосударственном масштабе меры, серьезной проблемой продолжает оставаться слабая материально-техническая оснащенность предприятий сельской промышленности. По нашим подсчетам, в начале 1985 г. среди собственно промышленных предприятий в среднем лишь каждое второе располагало металлорежущим станком, только одно из восьми имело единицу кузнечно-прессового оборудования. По данным на конец 1986 г. лишь один специалист с техническим образованием приходился на 160 предприятий сельской промышленности¹².

Это предопределяло не только низкое качество продукции предприятий сельской промышленности, но и значительный перерасход энергии и топлива. В расчете на 10 тыс. юаней продукции среднее потребление на предприятиях сельской промышленности составляет 7,7 т условного топлива (а в провинции Нинся и Автономном районе Внутренняя Монголия — 20 т условного топлива), в то время как на государственных предприятиях в городах расходуется 3—5 т.

В условиях установленного с начала 1986 г. строгого контроля над расходом сырья и топлива сельские предприятия оказались в особенно неблагоприятном положении. По данным китайской печати, в провинции Шаньси из-за нехватки горючего были вынуждены прекратить свою деятельность 9,3 тыс. коллективных и индивидуальных транспортных предприятий.

С развитием сельской промышленности возникли новые проблемы. Так, в последние годы широкое распространение получило такое явление, как переход с государственных городских предприятий в сельскую промышленность части технического персонала и квалифицированной рабочей силы, привлеченных возможностью получения дополнительных прибылей в условиях отсутствия жесткой государственной плановой регламентации, ориентации на рыночные отношения, существования дефицита по ряду товаров широкого потребления. Только по данным обследования 17 государственных предприятий Шанхая, за период с января 1984 г. по март 1985 г. работу оставили 130 человек из технического персонала, 65 % из них перешли в сельскую промышленность (а также в коллективные предприятия городов), причем 60 % сделали это, несмотря на отказ в их просьбе об уходе или вообще не ставя об этом в известность.

По мере развития сельской промышленности все более отчетливо проявляется его неравномерность. И в количественном отношении, и по уровню материально-технического оснащения создаваемых предприятий экономически развитые провинции Восточного Китая значительно превосходят районы Северо-Запада страны. К примеру, доходы от деревенских и поселковых предприятий восточных провинций составляют 51,7 % общих доходов от сельской промышленности, в то время как на Северо-Западе их доля всего 2,5 %¹³.

На появление еще одной серьезной проблемы указал на Всекитайской конференции КПК (сентябрь 1985 г.) Чэнь Юнь, подчеркнувший, что «быстрое развитие промышленности в сельской местности подрывает производство зерна. Крестьяне, производящие зерно, теряют в этом заинтересованность, поскольку в условиях неурегулированности цен на него их доходы оказываются меньше, чем у занятых на промышленных и торговых предприятиях». Так, по подсчетам китайских экономистов, в провинции Сычуань эта разница в доходах составила 50—60 %. Иными словами, расширение влияния рыночных сил на сельское хозяйство (как результат направленности реформы в деревне) и стимулирование развития сельской промышленности привели к тому, что многие крестьяне перестали обрабатывать землю и перешли работать на эти предприятия. В структуре возросшего в 1985 г. числа занятых в китайской деревне на долю

сельского хозяйства пришлось лишь 6 %, а сельской промышленности — 94 %¹⁴.

Для смягчения этой проблемы китайские власти в течение последних лет предпринимали ряд мер, в частности, использовали часть прибылей предприятий сельской промышленности для компенсации разницы в доходах крестьян, занимающихся производством зерна и занятых на промышленных и торговых предприятиях. Так, в упоминавшемся районе Сучжоу провинции Цзянсу за три года из прибыли предприятий сельской промышленности было выделено для распределения среди крестьян 280 млн. юаней; в среднем на одного работающего, занятого сельскохозяйственным трудом, это составило примерно 150 юаней, то есть 50 юаней в год. Однако, что эта мера является вынужденной и носит временный характер. Основной тенденцией должно быть повышение экономической эффективности самого сельского хозяйства, ускорение развития производительных сил во всех его отраслях, особенно в земледелии. В «Документе № 1 о работе в деревне» ЦК КПК подчеркивается необходимость «уделить больше внимания обработке земли, в надлежащих масштабах развивать и поощрять крестьянские дворы, специализирующиеся на производстве зерна». В соответствии с этими новыми моментами в политике в отношении сельского хозяйства государство в определенной мере берет на себя часть обязательств предприятий сельской промышленности по финансированию ряда объектов капитального строительства на полях, а также в области снабжения крестьян химическими удобрениями и горючим по льготным ценам. Речь идет, следовательно, о попытках переломить тенденцию, чтобы нынешняя политика индустриализации деревни в высокой степени содействовала производству зерна.

Китайская печать привлекает внимание к еще одной проблеме, обострившейся в последнее время с развитием сельской промышленности, — загрязнению окружающей среды. Как отмечается в «Жэньминь жибао», значительное число предприятий составляют «семейные заводы», представляющие собой по существу жилые помещения, используемые для производственных целей. Оборудование для улавливания ядовитых отходов, как правило, отсутствует. Согласно официальным оценкам, только в 1982 г. в окружающую среду попало 31 млрд. т сточных вод, 41 млн. т загрязненных газов и 400 млн. т промышленных отходов¹⁵. В этой связи китайская печать бьет тревогу по поводу возрастающей угрозы не только окружающей среде, но и здоровью сельского населения¹⁶.

Остались нерешенными пока проблемы на ряде предприятий в результате «непонимания», по выражению китайской печати, местными кадровыми работниками курса в отношении сельской промышленности. В числе осуждаемых методов руководства — попытка разрешить финансовые трудности на местах за счет этих предприятий, сверхнормативное изъятие прибылей, подмена хозяйствования администрированием и т. п. В силу этих, а также других причин, например, слепого, без учета возможностей, развития сельской промышленности, многие предприятия оказались в затруднительном положении, а часть их даже вынуждена прекратить свою деятельность¹⁷.

И, наконец, по признаниям китайской печати, в условиях относительной децентрализации и усиления влияния рыночных сил в развитии сельской промышленности явственно выявилась проблема экономических противозаконных действий. Сообщается, например, что в уезде Шачжоу провинции Цзянсу из общего числа экономических преступлений, выявленных с 1983 г., более 60 % приходится на предприятия сельской промышленности. Подчеркивая серьезность этой проблемы, «Жэньминь жибао» отмечала, что многие из предприятий сельской промышленности лишь номинальны, в лицензии, числились коллективными, а фактически были превращены в предприятия индивидуальной собственности, как это произошло, например, с фабрикой готовой одежды в деревне Сиюань уезда Шачжоу провинции Цзянсу, где директор выплачивал членам бригады, в ведении которой она числилась, 2 тыс. юаней ежегодно в качестве «отступного» с тем, чтобы получить возможность хозяйничать самовольно. В частности, как установлено, он прибегал к таким методам, как получение кредитов без занесения в бухгалтерские счета, что позволило присвоить в общей сложности более 10 тыс. юаней, и т. п.

Итак, как следует из вышеизложенного, развитие сельской промышленности в Китае, происходящее особенно бурными темпами в последние годы, — сложный социально-экономический процесс, в значительной мере определяемый конкретными

объективными условиями страны (невысоким уровнем развития производительных сил, громадным сельским населением, слабостью материально-технической базы и т. п.) и неразрывно связанный с осуществлением реформы экономической системы в деревне и городе.

Для западных исследователей характерна определенная гиперболизация роли и места сельской промышленности в Китае. Некоторые из них рассматривают это в качестве одного из главных критериев так называемой специфической китайской модели экономического развития¹⁸.

Обобщением опыта развития сельской промышленности в Китае может, на наш взгляд, служить выступление в мае 1986 г. министра земледелия, животноводства и лесного хозяйства КНР Хэ Кана, который заявил, что по мере того, как в сельских местностях Китая крестьяне расстаются с землей и переходят на сельские промышленные предприятия, страна идет по пути большей механизации (примерно 70 млн. крестьян уже покинули свою землю). Министр высказался за дифференцированный подход к развитию экономики, когда по-прежнему будет обрабатываться определенный процент земель. По мере же роста хозяйственной деятельности в сельских районах разместится более 10 млн. мелких промышленных предприятий.

Проектом седьмого пятилетнего плана КНР предусматривается, что стоимость валовой продукции сельской промышленности в 1990 г. составит 460 млрд. юаней, то есть возрастет ровно вдвое, причем среднегодовые темпы прироста — 15 % — вдвое превысят аналогичные показатели промышленного производства в стране, а удельный вес превысит треть объема промышленного производства в 1990 г.

Возрастет роль сельских предприятий в экспортной выручке страны: в 1990 г. она составит 8 млрд. ам. долл., то есть увеличится ровно вдвое по сравнению с 1985 г. В то же время количество сельских предприятий, работающих на экспорт, сократится с 8 до 6 тысяч.

Выполнение намеченных проектом седьмого пятилетнего плана заданий будет означать дальнейшее изменение социально-экономического облика китайской деревни. Доля сельского хозяйства в совокупности общественного производства китайского села уменьшится с 57 % в 1985 г. до 51 %, а удельный вес сельской промышленности — увеличится с 42,9 до 49 %.

Таким образом, несмотря на официальное признание некоторых негативных последствий развития сельской промышленности, курс на усиление ее роли и значения в народном хозяйстве страны не только не претерпел изменений, но получил дальнейший импульс в планах на ближайшее пятилетие.

¹ Следует отметить, что в КНР в понятие «сельская промышленность», помимо собственно промышленных, включают строительные, транспортные, торговые предприятия, а также относящиеся к сфере бытовых услуг. Причем, собственно промышленные предприятия занимают доминирующее положение среди перечисленных выше категорий предприятий, составляющих сельскую промышленность. На их долю, например, приходится, по нашим подсчетам, примерно три четверти стоимости валовой продукции сельской промышленности, а также — более двух третей общего числа занятых в сельской промышленности и более половины количества входящих предприятий. В связи с этим, а также в соответствии с дефинициями китайской печати, далее по тексту статьи употребляемый термин «сельская промышленность» охватывает указанные виды предприятий. Термин «сельское хозяйство» включает земледелие, животноводство, лесоводство, рыбоводство и сельские подсобные промыслы.

² На конец 1983 г. насчитывалось 1362 тыс. предприятий коммун и бригад (в том числе 338 тыс. предприятий коммун и 1 024 тыс. — больших производственных бригад), на которых было занято около 32 млн. человек, — примерно 10 % рабочей силы в деревне.

³ На наш взгляд при этом следует учитывать значительную роль таких объективных процессов, как механизация сельского хозяйства. Так, за годы шестой пятилетки количество тракторов в стране увеличилось с 2,6 млн. до 4,6 млн. единиц. По седьмому пятилетнему плану предусматривается ежегодное увеличение тракторного парка страны на 800 тыс. единиц.

⁴ «Жэньминь жибао», 5.III.1985.

⁵ «Хунци», 1985, № 5, с. 2.

⁶ «Жэньминь жибао», 28.III.1985.

⁷ По данным на конец 1986 г. экспортировалось более 2 тыс. видов продукции предприятий сельской промышленности. — «Жэньминь жибао», 14.X.1986.

⁸ Так, 200 мелких шахт в округе Цзиньчжоу провинции Ляонин общей годовой производительностью 1,6 млн. т полностью поставляют добываемый уголь для крупной государственной электростанции.

⁹ «Хунци», 1986, № 13, с. 45.

¹⁰ «Нунье цзинцзи взньти», 1985, № 2, с. 59.

¹¹ К этой же категории китайские экономисты относят значительный контингент крестьян, привлекаемых (как правило, на ротационных началах) к работе на государственных промышленных предприятиях (уездного подчинения и выше). В данном случае, то есть применительно к занятым в сельской промышленности, эта категория рассматривается как переходная. Лица заняты на предприятиях уже постоянно, однако, вместе с тем, не порвали еще окончательно с сельским хозяйством.

¹² См.: «Жэньминь жибао», 24.XI.1986.

¹³ In: «China Reconstructs», 1986, № 10, p. 24.

¹⁴ В том числе занятые на собственно промышленных предприятиях составили 67 %, строительных — 19 %, торговых и сферы бытового обслуживания — 5 %, транспортных — 3 %. См.: «Жэньминь жибао», 13.VIII.1986.

¹⁵ Хотя закон об охране окружающей среды был принят еще в сентябре 1979 г., однако, как отмечает китайская печать, он «не предусматривал никаких конкретных требований, правил соблюдения и ответственности сельских предприятий за нарушения или несоблюдения его».

¹⁶ Например, в уезде Гун провинции Хэнань в результате систематического просачивания сточных вод в 51 колодце (из 157 обследованных) вода оказалась загрязненной, причем в 20—полностью непригодной для питья.

¹⁷ Так, в уезде Дуншань провинции Сычуань в середине 1985 г. из 54 созданных предприятий 39 закрылись вскоре после начала деятельности. Из 19 заводов фосфорных удобрений, созданных в 1984 г. в уезде Иян провинции Хунань, прекратили деятельность 18 с общими убытками в 3 млн. юаней. В уезде Юаньцзян той же провинции закрылись три из 12 бумажных фабрик; остальные переживают серьезные финансовые затруднения.

¹⁸ China's Development Experience in Comparative. Cambridge, 1980, p. 306, 316.

Правовая основа ответственности по подряду в деревнях Китая

ЛИНЬ ЦУЙПАЙ

От редакции. В связи с осуществлением и осмыслением реформы экономической системы в китайской деревне возникает ряд проблем. Одна из них касается характера отношений коллективных хозяйств с дворами или отдельными крестьянами, хозяйствующими по подряду. Предлагаем вниманию наших читателей перевод соответствующей части статьи китайского ученого Линь Цуйпая, опубликованной в первом номере журнала «Фасюецзачжи» («Юридическая наука») за 1985 г.

После 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.) в деревне осуществлен целый комплекс мероприятий по реформе экономической системы. После того как в деревне получила распространение система ответственности членов совместного хозяйствования по подряду, производительные силы деревни освободились и товарное производство стало быстро развиваться. Появление хозяйственной единицы «два двора — одно хозяйство» и ее развитие, а также возникновение широких экономических связей этой единицы с другими экономическими организациями потребовали налаживания этих связей. Государство должно использовать плановые, экономические, административные и юридические рычаги для управления экономикой деревни. В процессе управления неизбежно возникают многочисленные юридические проблемы. Если они не будут своевременно разрешаться, это отрицательно скажется на развитии экономики деревни. В настоящей статье мы попытаемся обсудить некоторые юридические проблемы.

Вопрос о характере и юридическом положении коллективной экономики в условиях осуществления системы ответственности членов совместного хозяйствования по подряду.

В настоящее время главной формой, с помощью которой осуществляется реформа экономической системы в нашей деревне, является система ответственности членов совместного хозяйствования по подряду. Это — подрядное хозяйство. Его отличительной особенностью является сочетание «объединенного» и «раздельного» хозяйствований, а также расчет вознаграждения самими совместно хозяйствующими членами данной хозяйственной единицы.

Так называемые объединенное и раздельное фактически означают два уровня хозяйствования. Один уровень — «объединенное» хозяйство, то есть единое хозяйство коллектива кооперативного хозяйства, второй уровень — «раздельное» хозяйство крестьянских семей как хозяйственных единиц в условиях координации их деятельности и контроля над ней со стороны кооперативного хозяйства. Сочетание двух уровней хозяйствования на базе подряда — это новейшее экономическое отношение. Однако в настоящее время в нашем обществе получило распространение очень смутное толкование этого явления, согласно которому якобы после введения подрядной системы земля, леса, горы, водоемы, а также имущество подсобных промыслов производственных бригад переданы дворам-подрядчикам, а орудия производства, рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь, ранее принадлежавшие производственным бригадам, продали за бесценок членам производственных бригад, будто производственные бригады фактически перестали существовать, а от коллективного хозяйства осталось одно пустое название, и нет никакой разницы с единоличным хозяйствованием, как это было в прошлом, до революции. На самом деле такая трактовка ошибочна.

В «Документе № 1 ЦК КПК за 1984 год» указывается на необходимость «решительно охранять общественную собственность на землю, хотя политика подрядного хозяйствования в течение длительного периода не будет изменена». В связи с этим, если говорить о главной основе организации коллективного хозяйства, коллективное хозяйство, как и прежде, обладает правом собственности на основные средства производства — землю, леса, горы, водоемы, а также на имущество подсобных промыслов, включая право владения, пользования (или право хозяйствования), получения доходов и распоряжения ими.

«Согласно теории марксизма и социалистической практике, право владения и право пользования землей могут быть соотнесены образом разделены», — говорится в Решении ЦК КПК о реформе экономической системы (с. 12). Поэтому организация коллективного хозяйства может передать основные средства производства в форме подряда для индивидуального пользования, не отказываясь при этом от права владения ими. В таком случае дворовые хозяйства пользуются правом хозяйствования или пользования средствами производства, включая право получения дохода. Так что же, коллективные хозяйства действительно ничего не могут поделать перед лицом отдельных хозяйств? Нет. Коллективные хозяйства по-прежнему владеют присущим им властью и долгом. Организация коллективного хозяйства, если говорить об ее отношениях с дворами, ведущими хозяйство по подряду, или отдельно ведущим хозяйство двором, наделена правом решения вопросов ведения хозяйства отдельным двором или дворами. Она имеет право в зависимости от конкретной обстановки вырабатывать соответствующий план производства или посева при условии, что это соответствует потребностям государства, и осуществлять над деятельностью лиц, хозяйствующих по подряду, необходимый контроль, руководство, координацию. Например, в отношении лиц, у которых более или менее глубоко развивается частнособственническое начало, кто игнорирует потребности планов государства, а думает только о выращивании таких культур или производстве таких продуктов подсобного промысла, которые больше всего приносят дохода, или же кто занимается спекуляцией или мошенничеством, организация коллективного хозяйства должна усилить контроль или управление, руководство или координацию. Она наделена также полномочиями воспитывать дворы, работающие по подряду или самостоятельно, в духе принятия планового руководства со стороны государства или коллектива. В необходимых случаях она имеет право наложить административное взыскание, применить экономические санкции или лишить каких-либо прав пользования при работе по подряду или каких-либо прав хозяйствования. Наряду с этим она имеет право оставлять у себя соответствующую часть доходов дворов, хозяйствующих по подряду, в качестве производственных расходов коллективного хозяйства, общественного фонда накопления, расходов на общественные нужды. В целях улучшения состояния земли и условий производства организация коллективного хозяйства обязана организовывать своих членов на производство различного рода общественных работ, скажем на строительство ирригационных сооружений; отвечает за измерение, учет и раздел земли, проводит регистрацию земельных участков, их упорядочение; от имени коллектива закупает химические удобрения для крестьянских дворов, снабжает их семенами, посадочным материалом, а также оформляет и заверяет различные документы для крестьянских дворов, занятых производственной деятельностью.

В целом вследствие того, что положение, которое занимают различные составные части экономики деревни, различно, характер и место каждой из них в сельской экономике также различны. Коллективные хозяйства должны принимать на себя общее руководство и указания со стороны государства, а в отношении нижестоящих составных частей, как единиц совместного, так и индивидуального хозяйствования, осуществлять руководство, управление, координацию. Поэтому коллективные хозяйства — это не только относительно самостоятельные хозяйственные единицы, их к тому же отличает известная двойственность: как руководителя и как руководимого. Право собственности коллективных хозяйств не изменилось в результате изменения форм использования основных средств производства. Сегодня и в будущем по мере развития экономической обстановки в деревне может возникнуть множество новых вопросов. Например, в настоящее время в деревнях и небольших городах быстро развиваются промышленные предприятия. Это также может вызвать к жизни очень многие юридические проблемы, которые нам необходимо будет разрешить.

Реформа системы материально-технического снабжения в КНР

Т. Л. КОРОБКИНА

Перестройка системы управления материально-техническим снабжением является одним из ключевых звеньев хозяйственной реформы в КНР. Она призвана обеспечить на деле реализацию таких важнейших направлений комплексной реформы, как усиление хозяйственной самостоятельности предприятий, сокращение сферы директивного и расширение сферы направляющего планирования, формирование единого социалистического рынка, включающего рынок потребительских товаров, средств производства, техники и технологии, капиталов, рабочей силы и т. д. Это означает приведение системы материально-технического снабжения в соответствие с требованиями социалистического планового товарного хозяйства и законами функционирования социалистического рынка. Вместе с тем эта перестройка призвана содействовать сближению предложения и спроса в масштабах всей страны¹.

Реформа системы материально-технического снабжения основывается прежде всего на следующих теоретических посылах: **признание товарной природы средств производства в рамках общенародной собственности** и необходимости перехода от государственного распределения к товарному обращению, торговле ими; более высокая по сравнению с традиционными представлениями оценка роли обращения как стадии общественного воспроизводства в функционировании народного хозяйства, регулирующих функций обращения в отношении производства. Реформа материально-технического снабжения выступает как составная часть реформы всей системы обращения в целом, включающей наряду с реформой системы обращения промышленных потребительских товаров и средств производства реформу системы обращения продукции сельского хозяйства и снабженческо-сбытовых кооперативов, реформу рыночной торговли, системы управления внешней торговлей, денежного обращения и ценообразования.

Непосредственная цель реформы материально-технического снабжения заключается в том, чтобы все предприятия (за малым их исключением) поставить в изначально равные экономические условия в смысле отсутствия преференций в обеспечении материальными ресурсами. В противном случае прочие направления реформы хозяйственной системы могут оказаться нереальными. В качестве средства для реализации реформы выступает товарное обращение средств производства, так как теоретически предполагается, что в данном случае не субъективная (административная) воля, а объективные условия и законы будут регулировать распределение. Не случайно многие китайские экономисты категорически против внеэкономического вмешательства административных органов в деятельность рынков средств производства, торговых центров, торговых компаний и т. д. В условиях сегодняшней китайской экономики представляется невозможным удовлетворить все имеющиеся потребности, а рынок стимулирует все участвующие в нем хозяйственные единицы на максимальное задействование резервов.

Реформа материально-технического снабжения связана с такими основополагающими принципами перестройки хозяйственного механизма, как разделение административных и хозяйственных функций, преодоление ведомственных и территориальных барьеров, устранение монополизации в любых ее формах, уравнение экономических прав предприятий, относящихся к различным формам собственности и использующих разные способы хозяйствования, и т. д.

Следует отметить, что осуществлению реформы способствовала благоприятная ситуация в области производства материальных ресурсов. В частности, в 1984 г. прирост производства угля составил 8 %, проката черных металлов — 13,5, цемента — 12,8 %. В 1985 г. государственный план производства угля был перевыполнен на 6,1 млн. т, проката — на 6,89, цемента — на 18,7 млн. т, древесины — на 1,43 млн. куб. м. В то же время улучшились некоторые качественные показатели, в частности, на промышленных предприятиях общенародной собственности расходы угля для производства продукции на 100 млн. юаней снизились в 1985 г. на 5,3 %, проката — на 4,8, древесины — на 11,3 %².

Реформа системы обращения материальных ресурсов, как и вся хозяйственная реформа в целом, отличается неравномерностью ее осуществления во временном и региональном плане. Так, активно развернувшись со второй половины 1984 г., она достигла своего пика к 1985 г., а потом пошла на спад. Общие итоги 1985 г. говорят о том, что в условиях отсутствия макроэкономического контроля и управления внеплановое производство (и соответственно распределение) наносит ущерб плановому. Поэтому ряд постановлений и решений 1986 г., ужесточающих административный и экономический контроль, явился закономерной реакцией на эти пережесты. В территориальном же отношении неравномерность проявляется в том, что многое из того, что для экономически развитых городов и регионов является действительностью, для остальных представляет собой пока лишь перспективу, и весьма отдаленную.

Реформу материально-технического снабжения нужно рассматривать в двух аспектах: во-первых, это — преобразование системы планового распределения и, во-вторых, развитие обращения внеплановых средств производства.

Система так называемого планового распределения основывается на разделении материальных ресурсов на три группы в зависимости от их значения в народном хозяйстве и степени их дефицитности: материальные ресурсы государственного централизованного распределения (прокат, цветные металлы, древесина, цемент, каменный уголь, мазут, каучук, серная и азотная кислота, автомобили, движущие механизмы и т. д.); материальные ресурсы ведомственного распределения, распределяемые центральными промышленными ведомствами, материальные ресурсы местного распределения.

Если говорить о формальном построении системы управления материально-техническим снабжением, то за последние годы она мало изменилась, но в определенной степени наполнилась иным содержанием. Главной целью перестройки явилось повышение гибкости управления, оперативности его реакции на изменение соотношения спроса и предложения, усиление прямых контактов производителей и потребителей средств производства. Основные составляющие реформы системы планового распределения можно определить следующим образом: сужение сферы централизованного распределения материальных ресурсов, изменение форм планового распределения, преобразования в области организационной структуры управления на низовых уровнях, развитие договорных отношений.

Сужение сферы централизованного распределения характеризуется следующими данными (по видам материальных ресурсов): 1979—1984 — 256, 1984 — 65, 1985 — 23³. О динамике удельного веса материальных ресурсов в сфере директивного планового распределения дает представление следующая таблица.

Доля важнейших материальных ресурсов в системе директивного планового распределения в общем объеме их производства (в %)⁴

	1983 г.	1984 г.	1985 г.
Уголь	85,3	76,0	50,6
Прокат	79,5	77,2	56,9
Древесина	89,2	80,0	30,7
Цемент	79,0	72,0	19,4

Что касается форм планового распределения, то наряду со снабжением по централизованно устанавливаемым показателям для особо дефицитных ресурсов практикуется внедрение более гибких форм:

— снабжение в соответствии с реальными потребностями (объем поставок оп-

ределяется органами материально-технического снабжения при отсутствии устанавливаемого центром показателей распределения);

— неограниченное снабжение (предприятия-потребители делают предварительный заказ органам материально-технического снабжения на недефицитные ресурсы или непосредственно закупают у них или других ведомств необходимые им ресурсы).

В Экономических ежегодниках Китая за последние годы нашла отражение и такая новая форма планового распределения, как комплектные подрядные поставки материальных ресурсов. Число важнейших объектов строительства, принятых на подрядное обеспечение Государственным управлением материально-технического снабжения, составило в 1983 и 1984 гг. соответственно 14 и 50 млрд. юаней, а общие капиталовложения в подрядные объекты — 2,36 и 7,23 млрд. юаней⁵.

В области организационной структуры управления материально-техническим снабжением характерным является широкое развитие сети подразделений центральных и местных органов, которые выполняют функцию непосредственного контакта с поставщиками. Так, если в 1979 г. в городах сеть материально-технического снабжения насчитывала примерно 8,7 тыс. предприятий, то в 1982 г. — уже около 17 тыс., а в 1984 — свыше 20 тыс. предприятий⁶. Важным направлением в рамках совершенствования организационной структуры и форм управления материально-техническим снабжением является развитие различных форм объединений как внутри системы материально-технического снабжения (вертикальных и горизонтальных), так и между снабженческими и промышленными предприятиями. Совершенствование организационных сторон деятельности предприятий материально-технического снабжения предполагает и проведение так называемого упорядочения, в том числе в системе руководящих кадров, которое в 1984 г. было завершено на 86 % предприятий. Показательным является также и прирост обеспеченности предприятий материально-технического снабжения ЭВМ. Их количество в 1984 г. по сравнению с 1983 г. увеличилось в 5,4 раза и составило около 2000 единиц⁷.

Развитие договорных отношений в системе планового распределения, пожалуй, одно из наиболее важных и соответствующих духу хозяйственной реформы направлений перестройки системы планового (централизованного) распределения. Собственно, хозяйственные договоры как таковые — это не новое явление в практике управления движением средств производства в Китае. Теоретически эта проблема активно разрабатывалась в первой половине 60-х гг., когда многие экономисты выступали за превращение хозяйственных договоров в основу для формирования производственной программы предприятий. Предпринимались и соответствующие практические шаги. Договорная система функционировала и до начала нынешней перестройки, когда на часть продукции, подпадающей под плановое распределение, на созываемых управлениями материально-технического снабжения ежегодных совещаниях заключались так называемые договоры на поставку и сбыт — в пределах установленных управлениями материально-технического снабжения объемов распределения материальных ресурсов. Другая часть продукции распределялась через управления материально-технического снабжения. Такая система не только затрудняла возможность рационального распределения ресурсов, не только порождала зачастую неоправданные — тем более в условиях транспортного дефицита — перевозки средств производства, но и вызывала у предприятий желание застраховаться от неожиданностей, создать запасы материальных ресурсов, намного превышающие необходимые технологические нормы. Проблема так называемых «малых складов» (то есть складов на предприятиях), кстати, не решена и до сих пор. Например, при общем дефиците стали и проката предприятия для обеспечения потребностей производства создавали у себя запасы этого сырья на 4—6 месяцев вперед. Таким образом, при производстве проката в целом по стране в объеме около 40 млн. т на складах предприятий накапливалось до 20 млн. т, что еще более обостряло проблему снабжения. В нынешних условиях хозяйственные договоры в системе централизованного распределения мыслятся как средство установления непосредственных контактов экономического характера между предприятиями-поставщиками и предприятиями-потребителями при определенном уменьшении административного вмешательства управлений материально-технического снабжения. В частности, Сюэ Муцяо указывает, что «в отличие от предметов потребления

средства производства поставляются сравнительно большими партиями и предложение и спрос на них сравнительно стабильны. Поэтому относительно большую часть средств производства нет необходимости проводить через управления материально-технического снабжения. В пределах плановых показателей распределения непосредственно между производителями и потребителями могут заключаться договоры на поставку и сбыт. Другая часть средств производства должна находиться в ведении специализированных компаний, основанных управлениями материально-технического снабжения для того, чтобы удовлетворять потребности мелкосерийного или перестраивающегося производства»⁸. Возможность своевременной закупки средств производства будет способствовать решению проблемы «малых складов» и ослаблению дефицита.

Однако, как показывает практика, выполнение договорных обязательств по поставкам — один из самых острых вопросов в организации на новых началах централизованного распределения в условиях хозяйственной реформы.

В 1985 г. договора в системе централизованного распределения полностью выполнены лишь по трем видам ресурсов, а по сравнению с 1984 г. показатели реализации договоров снизились по 12 видам ресурсов⁹.

Основной причиной следует, видимо, считать разницу цен на материальные ресурсы внутри системы централизованного распределения и вне ее. Хотя в последнее время и наблюдается тенденция к снижению уровня договорных (то есть свободных) цен, которые в момент их введения превышали цены централизованного распределения в 2—3 и более раз, они остаются достаточно высокими. Так, цены на каменный уголь, который обычно приводится как благополучный пример, и сейчас в два раза выше.

Следует также учитывать то обстоятельство, что с 1984 г. в связи с ростом цен на внеплановые средства производства органам управления провинций и городов было разрешено устанавливать так называемые временные цены на ряд плановых средств производства, что привело к повсеместному повышению государственных цен на них на 20 %. В целом рост цен (включая плановые и внеплановые) на 30 видов промышленного сырья составил только за первый квартал 1985 г. 31,5 %¹⁰.

На Всекитайском совещании по работе в сфере материальных ресурсов, состоявшемся в феврале 1986 г., было предложено принимать самые строгие меры для усиления контроля за соблюдением договоров и соответствия их государственному плану распределения. Так, в случае невыполнения государственного плана и договоров предлагается приостанавливать право предприятия на самостоятельный сбыт, а в случае несоблюдения — через управления торгово-промышленной администрации конфисковать полученные доходы. Было указано, что четкое и всестороннее выполнение государственного плана распределения материальных ресурсов должно стать важнейшим показателем выполнения предприятием общего государственного плана. С ним следует увязывать размер премиального фонда предприятия. Для усиления административного контроля предприятиям предлагалось также ввести поквартальную информацию соответствующих ведомств о выполнении планов распределения материальных ресурсов и договоров. Вместе с тем отмечалось, что при определении предприятиями органами управления планов распределения материальных ресурсов необходимо оставлять им возможность для производства сверхплановой продукции¹¹.

Одно из средств разрешения данного противоречия китайские экономисты видят в постепенном повышении цен на сырье и топливо в системе централизованного распределения, сближении двух уровней цен — твердых государственных и договорных. Дело заключается в том, что в настоящее время под централизованное распределение подпадает сравнительно небольшая часть приоритетных видов продукции и предприятия вынуждены закупать ресурсы по договорным ценам, значительно превышающим государственные. Чтобы избежать роста себестоимости продукции, предлагается компенсировать повышение государственных твердых цен на сырье уменьшением, например, в течение ряда лет налогообложения и т. п.

В то же время низкий уровень цен на ресурсы, причем там, где это касается производства особо важной продукции, является препятствием для их экономии.

Таким образом, реформа в системе планового распределения имеет неоднозначный характер и осуществляется неравномерными темпами во многом потому, что стремление внедрить в этой сфере экономические методы наталкивается на необходимость сохранения в условиях дефицита административного контроля и регулирования. Можно сказать, что в определенном смысле экономические методы управления в принципе противоречат основам функционирования системы централизованного распределения. В то же время в условиях общей перестройки невозможно оставить неизменной эту область экономической деятельности. Один из выходов тут видится в максимальном сужении рамок централизованного распределения. В настоящее время применение в Китае государственного распределения и рыночного обмена, двух видов цен — государственных твердых и рыночных — необходимо в качестве переходных мер. Однако в дальнейшем, видимо, придется сокращать номенклатуру и объем материальных ресурсов, подпадающих под непосредственное распределение, и при условии выполнения государственных директивных заданий выводить на рынок все большее число средств производства¹². Конкретно задача формулируется следующим образом: в ближайшее время директивное плановое распределение должно распространяться лишь на продукцию, обеспечивающую потребности важнейших государственных объектов строительства и военной промышленности, экспортные потребности, оказание внешней помощи и создание государственных резервов¹³.

Основным направлением реформы системы обращения средств производства является введение самостоятельного сбыта предприятиями вне- и сверхплановой продукции. Согласно временному постановлению Госсовета КНР о расширении хозяйственной самостоятельности государственных предприятий (май 1984 г.), последним при условии выполнения государственного плана разрешается самостоятельно сбывать следующие виды продукции: продукцию, оставляемую в распоряжение предприятий; сверхплановый прирост производства; новую продукцию, производимую в экспериментальном порядке; продукцию, не закупленную снабженческо-бытовыми организациями; продукцию, затоваренную на складах. Что касается важнейших видов ресурсов централизованного распределения, то разрешается самостоятельно сбывать 2 % планового объема производства и весь сверхплановый объем производства проката черных металлов, а также весь сверхплановый объем производства чугуна, меди, алюминия, угля, цемента, каучука и т. д. Цены на самостоятельно сбываемую предприятиями часть продукции могут колебаться в пределах 20 % по сравнению с ценами государственного распределения.

Относительно форм организации движения материальных ресурсов вне сферы распределения в экономической печати последних лет основное внимание уделяется двум направлениям — развитию горизонтальных экономических связей и развитию различных форм рыночного обращения средств производства, главным образом созданию центров торговли средствами производства (материальными ресурсами).

Важнейшей формой развития горизонтальных связей¹⁴ внутри системы материально-технического снабжения и в ее отношениях с промышленными, торговыми, внешнеторговыми, научными и т. п. предприятиями и организациями является создание хозяйственных объединений. Функционирующие ныне хозяйственные объединения можно классифицировать следующим образом.

1) Различные формы хозяйственных объединений внутри системы материально-технического снабжения, как вертикальные (главным образом речь идет о совместном хозяйствовании в форме создания компаний, торговых центров и т. п., различных специализированных компаний Государственного управления материально-технического снабжения и аналогичных организаций на уровне провинций и крупных городов), так и горизонтальные (в основном имеются в виду «зоны хозяйственной кооперации», различные формы координирования и регулирования обращения средств производства).

2) Объединения, включающие как предприятия материально-технического снабжения, так и предприятия других отраслей, главным образом промышленности. Основные формы: хозяйствование — на основе объединенных средств, компенсационная торговля, кооперационный обмен и т. д.

Ряд вопросов распределения материальных ресурсов в условиях создания хозяйственных объединений получил отражение в постановлении Государственного

управления материально-технического снабжения о временных методах распределения, поставок материальных ресурсов и сбыта продукции хозяйственными объединениями¹⁵.

Развитие различных форм рыночного обращения средств производства (в том числе на основе договорных отношений) — это, пожалуй, один из вопросов, наиболее широко освещаемых в экономической печати в теоретическом и практическом аспектах.

По неполным данным, в 1985 г. районы и предприятия получили через рынок 38 % проката, 46 % древесины и 61 % цемента от общего объема этих видов ресурсов, потребленных местными предприятиями¹⁶.

Если судить по названиям, то форм обращения материальных ресурсов существует множество — рынки средств производства, центры закупки и сбыта материальных ресурсов, центры по торговле средствами производства (материальными ресурсами), специализированные торговые компании и т. д. Но дело, конечно, не в названиях и не в частных особенностях этих форм. Определенные сущностные различия можно выявить яснее всего между рынками средств производства и торговыми центрами, олицетворяющими собой последовательное развитие товарных начал в обращении средств производства. Недостаточно характерным, но перспективным является пример Шанхая. Во второй половине 1979 г. шанхайское управление материально-технического снабжения создало комплексный рынок средств производства, а затем два специализированных рынка — продукции химической промышленности и металлургического сырья. В 1984 г. было проведено упорядочение и расширение рынков средств производства, рынки продукции химической промышленности и металлургического сырья были преобразованы в торговые центры. Были дополнительно созданы торговые центры для операций с продукцией машиностроения и электротехники, автомобилями и запчастями к ним, продукцией сельскохозяйственного машиностроения; создан рынок древесины, топливная торговая фирма, биржа материальных ресурсов и т. д. В настоящее время активно формируется крупный комплексный торговый центр материальных ресурсов, который будет занимать площадь в 40 тыс. кв. м и вступит в строй в 1987 г.¹⁷ Как в Шанхае, так и в других городах начало волны создания торговых центров приходится на вторую половину 1984 г. К концу 1984 г. торговых в стране в целом насчитывалось 96, к концу 1985 г. — 644; объем торговых сделок через центры в 1985 г. составил 10,5 млрд. юаней¹⁸.

С теоретической точки зрения центр торговли материальными ресурсами представляет собой «объединение, в рамках которого осуществляется совместное хозяйствование многих участников, применяющее многообразные методы обслуживания и выполняющее многообразные организаторские координирующие и регулирующие функции»¹⁹. С качественной точки зрения торговые центры в отличие от рынков средств производства преследуют цель создания не только рынка покупателя, но и в первую очередь рынка продавца. Именно в этом (а также в многофункциональном характере деятельности) и заключается их главная особенность.

Говоря о центрах торговли материальными ресурсами, следует рассмотреть следующие вопросы: типы торговых центров, принципы их создания и функционирования, основные формы деятельности (в том числе источники привлечения ресурсов), проблемы и основные пути совершенствования.

По типу различают: торговые центры комплексные или специализированные (в зависимости от видов материальных ресурсов); торговые центры, осуществляющие торговлю только средствами производства или объединяющие продукцию производственного и личного потребления; торговые центры, являющиеся самостоятельным хозяйственным субъектом или ведущие совместное хозяйство, и т. д. Более важным представляется деление торговых центров в зависимости от их функций на торговые центры «хозяйственного» и «обслуживающего» типа. Разница между ними заключается в том, что торговые центры «обслуживающего» типа не занимаются непосредственно закупкой и продажей средств производства, а лишь создают условия для прямого контакта продающей и покупающей сторон: предоставляют торговые площадки, склады, транспорт и различные услуги (информационные, консультационные, технологические, в том числе по профилактике и наладке и т. д.), а также осуществляют различного рода комиссионную деятельность, получая доход в виде платы за услуги. Главным в деятельности торговых центров «хозяйственного

типа» является самостоятельное хозяйствование на основе закупки и сбыта материальных ресурсов.

Торговые центры создаются в КНР как органами материально-технического снабжения, так и промышленными и торговыми ведомствами. При наличии объективной необходимости и субъективных условий они могут создаваться органами управления любого уровня. Однако существует и ряд ограничений. Торговые центры действительно представляют собой в определенной степени качественно новый этап в развитии обращения материальных ресурсов (по сравнению с рынками средств производства). Поэтому их создание привязывается к экономическим центрам, то есть к сравнительно развитым крупным и средним городам, где имеется определенная промышленная база и необходимые транспортные условия.

Основать торговый центр может в принципе любое предприятие или организация (промышленное, торговое, материально-технического снабжения) за счет различных средств — государственных капиталовложений, собственных средств государственных предприятий или банковских кредитов, коллективных акционерных средств, средств частных предприятий и т. д. Однако торговые центры создаются главным образом управлениями материально-технического снабжения (а также подведомственными им специализированными компаниями) при участии управлений снабжения и сбыта, предприятий-производителей, торговых организаций, промышленно-торговой администрации данного и других регионов, в некоторых случаях — внешнеторговых ведомств и т. д.

Основопологающим принципом функционирования центров торговли материальными ресурсами является так называемый открытый тип хозяйствования, то есть привлечение продавцов и покупателей независимо от их принадлежности к тем или иным ведомствам, отраслям, регионам, формам собственности и т. д. Что касается форм собственности, то торговые центры должны выступать в роли одной из основных форм поступления на рынок (на организованных началах) продукции предприятий коллективного и частного секторов. Поскольку торговый центр олицетворяет собой прежде всего рынок продавца, постольку важнейшим принципом его деятельности должно быть полное равноправие партнеров-продавцов, недопустимость монопольного хозяйствования (в том числе органов материально-технического снабжения, являющихся организаторами центров) в любых его формах. После создания торгового центра и выхода его на рынок основным законом, регулирующим отношения равноправных продавцов-участников, должна, по мнению китайских экономистов, стать конкуренция. Очень важным вопросом для обеспечения торговых центров стабильными товарными источниками является привлечение к сбыту продукции предприятий-производителей.

Торговые центры от простых рынков средств производства отличаются многофункциональностью. Основные формы их деятельности — совместное хозяйствование и совместный сбыт, компенсационная торговля, переработка давальческого сырья, разного рода комиссионная деятельность (закупка и сбыт, хранение, сдача в аренду и т. д.), предоставление торговых площадей, технических средств, оказание различных услуг (технических, консультационных, информационных) и т. п.

Что касается цен, то применяются самые разнообразные: централизованного распределения, плавающие, договорные, гарантийные (страховочные), комиссионные, а также оптовые и розничные, цены дифференцированные в зависимости от качества и величины партии материальных ресурсов и т. д.

Вопрос об источниках ресурсов решается по-разному. Нет разногласий в том, что касается привлечения в торговые центры материальных ресурсов, подпадающих под направляющее планирование и рыночное регулирование. А в отношении директивно планируемых материальных ресурсов существуют различные мнения. Ряд экономистов КНР считают, что торговые центры являются формой поступления на рынок внеплановых (то есть внедирективного планирования либо произведенных сверх директивного плана) материальных ресурсов. Другие обосновывают необходимость привлечения на рынок определенной части плановых средств производства, поскольку это делает возможной взаимную ротацию плановых и внеплановых ресурсов (то есть их взаимный обмен и регулирование). Более того, экономисты считают, что планомерная организация поступления «некоторых важных средств производства на рынок — это одна из важных форм участия государственных

управлений материально-технического снабжения в рыночном регулировании»²⁰. Практически применяются оба принципа, но, что касается плановых материальных ресурсов, можно говорить пока лишь об экспериментах и единичных случаях.

Основные проблемы, возникающие в деятельности торговых центров, можно подразделить на внутренние и внешние. К числу внутренних проблем в первую очередь следует отнести сложности взаимоотношений партнеров в рамках торговых центров. К этому нужно добавить в значительной мере неизбежные трудности материального порядка и особенно в сфере решения кадровых вопросов. Главными внешними проблемами являются проблемы взаимоотношений с различными административными органами, прежде всего управлениями материально-технического снабжения, а также с подведомственными им специализированными компаниями и снабженческими базами. Так как большая часть торговых центров создается управлениями материально-технического снабжения, которые должны уступать им часть своих прав, функций и связей и осуществлять координацию их деятельности, то возникает проблема чрезмерного контроля и опеки центров со стороны администрации. Помимо этого, во многих случаях осуществляется своего рода «личная уния» руководства торговых центров и административных органов, включая управления материально-технического снабжения, когда в силу различных причин (в том числе объективных, например, нехватки кадров) на руководящих постах находятся одни и те же работники.

Что же касается отношений торговых центров со специализированными компаниями и оптовыми базами, то следует учитывать, что центры создаются путем отвлечения у последних части персонала, оборудования, товарных источников. Во многих случаях это приводит к тому, что вместо равноправных отношений торговых партнеров между ними сохраняются отношения административной и хозяйственной подчиненности. Это происходит, когда фонд заработной платы и премий работников центра определяется и контролируется специализированной компанией (или входит в общий с ней фонд), когда товарные источники предоставляются специализированной компанией или оптовой базой, а также когда результаты хозяйствования учитываются в совокупности.

Таким образом, экономисты подчеркивают, что при общем положительном тоне далеко не везде и далеко не всегда дело обстоит благополучно и что количественный рост торговых центров не адекватен степени перевода обращения материальных ресурсов на товарные рельсы.

Следует, видимо, особо остановиться еще на одной форме новой организации материально-технического снабжения, близкой по своей сущности к торговым центрам, — отраслевых торговых компаниях. Создание подобных компаний является рациональным для тех отраслей, для которых характерны тесные внутриотраслевые связи по специализации и кооперированию, по взаимным поставкам сырья и материалов. Частным примером, олицетворяющим, однако, общее направление перестройки, является деятельность Сычуаньской акционерной компании химической промышленности с ограниченной ответственностью, созданной в сентябре 1984 г. и объединяющей предприятия химической промышленности и органы материально-технического снабжения четырех городов — Чэнду, Чунцина, Цыгуна и Лучжоу²¹. Здесь представляются важными следующие моменты. Это — акционерное предприятие, все участники которого сохраняют полную хозяйственную и юридическую самостоятельность. Экономисты, проводившие обследование деятельности компании, считают последнюю формой интеграции производства и сбыта, отвечающей условиям хозяйствования на нынешнем этапе, когда старая система управления еще не полностью устранена, а новая не сформировалась. Далее, в формах деятельности компании существуют свои особенности. Прежде всего это — активное ведение экспортно-импортных операций. Кроме того, компания, используя свои собственные достаточно значительные капиталы, использует метод компенсационной торговли для помощи некоторым предприятиям в осуществлении технической реконструкции, способствуя увеличению производства дефицитной продукции и освоению новых видов продукции. В качестве поощрения компания передает поставщикам 70—80 % прибыли от сбыта дефицитных товаров.

Кроме того, привлекая дополнительные ресурсы — помимо поставок предприятий-пайщиков (что само по себе очень важно), — компания через посредство

хозяйственных объединений установила межрегиональные, межведомственные, межотраслевые производственно-бытовые горизонтальные хозяйственные связи.

Таким образом, подобные компании являются в определенном смысле предприятиями материально-технического снабжения более высокого уровня, чем торговые центры и тем более рынки материальных ресурсов. Последние зачастую являются их функциональными подразделениями.

Все вышеизложенное дает общее представление об основных направлениях и проблемах перестройки системы обращения материальных ресурсов: в сфере планового распределения это — сокращение его охвата, повышение гибкости и оперативности, развитие прямых договорных отношений; в сфере организации самостоятельного сбыта — развитие горизонтальных хозяйственных связей (кооперация по материальным ресурсам и хозяйственные объединения) и рыночных форм обращения (рынков средств производства, торговых центров, компаний и т. д.).

Реализация концепции социалистического планового товарного хозяйства применительно к системе обращения материальных ресурсов означает создание в КНР крупных региональных и общенационального рынков средств производства. Хотя первые шаги уже делаются, та база, от которой отталкивается реформа, неравномерность реформы по темпам и по регионам делают формирование рынка средств производства задачей на долгосрочную перспективу.

¹ См.: Сюэ Муцяо. О реформе системы управления торговлей.— «Цаймао цзинцзи». 1985, № 11, с. 4.

² См.: Экономический ежегодник Китая. 1985. Пекин, 1985, с. IV—31 (кит. яз.); «Цзинцзи жибао», 24.III.1986.

³ См.: Справочник по экономике современного Китая. Пекин, 1982, с. 313 (кит. яз.); «Цзинцзи жибао», 26.II.1986.

⁴ См.: Экономический ежегодник Китая. 1985, с. IV—32 (кит. яз.); «Цзинцзи жибао», 26.II.1986.

⁵ См. там же.

⁶ См.: Реформа хозяйственной системы в современном Китае. Пекин, 1984, с. 517 (кит. яз.); Экономический ежегодник Китая. 1985, с. IV—32 (кит. яз.).

⁷ См.: Экономический ежегодник Китая. 1985, с. IV—33 (кит. яз.).

⁸ «Цаймао цзинцзи», 1985, № 11, с. 3—4.

⁹ См.: «Цзинцзисюэ дунтай», 1985, № 9, с. 25.

¹⁰ См. там же, с. 24. По данным выборочного обследования в крупнейших городах.

¹¹ См.: «Жэньминь жибао», 26.II.1986.

¹² См.: Линь Лин. Превращение городской экономики в товарную и города «открытого типа». — «Цаймао цзинцзи», 1985, № 9, с. 2.

¹³ См.: Чжао Сяоминь. Несколько вопросов создания центров торговли средствами производства. — «Цаймао цзинцзи», 1985, № 9, с. 13—14.

¹⁴ См.: Б. Н. Басов. Развитие межотраслевых («горизонтальных») связей в КНР. — «Проблемы Дальнего Востока», 1986, № 3, с. 170—173.

¹⁵ См.: «Цзинцзи жибао», 4.IV.1986.

¹⁶ См. там же, 26.II.1986.

¹⁷ См.: Сюй Цзинъи. Хорошо налаживать работу торговых центров. Оживлять обращение материальных ресурсов. — «Цаймао цзинцзи», 1985, № 8, с. 42.

¹⁸ См.: «Жэньминь жибао», 1.III.1986.

¹⁹ Куан Куан. Расширить рыночные каналы. Оживить обращение материальных ресурсов. — «Цаймао цзинцзи», 1985, № 4, с. 59.

²⁰ «Цаймао цзинцзи», 1985, № 9, с. 14.

²¹ См.: Чжэн Цин, Чжоу Дянькунь, Ян Чаоцунь. Обследование деятельности Сычуаньской торговой компании химической промышленности. — «Цаймао цзинцзи», 1985, № 4.

Современные аграрные преобразования в Китае в оценках западных специалистов

*В. В. КУЗНЕЦОВА,
кандидат исторических наук*

Западная синология, уделяющая большое внимание анализу происходящих в КНР событий, представляет в идейно-политическом отношении весьма пеструю картину. Сложившиеся в буржуазном китаеведении к середине 70-х гг. школы и направления были выделены и критически разобраны в монографии «Современный Китай в зарубежных исследованиях»¹, в которой освещались работы леворадикального, буржуазно-либерального, правооппортунистического и реакционно-антикоммунистического направлений. В целом принципы классификации, определенные в указанной монографии, продолжают отражать положение, реально существующее в западной синологии. Вместе с тем необходимо учитывать следующее: во-первых, со времени выхода в свет монографии параллельно с изменением внутривнутриполитической ситуации в КНР менялись не только взгляды отдельных авторов по тем или иным вопросам, но и методологические подходы целых направлений в западном китаеведении; во-вторых, в данной монографии не выделялась в качестве объекта самостоятельного изучения западная научная литература по аграрно-крестьянской проблематике.

В настоящее время публикации, посвященные анализу аграрных отношений и перспектив развития китайской деревни, занимают особое место среди работ западных сиологов. Это вызвано рядом обстоятельств. С начала 80-х гг., по мере осуществления экономических преобразований в китайской деревне, резко возрос поток публикаций по аграрно-крестьянскому вопросу, что явилось следствием общей перестройки буржуазного китаеведения с изучения теории и методологии идейно-политических процессов на анализ конкретной экономической политики и ситуации в стране, на оценку их последствий для строительства социализма в Китае. К тому же изменение внутривнутриполитической ситуации в КНР показало несостоятельность ряда наиболее распространенных до этого на Западе теорий и оценок и соответственно необходимость разработки новых концепций.

Среди работ западных сиологов по аграрно-крестьянской проблематике, опубликованных в период с 1978 по 1986 г. и являющихся предметом данной статьи, особо выделим публикации ученых, придерживающихся «левых» взглядов, и представителей буржуазно-объективистского направления. Подходы тех и других в течение данного периода претерпели важные изменения.

Прежде всего обращают на себя внимание экономические и социологические исследования, полевые обследования, интервью, путевые заметки, опубликованные в работах специалистов леворадикального направления, которые были во второй половине 70-х гг. наиболее плодотворными среди китаеведов Запада². К их числу относятся работы Р. Алли, М. Блечера, Н. Максвелла,

М. Мейснера, П. Ноллана и ряда других. Эти авторы всячески подчеркивали «самобытность» китайского опыта общественного развития, своеобразие китайского пути социалистического строительства, главной чертой которого они считали «резкое отличие» от методов, применявшихся в СССР³. Представители этого направления доказывали, что исключительно благодаря «опоре на собственные силы» Китай добился «поразительных успехов» как в развитии экономики, так и в достижении «социального и экономического равенства» среди граждан. Они пропагандировали политические установки и экономические лозунги Мао Цзэдуна, особенно выдвинутые в канун и в ходе «культурной революции», «опыт» большой производственной бригады Дачжай в сельском хозяйстве. Для большинства представителей леворадикального направления было характерно в высшей степени некритическое отношение к проводившейся в Китае внутренней политике, восприятие происходивших в стране событий как неизбежных при трансформации традиционного общества и преодолении отсталости в развивающихся странах Азии и Африки, особенно в аграрном секторе⁴.

Начавшаяся в Китае с конца 70-х гг. кампания критики проводившейся до того момента социально-экономической политики, вскрытие серьезнейших диспропорций и недостатков в развитии страны, особенно в аграрном секторе, и последовавшее проведение экономических и внутривнутриполитических преобразований⁵ способствовали тому, что к началу 80-х гг. среди специалистов этого направления возник определенный раскол. Ряд представителей леворадикального направления под влиянием перемен во внутренней политике КПК частично изменили свои взгляды на китайский опыт развития⁶. Наиболее яркий пример — работы У. Хинтона⁷, выступавшего ранее активным пропагандистом опыта аграрного развития в образцовой бригаде Дачжай и в уезде Сиян провинции Шаньси⁸.

В то же время, если одни леворадикальные западные специалисты, изменив свои взгляды на прошлый китайский опыт социально-экономических преобразований, выступают ныне с критикой вообще аграрных реформ, то другие, под влиянием кампании борьбы с «левыми» ошибками, наметившейся в КПК с конца 70-х гг., теперь пропагандируют и популяризируют уже изменившуюся китайскую аграрную политику⁹.

Некоторые авторы «левого» толка стали связывать негативные аспекты социально-экономического развития КНР, вскрытые китайской печатью, с отходом КПК от принципов внутренней политики, определенных Мао Цзэдуном. Они продолжают указывать на «непреодолимое значение» идейно-политических установок Мао Цзэдуна для выработки правильной стратегии развития Китая. Так, Б. Макфарлейн пишет о необходимости, несмотря на «краткосрочную эффективность» политики нынешнего руководства Китая, помнить о «долгосрочных последствиях для масс диагнозов Мао Цзэдуна»¹⁰. Этим авторам фактически вторят те синологи, которые вопреки очевидным фактам, материалам и исследованиям китайских и западных специалистов, опираясь на собственные обследования и расчеты, продолжают настаивать на «универсальности» аграрной политики 60—70-х гг. как утверждавшей имущественный и социальный эгалитаризм внутри крестьянства¹¹.

Изменение китайской аграрной политики после 3-го пленума ЦК КПК (1978) вызвало не просто раскол среди западных сторонников «левых» взглядов: они оказались совершенно не подготовленными к оценке смены внутривнутриполитического курса КНР. Поэтому некоторые западные авторы «левого» толка с горечью пишут, что в настоящее время «только иностранцы выступают в защиту наиболее удачных примеров коллективной организации» в сельском хозяйстве, подчеркивая положительные достижения в развитии

китайской деревни 60—70-х гг. и беспокоясь о «социалистическом будущем» страны¹². В их работах ставится вопрос о том, является ли столь резкая смена аграрной политики простой корректировкой призывов периода «культурной революции» или их отрицанием, «поворотом вправо» или коренным изменением курса¹³.

Другие «левые» откровенно признают, что в целом успешное осуществление хозяйственной реформы в Китае побуждает западных специалистов пересмотреть «прошлые утверждения» о политических, социальных и экономических успехах народных коммун и поставить вопрос об эффективности коллективизации аграрного сектора с целью стимулирования экономического развития в крестьянских странах¹⁴.

Авторы третьей группы леворадикального направления считают, что события в КНР после 1978 г. показали отсутствие у западных синологов собственной концепции современного развития страны и потому специалистам, «разрабатывающим вопросы китайского социализма», предстоит «концептуально и теоретически осмыслить» собранные ими эмпирические данные¹⁵.

Неспособность представителей леворадикального направления дать адекватную оценку происходящих в Китае аграрных преобразований во многом объясняется отсутствием у них собственной методологии исследования. До конца 70-х гг. представителей этого направления характеризовали восхищение и безоговорочное принятие любых политических кампаний, лозунгов, установок, мероприятий того периода, пропаганда и популяризация их. Теперь часть специалистов приводит экономические обоснования проводимой в КНР аграрной политики, по существу просто репродуцируя китайские официальные документы и выступления печати¹⁶. Другие, оперируя такими категориями, как «линия масс», «капиталистические противоречия» и «социалистические противоречия» между производительными силами и производственными отношениями и прочее, пытаются дать новые «комплексные аналитические рамки» для анализа социалистического сельского хозяйства и китайских аграрных реформ¹⁷. Третьи, подчеркивая, что они «в прошлом симпатизировали левому мышлению» китайского руководства, теперь признают, что «необходима именно марксистская методология для оценки, а в некоторых отношениях критики» нынешних экономических реформ¹⁸. Эти авторы по-прежнему исходят из убеждения, что «идеи Мао Цзэдуна должны рассматриваться как составная часть теории марксизма»¹⁹, а свои «новые» теоретические разработки непременно обосновывают ссылками на его работы.

Примером расхождения во взглядах среди леворадикальных синологов может служить оценка ими конкретных аграрных преобразований в КНР, начавшихся с конца 70-х гг. Одни авторы утверждают, что проводимые в Китае аграрные реформы, в том числе дворовый подряд, «не являются ни социалистическими, ни капиталистическими, а чем-то иным, чью внутреннюю сущность еще только предстоит определить»²⁰. Они доказывают, что аграрные реформы «не являются ни восстановлением капитализма, ни необходимым отступлением для установления коммунизма. Их следует рассматривать как ответ на неспособность социалистического способа производства создать достаточный прибавочный продукт» в сельском хозяйстве²¹. Другие связывают реформы в китайской деревне с «объективной реальностью неразвитого социализма», характеризующегося многообразием форм собственности в аграрном секторе («смешанная экономика»), которое сохраняется в стране в течение длительного периода времени²².

В настоящее время среди части китаеведов леворадикального направления распространена та точка зрения, что в результате экономических преобразо-

ваний Китай превращается в общество, идущее к капитализму. Такие авторы, как К. Уон, прямо утверждают это²³, другие — косвенно. Например, Б. Браггер полагает, что повсеместное распространение дворового подряда в деревне и предоставление промышленным предприятиям хозяйственной самостоятельности с целью интенсификации экономического развития подразумевают появление в стране рынка рабочей силы, когда капиталистические формы появляются гораздо раньше любого «развитого социализма»²⁴. Б. Браггер пытается доказать, что реализация распространенных среди китайских экономистов теорий и взглядов на практике подразумевает либо «частичное восстановление капитализма в сельском хозяйстве, либо использование математических моделей планирования, построенных на учете эффективности всех факторов производства, а следовательно, отрицающих трудовую теорию стоимости»²⁵.

Другим проявлением сходных взглядов на происходящие в Китае процессы является определение дворового подряда в деревне как свидетельства деколлективизации, возвращающей крестьян к полностью атомизированному состоянию, где сельские коллективы существуют чисто номинально, трансформируясь в компании паедрержателей и потребителей кооперативных услуг²⁶.

Оценка леворадикальными синологами проводимых в КНР экономических преобразований как «капиталистических», с одной стороны, может быть объяснена их приверженностью концепции, когда любое проявление товарно-денежных отношений считается привилегией капитализма. С другой стороны, они явно переоценивают значение процесса ликвидации народных коммун, вызванного необходимостью приспособления к новым условиям хозяйствования, возросшей хозяйственной самостоятельностью отдельных крестьянских дворов. Характерно, что подобные оценки смыкаются с аналогичной характеристикой реформ отдельными представителями буржуазно-объективистского направления в синологии.

Вообще, работам представителей буржуазно-объективистского направления, особенно опубликованным в конце 70-х — начале 80-х гг., присущ более умеренный тон и более трезвый, чем в работах леворадикальных китаеведов, учет разноплановых факторов, определяющих социально-экономическое развитие Китая. Исследования буржуазных авторов объединяли во второй половине 70-х гг. отрицание и критика позиции китайского руководства по вопросам внутренней политики, прежде всего аграрной. Исходя из своих классовых позиций, буржуазные авторы предрекали неизбежность экономического краха и серьезного обострения внутривнутриполитической борьбы в КНР. В настоящее время их объединяют прагматический подход к анализу действительности, попытки ее объективистского анализа и пессимизм в отношении будущего, хотя среди приверженцев этого направления также нет единства в оценке ни китайской действительности, ни методов решения наиболее острых проблем, стоящих перед Китаем.

Некоторые авторы, признавая большие достижения в экономическом развитии Китая со времени образования КНР, подчеркивают, что они были достигнуты благодаря применению системы директивного планирования в сочетании со «специфически китайскими субмоделями»²⁷. Японский синолог С. Исикава доказывает, например, что по мере диверсификации экономики страны и превращения ее в комплексную структуру система жесткого, всеохватывающего директивного планирования становится неэффективной и начинает тормозить экономический рост. «Специфически китайские субмодели», полагает он, также соответствуют только такому уровню экономического развития, когда правительство обеспечивает гражданам лишь прожиточный минимум. Что же касается проводимых в стране в настоящее время эконо-

мических преобразований, нацеленных на децентрализацию хозяйственной самостоятельности и крестьян, и промышленных предприятий, пишет С. Исикава, то вероятность их успешного осуществления мала в силу неспособности децентрализованной экономической системы поддерживать высокие темпы развития экономики и ее неэффективности в условиях избыточного спроса²⁸.

Другие специалисты утверждают, что противоречия и недостатки в развитии Китая якобы обусловлены « пороками » социалистического общественного строя, плановой экономикой, а их преодоление возможно только путем коренного изменения общественного строя страны и ее хозяйственного механизма. Так, Я. Прыбыла пишет, что « реформа экономики директивного планирования только тогда будет соответствовать своему названию, если в ее результате производство, капитальные вложения и распределение дохода будут определять рынок и частная собственность »²⁹. Он считает, что КНР уже в 1976—1980 гг. пошла на использование « отдельных элементов капиталистической социальной техники » (цены, зарплата, процент, прибыль, налоги и пр.). Я. Прыбыла настойчиво проводит в своих работах идею о том, что до тех пор, пока в КНР не будет полностью принята система хозяйствования, действующая в развитых капиталистических странах, экономические преобразования нельзя считать окончательными. Т. Пэролт, поддерживая его, откровенно утверждает, что « как это ни парадоксально звучит », но Китай и другие социалистические страны для реализации общественной собственности на средства производства, а не собственности государства якобы « должны поощрять развитие капитализма »³⁰.

Третьи связывают современное экономическое положение страны с многочисленностью населения, исчерпанием легко осваиваемых земель, ограниченностью внутренних источников ускорения общественного развития, с проводившейся ранее ошибочной аграрной и социальной политикой, породившей острейшие и серьезнейшие противоречия³¹. Эта группа западных синологов стоит несколько обособленно. Они стараются в своих работах обойти вопрос о формационной принадлежности тех или иных экономических реформ и мероприятий и пишут о развитии либо преобразовании « традиционного » способа производства. Так, Г. Скиннер считает, что новую аграрную политику КПК можно оценить « как способ осознания исторического опыта » нынешним китайским руководством, стремящимся довести экономику страны до такого пункта, « когда будет невозможно повторение маоистских экспериментов »³².

В отличие от леворадикальных синологов представители буржуазно-объективистского направления дают четко определенные оценки новой аграрной политики китайского руководства и высказывают свои предположения о будущем характере реформ. Они видят кульминацию реформ в повсеместном распространении полного дворового подряда³³, считают его « краеугольным институциональным изменением »³⁴, подчеркивают важность поощрения развития рыночной торговли и курса на отказ от монополии государства на торговлю сельскохозяйственной продукцией.

Однако даже эти синологи специально обращают внимание на то, что « переход к повсеместному применению дворового подряда не означает исчезновения государства и коллектива из деревенской жизни ». Государство и коллектив, подчеркивают они, продолжают оказывать постоянное воздействие практически на все стороны жизни крестьян, более того, в их руках появились новые рычаги косвенного, экономического влияния³⁵ и всепроникающих контроля и ограничений³⁶. Эти авторы указывают, что первые результаты аграрных преобразований « впечатляющи », хотя высокие урожаи и доходы крестьян не всегда обусловлены исключительно институциональными измене-

ниями (дворовый подряд); не менее важны и технико-экономические мероприятия (применение новых агротехнологий, большее применение химических удобрений, пестицидов и т. д.).

В сохранении, а в ряде случаев даже усилении, регулирующей роли государства и коллектива в сельскохозяйственном производстве и жизни крестьян представители буржуазно-объективистского направления видят ограниченность и незаконченность реформ. Проблемы, возникающие в процессе перестройки экономики китайской деревни, они объясняют отсутствием у китайского руководства единого, общего плана реформ, не всегда последовательным характером их проведения, непредвиденными социальными последствиями.

Тема социально-политических последствий аграрных преобразований в китайской деревне проходит красной нитью через большинство работ западных синологов. В той или иной форме этот вопрос затрагивается практически во всех публикациях. Это объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, проблема социального неравенства, считают западные синологи, постоянно была в «фокусе политики и практики» в КНР³⁷. Во-вторых, этому вопросу была посвящена обширная литература на Западе, которой, однако, был свойственен односторонний учет имущественного и материального неравенства внутри отдельных деревенских коллективов и между городом и деревней. В-третьих, в процессе пересмотра своих прошлых установок западная синология пересматривает и подход к оценке социально-политических последствий китайской экономической политики³⁸. В-четвертых, именно с точки зрения социально-политических последствий западные синологи оценивают значение и перспективы хозяйственной реформы в китайской деревне.

Некоторые авторы даже считают, что всю экономическую историю КНР можно рассматривать с точки зрения «колебаний маятника» — от политики, опирающейся на моральные стимулы и эгалитарные ценности, до утверждения материального поощрения производительности труда и социального неравенства среди трудящихся³⁹. Подобный упрощенный подход к проблеме оценки экономической истории КНР был достаточно распространен в западной печати в начале 80-х гг. При этом ряд западных синологов подчеркивал, что живучесть в Китае идей эгалитаризма объясняется не только некоторыми китайскими традиционными воззрениями, но и якобы идеалом «научного социализма»⁴⁰.

Подобные взгляды среди западных специалистов встречаются и в настоящее время, хотя они стали вызывать возражения. Например, М. К. Уайт, еще в начале 80-х гг. придерживавшийся точки зрения об эгалитарности маоистской экономической политики и противоположном характере проводимых ныне реформ, в настоящее время доказывает, что указанный вывод — «в лучшем случае заблуждение, а в худшем — полностью ошибочен»⁴¹. Он пишет, что китайское общество в последние годы жизни Мао Цзэдуна не было столь эгалитарно, а проводимые в настоящее время экономические преобразования не всегда ведут к углублению имущественного и социального неравенства; как считают многие западные специалисты, и что для правильного понимания вопроса необходимы «скрупулезные исследования» долгосрочных последствий реформ⁴².

Несмотря на начавшийся процесс пересмотра прежних оценок, в западной синологии пока преобладает старое представление об эгалитарном характере китайской экономической, в частности аграрной, политики 60—70-х гг. По-прежнему в ходу утверждения, что колебания «маятника» между стимулированием производительности труда и производства и стремлением к всеобщему равенству определяют китайский экономический цикл, который одновре-

менно является и политическим⁴³, или, по другим определениям, «политико-деловым»⁴⁴. Большинство западных специалистов определяло аграрную политику китайского руководства в 60—70-е гг. как подрывающую возможности роста сельскохозяйственного производства.

Что же касается будущих возможных колебаний политического курса, возвращения к «радикальной» экономической политике, то вероятность подобных изменений западные специалисты вполне допускают и связывают с борьбой внутри КПК, с социальными процессами, происходящими в китайском обществе, с формированием оппозиции реформам в сельском хозяйстве, с их реальными экономическими результатами.

Западные синологи говорят об отсутствии единства среди китайского руководства по вопросу о характере реформ. Об этом, по их мнению, свидетельствуют некоторые массовые политические кампании 80-х гг. Одна группа авторов считает, что, например, кампания борьбы с «духовным загрязнением» 1983 г. была направлена против проводимой экономической политики, явилась фактически уступкой со стороны приверженцев реформ их противникам, настроенным более радикально⁴⁵, и что в будущем возможны подобные рецидивы⁴⁶. Другие утверждают, что в экономической сфере «левые» еще могут восторжествовать, приняв экономическую программу, в большей мере учитывающую проблемы сельской бедноты⁴⁷.

По мнению некоторых западных специалистов, отсутствие единства среди высшего китайского руководства по вопросам аграрной политики проявляется в ряде соответствующих документов. Так, из документов ЦК КПК по аграрному вопросу, по их утверждениям, явствует, что в партии нет единства как в оценке прошлого опыта развития сельского хозяйства, так и в наметках плана будущих преобразований, темпах их реализации. Например, Т. Бернстин пишет, что в результате настойчивой критики в печати на протяжении 1978—1980 гг. предыдущего аграрного курса было подготовлено общественное мнение и создан «политический климат» для радикальных преобразований, что, однако, не явилось «достаточным условием для официального одобрения новой политики»⁴⁸. Поэтому, продолжает Т. Бернстин, 6-й пленум ЦК КПК (1981) принял «половинчатое решение» при оценке прошлого курса: в документе говорится, что в ходе массовой коллективизации сельского хозяйства были допущены искажения, но первоначальные группы трудовой взаимопомощи и кооперативы низшего типа соответствовали достигнутому уровню развития производительных сил деревни⁴⁹.

При анализе различных аспектов Документа № 1 ЦК КПК (1984) на страницах «Чайна куотерли» говорится, что в партии нет единства по таким важным вопросам, как определение степени воздействия государства и коллектива на сельскохозяйственное производство, роли сельских партийных организаций в новых условиях и др.⁵⁰ При этом утверждается, что именно в силу разнообразия мнений выдвигаемая в документе политика представляет собой «отнюдь не институциональное равновесие»⁵¹. В. Шу пишет в этой связи, что одновременное проведение различных экономических преобразований вовлекло китайское руководство в водоворот экономико-структурных проблем, борьбы и разногласий⁵².

Оппозиция аграрным преобразованиям, по мнению Т. Бернстина, распространена в Китае «от самой верхушки политической системы до низших уровней власти», а на выработку аграрной стратегии оказывают влияние как разногласия внутри высшего китайского руководства, так и отношение к ней института сельских ганьбу⁵³.

Последовательная реализация в КНР некоторых социально-экономических преобразований порождает у ряда западных авторов разного рода

спекуляции, например, утверждается, что она может привести к изменению самой сути Коммунистической партии Китая. Если одни специалисты приходят к подобному выводу, исходя из анализа социально-политических последствий проводимых в стране экономических реформ⁵⁴, то другие обосновывают такую возможность изменениями в теоретических и идеологических позициях партии, зафиксированных в официальных документах после 3-го пленума ЦК КПК. Прежде всего, по их мнению, на это якобы указывают «формальное разграничение» между капиталистическим и социалистическим способами производства, «туманное определение» классовой борьбы и отсутствие четких формулировок, характеризующих «неразвитый социализм» и пути его перехода в «развитые формы»⁵⁵.

Что касается оценки характера проводимых в КНР аграрных реформ, то, как отмечает большинство западных авторов, «очень рискованно оценивать столь радикальные изменения в политике в середине процесса»⁵⁶. Тем не менее западные синологи делают некоторые предварительные оценки. Следует выделить два типа оценок. Первый — это оценки, которые выдвигаются в качестве броских ярлыков («вторая земельная реформа»⁵⁷, «нэп»⁵⁸ и пр.), которые в тексте никак не аргументируются. Второй — это описание наиболее вероятного, по мнению авторов, варианта развития событий. Как правило, у специалистов, избравших этот путь, окончательные выводы неопределенны. К их числу относится, например, следующий: «В ближайшем будущем должен произойти дальнейший отход от традиционных представлений о том, что такое социалистическое аграрное развитие»⁵⁹.

Суммируя оценки характера аграрных преобразований в Китае, сделанные западными авторами, можно выделить два момента, с которыми согласны практически все выступающие в печати: во-первых, незавершенность хозяйственной перестройки не позволяет проанализировать полностью все последствия реформ⁶⁰; во-вторых, проблемы, сложности, трудности нынешней ситуации в деревне порождены успешной политикой социально-экономической трансформации⁶¹, а итоги реформ впечатляют⁶².

Необходимо также подчеркнуть, что при оценке характера аграрных реформ произошло сближение позиций представителей двух направлений — леворадикального и буржуазно-объективистского⁶³. По-разному аргументируя свои выводы, они доказывают, что претворение реформ приведет якобы к утверждению в КНР капиталистического способа производства. Если «крайне левые» связывают экономическую политику, нацеленную на развитие производительных сил, с отказом китайского руководства от идей Мао Цзэдуна о социалистической трансформации общества⁶⁴, с «окончанием» китайской революции в деревне⁶⁵, то «крайне правые» считают, что интенсивное экономическое развитие возможно только при полном отказе от социалистических идеалов, иначе сочетание плана и рынка превращается в «нереальную попытку» создать «децентрализованную монополию»⁶⁶. Но это — крайние точки зрения.

В настоящее время многие западные китаеведы в целом не ставят под сомнение социалистический характер проводимых в КНР аграрных преобразований, хотя в их высказываниях много оттенков. Некоторые леворадикальные синологи утверждают, что «нелегко ослабить социалистическую альтернативу угрожать самому ее существованию»⁶⁷, что в итоге осуществления реформ перед китайским обществом встанет задача, как «сохранить социалистическую экономику с китайской спецификой»⁶⁸ и социалистический способ производства⁶⁹. Для представителей буржуазно-объективистского направления характерно подчеркивание принадлежности КНР к социализму и сходности проблем, стоящих перед аграрным сектором в Китае и во всех социалисти-

ческих странах. Так, Н. Ларди пишет, что если современная политика китайского руководства продолжится, то Китай «превратится в удивительный аналог другим социалистическим странам в период перестройки руководства»⁷⁰.

Что же касается перспектив продолжения политики аграрных преобразований, то в работах западных авторов можно выделить в качестве преобладающего подход, утверждающий, что хозяйственная реформа будет продолжаться, но дальнейшее поддержание высоких темпов роста в сельскохозяйственном производстве маловероятно без значительного увеличения государственных капиталовложений в этот сектор экономики.

По мнению западных специалистов, нынешние экономические изменения, возможно, будут успешными, если до момента создания работоспособного механизма, регулирующего экономику и сочетающего план и рынок, китайскому руководству удастся поддержать высокие темпы роста сельскохозяйственного производства, преодолеть сопротивление реформам, сохранить в разумных пределах социальную и материальную дифференциацию крестьянства⁷¹.

В настоящее время, подчеркивают западные синологи, китайское руководство стоит перед сложным выбором стратегии развития. При этом упор в их оценках делается на следующие гипотетические варианты: если будет принят курс на повышение уровня обобществления коллективной собственности, тогда будет необходимо либо увеличить объем государственных капиталовложений в сельское хозяйство, либо снизить темпы роста; если же будет принято решение об ограничении государственных капиталовложений, тогда либо сельскохозяйственное производство ожидает стагнация, либо государство должно пойти на дальнейшую приватизацию производственных отношений в сельском хозяйстве. Поэтому, делается вывод, вероятно дальнейшее изменение политики, когда Китай «будет искать способы поддержать высокие темпы роста и смягчить некоторые непредвиденные неблагоприятные последствия аграрных реформ»⁷². По другим предположениям, по мере снижения темпов роста деревенской экономики «наиболее вероятно увеличение государственного вмешательства» в регулирование общественных отношений и, «как следствие, возрождение все большего числа черт старой системы» народных коммун⁷³. В настоящее время, признают западные наблюдатели, нет никаких признаков, указывающих на возможность будущей реколлективизации, скорее китайское руководство будет «продолжать починку начатых реформ»⁷⁴.

В китайской деревне идет сложный процесс перестройки, и делать окончательные выводы о происходящих событиях преждевременно хотя бы в силу незавершенности процесса аграрных преобразований. При этом необходимо учитывать указание В. И. Ленина, который, разрабатывая основы стратегии и тактики революционной партии пролетариата, писал: «Если я скажу: новую Россию надо построить вот так-то с точки зрения, положим, истины, справедливости, трудовой уравнительности и т. п., это будет субъективизм, который заведет меня в область химер. На деле борьба классов, а не мои наилучшие пожелания, определит построение новой России. Мои идеалы построения новой России будут нехимеричны лишь тогда, когда они выражают интересы действительно существующего класса, которого условия жизни заставляют действовать в определенном направлении. Становясь на эту точку зрения объективизма классовой борьбы, я нисколько не оправдываю действительности, а напротив указываю в самой этой действительности самые глубокие (хотя бы и невидные с первого взгляда) источники и силы ее преобразования»⁷⁵.

В то же время нельзя не отметить, что КПК внимательно следит за изменениями в ситуации в деревне и ежегодно конкретизирует и развивает свою аграрную политику. Внимание западных специалистов привлекает курс на поощрение развития товарно-денежных отношений в китайской деревне. Главный порок рассуждений западных китаеведов состоит в непонимании того факта, что товарно-денежные отношения — категория не только капиталистического способа производства, они присущи многим способам производства. Один из кардинальных выводов КПК последних лет состоит в том, что на базе натурального и полунатурального хозяйства невозможно построить социалистическое общество. Этот вывод китайской научной мысли является важным вкладом в конкретизацию концепции перехода к социализму стран с докапиталистической системой общественных отношений. Трудности и сложности формирования аграрной политики, выработки мероприятий по развитию производительных сил и товарно-денежных отношений во многом обусловлены тем, что КПК вынуждена решать указанные проблемы в условиях социально-культурной отсталости деревни и целого ряда других объективных факторов (перенаселенность, узость пахотного клина, недостаток энергоресурсов, нехватка пресной воды и др.).

¹ См.: Современный Китай в зарубежных исследованиях (Основные тенденции в китаеведении капиталистических стран). М., 1979.

² Идеино-политический кризис конца 60-х гг. в странах развитого капитализма привел к широкому распространению, особенно среди молодежи, идей отрицания буржуазного общества и культуры. Лозунги духовного и материального равенства всех граждан, выдвигавшиеся в КНР в период «культурной революции», были подхвачены многими западными молодежными организациями и университетскими центрами. На конец 60-х — начало 70-х гг. приходится пик роста числа синологических центров практически во всех странах развитого капитализма. Китаеведы, получившие образование в этот период, с большой симпатией относятся к эгалитаристским положениям «теоретического» наследия Мао Цзэдуна. Особенно это характерно для синологов, работающих в Австралии и Великобритании.

³ См. анализ работ западных синологов в: Th. P. Bernstein. How stalinist was Mao's China? — «Problems of Communism», 1985, vol. 34, № 2, p. 118—125.

⁴ См. напр.: S. Aziz. Rural development: Learning from China. N. Y., 1978 — XXI, 201 p.; M. Blecher, M. Meisner. Economic growth and equality in rural China: Xiang county as development experience and model. — «Comparative Political Studies», 1981, vol. 13, № 4, p. 505—525 etc.

⁵ О существе и характере социально-экономических преобразований в КНР, прежде всего в аграрном секторе, подробнее см.: В. В. Ажаева. Формы подрядной организации производства в сельском хозяйстве КНР: Науч. ан. обзор. М., 1986; Я. М. Бергер. Коллектив и крестьяне в современной китайской деревне. М., 1984; Л. А. Волкова. Тенденции изменений форм хозяйственной организации в китайской деревне в начале 80-х гг. — «Проблемы Дальнего Востока», 1983, № 1, с. 73—82; В. П. Курбатов. Эволюция системы производственной ответственности в китайской деревне. — «Народы Азии и Африки», 1986, № 4, с. 14—23 и др.

⁶ In: «Development and Change», 1979, vol. 10, № 3, p. 403—421.

⁷ In: W. Hinton. Shenfan: the continuing revolution in a Chinese village. N. Y., 1983 — XXV, 795 p.

⁸ N. Diamond. Rural collectivization and decollectivization in China: a review article. — «Journal of Asian Studies», 1985, vol. 44, № 4, p. 791; Th. P. Bernstein. Op. cit., p. 122.

⁹ In: J. Fewsmith. Rural reform in China: stage two. — «Problems of Communism», 1985, vol. 34, № 4, p. 48—58.

¹⁰ B. McFarlane. Political economy of class struggle and economic growth, 1950—1982. — China's Changed Road to Development. Oxford etc. 1984, p. 32.

¹¹ In: K. Griffin, A. Saith. The pattern of income inequality in rural China. — «Oxford Economic Papers», 1982, vol. 34, № 1, p. 203.

¹² In: N. Diamond: Op. cit., p. 785—786.

¹³ In: China's Changed Road to Development (Ed. by N. Maxwell, B. McFarlane). Oxford, 1984, p. V.

¹⁴ A. Watson. Agriculture looks for «Shoes that fit»: The production responsibility system and its implications. — China's Changed Road to Development. 1984, p. 84.

- ¹⁵ In: M. Blecher. Inequality and socialism in rural China: A conceptual note. — «World Development», 1985, vol. 13, № 1, p. 120.
- ¹⁶ In: «China Quarterly», 1985, № 102, p. 339.
- ¹⁷ In: M. Blecher. The structure and contradictions of productive relations in socialist agrarian «reform»: a framework for analysis and the Chinese case. — «The Journal of Development Studies», 1985, vol. 22, № 1, p. 104.
- ¹⁸ In: Chinese marxism in flux, 1978—1984: Essays on epistemology, ideology and political economy (Ed. by B. Brugger). L., 1985, p. 2.
- ¹⁹ Ibid., p. 14.
- ²⁰ M. Blecher. Op. cit., p. 104.
- ²¹ In: Chinese marxism in flux, 1978—1984, p. 9.
- ²² Ibid., p. 141.
- ²³ In: «China Quarterly», 1985, № 102, p. 339.
- ²⁴ In: Chinese marxism in flux, 1978—1984, p. 117.
- ²⁵ Ibid., p. 6.
- ²⁶ In: N. Diamond. Op. cit., p. 792; V. Shue. The fate of the commune.— «Modern China», 1984, vol. 10, № 3, p. 277.
- ²⁷ In: S. Ishikawa. China's economic system reform: underlying factors and prospects. — «World Development», 1983, vol. 11, № 8, p. 650.
- ²⁸ Ibid., p. 656.
- ²⁹ J. S. Prybyla. China's economic experiment: from Mao to market.— «Problems of Communism», 1986, vol. 35, № 1, p. 22.
- ³⁰ T. Pairault. Chinese market mechanism: a controversial debate. — «World Development», 1983, vol. 11, № 8, p. 640.
- ³¹ См., напр.: E. B. Vermeer. Income differentials in rural China. — «China Quarterly», 1982, № 89, p. 1—33; E. B. Vermeer. Rural economic change and the role of the state in China, 1962—1978.— «Asian Survey», 1982, vol. 22, № 9, p. 823—843.
- ³² G. W. Skinner. Rural marketing in China: Repression and revival. — «China Quarterly», 1985, № 103, p. 412.
- ³³ In: Th. P. Bernstein. Reforming China's agriculture. Harwichport, 1984, p. 2.
- ³⁴ In: J. S. Prybyla. Op. cit., p. 25.
- ³⁵ In: Th. P. Bernstein. Reforming China's agriculture..., p. 6.
- ³⁶ In: J. S. Prybyla. Op. cit., p. 28.
- ³⁷ In: M. Blecher. Inequality and socialism in rural China: A conceptual note.— «World Development», 1985, vol. 13, № 1, p. 115.
- ³⁸ См., напр.: M. K. Whyte. Social trends in China: The triumph of inequality? — Modernizing China. Post-Mao reform and development. Boulder, 1986, p. 103—123.
- ³⁹ In: F. W. Crook. The baogan daohu incentive system: translation and analysis of a model contract. — «China Quarterly», 1985, № 102, p. 291.
- ⁴⁰ In: Tang Tsou. The cultural revolution and post-Mao reforms. Chicago, L., 1986, p. 216.
- ⁴¹ M. K. Whyte. Op. cit., p. 118.
- ⁴² Ibid., p. 120.
- ⁴³ In: B. McFarlane. Op. cit., p. 21.
- ⁴⁴ In: P. B. Trescott. Incentives versus equality: what does China's recent experience show? — «World Development», 1985, vol. 13, № 2, p. 212.
- ⁴⁵ In: K. Lieberthal. The political implications of document № 1, 1984. — «China Quarterly», 1985, № 101, p. 112.
- ⁴⁶ In: P. B. Trescott. Op. cit., p. 212.
- ⁴⁷ In: B. McFarlane. Op. cit., p. 21.
- ⁴⁸ In: Th. P. Bernstein. Reforming China's agriculture..., p. 29.
- ⁴⁹ Ibid., p. 24.
- ⁵⁰ In: K. Lieberthal. Op. cit., p. 110; J. Kallgren. The concept of decentralization in document № 1, 1984.— «China Quarterly», 1985, № 101, p. 108.
- ⁵¹ Y. Y. Kueh. The economics of the «Second land reform» in China.— «China Quarterly», 1985, № 101, p. 131.
- ⁵² In: V. Shue. The new course in Chinese agriculture.— «The Annals», 1984, vol. 476, № 6, p. 83.
- ⁵³ In: Th. P. Bernstein. Reforming China's agriculture..., p. 31.
- ⁵⁴ In: Th. P. Bernstein. Ibid., p. 89; D. Zweig. Economic development and social conflict: The politics of prosperity in rural China.— «China Quarterly», 1986, № 105, p. 17.
- ⁵⁵ In: Chinese marxism in flux, 1978—1984, p. 97.
- ⁵⁶ «China Quarterly», 1985, № 102, p. 339.
- ⁵⁷ In: Y. Y. Kueh. Op. cit., p. 122.
- ⁵⁸ In: Th. P. Bernstein. Reforming China's agriculture..., p. 91.

⁵⁹ R. Conroy. «Laissez — faire» socialism? Prosperous peasants and China's current rural development strategy. — «Australian Journal of Chinese Affairs», 1984, № 12, p. 28.

⁶⁰ In: M. K. Whyte. Op. cit., p. 120.

⁶¹ In: K. Lieberthal. Op. cit., p. 112.

⁶² In: J. Pрыбыла. Op. cit., p. 26; V. Shue. Op. cit., p. 88.

⁶³ Это положение признается и некоторыми западными специалистами. См., напр.: S. Harell. Rec.: R. Madsen. Morality and power in a Chinese village. Berkeley, 1984, XVI, 283 p. — «Journal of Asian Studies», 1986, vol. XLV, № 3, p. 576.

⁶⁴ In: Chinese marxism in flux, 1978—1984, p. 96.

⁶⁵ In: Tang Tsou. Op. cit., p. 215.

⁶⁶ In: J. Pрыбыла. Op. cit., p. 30.

⁶⁷ Chinese marxism in flux, 1978—1984, p. 62.

⁶⁸ In: J. Kallgren. The concept of decentralization in document № 1, 1984. — «China Quarterly», 1985, № 101, p. 107.

⁶⁹ In: Chinese marxism in flux, 1978—1984, p. 170.

⁷⁰ N. R. Lardy. Consumption and living standards in China. — «China Quarterly», 1984, № 100, p. 864.

⁷¹ In: S. Ishikawa. Op. cit., p. 656; V. Shue. Op. cit., p. 88.

⁷² N. R. Lardy. Agricultural reforms in China. — «Journal of International Affairs», — 1986, vol. 39, № 2, p. 104.

⁷³ In: A. J. Gregor. Economic reform in the People's Republic of China: The «detoxification» of maotism. — «Asian Thought and Society», 1986, vol. 11, № 31, p. 13.

⁷⁴ In: Th. P. Bernstein. Reforming China's agriculture..., p. 95.

⁷⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, с. 101.

АТР: СТРАНЫ И ПРОБЛЕМЫ

Азиатско-тихоокеанский регион и безопасность в Азии

*П. Н. БАРАХТА,
Ю. Г. ЖАРКИХ*

Едва ли кто сегодня сомневается в большом значении как в области экономики, так и в международных отношениях азиатско-тихоокеанского региона. В Европе и США уже без удивления воспринимается динамичное развитие стран — членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), хотя в целом проблем на их пути в XXI в. еще вполне достаточно.

Азиатско-тихоокеанский регион — самый населенный на земном шаре. В 33 прибрежных государствах Тихого океана проживает около половины человечества. Страны АТР располагают 56 % разведанных мировых запасов свинца, 47 — цинка, 41 — никеля, 37 — кобальта, 32 % — меди и другими природными богатствами. Удельный вес региона в мировой торговле превышает 30 %¹. Быстро возрастает его значение в системе мировых хозяйственных связей. Согласно прогнозам, к началу XXI в. АТР может превратиться в один из крупнейших центров мирового промышленного производства.

Одной из важных экономических, да и политических сил АТР ныне является АСЕАН, в которую входят Бруней, Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд и Филиппины.

На фоне застойных и кризисных явлений в капиталистическом мире экономика государств «шестерки» довольно динамично развивалась и развивается. Так, ежегодный прирост валового национального продукта в 70-е гг. составил в Индонезии свыше 11 %, Таиланде — 10, на Филиппинах и в Сингапуре — 8, в Малайзии — почти 8 %². Правда, в 80-е гг. в государствах АСЕАН в силу целого ряда причин темпы экономического роста упали, но тем не менее этот показатель остается высоким в сравнении с другими государствами капиталистического мира.

Несомненно, весомость одного процента прироста валового национального продукта, например, в Японии и Таиланде весьма и весьма неодинакова. Чтобы создать такое количество материальных ценностей, которое создали японцы в 1985 г., Таиланду пришлось бы добиваться прироста в 5 % в течение 30 лет³. Но относительно высокие темпы экономического роста в государствах АСЕАН уже нельзя не учитывать при перспективном анализе.

В конце 70-х — начале 80-х гг. шла быстрая индустриализация стран АСЕАН. Инвестиции в экономику в среднем увеличивались более чем на 9 % в год⁴. Еще недавно покупатели в США или Западной Европе с удивлением и недоверием рассматривали электронные часы, бытовую радиоаппаратуру, микропроцессоры, изготовленные в Сингапуре, Малайзии или Индонезии. Сегодня эта и другая разнообразная продукция обрабатывающих отраслей промышленности стран АСЕАН все в больших количествах поступает на международный рынок. Известно, что более 20 % валового национального продукта ассоциации приходится на обрабатывающую промышленность, а около 30 % в экспорте «шестерки» занимают готовые изделия⁵.

Динамизм экономического роста стран АСЕАН характеризует также интенсивность региональных торговых связей. К началу 80-х гг. страны АСЕАН осуществляли 52 % экспорта и 54 % импорта в пределах азиатско-тихоокеанского региона⁶. Региональные торговые связи ассоциации уже превосходили соответствующие показатели государств — членов Европейского экономического сообщества, хотя в настоящее время в целом объем торговли между странами, входящими в АСЕАН, пока еще невелик и составляет всего 20 % их совокупной торговли. 90 % товаров «шестерка» вынуждена приобретать за пределами региона.

Ассоциация стремится активизировать внутрирегиональную торговлю. Так, выступая в августе 1986 г. на XVIII конференции министров экономики Индонезии, Малайзии, Сингапура, Таиланда, Брунея и Филиппин, президент Филиппин К. Акино призвала участников форума к расширению торгово-экономических связей в рамках АСЕАН⁷.

Торгово-экономическое давление со стороны стран Запада

На пути экономического развития стран АСЕАН стоит ряд серьезных препятствий. Одним из них, как показали документы XIX (1986) конференции министров иностранных дел АСЕАН в Маниле и встреча президента Рейгана на острове Бали с лидерами «шестерки», являются неравноправные торгово-экономические связи с промышленно развитыми партнерами в капиталистическом мире, в первую очередь с США и Японией. В 1985 г. товарооборот между США и странами АСЕАН достиг почти 24 млрд. долл. по сравнению с 967 млн. в 1967 г.⁸ США являются вторым после Японии крупнейшим торговым партнером АСЕАН. На американскую сторону приходится 21,3 % всего экспорта и 12,7 % импорта ассоциации. 17 % всей внешней торговли АСЕАН приходится на Соединенные Штаты. По данным министерства торговли США, совокупные капиталовложения американских монополий в трансах ассоциации только за пятилетие (1979—1983) возросли с 3,5 млрд. до 10 млрд. долл.⁹ С другой стороны, страны АСЕАН стоят лишь на пятом месте по общему товарообороту Соединенных Штатов.

Отнюдь не равноправными выглядят и торгово-экономические отношения АСЕАН с Японией — главным партнером «шестерки» в экспортно-импортных операциях. В 1984 г. их объем превысил 30 млрд. долл.¹⁰ На государства ассоциации падает около 35 % всех иенных кредитов и около 50 % официальной помощи Токио, направляемых в АТР с целью его развития¹¹.

Репарационные соглашения, заключенные Японией со странами ЮВА в 1954—1962 гг. на общую сумму свыше одного млрд. долл., заложили основу для рынка японских товаров в регионе. К 1982 г. удельный вес стран АСЕАН в японском экспорте составил уже 10,7 % и его объем достиг 14,8 млрд. долл. Для Японии значение стран АСЕАН как контрагентов во внешней торговле определяется прежде всего тем, что они поставляют ей 98 % натурального каучука, 96 — олова, 30 — медной руды и бокситов, 13—14 % нефти¹². Тенденция к росту японских инвестиций в страны АСЕАН продолжается в 80-х гг. На страны ассоциации в настоящее время приходится около 20 % всех прямых зарубежных капиталовложений японских монополий, составивших около 100 млрд. долл. в 1984 г. Для японских инвестиций в страны АСЕАН характерен высокий удельный вес вложений в смешанные компании (свыше 50 % общего числа). Одной из самых быстрорастущих сфер приложения японского капитала в государствах АСЕАН в последнее время стало гостинично-туристское хозяйство, ориентированное в основном на обслуживание огромного потока японских туристов в ЮВА¹³.

В то же время на Японию приходится всего 10 % совокупного экспорта промышленных товаров из АСЕАН. Опасаясь «эффекта бумеранга», официальный Токио ограничивает даже импорт продукции дочерних компаний японских фирм, действующих в Юго-Восточной Азии¹⁴. По состоянию на март 1985 г., японские компании вложили капиталы в 869 объектов в странах АСЕАН на общую сумму 12,6 млрд. долл. В Сингапуре японские капиталы вложены в 221 объект (25,4 %), в Таиланде — в 186 (21,4 %), в Индонезии — в 180 (20,7 %), в Малайзии — в 173 (19,9 %), на Филиппинах — в 107 объектов (12,3 %)¹⁵.

Однобокая ориентация

Ориентация стран АСЕАН в торгово-экономических связях на США и Японию наносит сегодня серьезный урон их экономике. Провозглашаемое на словах «взаимовыгодное и равноправное партнерство» на деле в Вашингтоне и Токио рассматривают как источник получения односторонних выгод, средство выколачивания сверхприбылей и преодоления собственных экономических трудностей, мощный рычаг вовлечения АСЕАН в орбиту милитаризма и антисоветизма.

Большие трудности испытывают страны АСЕАН из-за стремления правящих кругов США и Японии сохранить развивающиеся страны в качестве своих сырьевых придатков. Так, 90 % экспорта «шестерки» на японский рынок составляет сырье¹⁶. Сегодня в результате махинаций транснациональных монополий на международном рынке значительно упали цены на большинство видов сырья — основную статью экспорта из государств ассоциации. Это серьезный удар по национальным интересам Брунея, Индонезии, Малайзии, Сингапура, Таиланда и Филиппин.

Значительно подешевели, как известно, нефть, натуральный каучук, олово, пальмовое масло, лес, сахар, копра, рис и т. д. В настоящее время экспорт нефти и природного газа дает 60 % правительственных поступлений и 73 % доходов Индонезии в иностранной валюте¹⁷.

Положение усугубляет волна протекционистских мер, принятых в Японии и США. По мнению малайзийских деловых кругов, они могут привести к существенному сокращению экспорта из Малайзии, на который, как заявил министр торговли и промышленности Разали бин Хамзах, в настоящее время приходится 55 % валового национального продукта страны. В Бангкоке серьезное беспокойство вызывает намерение Вашингтона ограничить импорт тайландского риса, что ударит по 12 млн. его производителей в стране.

Одновременно американские и японские фирмы взвинчивают цены на промышленные товары и технологии. Недавно на 15 % подорожали японские автомобили, экспортируемые в государства АСЕАН. С начала 80-х гг. расходы на приобретение японских технологий в среднем росли ежегодно на Филиппинах на 27 %, в Таиланде — на 20 %¹⁸.

Что же касается финансовых связей, то и здесь нет и намек на альтруизм со стороны американских и японских банкиров. По данным ООН, Япония ежегодно получает доход в размере не менее 3 млрд. долл. со своих инвестиций в Юго-Восточной Азии¹⁹. При этом широко рекламируемая «помощь на цели развития» зачистую остается лишь пропагандистским заявлением.

По образному выражению одного из токийских журналистов, возок так называемой официальной помощи на цели развития катился все медленнее, а под конец чуть было совсем не остановился. В 1985 г. ассигнования по этой статье вопреки заверениям правительственных чиновников Японии не только не увеличились, но даже сократились на 12 % по сравнению с

предыдущим годом²⁰. Как писала газета «Нихон кэйдзай», недовольство в АСЕАН вызывают скупость официального Токио, откровенное навязывание непомерно высоких процентов по выделяемым кредитам, само содержание японской «помощи». Ее значительная часть приходится на долю так называемых товарных займов. «Нас,— отмечала газета японских деловых кругов,— упрекают в Юго-Восточной Азии в том, что посредством такого рода помощи мы добиваемся лишь расширения своего экспорта»²¹.

Вызывает тревогу в странах АСЕАН и растущая внешняя задолженность. Индонезия уже вошла в десятку крупнейших должников мира. Об отсрочке выплаты процентов по долговым обязательствам вынуждены ежегодно просить Филиппины, чей внешний долг составляет почти 30 млрд. долл. Долг Малайзии на душу населения — один из самых высоких в мире, а долги Таиланда, по мнению экспертов, «тревожно велики»²². В целом внешний долг стран АСЕАН в последние годы существенно возрос и приблизился к 100 млрд. долл.²³ Не случайно в Маниле на XIX Конференции министров иностранных дел стран АСЕАН в адрес США и Японии прозвучали резкие обвинения в проведении политики «экономического колониализма».

С другой стороны, и Вашингтон и Токио, как показали выступления Дж. Шульца и С. Абэ в столице Филиппин в ходе консультаций с главами внешнеполитических ведомств «шестерки», используют экономическую зависимость в политических целях. Американский эмиссар, например, пытался развязать дискуссию о некоей «советской угрозе» государствами АТР, «вьетнамском экспансионизме» и так называемой кампучийской проблеме. Не обошлось при этом и без гегемонистских претензий США, предложивших АСЕАН американское «конструктивное участие в региональном урегулировании».

Приходится констатировать, что определенные политические круги в США и Японии стремятся создать в АТР еще одну арену военно-политической конфронтации с социалистическими государствами. Такой подход усиливает нестабильность, ведет к расширению старых и возникновению новых очагов конфликтов.

Военное проникновение США в АТР

Тихоокеанский регион в целом пока еще не милитаризован в такой мере, как европейский. Однако, как сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев на встрече с Генеральным секретарем ЦК Трудовой партии Кореи, Президентом КНДР Ким Ир Сенем 24 октября 1986 г., «на Дальнем Востоке, в азиатско-тихоокеанском регионе... развернута одна из крупнейших американских группировок, насчитывающая 360 тысяч человек. В Японии находятся 32 американские военные базы, в Южной Корее — 40. К этому нужно добавить планы сколачивания блока Вашингтон — Токио — Сеул с привлечением других государств. Судя по всему, это должно быть что-то вроде «восточного НАТО»»²⁴. Не случайно, что именно в Азии американский империализм вел две самые большие после 1945 г. войны — в Корее и Индокитае. За четыре десятилетия не наберется и нескольких лет, когда то в одной, то в другой точке АТР не полыхало бы пламя военного пожара.

Со второй половины 70-х гг. США предприняли широкомасштабные меры по наращиванию вооруженных сил на Тихом океане. Их усилиями и других связанных с Вашингтоном стран в АТР создана огромная военная машина, направленная против Советского Союза, других социалистических стран, прогрессивных сил вообще.

Вашингтон уже не первый год «обрабатывает» страны АСЕАН, стремясь

втянуть их в орбиту своей глобальной политики, придать АСЕАН характер военной организации. Американских политиков и военных привлекает стратегическое положение Юго-Восточной Азии, через которую пролегают пути, соединяющие бассейны Тихого и Индийского океанов. Сколачивая пресловутый «единый восточный фронт от Персидского залива до Алеутских островов», Вашингтон стремится установить свой контроль над этим районом. Его не устраивает новая ситуация в Индокитае, содружество Вьетнама, Лаоса и Кампучии, представляющее собой форпост сил социализма в Юго-Восточной Азии, преграду на пути империалистической экспансии. Потерпев поражение в открытой войне против этих народов, империализм США не отказался от подрывных действий в отношении СРВ, ЛНДР и НРК. «В конечном итоге сокровенной мечтой США, — писала газета «Токио симбун», — остается формирование в регионе военно-политического и экономического блока хотя бы в отдаленной перспективе»²⁵. Подобные планы имеют долгосрочный политический характер, поскольку Вашингтон полагает, что «решающая схватка с коммунизмом и Советским Союзом во всех областях постепенно переносится на Тихий океан»²⁶.

Для осуществления этих замыслов и нужна напряженность в Юго-Восточной Азии. Вашингтон запугивает страны АСЕАН надуманной «советской угрозой», повсюду эксплуатирует фальшивый тезис о «региональном гегемонизме» Вьетнама. Себя же выдает за защитника стран АСЕАН перед лицом этих «угроз». Немаловажным фактором в этой политике шантажа и выкручивания рук, как показала встреча в Маниле, становится «экономический диктат».

Для раздувания напряженности в регионе используется так называемый кампучийский вопрос. Уже восемь лет идет необъявленная война против Народной Республики Кампучии, в которой американский империализм и политически и материально поддерживает сколоченное с их благословения «коалиционное правительство демократической Кампучии», где тон задает клика Пол Пота. Хотя Вашингтон и отрекся от открытых контактов с полпотовцами, всем ясно, что только благодаря поддержке администрации США эти палачи все еще занимают место Кампучии в ООН.

Попытки втянуть АСЕАН в военную орбиту

До сих пор США не смогли превратить АСЕАН в военный блок. Столкнувшись с откровенным нежеланием руководителей стран АСЕАН примерять на ассоциацию скроенный в Вашингтоне военный мундир, американские стратеги действуют исподволь, пытаясь втянуть страны региона в свои сети одну за другой.

Делается это по нескольким направлениям. США усиленно вооружают «шестерку», а также содействуют развитию военного производства в самих странах АСЕАН, всячески поощряют развитие военного сотрудничества между государствами ассоциации и стремятся привязать их к собственной военной колеснице.

В качестве главного объекта избран Таиланд — страна, связанная с США соглашениями в военной области. В свое время здесь были размещены американские военные базы. Вашингтон не пожалел усилий, чтобы разжечь конфронтацию между Таиландом и странами Индокитае: именно с этой целью США открыто снабжают оружием банды кхмерских реакционеров, а тайландской армии поставляют в огромных количествах современные вооружения. Эти поставки включают истребители-бомбардировщики F-16, бронетранспортеры, артиллерийские установки. Две тайландские эскадрильи истребителей F-5E оснащаются системами, усиливающими огневую мощь этих самолё-

тов и точность бомбометания. Модернизируется система ПВО Таиланда.

С 1979 г. американские военные субсидии и займы Бангкоку увеличились более чем в три раза — с 32,4 млн. долл. в 1979 г. до 102,3 млн. долл. в 1985 г.²⁷ Общая военная помощь (продажа за наличные, займы и субсидии для приобретения оружия, снаряжения и обучения личного состава) с 1979 г. превышает помощь, полученную за предыдущие 30 лет, что включает, в свою очередь, американскую помощь Таиланду во время агрессивных войн в Корее и Вьетнаме.

Смысл этих действий очевиден. В конце 1985 г. было подписано тайландско-американское соглашение о «чрезвычайных военных поставках», по которому Пентагону разрешается использование тайландских военных объектов. Следующий шаг был сделан во время визита в Бангкок министра обороны США весной 1986 г. Было решено создать в Таиланде огромные склады вооружений для американских сил быстрого развертывания. Состоялись переговоры о резервном складировании американского оружия на тайландской территории. Переговоры вел командующий вооруженными силами США в районе Тихого и Индийского океанов адмирал Рональд Хейз²⁸. По сообщению газеты «Асахи», Пентагон и военные власти Бангкока ведут переговоры о возможности предоставления США военно-воздушных баз на тайландской территории²⁹. Нельзя не согласиться с мнением тех бангкокских газет, которые считают, что размещение этих складов несет не только угрозу суверенитету и безопасности страны, но и приведет к обострению региональных конфликтов.

В последние годы значительно увеличилась и так называемая военная помощь другим государствам — членам АСЕАН. В 1985 г. конгресс США, как известно, выделил на военные программы для Филиппин 180 млн. долл., Таиланда — 100 млн., Индонезии — 43 млн., Малайзии — 11 млн. долл. Для сравнения укажем, что на все программы технического сотрудничества США ассигновали для АСЕАН лишь 4,8 млн. долл.

Втягивая государства — члены ассоциации в русло милитаристских приготовлений, Соединенные Штаты наносят тем самым значительный ущерб их экономике, вынуждая отвлекать все более значительные ресурсы от решения острых социально-экономических проблем. Так, военный бюджет того же Таиланда увеличился за последние годы в 3 раза и достиг внушительной суммы — 1,7 млрд. долл.³⁰ Быстро растут военные ассигнования в других странах АСЕАН. По данным лондонского Института стратегических исследований, в 1982—1983 гг. Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд истратили свыше 8 млрд. долл. на свои вооруженные силы. Это более чем на 70 % превысило их общие расходы на оборону в 1978 г. Общая численность их вооруженных сил сейчас 800 тыс. человек. По данным филиппинской газеты «Буллитин тудей», в ближайшее десятилетие объем закупок военной техники и снаряжения возрастет более чем вдвое и составит около 10 млрд. долл.³¹

Странам АСЕАН навязывается также стандартизация вооружений и организационной структуры вооруженных сил по натовским и американским образцам. Так, скажем, поставки американских самолетов F-16 предполагают создание и общей базы их технического обслуживания. На страны АСЕАН в этом плане оказывается открытый нажим. По сообщению «Нейшн», в конце ноября 1986 г. в Бангкоке состоялся специальный семинар по вопросам управления вооруженными силами стран района Тихого океана, в котором приняли участие представители более двадцати государств. Участники обменялись мнениями относительно планов модернизации армий стран ассоциации³².

США и в дальнейшем рассчитывают играть ведущую роль в оснащении вооруженных сил АСЕАН боевой техникой. До 1990 г. этим странам будет продано Соединенными Штатами вооружений на сумму 6 млрд. долл.³³

Не отстают от США и их союзники по НАТО. ФРГ, Италия, Нидерланды поставляют АСЕАН разнообразную военно-морскую технику; Франция — вертолеты; Италия — легкие штурмовики; Великобритания и Бельгия — танки.

Страны НАТО предпринимают настойчивые шаги и по финансированию военно-промышленной базы стран АСЕАН, поставляя оборудование и технологию для производства вооружений, обеспечивая обучение кадров. Таким образом, появляется возможность использовать военную производственную базу стран АСЕАН для ремонта и обслуживания боевой техники США и НАТО в данном регионе. Например, при участии фирм США и Италии создается авиационная промышленность в Сингапуре и Малайзии, которая позволит наладить частичное производство, а также ремонт и обслуживание американских военных самолетов, базирующихся в западной части Тихого океана.

Фирмы ФРГ, Франции и Испании содействовали налаживанию производства в Индонезии вертолетов и легких военно-транспортных самолетов. Западногерманские, английские, итальянские корпорации участвуют в развитии кораблестроительной базы Сингапура и Таиланда. Верфи этих стран используются для ремонта кораблей стран НАТО. Например, в Сингапуре ремонтировался английский авианосец «Инвинсибл», который участвовал в англо-аргентинском конфликте из-за Фолклендских (Мальвинских) островов.

Против превращения АСЕАН в военную организацию

В нынешних условиях США не удастся превратить АСЕАН в военный блок. В государствах «шестерки» растет понимание опасности следования в форватере милитаристского курса Вашингтона. В апреле 1986 г. вице-президент, министр иностранных дел Филиппин С. Лаурель высказался против полной зависимости от США в вопросах национальной безопасности и за использование других возможностей для сохранения мира — по линии ООН, Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, Движения неприсоединения. «Такие страны, как Филиппины, должны быть хозяевами своей судьбы. Им следует отказаться от роли заложников в ядерной войне», — заявил он³⁴. Как показала встреча в Маниле, АСЕАН отвергает выдвинутую Белым домом и Токио идею создания «тихоокеанского сообщества», опасаясь быть втянутыми в четко оформленную структуру не только экономического, но и военно-политического характера, доминирующей силой в которой выступали бы ведущие империалистические державы.

В начале января 1987 г., выступая на пресс-конференции в Джакарте, министр иностранных дел Индонезии М. Кусумаатмаджа отверг идею активизации военного сотрудничества со странами — членами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии. Он подчеркнул, что страны АСЕАН не нуждаются в единой оборонительной системе, ассоциация была создана не для этих целей. Министр заявил, что не видит необходимости в реализации предложения директора лондонского Международного института стратегических исследований Р. О. Нила о создании странами АСЕАН совместной системы морской охраны в связи с «ростом присутствия американских и советских кораблей в регионе».

В этих условиях естественным ходом событий в политическую повестку дня выдвигаются предложения о превращении Юго-Восточной Азии в регион мирного сотрудничества, в зону мира, стабильности и добрососедства, а также предложение Индонезии провозгласить ЮВА безъядерной зоной. Эту позицию М. Кусумаатмаджа высказал еще раньше, 31 декабря 1985 г., подчеркнув, что Индонезия поддерживает договор о безъядерной зоне в южной части Тихого океана, который отвечает принципам принятой ассоциацией

концепции превращения ЮВА в зону, свободную от ядерного оружия³⁵.

Анализ позиций АСЕАН по вопросам регионального урегулирования и создания зоны мира, независимости и нейтралитета в этом районе, начиная с момента провозглашения данной концепции в 1971 г. в Куала-Лумпуре, приводит к выводу, что существуют реальные возможности найти точки соприкосновения в позициях членов АСЕАН и социалистических стран Индокитая не только по данной проблеме, но и по многим другим.

По пути оздоровления обстановки в АТР

Каков же реальный путь оздоровления обстановки в этом районе мира, преодоления нынешних конфликтных ситуаций, каким образом могут государства группировки выйти в конце концов на дорогу, ведущую к миру и сотрудничеству в Юго-Восточной Азии?

Мир, свободный от ядерного оружия и насилия, говорится в Делийской декларации, требует конкретных и безотлагательных мер. Подписанная руководителями СССР и Индии декларация воплощает собой наглядный пример нового подхода, нового политического мышления.

Странам Индокитая принадлежит комплекс конструктивных предложений, направленных на нормализацию отношений с АСЕАН и превращение ЮВА в зону мира. Предлагается, в частности, урегулировать положение на тайландско-кампучийской границе, созвать международную конференцию для обсуждения положения в ЮВА с участием государств Индокитая, АСЕАН, а также Бирмы, Индии и пяти стран, участвовавших в предыдущей конференции по Индокитаю (СССР, КНР, США, Франция и Великобритания).

Совершенно ясно, что мир и безопасность нельзя обеспечить политикой, ориентированной на конфронтацию. Советский Союз активно призывает сообщество искать пути к укреплению мира, безопасности и сотрудничества в Азии и бассейне Тихого океана. М. С. Горбачев во время визита в Индию в конце 1986 г. выдвинул конкретные предложения, среди которых — созвать не позднее 1988 г. международную конференцию в целях осуществления декларации ООН об объявлении Индийского океана зоной мира.

Сложные процессы, происходящие сегодня в Азии и бассейне Тихого океана, не могут не затрагивать Советский Союз как одну из крупнейших азиатских и тихоокеанских держав, его друзей и союзников, интересы международного мира и безопасности. Вместе с тем этот интерес отнюдь не продиктован претензиями на какие-то привилегии и особое положение, в его основе не лежат эгоистические попытки укрепить свою безопасность за чужой счет. Верная принципам миролюбивой внешней политики, Страна Советов никогда не претендовала и не претендует на особое положение где-либо на Земле. Это касается и Азии.

Советский Союз, социалистические страны никому не угрожали и не угрожают — ни в Европе, ни в Азии, ни в других частях света. Они не предпринимают ничего сверх того, что абсолютно необходимо с точки зрения обеспечения собственной безопасности и поддержания стратегического равновесия, причем на возможно более низком уровне.

В последнее время Советский Союз выступил с радикальными, в полном смысле глобальными предложениями, направленными на оздоровление международной обстановки. Это — ликвидация уже в этом столетии ядерного оружия, сотрудничество в мирном использовании космоса, значительное сокращение обычных вооружений и вооруженных сил и целый ряд других программ. Масштабные инициативы СССР касаются всех стран, потому что вставшая сегодня перед человечеством главная проблема — проблема выживания —

одинаково остра и неотложна и для Европы, и для Африки, и для Америки, и для Азии. Этой проблеме в феврале текущего года был посвящен Московский международный форум «За безъядерный мир, за выживание человечества». Форум продемонстрировал решимость людей планеты преградить путь ядерной катастрофе. «Мы,— сказал в своей речи на встрече в Кремле с участниками форума М. С. Горбачев,— отвергли право руководства какой бы то ни было страны, будь то СССР, США или любой другой, выносить человечеству смертный приговор. Мы не судьи, а миллиарды людей не преступники, которых надо покарать. Поэтому и необходимо сломать ядерную гильотину. Ядерные державы должны перешагнуть через свою ядерную тень в безъядерный мир. И тем самым покончить с отторжением политики от общечеловеческих норм нравственности».

В конце июля 1986 г. СССР вновь продемонстрировал конструктивный, гибкий и реалистический подход к решению актуальных проблем современного международного положения. Выступая во Владивостоке, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев выдвинул широкомасштабные инициативы, касающиеся судьбы АТР. Средства массовой информации ряда стран назвали их исключительно важными. В Коммюнике XIII Конференции министров иностранных дел Вьетнама, Кампучии и Лаоса (август 1986 г.) советские инициативы были охарактеризованы как «первая всеобъемлющая программа мира из всех, касавшихся когда-либо Азии и Тихого океана».

Создание основ всеобъемлющей системы мира и международной безопасности в АТР поставлено в повестку дня практических действий. Исходя из принципиального миролюбивого курса по укреплению мира и стабильности в Азии и во всем мире, Советская страна, первая из ядерных держав, 15 декабря 1986 г. подписала протоколы 2 и 3 к Договору о безъядерной зоне в южной части Тихого океана (Договор Раротонга), который запрещает разработку, применение и испытание ядерного оружия, а также сброс ядерных отходов в регионе³⁶.

В феврале 1987 г. договор подписала и КНР. По договоренности с правительством МНР СССР принял решение в 1987 г. вывести на родину одну мотострелковую дивизию и несколько отдельных частей из состава советских войск, временно находящихся на территории Монголии³⁷.

Концепция общеазиатской безопасности рождается не на пустом месте. По словам премьер-министра Индии, принципы «Панча Шила», Бандунга и неприсоединения, на которые Генеральный секретарь ЦК КПСС ссылался в своей речи во Владивостоке, создают теоретические и политические рамки для анализа сложных и своеобразных проблем мира, стабильности в азиатско-тихоокеанском регионе.

Выступая в парламенте Индии 27 октября 1986 г., М. С. Горбачев обнародовал новые инициативы, предназначенные сдвинуть с мертвой точки дело демилитаризации Индийского океана. Советский Союз готов: во-первых, начать с Соединенными Штатами и другими неприбрежными государствами, имеющими там боевые корабли на постоянной основе, переговоры о существенном сокращении численности и деятельности военно-морских сил; во-вторых, провести с США и заинтересованными азиатскими странами переговоры о мерах доверия в военной области применительно к Азии и прилегающим акваториям Индийского и Тихого океанов; в-третьих, участвовать в переговорах всех государств, пользующихся водами Индийского океана, по обеспечению безопасности морских коммуникаций и суверенитету прибрежных стран над их природными ресурсами; в-четвертых, участвовать в выработке многостороннего соглашения о безопасности воздушных коммуникаций над Индийским океаном; в-пятых, стать участником международной конвенции

о борьбе с терроризмом на морских и воздушных путях. Выдвигая эти идеи, Советский Союз, разумеется, готов обсудить и другие предложения, касающиеся данной проблемы.

Советский Союз считает, что давно пришло время перевести в практическую плоскость обсуждение мер доверия и неприменения силы в регионе. При этом можно было бы воспользоваться опытом, накопленным государствами Европы, и провести Тихоокеанскую конференцию по типу Хельсинкской.

Свой вклад в борьбу за мир в Азии и на Тихом океане вносят братские социалистические страны, выступающие вместе с Советским Союзом. МНР предложила разработать и заключить конвенцию о взаимном ненападении и неприменении силы в отношениях между государствами Азии и Тихого океана. Хорошо известны международной общественности мирные инициативы КНДР, направленные на создание безъядерной зоны на Корейском полуострове и открывающие возможность начать движение по пути решения национальной проблемы всего корейского народа. Нет непреодолимых препятствий к реализации предложений Вьетнама, Лаоса и Кампучии о превращении Юго-Восточной Азии в зону мира.

Визит министра иностранных дел СССР тов. Э. А. Шеварднадзе в Индонезию, Австралию, АНДР, НРК и СРВ в марте с. г. еще раз показал твердые намерения Советского Союза и впредь вести линию на укрепление и развитие дружественных отношений с государствами—членами АСЕАН на обеспечение в этом районе мира и стабильности.

Большое значение для ослабления напряженности в регионе имеет решение Китая не применять ядерное оружие первым. Таким образом, из пяти ядерных держав две — СССР и КНР — показали добрый пример другим ядерным державам и призывают их присоединиться к этой важной инициативе. Советский Союз в одностороннем порядке с августа 1985 г. прекратил испытания ядерного оружия. Однако Соединенные Штаты Америки не только отказались присоединиться к советскому мораторию, но и пошли по пути дальнейшего расширения гонки вооружений. В этой обстановке СССР не мог больше рисковать своей безопасностью и 26 февраля 1987 г. возобновил ядерные взрывы.

Очевидно, что политика мира и добрососедства в Азии, которую предлагают Советский Союз, другие социалистические государства, отвечает коренным интересам стран — участниц АСЕАН, других стран АТР. Лишь под мирным небом станет возможно быстрое и плодотворное развитие всех государств Азии и бассейна Тихого океана на пути в XXI век. Азиатско-тихоокеанский регион может и должен стать регионом мира и добрососедства.

¹ In: «Aussenpolitik», 1984, № 2.

² Там же.

³ In: «International Herald Tribune», 26.IV.1984.

⁴ In: «Asiaweek», 05.I.1986.

⁵ In: «Aussenpolitik», 1984, № 2.

⁶ Ibid.

⁷ ЮПИ, 26.VIII. 1986.

⁸ In: «Washington Times», 02.V.1986.

⁹ In: «New Straits Times», 02.IV.1986.

¹⁰ In: «Financial Times», 26.VI.1985.

¹¹ In: «Asia Pacific Community», 1985, № 29.

¹² In: «Asiaweek», 19.VII.1985.

¹³ In: «Far Eastern Economic Review», 13.VI.1986.

¹⁴ In: «Asia Pacific Community», 1985, № 29.

- ¹⁵ In: «Warta Kafi», April 1986.
- ¹⁶ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1983, № 4.
- ¹⁷ In: «Financial Times», 03.I.1986.
- ¹⁸ In: «Far Eastern Economic Review», 22.XII.1983.
- ¹⁹ In: «Asia Pacific Community», 1985, № 29.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ «Нихон кэйдзай», 03.VI.1986.
- ²² In: «Asiaweek», 05.I.1986.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ См.: «Правда», 25.X.1986.
- ²⁵ «Tokyo Shimbun», 06.II.1985.
- ²⁶ Ibid.
- ²⁷ In: «Africasia», 1985, № 9.
- ²⁸ См.: «Известия», 09.III.1986.
- ²⁹ См.: «Красная звезда», 19.III.1986.
- ³⁰ In: «Africasia», 1985, № 9.
- ³¹ См.: «Красная звезда», 13.VI.1985.
- ³² In: «Nation», 10.XII.1986.
- ³³ См.: «Социалистическая индустрия», 16.VII.1986.
- ³⁴ См.: «Известия», 11.IV.1986.
- ³⁵ См.: «Правда», 01.I.1986.
- ³⁶ См.: «Международная жизнь», № 1, 1987.
- ³⁷ См.: «Правда», 18.I.1986.

НАУКА И КУЛЬТУРА

Идеология

Капиталистическая модернизация Японии и идейно-политические аспекты японо-американских отношений

*Б. В. ПОСПЕЛОВ,
доктор исторических наук*

В новой редакции Программы КПСС содержится характеристика положения, сложившегося внутри капиталистической системы. В ней, в частности, говорится: «Образуются новые экономические и политические центры соперничества, прежде всего в Тихоокеанском бассейне и в Латинской Америке. Обостряются противоречия между буржуазными государствами»¹.

Анализ обстановки в тихоокеанском регионе полностью подтверждает данную партийным документом оценку. Здесь непрерывно углубляется империалистическая конкуренция между Японией и США. Два гиганта капиталистического мира стараются добиться осуществления своих далеко идущих экспансионистских планов. Пока лидерство остается за США. Однако Япония все громче заявляет о своем праве на исключительное положение в этой зоне.

В настоящей статье предпринимается попытка осветить преимущественно идеологические проблемы японо-американских отношений, выявить тенденции, которые могут оказать влияние на структуру двусторонних связей в обозримом будущем. Само собой разумеется, что определяющее влияние на динамику этого процесса будут оказывать политические и экономические условия как внутреннего, так и международного характера. Однако далеко не последнюю роль сыграют идеологические и социально-политические аспекты.

* * *

Несоответствие уровня, достигнутого Японией в сфере экономики, науки, культуры и других областей духовного производства, ее месту в системе японо-американского союза, противоречивая структура общественного сознания и социальных отношений, в которых переплетаются приверженность к старым традициям и устремленность к новейшим заимствованиям западной культуры, порождают в Японии обстановку, чреватую серьезными последствиями для международно-политических процессов. Экономические успехи страны, достигнутые на фоне ее неравного партнерства с США, вызывают стремление монополистического капитала к созданию такой ситуации, когда в буржуазном общественном мнении неудовлетворенность существующим положением вещей в международно-политической сфере была бы перенесена в область противопоставления традиционных японских социальных форм и идеологических установок тем, которые в ходе капиталистического раз-

вития были восприняты на Западе. Подобная идеологическая линия выливается в течения, носящие ярко выраженную националистическую окраску. На путях национализма правящая элита Японии пытается ныне добиться социальной стабильности внутри страны, он становится идейно-политическим оружием в конкурентной борьбе с американским империализмом.

Как это ни парадоксально, но такому развитию событий в немалой степени способствовали сами США. При их всесторонней помощи и поддержке японские монополии восстановили свой экономический потенциал, подняли его до уровня, позволившего Стране восходящего солнца занять по объему производства второе место в капиталистическом мире.

На языке буржуазной науки этот бурный процесс экономического роста называется «модернизацией». В Японии и США данный термин употребляется буржуазными учеными для камуфлирования классового характера социально-экономических преобразований, проведенных в этой восточной стране в период ее перехода к современному этапу индустриального развития. Иными словами, «модернизация» как реальный социально-экономический и политический процесс означает становление капитализма и достижение им наивысшего уровня индустриализации.

Кроме такого понимания «модернизации», широкое распространение в буржуазной науке получила «теория модернизации», пытающаяся в обобщенном виде объяснить сущность так называемого модернизационного процесса, т. е. процесса становления и упрочения капиталистической системы. Она призвана подменить марксистско-ленинскую теорию исторического развития, отрицает классовую противоположность капитализма и социализма, фальсифицирует подлинные стимулы общественно-экономических сдвигов в современном капиталистическом мире.

«Теория модернизации Японии» представляет собой попытку охарактеризовать особенности и причины быстрого экономического роста в конкретных условиях этой восточной страны. Ее основные положения были сформулированы в начале 60-х гг. американскими исследователями. Благодаря тесным связям, существующим между американскими и японскими научными кругами, американская по своему происхождению «теория модернизации» получила широкую известность в Японии.

Советские общественные науки, в частности японоведение, опираются на методологические принципы, отличающиеся от тех, которые лежат в основе «теории модернизации». Советскими исследователями, стремящимися к творческому применению этих принципов, раскрыты основные причины относительно быстрого экономического развития Японии. В довоенные годы ими являлись более высокая, чем на Западе, степень эксплуатации рабочей силы, избыток сельского населения, низкий уровень жизни трудящихся. Это позволило предпринимателям осуществлять накопление капитала, который шел на расширенное воспроизводство. Развитие экономики в немалой степени стимулировалось военными отраслями, доля которых в общем объеме промышленной продукции неуклонно повышалась, придавая национальной экономике односторонний, уродливый характер. Наконец, особое значение в качестве политико-экономического феномена, постоянно воздействующего на экономику страны, придавалось захватническим войнам и политике ограбления колоний, которые вели правящие круги Японии.

Положение значительно изменилось после разгрома японского милитаризма во второй мировой войне. Демократические преобразования послевоенных лет создали реальную базу для вызревания позитивных процессов во всех сферах жизнедеятельности человека. Темпы экономического роста резко увеличились после восстановления разрушенного войной хозяйства. Главными причинами

быстрого экономического роста этой страны в послевоенное время стали: аграрная реформа, ликвидировавшая класс помещиков; меры по декартелизации, вызвавшие оживление конкуренции внутри страны; усиление экономического фактора в конкурентной борьбе на мировых рынках; сравнительная дешевизна сырья, закупавшегося Японией главным образом в развивающихся странах; рост производительности труда, опережавший рост заработной платы, как и в довоенные годы, это способствовало накоплению капитала; наличие высококвалифицированных кадров и управленческого аппарата; вызревание в недрах японского производства, разрушенного войной, условий для внедрения новейших достижений научно-технической революции; наконец, широкая помощь США, способствовавшая приобретению японскими корпорациями американских патентов и лицензий, оборудования и т. п.

Американская «теория модернизации Японии» дает иную трактовку источников индустриализации этой страны. Первостепенное значение в определении содержания этой теории имели соображения политического характера: она была призвана стать идейно-теоретической базой политического курса США в отношении Японии. Одновременно она адресовалась освободившимся странам в качестве теории социального развития и должна была послужить заслоном на пути проникновения сюда социалистических концепций общественных преобразований. Иными словами, «теория модернизации Японии» родилась в качестве идеологического феномена в рамках глобальной стратегии США.

Эта теория характеризуется следующими чертами:

— цель исторического процесса она усматривает в создании «индустриального общества», показателем которого является высокий уровень экономического развития, другие доминанты общественной структуры рассматриваются ею как подчиненные задачи чисто экономического роста²;

— в качестве критерия стадии «модернизации» и построения «индустриального общества» в ней выдвигаются социально-экономические и политические стандарты, сложившиеся в Западной Европе и в США, причем последние рассматриваются как государство «наивысшей модернизации», призванное ныне быть эталоном мирового социально-экономического и политического развития³;

— выводы и положения этой теории покоятся на ошибочном толковании особенностей исторического развития Японии. Они служат рекламе экономических достижений страны в целях утверждения антикоммунистической доктрины развития.

Освещая социально-исторический процесс в Японии, эта теория:

— фальсифицирует историю экономического развития. Некоторые авторы, игнорируя военно-бюрократический характер государственного строя довоенной Японии, пытаются представить ее как государство, где был воплощен принцип «свободной экономики» как условие модернизации;

— приукрашивает ее политическую структуру, объявляя институты, существовавшие в стране в довоенные годы, «образцом буржуазной демократии». Применительно к послевоенному периоду этот тезис выливается в стремление преуменьшить историческое значение демократических преобразований первых послевоенных лет;

— фактически отрицает зловещую роль военщины в истории японского общества;

— игнорирует реальные социально-политические факторы, способствовавшие индустриализации: жестокую эксплуатацию трудящихся, ограбление колоний, отсутствие элементарных демократических свобод и т. д.;

— некоторые варианты «теории модернизации Японии» преследуют цель

консервировать отжившие формы и устарелые традиции в социальной организации жизни этой страны, особенно в сфере производственных отношений, поскольку основную движущую силу достижения успехов в экономической области усматривают в наличии традиционных элементов в социальной и общественно-политической структурах.

Вся теория венчается заявлениями, призванными, по замыслам некоторых ее авторов, подчеркнуть особые достижения Японии в сфере экономики, акцентировать всемирно-историческую роль, которую она якобы призвана сыграть для человечества. «Япония является государством, которое в состоянии изменить направление развития мировой истории»⁴, — провозгласил один из американских специалистов в области «теории модернизационного процесса».

Осуществленная при помощи США индустриализация Японии способствовала укреплению позиций ее господствующих кругов внутри страны и на международной арене. Соответствующая стратегическому курсу этих кругов «теория модернизации» стала идеологической доктриной японской правящей элиты.

Содержащиеся в ней преувеличенные оценки достижений в сфере экономики и других областях жизни, идеализация порядков, существовавших в довоенное время⁵, замалчивание роли военщины и агрессивных войн полностью отвечали националистическим амбициям консервативных кругов и стимулировали их дальнейшее развитие. Особенно импонировал этим кругам один из основных социологических тезисов данной теории, усматривавший главную причину экономических успехов Японии в партикуляризме и традиционализме общественных отношений. Этот тезис укреплял их политические позиции, став идеологическим оружием в борьбе против демократических преобразований.

В жизнедеятельности японского общества в период его промышленного развития всегда заключался значительный элемент соперничества с западными странами, ибо оно постоянно стимулировалось лозунгом «Догнать и перегнать Запад». Пропагандистская кампания в связи с экономическими успехами Японии способствовала гальванизации теорий, рассматривавших достижение высшей стадии индустриального развития в качестве национальной задачи и питавших в прошлом, в период формирования агрессивного внешнеполитического курса этой страны, воззрения наиболее реакционных группировок господствующего класса⁶.

«Теория модернизации Японии» способствовала зарождению и распространению в японских научных и общественных кругах исторических концепций, извращавших характер войны на Тихом океане и обелявших роль Японии в ее развязывании. Авторы этих концепций почти открыто проводили мысль о том, что колониальная экспансия японского милитаризма вытекала из задачи «модернизации» и диктовалась «исторической необходимостью», при этом главная ответственность за войну возлагалась на США.

Все эти явления свидетельствовали о серьезных процессах, вызревавших в сфере официальной японской идеологии, на которые, однако, в США не обращалось должного внимания. Более того, создается впечатление, что даже рост националистических настроений, наблюдавшийся в связи с распространением «теории модернизации», особенно не волновал американские правящие круги, которые, очевидно, были уверены, что им удастся направить японский национализм в нужную для себя сторону. Возможно, что в этом решающую роль сыграло то, что на данном этапе националистическая идеология в значительной степени питалась идеями, вытекающими из осознания принадлежности Японии к западному миру и союзнических отношений с США.

Бурное экономическое развитие и активная предпринимательская дея-

тельность в 60-х гг. вызвали обострение в Японии общественных противоречий, усилили социальное расслоение, внесли напряженность в межличностные отношения. Широкое общественное мнение стало выражать недовольство негативными последствиями быстрых темпов экономического роста. Кризис середины 70-х гг. и продолжающиеся до настоящего времени застойные явления в сфере производства еще более углубили эти процессы.

В таких условиях правящая элита Японии пошла на корректировку своих идеологических концепций. Ее теоретики стали пропагандировать идею о том, что источник негативных явлений в социально-экономической сфере кроется в том, что индустриализация страны осуществлялась по американскому образцу. В консервативных кругах началась критика «индустриального общества», родившегося в результате быстрого экономического роста. Поскольку эталоном этого процесса были США, то критика прямо или косвенно затрагивала американскую социально-экономическую структуру в целом. Японский национализм, оживление которого произошло не без влияния американских идеологов, стал приобретать новые черты.

Открытая критика результатов быстрого экономического роста в правительственных документах прозвучала в 1980 г. Она содержалась, в частности, в докладах Комитета по изучению политических проблем, функционировавшего при кабинете Охирэ.

В них выделялись такие черты «индустриального общества», родившегося в результате «модернизации», как «антиобщественный» характер социальных отношений, проявившийся в усилении «атомизма» индивидов, противопоставляющих себя общественным интересам; обострение экологической проблемы, создающее «угрозу здоровью и жизни людей»; антигуманистический характер науки и техники, препятствующий выявлению изначальных потенций человека. Констатируя негативные последствия экономических преобразований, японские теоретики, однако, оставляли в стороне вопрос о том, что подлинный источник бедствий, обрушившихся на японское общество в результате капиталистического развития, заключен не в американском происхождении экономических форм и структур, а в самой системе производства, основанной на частном предпринимательстве.

Линия на отрицание индустриализации по американскому образцу была продолжена и в последующие годы. Она легла в основу проводимой ныне в Японии административной реформы. «Нынешняя административная реформа заново пересматривает столетнюю историю модернизации, начатую реформацией Мэйдзи, и более чем тридцатилетнюю историю послевоенной демократии. Она заново определяет направление, по которому должны идти народ и государство»⁷, — говорится в одном из официальных документов о целях реформы. Другой документ провозглашает, что поскольку Япония в настоящее время достигла цели «догнать западные страны» и стала одним из развитых государств мира, здесь необходимо создать «новое общество»⁸.

Осудив метод преобразований по американскому образцу, японские идеологи стремятся ныне в качестве эталона капиталистического развития выдвинуть опыт послевоенного развития Японии. Они доказывают, что именно японская система производства и общественных отношений в большей мере, чем американская, выражает смысл и назначение «модернизации»⁹.

Ранее, в начале 60-х гг., националистическому сознанию японских консерваторов импонировало высказывавшееся американскими специалистами признание способности японцев воспринять американскую культуру и верно следовать ей. Сейчас они уже не удовлетворяются ролью учеников США и настаивают на том, чтобы на этот раз сами американцы признали факт отставания США от Японии и право японцев на своего рода авангардизм в со-

циальной организации общества. Так, бросив вызов США, Япония ныне стремится взять на себя роль лидера «свободного мира» в социально-экономической сфере.

В самой Японии провозглашен курс на возвращение к тем традициям, значение которых, с точки зрения японских идеологов, уменьшилось в период быстрого экономического роста. Возрождаются социальные концепции, доказывающие принципиальное отличие японского общества от западного. «Эпохе модернизации» официальные идеологические круги ныне противопоставляют «эпоху культуры». Она толкуется как воплощение японского идеала жизни, якобы не имеющего себе аналогов в мировой истории. В основе этих взглядов лежит так называемая теория о сущности японской культуры. Согласно ей, японское общество пронизывает уникальный, не имеющий себе равных в мире принцип межчеловеческих отношений. Такое общество толкуется как общество друзей, как ассоциация общинного типа и противопоставляется западному обществу, якобы основанному на «индивидуализме» и «тоталитаризме».

Этот теоретический постулат, распространяемый ныне японскими буржуазными идеологами в ходе общения с другими народами, превращается в мировоззренческую позицию, чреватую негативными оценками всего иностранного и открывающую путь к ксенофобии. Так, один известный американский исследователь Японии следующим образом характеризует отношение части японского общественного мнения к США: «Японские предприниматели считают, что американский бизнес представлен управляющими и работниками, поступки которых недостаточно мотивированы, что это люди низкой квалификации, им недостает знания положения дел в мире, что они пользуются устаревшей техникой, лишены широты взгляда, им не хватает стремления к сотрудничеству во имя общественного блага. В глазах представителей японского правительства их американские коллеги — это любители, стремящиеся к политической выгоде, лишенные постоянства, отягощенные различными правилами, уложениями, чувством эгоизма, личной неприязни, страхом потерять работу, крупные американские организации кажутся им немобильными.

«Как это ни покажется странным для американцев, но японцы считают, что Америке недостает духа предпринимательства, что она одобряет заурядность и даже нежелание что-либо предпринять»¹⁰. Приведенная цитата из книги американского исследователя удачно выражает суть мышления современного «делового» японца.

Таким образом, в Японии в качестве антипода идеологии западного индустриализма ныне оформляется неоконсерватизм в его специфическом японском варианте. Превозносившая американскую модель развития идеологическая доктрина в виде «теории модернизации», которую США под влиянием антикоммунистических преубеждений стремились распространить в японском общественном мнении, ныне обернулась против самих США.

Эволюция идейно-политических процессов в Японии отражает сложную динамику японо-американских отношений. Появление концепций, отрицающих американский вариант капиталистического развития, явилось не только специфической формой выражения противоречий между Японией и США в сфере идеологии. На данном этапе в качестве оружия в этой борьбе правящие круги Японии выбрали социально-экономические доктрины, задача которых — подорвать идеологическое влияние американских монополий в мире и на этой основе облегчить свое проникновение на их рынки.

Экономические успехи Японии, осознание ее неравноправного положения в рамках японо-американского союза, эволюция официальной идеологической доктрины оказали заметное влияние на характер концепций о сущности

японо-американских отношений, получивших в настоящее время распространение в различных слоях японского общества.

Во-первых, произошла переоценка расстановки сил на международной арене. Японские специалисты особо акцентируют внимание на идее о том, что к настоящему времени закончился период, когда мировая политика основывалась только на учете евроамериканского фактора. Возросло влияние «периферии», страны которой стали полноправными членами мирового сообщества. Это стимулировало процесс «усиления относительного характера евроамериканской культуры и роста самостоятельности региональных культур»¹¹, свидетельствующий о наступлении эпохи «культурного релятивизма».

Во-вторых, обращается особое внимание на уменьшение в 70—80-х гг. «абсолютного и относительного — по сравнению с западноевропейскими странами и Японией — значения экономического потенциала США»¹². Констатируется крах мировой финансово-экономической структуры, основанной на долларе.

В-третьих, доказывается, что в такой обстановке Япония должна «внести свой вклад в поддержание международной системы путем усиления своего потенциала».

Уже в этой схеме, объективно отражающей динамику международных отношений за послевоенные годы, обнаруживаются попытки теоретически обосновать закономерность курса правящих кругов на повышение роли Японии в международных делах. Принимая во внимание новые тенденции, проявившиеся в идеологических установках японского господствующего класса относительно характера «эпохи культуры», идущей на смену «эпохе модернизации», за тезисом о «культурном релятивизме» нетрудно обнаружить стремление подвести научную основу под политику, служащую интересам этого класса.

Вполне закономерно, что в свете вышеизложенной оценки основных тенденций в международном положении для японских теоретиков, принимающих участие в выработке внешнеполитического курса, особое значение приобретает вопрос о перспективах японо-американских отношений. Абсолютное большинство их выступает за сотрудничество с США и за продолжение этого курса в XXI в. Идеологи основного течения внутри правящих кругов Японии исповедуют такую философию международной политики, которая отличается неприкрытым прагматизмом в отношении США. Она сводится к тезису о том, что Япония как «периферийное государство» должна всемерно использовать в своих интересах международную экономическую систему, созданную США; задача Токио заключается в том, чтобы и в будущем следовать курсу, уже сложившемуся в сфере двусторонних отношений¹³, в особенности в сфере экономики¹⁴.

Теоретики другого течения, примыкающего к первому, уже не удовлетворяются такой ролью Японии и настаивают на резком повышении ее значения в системе отношений с США. Один из них недавно заявил: «Включение Японии в систему, руководство которой в соответствии с договором безопасности принадлежит США, вытекает из ее слабости и из положения как периферийной державы с низким уровнем цивилизации. Такая расстановка сил уже перестала соответствовать уровню развития современной Японии»¹⁵.

В том и другом случаях делается ставка как на дальнейший рост экономического могущества, так и на усиление международной роли Японии в социально-экономических областях. Японские сторонники углубления связей с Вашингтоном исходят из посылки о том, что США по-прежнему будут придерживаться принятого курса на утверждение своего влияния в азиатско-тихоокеанском регионе, опираясь прежде всего на собственные силы. Что же ка-

сается «безопасности» Японии, то, по их убеждению, в этом прежде всего заинтересованы сами США, рассматривающие союз с этой страной в качестве неизбежного элемента их стратегии в данном регионе. В свете такого истолкования политики США некоторые из них доказывают, что у Японии «нет необходимости платить слишком большую цену за свою безопасность»¹⁶. Как бы толкая США на гонку вооружений, что, естественно, требует с их стороны сокращения ассигнований на социальные нужды и мирные отрасли экономики, японские специалисты, о которых идет речь, рассчитывают на создание еще более благоприятных условий для расширения внешнеэкономической и идеологической деятельности японских правящих кругов.

Наряду с теоретиками, чьи великояпонские убеждения и амбициозные планы усиления мировой роли Японии сопровождаются «миролюбивыми» заявлениями о решающем значении для нее экономического фактора, в правительственных кругах и в Либерально-демократической партии в настоящее время все более набирает силу течение, делающее заявку на резкое усиление военной мощи государства. Его представители видят в этом единственный путь возвышения Страны восходящего солнца до уровня мировой державы. Для обоснования своей милитаристской позиции сторонники этого течения выдвигают на первый план утверждение о неспособности Соединенных Штатов «защитить» Японию. Они настаивают на том, чтобы Япония сама взяла в свои руки заботу об «обороне» Японских островов, и строят далеко идущие планы наращивания японских вооруженных сил¹⁷. Рост влияния этой группировки, который неизбежен в случае форсирования политики милитаризации страны, может привести к серьезным последствиям для всей системы японо-американского сотрудничества.

Требования повышения роли Японии в рамках ее союза с США и отеснения последних с ряда важных экономических и политических позиций отчетливо просматриваются в новейших японских вариантах «тихоокеанского сообщества».

Некоторые японские теоретики считают, что решающую роль в его создании «должна сыграть Япония», поскольку это поможет ей выполнить «задачу XXI века» — «обеспечить себе место в мире»¹⁸. Ими настойчиво распространяется тезис об окончании века «пакс Американа» и наступлении «пост-американского века», в котором «дело Америки» будет продолжено Японией. Цитировавшийся выше американский ученый свидетельствует: «Положение Америки наших дней в Японии оценивается как аналогичное тому, в котором находился Рим на начальной стадии своего упадка. Анализируя международные отношения, японцы считают, что «пакс Американа» идет по пути «пакс Британика». Америка в состоянии прибегнуть к жестким мерам и размахивать флагом, однако присущая ей иллюзия власти не может скрыть растущую слабость ее экономической основы и, следовательно, угасающую возможность контролировать события в мире. Текущие мировые проблемы оцениваются японцами сквозь призму терминов, означающих крах американского мирового порядка. В своем кругу они дискутируют вопрос о том, какую форму может принять «пакс Япония»¹⁹.

Претензии японских теоретиков на лидирующую роль Японии в мире неоднократно подкреплялись выдвижением на первый план таких процессов, которые свидетельствуют о достаточно прочных позициях японских монополий в ряде стран Азии уже в настоящее время. По утверждению одного из них, здесь сложилась структура, напоминающая «сферу японской цивилизации». Что же касается XXI в., то «японская цивилизация как образ жизни станет существенным элементом общественных явлений в этих странах»²⁰. Возлагая надежды на успешное осуществление в Китае «четырёх

модернизаций» и «приближение» его к Японии, они провозглашают, что Япония и Китай станут «великой движущей силой» западной зоны Тихого океана, «устремленной в своем развитии в XXI в.». Такого рода рассуждения представляют своего рода альтернативу планам Вашингтона в отношении «тихоокеанского сообщества».

* * *

Капиталистическая модернизация Японии, в осуществлении которой японским правящим кругам существенную помощь оказали США, способствовала ее стремительному экономическому росту. В результате ее завершения значительно укрепились позиции японских монополий, усилились националистические амбиции ее правящей элиты. Политика вовлечения Японии в орбиту глобальной антисоветской стратегии США, осуществляющаяся в экономической, политической и идеологической сферах, содействует превращению этой страны не только в союзника Вашингтона, но и в его конкурента, взявшего курс на повышение своей роли в мировой политике за счет оттеснения США с ряда важных позиций в азиатско-тихоокеанском регионе.

В новой редакции Программы КПСС говорится: «Империалистические державы стремятся координировать свою экономическую, политическую и идеологическую стратегию, пытаются создать общий фронт борьбы против социализма, против всех революционных, освободительных движений». Такого рода координация активно осуществляется между Токио и Вашингтоном. На данном этапе господствующая элита Страны восходящего солнца следует в фарватере внешнеполитической стратегии Вашингтона, стараясь играть роль одного из оплотов мирового империализма.

Но процессы, развивающиеся внутри японо-американского союза, свидетельствуют о том, что империалистическая координация, осуществляемая в рамках антикоммунистической стратегии, в силу самого характера капиталистического способа производства способствует все большему накоплению межимпериалистических противоречий, чреватых возникновением кризисных ситуаций, ростом милитаристских тенденций.

Эти противоречия проявляются, в частности, и в росте японского буржуазного национализма.

Национализм как идеологический феномен и политическая линия разъединяет народы, дестабилизирует международную обстановку.

Господствующий класс Японии ныне пытается регулировать развитие идеологической ситуации в стране, стараясь придать националистическим устремлениям буржуазных и мелкобуржуазных слоев более утонченную форму. Претендуя на ведущую роль в капиталистическом мире, японский монополистический капитал взял курс на выработку идеологических доктрин, более соответствующих этой задаче, чем те, которые получили распространение на рубеже 80-х гг. По замыслам их авторов, они призваны не только противопоставлять Страну восходящего солнца странам Запада как некую особую культурно-политическую общность, принципиально отличную от евроамериканской модели, но и поднять ее до уровня остальных капиталистических государств в качестве их равного партнера, обладающего культурой, по своей внутренней структуре идентичной западной. При этом предполагается, что, накладываясь на культурный фон западных стран, японская культура «обогастит» Запад, спасая его от идеологического и политического кризиса. Налицо, таким образом, претензии на создание некоего симбиоза западной и японской культур при ведущей роли в нем последней, линия на формирование новой разновидности капиталистической цивилизации, кото-

рая должна служить моральному обновлению всей капиталистической системы.

Попытки правящего класса осуществить новую идеологическую стратегию маскируются лозунгами о превращении Японии в «интернациональное государство». Однако дело от этого не меняется, ибо «интернационализация» Японии, как ее замышляют консервативные круги, в действительности нацелена главным образом на «японизацию» Запада, несмотря на раздающиеся ныне заверения буржуазных идеологов о верности Токио идеям «интернационализма». Это не может не стимулировать дальнейшего роста националистических предубеждений.

Опасность распространения националистических взглядов в Японии заключается в том, что этот процесс может стать неуправляемым. Несмотря на стремление ее правящих кругов регулировать идеологическую ситуацию в стране, он в состоянии вызвать стихийный взрыв национализма в массовом сознании. Это создаст условия для его открытого проявления в конкретной политической линии наиболее реакционных кругов правящего лагеря.

Думается, что задача ученых всех стран заключена в объективном анализе процессов, развивающихся в Японии, в непредвзятых оценках ее экономических успехов. Многие японские научные труды раскрывают действительный характер «модернизации». Они принадлежат авторам различных идеологических взглядов и политической ориентации, однако всем им присуща озабоченность социальными последствиями этого процесса, в них сквозит беспокойство в связи с обострением в ходе индустриализации ряда жизненно важных проблем.

Требует комментария проявившаяся в работах некоторых американских ученых линия на использование японского опыта в целях преодоления тех трудностей, которые испытывает ныне американский капитал в сфере производства. Именно это побуждает отдельных исследователей в США давать преувеличенные оценки тем или иным реалиям научно-технических преобразований в Японии. Само собой разумеется, что обмен научно-техническими знаниями является неперенным условием технического прогресса. Возможно, что некоторые черты организации производства в Японии заслуживают изучения и творческого применения в условиях США. Но нельзя забывать о социальной и моральной сторонах вопроса, ибо среди тех организационно-технических элементов, которые рассматриваются в качестве наиболее подходящих для подражания, нередко встречаются такие, которые идут вразрез с демократическими представлениями о формах организации труда и являются анахронизмом в условиях XX в. Прогрессивная научная общественность Японии борется за их отмену, за введение новых, более передовых производственных отношений.

Нельзя не отметить, что мировая наука и социально-экономическая практика дают примеры успешного преодоления трудностей, на которые устремлено внимание американских авторов, в рамках иных, чем японская или американская, экономических систем. Они заслуживают не меньшего, а большего, чем японские формы, изучения, ибо принадлежат не прошлому, а настоящему и главное будущему. Иными словами, существует широкое поле для плодотворных дискуссий по вопросам, которые ставит перед наукой японская действительность. Задача заключается в том, чтобы использовать это поле на благо людей во имя мира и безопасности в Азии и во всем мире.

¹ «Правда», 26.X.1985.

² Changing Japanese Attitude Towards Modernization. Princeton University Press, 1965.

- ³ См.: Э. Рэйшауэр. Киндайка то и кото (Что такое модернизация). — «Бунгэй сюндзю», 1963, № 9, с. 104.
- ⁴ Цит. по: Сёдзо Осуга. Райсяува тайсен-но гонэикан (Пять лет, проведенных Рэйшауэром на посту посла). — «Дзэнъэй», 1966, № 11, с. 155.
- ⁵ См.: Такэси Исидэ. Гэндай сэйдзи-но сосики-то то тэсё (Организация и символ современной политики). Токио, 1978, с. 117.
- ⁶ См.: «Тюо-корон», 1985, № 1, с. 109.
- ⁷ Ясуси Ямагути. Сэйдзи тэнканки ни окэру рэкиси исики (Историческое сознание в переходный политический период). — «Сэкай», 1982, № 10, с. 57.
- ⁸ См. там же, с. 58.
- ⁹ См.: Нихон ва сэкай-но модэру ни нару ка (Станет ли Япония моделью для мира). Осака, 1983.
- ¹⁰ E. Vogel. Comeback. N. Y., 1985, p. 14.
- ¹¹ Сого андзэн хосё сэнряку (Стратегия обеспечения комплексной безопасности). Токио, 1980, с. 8.
- ¹² Там же, с. 10.
- ¹³ См.: Масатака Косака. Ярута тайсэй ёндзюнэн (Сорокалетие ялтинской системы). — «Тюо-корон», 1985, № 1, с. 97.
- ¹⁴ См.: Наохиро Амая. Дзёхо, денси буммэй-э-но ико-но дзэнтэй (Предпосылка перехода к информационно-электронной цивилизации). — «Тюо-корон», 1985, № 1, с. 107.
- ¹⁵ «Тюо-корон», 1985, № 1, с. 108.
- ¹⁶ Масатака Косака. Цит. соч., с. 99.
- ¹⁷ См., например: Икутаро Симидзу. Нихон ё кокка тарэ! (Япония! Будь государством!). Токио, 1980.
- ¹⁸ См.: «Тюо-корон», 1985, № 1, с. 111.
- ¹⁹ In: E. Vogel. Op. cit., p. 16.
- ²⁰ Ibid., p. 116.

*Н. Е. БОРЕВСКАЯ,
кандидат филологических наук*

2. Эксперименты и размышления*

Пекинский педагогический университет, основанный еще в 1902 г., является ключевым высшим учебным заведением КНР¹, готовящим преподавателей средних школ и вузов, административных работников органов образования и научных сотрудников, теоретиков педагогики. Как и другие крупные вузы страны, он имеет несколько школ непосредственного подчинения, в том числе три средние, одну начальную и даже детский сад, позволяющих преподавателям и студентам проходить практику и ставить педагогические эксперименты. Средняя школа № 2 при Пекинском педагогическом университете — одна из самых престижных среди 50 ключевых школ Большого Пекина, которые составляют несколько процентов общего количества школ столицы.

По тенистой аллее подхожу к зданию административного корпуса, где перед входом меня встречают директор Гао Юнь, его заместитель Лю, заслуженная учительница, преподаватель истории Ду. Беседа проходит в комнате для приема гостей — с традиционными кружевными накидками на спинках мягких диванов и кресел, с чаем в кружках на низких столиках. Гао Юнь не одно десятилетие работает в этой школе, видел разные времена. С удовольствием вспоминает период сотрудничества КНР с нашей страной в 50-е гг., живо интересуется проходящей в СССР реформой образования.

Хозяева подробно рассказывают о своей школе. Поступить в нее нелегко, конкурс велик. Как и большинство средних школ в Китае, она состоит из двух ступеней: неполной (9 классов) и полной (еще 3 класса). Отбор учащихся осуществляется в масштабах соответственно района и города. После начального обучения (5 классов) для продолжения учебы надо сдать два экзамена по 100-балльной системе и набрать не менее 196 баллов. В случае недобора учащийся будет переведен в другую ключевую либо обычную школу района в зависимости от суммы баллов и трех пожеланий, указанных в порядке предпочтительности в заявлении. При поступлении в полную среднюю школу конкурс еще более жесткий. Сдав экзамены по 6 предметам, оценивающиеся по 100- либо 120-балльной системе, нужно набрать не менее 714 баллов из возможных 720. В других аналогичных школах проходной балл несколько ниже: в школе «Юйин» он колеблется от 590 до 660 баллов.

Большинство учащихся — выходцы из семей кадровых работников и интеллигенции, много детей преподавателей университета. По окончании подобных ключевых школ почти 100 % выпускников поступают в вузы (при 5 % по стране в целом), причем в наиболее престижные, такие, как Пекинский университет, Пекинский педагогический университет, знаменитый политехнический вуз «Цинхуа». В последние годы не снижается тяга молодежи в технические и естественные вузы. В гуманитарные идут лишь 30 % выпускников данной школы.

Так же как и другая известная пекинская школа, «Юйин», в которой, как сообщил мне ее директор Пань Миндэ, учились дети многих руководителей государства, школа № 2 обеспечена высококвалифицированными кадрами, большинство преподавателей — выпускники основных или как минимум ускоренных отделений вузов (где срок обучения на 1—2 года меньше; соответственно отличается и диплом). Их зарплата колеблется от 64 до 170 юаней в месяц в школе «Юйин» и от 70 до 190 юаней

в средней школе № 2. Это больше, чем у учителей рядовых школ. На высшие ставки могут рассчитывать заслуженные учителя и директор. В обеих школах директора назначаются органами образования с учетом мнения коллектива.

Ключевые школы избавлены от многих трудностей, ибо они являются кузницей вузовских абитуриентов. В то же время это школы-маяки, на них сейчас возложена обязанность проводить педагогические эксперименты. Для этого отобрана группа экспериментальных школ и классов, многие из которых находятся в провинции Хунань.

Чанша, столица Хунани, — уютный город, живописно раскинувшийся у подножия лесистых отрогов горной гряды Юелушань. Невозможно выбрать лучшее место для посещения наук. Недаром еще в 976 г. здесь была основана одна из четырех крупнейших академий династии Сун. Именно из этой академии, грациозное здание которой сохранилось и образует стройный ансамбль с древним конфуцианским храмом, и вырос в начале нашего века Хунаньский университет, один из ключевых вузов сегодняшнего Китая. В 1986 г. он торжественно отметил свое 60-летие. Его ректор, профессор Чэн Вэньшань, как и некоторые другие профессора и преподаватели, в 50-е гг. учился в СССР, защитил диссертацию в Ленинграде.

При посещении университета, педагогического института, трех школ города, а также на встрече с руководителями отделов образования города и провинции шел оживленный и заинтересованный разговор о проблемах образования и путях их решения. Директор НИИ образования провинции Мэн Сянди сообщил, что в 1985 г. всеобщее начальное образование осуществлено в районах, где проживает 76 % населения провинции. В 55 ключевых школах провинции (0,1 % всех ее школ) 900 классов отобраны в качестве экспериментальных. Эксперименты ведутся, как в других районах, со сроками обучения, программами, учебниками, факультативами.

В одной из старейших средних школ Чанша введено девятилетнее образование без конкурсных экзаменов при переходе из начальной в неполную среднюю школу. Весной 1986 г. Государственный комитет КНР по образованию издал уведомление, предложив упразднить такие экзамены в районах, имеющих благоприятные экономические условия².

В последние несколько лет единая девятилетка опробовалась, кроме Пекина и Шанхая, в Гирине (провинция Гирин), в Сучжоу (провинция Цзянсу) и др. Была проведена не только большая педагогическая работа, но и пропагандистская. При переводных экзаменах наиболее сильные школы, прежде всего ключевые, имели возможность отобрать лучших учеников. Теперь же шансы неполных средних школ и самих учащихся отчасти уравниваются, что вызывает далеко не однозначную реакцию руководства школ и родителей. Органам образования и городским властям приходится прилагать немало усилий для улучшения условий в отстающих школах, уделять им особое внимание при распределении учебного оборудования, строительстве учебных лабораторий, пресекать текучесть кадров учителей³.

Другой эксперимент — со сроками обучения в начальной и неполной средней школе. В разных районах страны, в городских и сельских школах соотношение их варьируется как 6:3, 5:4, 5:3. Закон о всеобщем обучении официально закрепил эту ситуацию. Причин несколько. В сельских районах Китая начальная школа раньше была по преимуществу пятилетней. В настоящее время 46 % начальных школ страны — шестилетние. Повсеместный переход с пятилетнего обучения на шестилетнее привел бы к увеличению численности учащихся на 20 млн. человек и соответственно потребовал бы на 100 млн. юаней увеличить расходы на базовое образование⁴, что пока нереально. В то же время среди работников просвещения Китая много сторонников шестилетней школы в городах.

Согласно другой точке зрения, учащиеся трехлетних неполных средних школ не успевают освоить программы, в результате чего страдает как уровень их общей подготовки, так и — что особенно важно в нынешних условиях — профессиональной. Профессионально-техническое обучение — один из действенных аргументов в пользу четырехлетней неполной средней школы. По признанию всех работников образования, с которыми нам приходилось встречаться за полгода, проведенные в Китае, «усиленное трудовое обучение», которое практиковалось во второй половине 60-х и в 70-е гг., пагубно отразилось на уровне и объеме знаний школьников. В настоящее время наблюдается крен в другую сторону. В большинстве городских школ регулярная трудовая деятельность исключена из расписания, она ограни-

цена 10—20 днями в течение учебного года, чаще всего это работа на пришкольных участках, уборка территории. Одни считают, что при внедрении в школьную жизнь ЭВМ уже само общение учащихся с этой наиболее современной техникой является достаточной трудовой деятельностью. Другие ссылаются на невозможность организовать современное профессионально-техническое обучение школьников из-за отсутствия необходимой производственной базы. Работники китайских школ с живым интересом восприняли рассказ о деятельности в СССР межшкольных учебно-производственных комбинатов.

В Китае немало сторонников той точки зрения, что профессионально-технические навыки облегчают вступление в трудовую жизнь. Экспериментальная учебная программа, любезно предоставленная мне директором школы «Юйин» (она утверждена на совещании представителей ряда средних школ страны весной 1985 г.), рассчитана на 4 года обучения после начальной пятилетки, в ней предусмотрено 2—3 часа еженедельной трудовой технической деятельности: шитье и кулинария на 1-м году обучения, плотницкое дело — на 2-м, работа на станках — на 3-м и, наконец, электротехника и радиотехника — на 4-м; всего от 68 до 102 учебных часов. Трудовую практику учащиеся проходят по договорам на соседних предприятиях. Увеличение на год срока обучения дает возможность углубить в неполной средней школе изучение родного и иностранных языков, математики, расширить курс истории, добавить новейшие материалы в курс биологии, а также — что очень важно для тех, кто пойдет работать либо продолжит учебу в ПТУ, — включить в курс физики и химии материал, связанный с производством. Появилась также перспектива несколько увеличить количество учебных часов на физкультуру и эстетическое воспитание. Если в программах обычных неполных средних школ 10 предметов, то в экспериментальных — 12—13.

Дополнительный, 4-й год обучения в неполной средней школе способствует введению новых факультативов. В учебном плане школы № 2 при Пекинском педагогическом университете — 10 факультативов (в том числе второй иностранный язык, психология, музыка, более углубленные курсы литературы, физики, химии для поступающих в вузы, вычислительная техника и т. д.).

Подобные изменения в программах вызвали необходимость по ряду дисциплин — языку и литературе, математике, иностранному языку — составить новые учебные пособия, отличающиеся от общегосударственных учебников для ключевых трехлетних неполных средних школ. В этом помогают Пекинский педагогический университет и НИИ психологии АОН КНР.

Погоня за высоким процентом поступивших в вуз многие годы осложняет работу средних школ. Подготовку к поступлению в вуз школы ведут различными путями. В Пекине многие работники вузов говорили мне об удивительно высоком балле, который набирают на общегосударственных вступительных экзаменах в вузы выпускники школ провинций Фуцзянь, Цзянсу, Гуандун. Правда, они тут же оговаривались, что впоследствии студенты из этих провинций начинают, как правило, отставать от сокурсников из других районов страны. В чем же загадка? Завесу приоткрыл в беседе со мной директор средней школы № 2 города Гуанчжоу Чжан Чжинэн.

Эта ключевая школа (всего в городе их 4) находится рядом с парком им. Сунь Ятсена, в центре которого — старинное здание с прекрасной акустикой, где он не раз выступал. В парке тишина, на зеленой траве у подножия памятника Сунь Ятсену отдыхают туристы, а за воротами бурлит жизнь шумного южного города — хаотичным потоком, не соблюдая никаких правил дорожного движения, мчатся троллейбусы, велосипеды, мотоциклы. Мотоциклов — японских «хонда» и «ямаха» — больше, чем в других городах, их могут купить преуспевающие обитатели «открытого города». Даже на стене Башни цветов строгого древнего буддийского храма Люжун кто-то нацарапал мольбу к Будде: «Дай мне разбогатеть!»

По высокой лестнице поднимаемся к школе, которая расположена в нескольких зданиях и занимает довольно большую территорию. Это одна из лучших школ города, ее постоянно посещают иностранные делегации. Говоря о ее показателях, директор с гордостью назвал рост процента выпускников, поступающих в вузы и средние специальные учебные заведения: с 63 % в 1980 г. до 89 — в 1984 г. и 99 % в 1985 г. (1-место по провинции). Средние школы провинции выбрали путь специализации в выпускных классах; это и дает подобный результат. По желанию учащихся формируются классы естественных и гуманитарных дисциплин. В школе № 2, как и в других ключевых школах

города, со 2-го класса полной средней школы (11-й год обучения) происходит деление учащихся на потоки: обычно 2 класса гуманитарных и 4 — естественно-технических (соответственно разнятся программы: китайский и иностранный языки, математика, политика, история и география для первых и те же основные дисциплины, кроме истории и географии, но с добавлением физики, химии и биологии для вторых). Так же экспериментирует и пекинская школа «Юйин». Характерно, что соотношение учащихся на потоках в Пекине такое же, как в Гуанчжоу: $\frac{3}{4}$ будущих выпускников делают выбор в пользу естественно-технических факультетов.

В отделе образования города Шэньчжэнь (провинция Гуандун) подобная ранняя специализация не вызывает одобрения. Да в ней и меньше необходимости: 96 % выпускников начальных школ города продолжают учебу, 83 % выпускников неполных средних школ переходят в полную, более 30 % выпускников средних школ поступают в вузы и средние специальные учебные заведения. Тем не менее в выпускных классах средних школ осуществляется деление на «продвинутые» и отстающие группы по основным дисциплинам — родному языку и математике⁵. В школах этой особой экономической зоны, находящейся в трех часах езды на поезде от Гуанчжоу, есть своя специфика, например изучение предмета «Основы знаний об особых экономических зонах», который преподают во всех средних школах, а также акцент на иностранные языки (введены с 4-го класса всех начальных школ, а не только экспериментальных, как в Пекине). В перспективе во всех особых экономических зонах предполагается ввести изучение иностранного языка с 1-го класса начальных школ.

К школам этих зон в Китае предъявляются повышенные требования: будущие специалисты средней и высшей квалификации, которым предстоит работать на предприятиях смешанного либо иностранного капитала, должны быть «конкурентоспособны». В ключевых и экспериментальных школах Гуанчжоу, Шэньчжэня, Фучжоу, Пекина и Шанхая в программу введен курс «Основы ЭВМ» (в гуанчжоуской школе № 2 — 4 урока в неделю: 2 — теория, 2 — общение с ЭВМ). В отделе образования Фучжоу мне сообщили, что хорошо оснащенные городские средние школы имеют по 20—30 ЭВМ, начальные — 3—5. Эксперименты с обучением школьников языку ЭВМ начались с 1982 г., тогда его преподавали в качестве факультатива в отдельных экспериментальных школах. С 1983 г. по решению тогдашнего Министерства просвещения КНР в 7 школах крупных городов в программы были включены факультативы по ЭВМ. (микроЭВМ для этой цели были предоставлены фондом гонконгских китайцев). За год успехи были налицо, эксперимент расширялся, в него вовлекались школы других провинций. К 1987 г. в 3 тыс. средних школ Китая значились факультативы по ЭВМ, они были и в начальных школах страны. Многие ключевые школы КНР планируют в ближайшем будущем ввести курс «Основы ЭВМ».

Встречаясь с директорами школ, я интересовалась и ходом реформы по изменению системы руководства учебными заведениями, осуществляющейся в последние несколько лет. В Шэньчжэне, как и в Гуанчжоу, в школах уже осуществляется система единоначалия директоров. Существовавшая в 60-е и 70-е гг. в Китае и фактически подтвержденная «Временными положениями о работе средних школ полного учебного дня» (1978) система «ответственности директоров при руководстве парткомов», при которой директор и его заместители были лишь исполнителями решений парткома, долгие годы затрудняла работу учебных заведений, приводила к некомпетентным решениям и дезорганизации. Последние годы в Китае много писали о необходимости перейти к новой системе. Постановление 1985 г. расширило самоуправление в учебных заведениях. Речь шла о том, чтобы дать руководителям учебных заведений всех ступеней реальную возможность решать кадровые и финансовые вопросы (ограничив также вмешательство финансовых органов), определять направление учебной работы. Были наложены ограничения на возраст (до 50 лет) и сроки деятельности (3 года) директоров школ. Данная практика также входит в разряд экспериментов, порученных отдельным учебным заведениям. Лишь в особых экономических зонах директора школ уже получили реальные права. Они могут увеличивать либо уменьшать прием в рамках утвержденного отдела образования плана, свободно распоряжаться отпущенными школе средствами.

В провинциях Фуцзянь, Гуандун много говорят и пишут о специфике системы образования в особых экономических зонах. Большие надежды возлагаются на использование капиталов зарубежных китайцев. Очень многие фуцзяньские семьи имеют родственников за рубежом. Подсчитано, что около трети всех китайцев, покинувших в разное время пре-

дела КНР, а именно 5 млн. человек, составляют жители Фуцзяни, осевшие в Гонконге, на Тайване⁶. Еще недавно тесный и захолустный Фуцжоу, живописный Сямэнь были отрезаны от внешнего мира с моря, вдоль восточного побережья не курсировали даже пассажирские суда. Теперь мы проплыли от Гуанчжоу вблизи Гонконга по Тайваньскому проливу до Сямэня, а оттуда доехали на автобусе до Фуцжоу. В городе заметны первые приметы «политики расширения связей с внешним миром» — изящное современное здание совместной китайско-японской компании по производству телевизоров «Фуцзянь-Хитачи». Продукция ее мгновенно раскупается, она не уступает японской по качеству изображения и дешевле стоит. Недалеко от железнодорожного вокзала разместился кинотеатр «Тайвань» — дар городу от соотечественников с острова. Провинциальные власти Фуцзяни всячески поощряют открытие частных учебных заведений. На базе полной самокупаемости действует созданное зарубежными китайцами профессиональное училище «Лимин» в уезде Цюаньчжоу.

Один из сотрудников Фуцзяньского университета писал, что к провинции Фуцзянь у государства особые требования, поскольку это касается особых экономических зон. В рамках единой системы провинция должна развивать образование по принципу: «Пусть каждое учебное заведение станет окном, через которое впитывается и переваривается передовой зарубежный опыт в области науки и техники, а для соотечественников на Тайване — окном знакомства с родиной»⁷.

В прибрежных районах, где размещаются предприятия иностранного и смешанного капитала, вопрос о соотношении инженерно-технического персонала с рабочими и служащими, об уровне их квалификации стоит особенно остро. Уровень производства, конкурентная борьба требует такого количества и качества научно-технических кадров, которых до сих пор система образования не могла обеспечить. Государство и сейчас не берет на себя высоких обязательств, предоставляя широкие возможности для создания разного вида учебных заведений (в том числе вечерних, заочных, техникумов, ПТУ, двухгодичных колледжей) всем, кто готов за это взяться, включая вышеназванные предприятия, частных лиц, деятелей демократических партий, зарубежных китайцев и т. п. В административном плане управление осуществляют органы образования, они же выработывают статус учебного заведения, контролируют прием, качество обучения, учебные программы. Но частным учебным заведениям предоставлено право регулирования бюджета, а также свободного найма преподавателей (из числа вышедших на пенсию, совместителей, разрешено приглашать преподавателей из Гонконга). Наем оформляется через отделы образования. У некоторых частных школ — свои помещения, другие арендуют здания государственных школ в свободное от занятий время.

Расширение и совершенствование сети профессионально-технического образования — проблема, актуальная для особых экономических зон. ПТУ — до сих пор наиболее слабое звено в китайской системе образования. В их работе много несовершенного: по большинству специальностей нет единых учебников, многие училища не имеют четкого профиля (в одном из крупных показательных пекинских училищ «Хуанчжуан», в котором мне удалось побывать, 3 класса программистов ЭВМ, 5 — кройщиков одежды и 1 — косметологов). Пока не уточнена номенклатура специальностей, хотя в целом она значительно расширилась за последние несколько лет за счет резкого увеличения количества ПТУ, обслуживающих торговлю, туристский бизнес, кустарные промыслы. Так обстоит дело и в особых экономических зонах, туристских центрах, например в Гуйлине.

Гуйлинь, второй после Наньнина город Гуанси-Чжуанского автономного района, издревле славится красотой своих неповторимых пейзажей. Только там можно понять, что размытые, почти ирреальные горы на картинах старых китайских художников — «настоящие». Сильно выветренные узкие высокие скалы громоздятся тесно, и все же каждая — сама по себе, так что в просветах между ними возникает второй и даже третий план таких же скал. Невесомые, они словно парят в воздухе. Многослойный пейзаж чаще всего не резок, а плавает в дымке, создавая иллюзию сказочности. Недаром в Китае существует поэтичная строка: «Гуйлиньских вод и гор нет краше в Поднебесной». От самого названия города веет неповторимым ароматом коричных деревьев («Гуйлинь» в переводе — «лес коричных деревьев»).

Гуйлинь покоряет сразу, как только вступаешь на территорию Гуанси-Чжуанского педагогического института, расположенного в корпусах традиционной китайской архитектуры у подножия огромной скалы Ду-Сю («Одинокая Красавица»), словно сброшенной и забытой кем-то в самом центре города. Когда-то в XIV в. здесь располагалась

резиденция одного из отпрысков династии Мин. На территории института сохранились остатки мраморных ступеней и каменной балюстрады.

Однако самому городу еще многое предстоит сделать, чтобы он гармонировал с пейзажем. Работа уже начата, есть программа превращения Гуйлиня в центр туризма, спортивных состязаний и международных конференций. С помощью японских, американских, австралийских вкладчиков растут современные отели.

Запомнилась прогулка по вечернему городу — ярко-розовое небо постепенно меркнет, центральная улица оживлена, за крошечными столиками частных харчевен полно народа, заняты все столики и в ресторанчиках, где подают знаменитое блюдо — свежую собачину, которая варится в котелках над спиртовками, установленными прямо на столах. Колышутся огоньки свечей — продолжают торговать лоточники, вот один из них развесил дивной красоты скатерти ручной вышивки. 95 % населения города — ханьцы, чжуаны живут, как нам сказали, в юго-западной части автономного района. В городе нет рекламы на языке чжуан, зато множество самодельных на английском. На дверях разных ведомств лозунги: «Туризм, сервис, доброе имя — на 1-е место».

Мы совершили незабываемую поездку по реке Лицзян на пароходике, где нашим соседом по столу оказался английский профессор, возвращающийся из Гонконга, куда его пригласили в связи с планами создания третьего по счету университета, который откроется, когда Гонконг сольется с Китаем. Турнистский пароходик довозит пассажиров до живописного маленького городишка Яншо — центра торговли изделиями кустарных промыслов. Чего здесь только нет — имитация старинного фарфора времен Цяньлуна, маски из красного дерева... За бесконечными лотками торгует и стар и млад. Вот рядом с мамой торгуют две девочки. Разговорились. Одна из них учится в средней школе, другая — в начальной. Расходы на обучение не так уж и малы — 45—60 юаней в семестр (включая учебники, школьные принадлежности и пр.). Но во имя чего они? По окончании школы работы в гор...

Мы посетили в Гуйлине педагогический институт. Училище хорошее, и по курсу — 40—50 человек на место, новых корпусов, где находятся

В развитии образования Гуйлиня — представители города занимаются трудоустройством выпускников общеобразовательных средних школ. Только два; они ориентированы на подготовку числа получающих среднее образование. Ученикам также стараются помогать классники в ключевых школьных занятиях. переводы с японского и английского языков.

Оно имеет договоры с гостиницами, ресторанами, центрами обслуживания, где учащиеся проходят производственную практику, а затем при условии сдачи квалификационных экзаменов и по рекомендации училища получают работу по специальности.

В особых экономических зонах раньше, чем в других районах, формируется система профессионально-технического образования, готовящая необходимые в новых условиях кадры — управляющих для крупных специализированных дворов, персонал для гостиниц и ресторанов, снабженцев.

Колледжи (в Китае их называют «чжи'е дасюэ», буквально — «профессиональные университеты») в последние годы открыты во многих городах (например, в городе Фошань, что в часе езды от Гуанчжоу, в Шэньчжэне, Чжухае, Фучжоу), плата за обучение в них — 30—40 юаней в семестр. Источники их создания — самые разные, в том числе капиталы зарубежных китайцев, особенно в юго-восточной части Китая. Есть и полностью частные вузы, например женский колледж в Фучжоу, действовавший до освобождения и воссозданный бывшими его выпускниками, в том числе и проживающими ныне в США, на Тайване.

Больших успехов в распространении среднего образования за счет создания профессионально-технических училищ добился город Сямэнь, их в городе 20 с 4200 учащимися, которые овладевают 22 специальностями. В 1985 г. туда было принято 52 % всех поступивших в средние учебные заведения; таким образом, здесь перекрыты намеченные китайским руководством сроки — к 1990 г. добиться половинного соотношения меж-

ду приемом в общеобразовательные средние школы и ПТУ. Постепенно решается непростой для многих районов Китая вопрос о трудоустройстве выпускников — за последние годы 95 % окончивших получили работу; сказывается более благоприятная обстановка особых экономических зон с большим количеством предприятий смешанного и иностранного капитала. Помимо этого, в городе 7 средних специальных учебных заведений, 1 техникум с 15 филиалами, колледж «Луцзян». Открыто 4 центра переподготовки кадров, в том числе один — для программистов ЭВМ.

Теоретические поиски ведутся серьезно, внимательно изучается зарубежный опыт в области образования. Овладевая экономикой и социологией образования, наукой управления школой, китайские ученые следят и за трудами советских ученых — на китайский язык переведены работы академика С. Г. Струмилина, А. Б. Дайновского, С. Л. Костянина, Ф. Г. Паначина.

С советскими изданиями по социологии образования в Китае пока почти незнакомы. Сама эта наука делает там лишь первые шаги. В Пекинском педагогическом университете я беседовала с высоким седовласым профессором Ли Исянем. Как похож и непохож он на того худенького паренька — аспиранта Ленинградского педагогического института им. Герцена — на фотографии далеких 50-х, где он стоит на Красной площади рядом со своей будущей женой. Сейчас Ли Исянь известен и уважаем в педагогических кругах, он — председатель Общества по изучению педагогических теорий марксизма, действующего в рамках Государственного комитета по образованию, он же возглавляет Научный совет по социологии образования пекинского отделения общества. Профессор Ли Исянь рассказывает, что предполагается создание Научного совета по социологии образования в рамках Всекитайского научного социологического общества. Задумано исследование по таким важным темам, как изменение социальной структуры и образование, проблемы профориентации молодежи и т. д. В нынешних условиях, когда при приеме в высшие учебные заведения Китая «перед отметкой все равны», профессор Ли Исянь предлагает разумные меры по регулированию социального состава; в европейских социалистических странах накоплен некоторый опыт по этому вопросу.

В изучении опыта социалистических стран, в том числе и Советского Союза, в области образования Пекинский педагогический университет играет далеко не последнюю роль. В его библиотеке около 50 работ советских авторов по образованию, изданных только за первую половину 80-х гг. Большой вклад в изучение советской педагогики вносит НИИ зарубежной педагогики при этом же университете, возглавляемый профессором Гу Минъюанем, учившимся в МГПИ им. В. И. Ленина. Профессор Гу Минъюань изучает современные методы развития самостоятельного мышления учащихся, выработку индивидуального подхода к ним, приемы раннего умственного развития детей (см., в частности, его статью⁸) с использованием трудов советских авторов — Л. В. Занкова, В. А. Сухомлинского. Работы последнего в Китае знают особенно хорошо, почти все они переведены на китайский язык. В Чанша я встречалась и беседовала с переводчиком одной из них («О воспитании»), начальником Центра по международному обмену в области образования Сяо Юном. Насыщенными оказались многочасовые беседы с ученым секретарем Центрального НИИ педагогики Цао Цинъяном. Институт ведет большую работу, изучая педагогическое наследие Китая с древности, зарубежный педагогический опыт, конечно, проблемы современной китайской педагогики в тесной связи с проходящими в стране реформами. Ученые института стремятся выйти на уровень современной философии образования. Но практика еще тянет назад — чрезвычайно сложно проводить новые эксперименты в школах при существующей низкой квалификации учительских кадров. Бытует мнение, что потребуется 15—20 лет, чтобы учителя достигли необходимого профессионального уровня. Много проблем с распространением сети ПТУ, слаба их материальная база, часто в ПТУ преобразовываются самые слабые во всех отношениях общеобразовательные школы. НИИ педагогики — составитель тех самых экспериментальных планов для ключевых школ, о которых уже упоминалось выше, но Цао Цинъян признался, что ему по душе и специализированные школы, которые действуют в нашей стране. НИИ педагогики сейчас вплотную подходит к этой проблеме.

Как было признано в речи Ли Пэна на Всекитайском рабочем совещании по образованию в 1986 г., воплощение реформы образования в жизнь «только началось, многое еще в планах, проектах, на стадии обсуждения, результатов пока недостаточно»⁹.

В одной из статей отмечалось, что «только одни постановления без конкретных мер повиснут в пустоте»¹⁰. Печальный опыт в этом отношении есть — достаточно вспомнить,

что постановления о распространении всеобщего обязательного начального образования декларировались в 1951, 1956, 1963, 1980 гг. Сделать предстоит очень многое, однако серьезность теоретических поисков, появление первого из серии законодательных актов по образованию, комплексность мер внушают многим в Китае надежду на неуклонное повышение научного и культурного уровня китайского народа в ближайшем будущем.

* Окончание. Начало см. в № 2 за 1987 г.

¹ В Китае около 100 ключевых вузов, 36 из которых находятся в непосредственном подчинении Государственного комитета по образованию, созданного в 1985 г. вместо Министерства просвещения.

² См.: «Гуанмин жибао», 9.III.1986.

³ См. там же, 11.V.1986.

⁴ См.: «Жэньминь жибао», 28.X.1986.

⁵ Несмотря на строгие указы, это деление сохраняется и в ряде других городов, хотя число таких школ постепенно уменьшается, например в Сучжоу — с 90 % школ в 1980 г. до 70 % в 1984 г. — См.: «Цзяоюй лилунь юй шисянь», 1986, № 3, с. 47.

⁶ См.: «Цзяоюй яньцзю», 1985, № 2, с. 21.

⁷ Там же.

⁸ См.: «Гуанмин жибао», 23.I.1987.

⁹ «Жэньминь жибао», 12.III.1986.

¹⁰ «Гуанмин жибао», 11.I.1987.

Из истории
отечественного
востоковедения

Выдающийся буддолог О. О. Розенберг (1888—1919)

*Ю. Д. МИХАЙЛОВА,
кандидат исторических наук*

Оттон Оттонович (Юлиус Карл Оттон) Розенберг прожил всего тридцать один год, из них лишь девять лет он отдал научной деятельности. И невольно поражаешься тому, как много успел сделать этот человек, сколь широк был диапазон его дарования, какой целеустремленностью и трудолюбием он обладал. Главным предметом научных интересов О. О. Розенберга была философия буддизма, и прежде всего сочинение знаменитого индийского мыслителя V в. Васубандху «Абхидхармакоша» (Энциклопедия абхидхармы). Четыре года Розенберг провел в Японии, где изучал религию, историю, язык и литературу страны. Затем он преподавал на кафедре японской словесности факультета восточных языков Петроградского университета, занимался разработкой программ преподавания. Вместе с Н. А. Невским, Н. И. Конрадом, Е. Д. Поливановым его можно причислить к основоположникам школы русского советского японоведения. Не меньший вклад внес ученый и в китайскую лексикографию. «Китайско-русский словарь» И. М. Ошанина и «Большой китайско-русский словарь» — настольные книги каждого советского китаиста — созданы по русской традиционной графической системе, разработанной нашими учеными, в том числе и Розенбергом. Труды его давно уже стали библиографической редкостью, но к ним и по сей день обращается каждый, кто стремится познать духовную культуру Индии, Японии, Китая.

* * *

О. О. Розенберг родился 7 июля 1888 г. в городе Фридрихштадте (ныне город Яунелгава в Латв. ССР) в семье архиварнуса городского магистрата. Вскоре семья переехала в Петербург, и, когда мальчику исполнилось десять лет, его отдали учиться в гимназию при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины. Гимназию он закончил с золотой медалью. В свидетельстве об окончании говорилось, что он проявил отличные знания, примерное поведение и «любопытность по всем вообще предметам примерную». Возможно, что именно эта природная любознательность, подогреваемая усилившимся в начале века в Европе и России интересом к Востоку и его культуре, побудила юношу поступить на факультет восточных языков Петербургского университета. В августе 1906 г. он был зачислен студентом по китайско-маньчжурскому разряду, а в следующем году переведен на китайско-санскритский. Во время обучения Розенберг слушал у Ф. И. Щербатского и А. А. Сталь-Гольшттейна курсы санскрита, пракритов, пали и тибетского, у А. И. Иванова изучал китайский язык, у А. Д. Руднева — монгольский. Кроме того, он прослушал общий курс истории Востока, истории Восточной части Средней Азии и Китая. На филологическом факультете посещал лекции по философии и психологии. Из европейских языков изучал английский, французский, итальянский, а немецкий, греческий и латынь знал еще с гимназических времен. На третьем курсе Розенберг стал проявлять интерес к Японии и японскому языку, изучение которого для студентов китайско-санскритского разряда было факультативным. Японскому он учился у В. Я. Костылева, Куроно Есибуми, Г. И. Доли. Такая широкая языковая и общегуманитарная подготовка стала залогом будущих успехов ученого.

Особенно большое влияние на него самого и на направление развития его научных интересов оказывал Ф. И. Щербатской. С этим именем связано становление и развитие отечественной индологии и буддологии, появление принципиально нового, по сравнению с европейским, подхода к изучению буддизма. В своей деятельности Щербатской преодолел существовавший в востоковедении европоцентризм. Согласно традиционной точке зрения европейских востоковедов, считалось, что философская наука могла возникнуть только на Западе, а восточные народы рассматривались как неспособные к самостоятельному философскому мышлению. «Величие Щербатского,— пишет А. Д. Литман,— состояло в том, что он не просто признал наличие оригинальных философских традиций на Востоке, но и указал на их большое значение в развитии мировой философской мысли»¹. Щербатской смотрел на буддизм как бы «изнутри», исходя из систем, складывавшихся в русле самой буддийской традиции. Это позволило ему отказаться от распространенного в европейской индологии так называемого филологического подхода, состоявшего в истолковании языка описания буддизма как религиозно-философской системы на основании этимологических изысканий и объяснении значений терминов с точки зрения «здорового смысла». Щербатской в своих исследованиях стал руководствоваться методом конкретно-исторического воспроизведения философской системы в целом и предложил философский, интерпретирующий перевод². Одним из первых в мировой науке Щербатской понял необходимость привлечения широкой источниковедческой базы при изучении буддизма. Он пришел к выводу о неправомерности ограничиваться лишь сочинениями, входившими в состав южного, палийского, канона, который главным образом и изучали европейские буддологи, и указал на важность исследования буддийской литературы, созданной в Китае, Тибете, Монголии, Японии, то есть источников, принадлежавших к северной и восточной ветвям буддизма — буддизма махаяны. Розенберг всегда был верен идеям и методологическим установкам учителя и в своей деятельности пытался их реализовать.

По окончании третьего курса весной 1909 г. способный студент был командирован на четный семестр в Боннский университет для занятий у крупнейшего санскритолога профессора Германа Якоби, у которого некогда учился и Щербатской. Под его руководством он читает написанные на санскрите сочинения Бхавабхути «Малатимадхава», «Алидаса «Шакунтала» и др., одновременно посещает лекции профессора Эрдмана по мифологии и истории.

Осенью следующего, 1910 г. Розенберг подает прошение о допущении его к государственным испытаниям по китайско-санскритскому разряду, представив при этом зачетное сочинение «Бодисатва Ма-мин». Как успешно окончившего курс, его оставляют при университете для подготовки к профессорскому званию и преподавательской деятельности на кафедре санскритской словесности. В отзыве, приложенном к ходатайству факультета и подписанном известным китаеведом, тогда приват-доцентом, а впоследствии профессором А. И. Ивановым, говорилось, что во время пребывания в университете Розенберг отличался «необыкновенной добросовестностью в выполнении работ и выказал большую способность при занятии лингвистикой и философией, а также прекрасное знание новых языков и большую начитанность... Представленная им работа по сравнению памятников буддизма по китайскому и санскритскому оригиналам дала возможность судить о его умении критически относиться к определению значения памятников»³. Отзыв заканчивался выражением уверенности в целесообразности того, чтобы Розенберга оставили при кафедре санскритской словесности ввиду необходимости изучения памятников Востока, которые стали доступны в результате последних экспедиций в Восточный Туркестан (т. е. экспедиции С. Ф. Ольденбурга в 1908—1909 гг. в Турфан).

Вместе с тем сам Розенберг проявлял все больший интерес к японскому языку, освоение которого считал необходимым для изучения японского буддизма. С целью дальнейшего совершенствования в японском языке он получил командировку в Берлин на период с 1 апреля по 1 октября 1911 г. Там в Семинарии восточных языков у профессора Ланге он прослушал курс грамматики японского языка, лекции по религии японцев, занимался переводами с немецкого на японский, чтением текстов из японской хрестоматии. Во время дополнительных частных занятий с преподавателями-японцами Розенберг упражнялся в разговорном языке, иероглифическом письме, чтении произведений современной японской литературы. Пребыва-

ние в Берлине дало также возможность ознакомиться с новейшей европейской литературой по индологии и японистике.

Вернувшись в Петербург, Розенберг подал на имя министра народного просвещения прошение, поддержанное факультетом восточных языков, о продлении срока пребывания при университете для подготовки к профессорскому званию, но на сей раз при кафедре японской словесности. Собственные научные интересы Розенберга совпадали с интересами факультета и кафедры. В то время здесь испытывали потребность в высококвалифицированных преподавателях, которые были бы постоянными сотрудниками кафедры. За исключением Куроно Есибуми, преподаватели, как правило, состояли на службе в государственном аппарате и часто менялись. Прошение Розенберга было удовлетворено, и ему была определена стипендия в 100 рублей в месяц, что по тем временам было значительной суммой. В представлении факультета также оговаривалось, что знание японского языка может принести большую пользу для изучения буддизма. Это соответствовало направлению интересов и самого ученого.

Розенберг упорно шел к поставленной цели и на протяжении 1911—1912 академического года продолжал занятия под руководством Куроно Есибуми, А. И. Иванова, Ф. И. Шербатского. В течение зимы Розенберг прочитал религиозно-философское сочинение на санскрите «Ньяябинду», китайские классические сочинения «Шицзин», «Мэнцзы», «Да сюэ», произведения древней, средневековой и современной японской литературы, в том числе первую художественную повесть Японии «Такэтори моногатари» (IX в.), «Комментарии к Кодзики» ученого XVIII в. Мотоори Норинага, «Историю японской литературы» Фудзико Сакутаро, повесть современного писателя Кода Рохан «Фуцука моногатари», статьи из газеты «Токио Асахи», литературу по Японии и буддизму на европейских языках⁴. Можно только поражаться тому, сколь широк и разнообразен был круг изучавшейся им литературы. Исключительное трудолюбие и успешное совершенствование знаний в избранных областях позволили Розенбергу быстро приобрести все качества ученого-исследователя.

Весной 1912 г. факультет восточных языков принял решение о командировании О. О. Розенберга в Японию. Правительство России стремилось к развитию отношений со своим дальневосточным соседом, к всестороннему изучению языка, литературы, истории этой страны. Поэтому в Японию регулярно направлялись на обучение и стажировку преподаватели и подающие надежды студенты. В 1908—1914 гг. в Токийском университете учился С. Г. Елисеев. Вслед за Розенбергом в Японию поехали А. И. Иванов, Н. И. Конрад, Н. А. Невский.

Согласно японской инструкции, для занятий Розенбергу надлежало изучить японский разговорный язык в такой степени, чтобы иметь возможность пользоваться указаниями местных учителей, приобрести навыки преподавания японского языка и составить пособия для его преподавания, освоить китайский язык и чтение китайских классических сочинений. Выдвигалась еще и специальная задача: изучить японскую буддийскую литературу и традицию для того, чтобы выяснить значение японских материалов для исследования индийской философии и религии⁵.

Прибыв в Токио, Розенберг поселился в районе Консикава в квартале Мёгадани и поступил в аспирантуру при Токийском университете. Первое впечатление от знакомства с японской буддологией — разочарование. Причиной было, пожалуй, недостаточно еще хорошее знание Японии и японцев, самомнение, свойственное молодости. В октябре 1912 г. Розенберг писал Шербатскому: «Я отказался от надежды найти помощь у японцев в понимании буддийской философии. Они прочитали слова текстов, заучили некоторые определения, сосчитали число слов, строчек, стихов и могут указать, где что находится, а мир мысли, скрытый в этих словах, им чужд... Учебники очень подробно распространяются о том, что понятно и без таковых, а трудные вопросы... затронуты совсем слегка или совсем пропущены»⁶. Молодому выпускнику Петербургского университета, успешно освоившему достижения европейской гуманитарной науки, не сразу удалось понять, что сложившейся на протяжении веков японской традиции изучения буддизма характерен иной подход и отношение к тексту, иной взгляд на буддизм вообще. Позднее позиция Розенберга коренным образом изменится. Он увидит, какую пользу могут принести японские учебники: «В них [учебниках] мы находим извлечение, конспект всего важнейшего... Здесь важным является для нас не столько детальный разбор... сколько самый выбор того минимума, который считается обязательным для всякого, изучающего буддизм... В Европе это

ценное орудие для изучения буддизма еще пока неизвестно...» (Авт. — Ю. М.) Когда же Розенберг ближе познакомился с такими учеными, как Огихара, Такакусу, Ватанабэ, другим стало и его отношение к японским специалистам-буддологам. И не этих ли ученых он имел в виду, когда писал: «Найти немногих действительных носителей и хранителей традиции — трудно, но все же они могут быть найдены, и при их помощи и при помощи написанных ими работ даже европейцу возможно понять древние тексты так, как их понимает туземный ученый — действительно ученый. Это путь наиболее верный и близкий, чем самостоятельные попытки раскрыть тексты, какие бы они ни были оригинальные и остроумные»⁸.

В 1912 г. Щербатской разработал план комплекса работ по исследованию «Абхидхармакоши», включавшего изучение переводов и комментариев к этому сочинению, написанных на разных восточных языках (оригинальный текст на санскрите был обнаружен лишь в 1930-е гг.). К осуществлению этого плана были привлечены бельгиец Валле-Пуссен, англичанин Дениссон Росс, француз Сильвен Леви, японец Огихара. Сам Щербатской переводил тибетскую версию текста. Естественно, что Розенберг также принял участие в исследовании «Абхидхармакоши». В Японии он обратился к переводам Сюань Цзана (596—664), буддийского монаха из Лояна, прославившегося своим паломничеством в Индию. Точнее, Розенберг нашел перевод «Абхидхармакоши» на китайский язык, составленный учеником Сюань Цзана Куйцзи (яп. Кики) под непосредственным руководством учителя. Розенберг отмечал ясность и четкость перевода Сюань Цзана, понятного и без знания санскрита. Он использовал и перевод текста «Абхидхармакоши» на китайский, сделанный Парамартхой в 564—567 гг., хотя с грамматической точки зрения этот перевод казался Розенбергу очень трудным. Работа продвигалась быстро. Летом 1913 г. ученик писал учителю, что закончил уже перевод «Абхидхармакоши» и окончательно выяснил основные проблемы, сделал также перевод «Ньяяправешни» (логический трактат Шанкарасвамина, также переведенный Сюань Цзаном) и приступил к переводу «Виджняптиматры» (трактат, в котором излагается доктрина школы «Дхармалакшана»)⁹.

Осенью того же года Розенберг отправил в Петербург отчет с приложением статьи «Буддийские системы и теории «дхарм». Введение в философию Васубандху», которую он собирался дать в качестве предисловия к переводу «Абхидхармакоши». В отзыве об этой статье Щербатской характеризовал ее как «выдающуюся по содержательности и новизне результатов». Здесь Розенберг уже сформулировал свое понимание теории дхарм, которое он затем подробно изложил в работе «Проблемы буддийской философии». В 1913 г. в ежегоднике Токийского немецкого общества вышла статья Розенберга о религии и философии Японии. Кроме того, он написал критический разбор современной ему японской литературы по древнебуддийской догматике и представил ее в качестве отчета в аспирантуру Токийского университета.

Работа над китайскими переводами санскритских сочинений побудила Розенберга приступить к созданию словаря санскритско-китайско-японских религиозных и философских терминов. Ученый справедливо полагал, что существовавшие в Японии словари неудобны для европейцев, так как материал в них располагается по принципу категорий: имена будд, названия сект, «четыре пути» и т. п. Словари, организованные по фонетическому принципу, также были неудобны для употребления, поскольку один и тот же иероглиф может читаться по-разному. Розенберг распределил материал по ключам, он дал санскритские эквиваленты китайским иероглифам, а также их японские чтения. Почти для каждого термина имелись указания, в каких сочинениях его можно найти. В подборе слов русскому ученому помогали японские студенты, с которыми у Розенберга установились хорошие деловые и дружеские отношения. Он с удовлетворением писал: «...Чему я приписываю наибольшее значение — удалось подготовить ряд лиц, которые введены в европейский метод работы и которые, я надеюсь, и в будущем продолжат начатую работу в таком же направлении. В Японии можно сделать удивительно много, нужно только уметь привлечь к собиранию материалов подходящих лиц»¹⁰.

Весной 1914 г. Розенберг начинает готовить к печати свой словарь, названный им «Свод лексикографического материала»; ведет переговоры с типографией, испрашивает согласие Петербургского университета. Хотя в принципе университет издание разрешил и выслал небольшой аванс, денежные переводы на оплату стеченов типографии поступали в дальнейшей крайне нерегулярно. Розенбергу приходилось тратить собственные и без того скудного средства: ввиду начавшейся первой мировой войны стипендия поступала

с опозданием, иногда не было даже денег, чтобы уплатить булочнику и мяснику. Выручало русское посольство, а также Ф. И. Щербатской, выславший ученику свои собственные деньги, и С. Ф. Ольденбург, сумевший перевести значительную денежную сумму от Академии наук. Дважды Розенбергу приходилось подавать прошение о продлении командировки: не хотелось оставлять незаконченным начатое издание. Наконец в мае 1916 г. «Свод лексикографического материала» увидел свет. Он был задуман как первая часть большого труда «Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам», как пособие, которое «раскрывает доступ к богатой вспомогательной литературе, созданной японцами для изучения буддийской религии и философии, и тем самым к обширной буддийской литературе, переводной с санскритского, сохранившейся в Японии»¹¹.

В то время Розенберг приостановил работу по исследованию «Абхидхармакоши» и других индийских философских трактатов и переключился на изучение японского буддизма и литературы. Здесь он сделал важное наблюдение. Розенберг открыл европейским исследователям мир буддийской религиозной литературы, которая до тех пор не рассматривалась как составная часть японской литературы. «В Европе,— писал Розенберг,— сложилось представление, что в Японии нет никакой литературы, кроме поэтической, романов и историй. Буддийская литература по объему уже (не говоря о содержании) не меньше всей так называемой классической литературы, по значению она выше ее несравненно. Моя подготовка дала мне возможность открыть не только японскую, но и большую часть китайской буддийской литературы, почти не известные до сих пор области»¹². В наши дни каждый японист хорошо осознает влияние буддизма на японский военно-феодалный эпос (гунки), на средневековую поэзию, дневниковую и эссеистическую литературу, связь буддизма и японской культуры достаточно хорошо показана в многочисленных работах японоведов. Тогда же, семьдесят лет назад, Розенбергу приходилось доказывать правомерность своей точки зрения. Подчеркивая огромное значение буддизма в культуре Японии, он писал: «Значительная часть самой важной классической литературы создана трудом буддийских священников, и знание буддийских представлений дает ответ на многие вопросы, связанные с японской эстетикой. Японская систематическая философия, логика, метафизика являются целиком буддийскими, в то время как японская этика, практическая философия находятся под сильным влиянием буддийской мысли»¹³.

Некоторые преподаватели факультета восточных языков высказывали опасение, что Розенберг занимается буддизмом в ущерб изучению Японии и японского языка. На самом деле это было далеко не так. Ученый собрал материал для написания параллельной грамматики письменного и разговорного языков и приступил к созданию иероглифического словаря по графической системе. Он писал Щербатскому: «С конца лета 1915 г. занимаюсь исключительно японским языком и привел его в такую же систему, как буддийско-китайский в указателе... За это время сделано очень много, и я надеюсь, в самое ближайшее будущее будет повален и второй бык, то есть хаос японского языка идеографического благодаря новой системе»¹⁴. Здесь Розенберг имел в виду то, что он разработал дальше предложенную еще выдающимся русским китаистом В. П. Васильевым систему классификации иероглифов не по ключам, а по графическим элементам в соответствии с принципом преобладания правых нижних черт. Розенберг считал эту идею Васильева гениальным открытием. Вместе с тем он отмечал и некоторое несовершенство созданного Васильевым словаря¹⁵. «Его словарь,— писал Розенберг,— организован по «фонетикам», которые в свою очередь организованы в соответствии с правой и наиболее заметной чертой. Однако порядок расположения основных черт не обоснован каким-либо определенным принципом. Кроме того, не дано никаких указаний к «правилам их сочетания»¹⁶. Ученый пришел к выводу, что все иероглифы распадаются на пятьсот «графических элементов», которые соответствуют буквам и могут быть расположены в алфавитном порядке. Эти «графические элементы» в свою очередь могут быть объединены в двадцать четыре основных графических элемента (у Васильева их было девятнадцать). Далее Розенберг сгруппировал двадцать четыре основных графических элемента в пять групп по направлениям и обосновал систему классификации более сложных иероглифов. Таким образом Розенберг классифицировал восемь тысяч иероглифов, при каждом из которых давалось несколько вариантов «онных» и «кунных» чтений. Несколько раньше была опубликована статья на японском языке о новой системе расположения китайских иероглифов, с интересом встреченная японскими специалистами-

ми-филологами. Розенберг с гордостью сообщал об этом Шербатскому: «Издательство одного из лучших современных словарей предложило вопрос, нельзя ли заменить старый указатель к этому словарю новым по моей системе. На днях преподаватель японского языка в одной гимназии запросил, не разрешу ли я ему составить руководство для обучения детей японской письменности на основе нового метода. Словом, большинство моих знакомых считает, что со временем новый метод может произвести перелом в системе преподавания национального языка в Японии... Принципно здесь разрешена одна из наиболее трудных проблем японской школы»¹⁷. Разработанный Розенбергом принцип составления иероглифических словарей в дальнейшем действительно получил практическое применение, но не в японских, а в китайско-русских словарях. Так, В. С. Колоколов в своей работе 1927 г. «Краткий китайско-русский лексикон» писал, что его особенностью является графическая «алфавитная» система Розенберга. Преемственность системы Васильева — Розенберга — Колоколова отмечается и в предисловии к «Китайско-русскому словарю» И. М. Ошаннина.

Следует сказать и еще об одном направлении деятельности русского ученого в Японии. Много сил, времени и средств он тратил на приобретение книг для библиотеки факультета восточных языков и Азиатского музея, закупал предметы буддийского культа. Розенберг составил список книг, которые, по его мнению, были в первую очередь необходимы для развития японоведения у него на родине. Буквально в каждом письме в Петербург он подробно перечислял, какие книги и на какую сумму смог приобрести. Благодаря Розенбергу ленинградские японисты последующих поколений могут пользоваться многотомными сериями по буддизму, японской литературе и истории.

Летом 1916 г. Розенберг вернулся в Петроград и осенью выдержал испытания на степень магистра японской словесности. В ноябре-декабре он стал выступать с пробными лекциями «Буддийские секты в Японии» и «Японская секта созерцания дзэн». С 1 января 1917 г. он был зачислен в штат факультета восточных языков в звании приват-доцента. Вступительная лекция «Религиозно-философские системы в Японии и их изучение» состоялась 16 февраля 1917 г. На протяжении 1917—1918 учебного года Розенберг вел следующие занятия в университете: чтение современного текста научного содержания (читалась «Краткая история японского буддизма»); чтение лирических драм Но; историю религии и религиозно-философской литературы в Японии; введение в изучение китайской литературы, переводной с санскрита; введение в японскую филологию; чтение сочинения Кэнко-хоси «Цурэдзурэ гуса» («Записки от скуки»), Рай Санъё «Нихон гайси» («Неофициальная история Японии»), «Такэтори моногатари» («Повесть о дедe Такэтори») ¹⁸.

В первый год после Великой Октябрьской социалистической революции широко развернулась научная деятельность Розенберга. Он стал сотрудником Азиатского музея, помощником хранителя этнографического отдела Русского музея, был избран в члены Географического общества. В автобиографии, написанной осенью 1918 г., Розенберг писал, что, помимо названных выше направлений деятельности, вылившихся в чтение лекционных курсов и ведение практических занятий, он в то время занимался исследованиями в области буддийской иконографии и символики, систематизацией идеографического элемента японского письма, психологией иероглифической системы письма, сбором материалов по японской лексикографии¹⁹. Но по-прежнему главным объектом его научных интересов оставалась философия буддизма.

6 октября 1918 г. Розенберг представил к защите диссертацию, состоявшую из двух книг: «Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам. Ч. I. Свод лексикографического материала. Ч. II. Проблемы буддийской философии». Сейчас этот труд хорошо известен всем, кто изучает буддизм, поэтому выделим лишь некоторые основные его положения. Во введении ко второму тому Розенберг писал, что в его задачу входило выяснение центральных проблем буддизма, общих для всех направлений и школ, то есть буддизма как философской системы. Розенберг был убежден, что «изучение древнего буддизма должно начинаться с систематических трактатов, заключенных в сборники абидармы... а не с сутр», как это делалось европейскими учеными²⁰. Исследование самого Розенберга основывалось на изучении «Абхидхармакоши» в переводе Сюань Цзана, ценность которого он всесторонне обосновал в своей книге. Другая методологическая основа работы Розенберга состояла в том, что он исходил из знания фактических форм буддизма, которые существовали в Японии, или, как он сам писал, из «ознакомления с живой традицией буддизма», которую он «изучил путем бесед, совместного

чтения текстов (с японскими учеными), слушания специальных курсов». В результате ему удалось реконструировать предмет буддийской философии в ее махаянистской интерпретации и показать, что в центре рассмотрения буддийских теоретиков стояла проблема анализа сознания. Кроме того, Розенберг проанализировал сущность ряда буддийских концепций, таких, как дхарма, рупа, карма, нирвана. Особое значение он придавал теории дхарм, считая ее ключевым пунктом буддийского учения. Дав классификацию дхарм и раскрыв все те значения, в которых это понятие употребляется, Розенберг убедительно показал ошибочность суждений европейских ученых, которые понимали дхарму либо как «объект, предмет всего внешнего, или материального, мира»²¹, либо как «закон, порядок». Розенберг предложил философское объяснение понятия «дхармы» как элемента бытия, элемента сознания. Он писал: «Дхармами называются истинно сущие, трансцендентные, непознаваемые носители-субстраты тех элементов, на которые разлагается поток сознания с своим содержанием»²². Таким образом, он выделял метафизический аспект теории дхарм, а следовательно, и буддизма вообще. В дальнейшем теория дхарм разрабатывалась Щербатским, который часто цитировал высказывания своего талантливого ученика.

«Введение в изучение буддизма...» было представлено к защите как магистерская диссертация, но на основании отзывает официальных оппонентов А. И. Иванова и Ф. И. Щербатского Розенбергу была присуждена докторская степень. Важно отметить, что это была первая диссертация по японской словесности, защищенная в Петербургском (Петроградском) университете. Академик С. Ф. Ольденбург предсказал, что труд Розенберга «справедливо займет виднейшее место в истории изучения буддизма»²³. И действительно, по сей день он остается непревзойденным по своему научному уровню и широте охвата материала.

Во время защиты высказывались и некоторые критические замечания. Так, В. М. Алексеев, с одной стороны, отметил достоинства диссертации как «оригинального труда, несомненного желания быть полезным другим исследователям», как работы, «написанной сильно, стильно, изящно, открыто и просто». С другой стороны, он упрекал автора в некотором схематизме изложения материала, отсутствии самого текста перевода, что, по убеждению Алексеева, должно быть главным во всяком китаистическом и японистическом исследовании²⁴. Поэтому Алексеев расценивал диссертацию Розенберга лишь как «введение в будущее исследование». Вероятно, так считал и сам автор, о чем говорит не только название обоих томов, но и план создания третьего тома, в котором предполагалось дать списки сохранившихся памятников буддизма и раскрыть содержание важнейших из них. К сожалению, в архиве О. О. Розенберга не сохранился перевод «Абхидхармакоши», есть лишь отдельные отрывки на немецком языке, комментарии к тексту на японском.

Среди поставленных в диссертации проблем была и проблема важности изучения японского буддизма для постижения основ индийской философии. Раскрывая свою мысль, Розенберг писал, что при проникновении буддизма в Японию шел двойкий процесс: с одной стороны, китайские и индийские заимствования подвергались воздействию национальной японской традиции, с другой стороны, в японской традиции и религиозной литературе сохранилось много китайского и индийского, чего там уже нет. Многие были священным именно как что-то далекое, чужое, непонятное и, таким образом, сберегалось в традиции²⁵. Эта проблема рассматривалась Розенбергом и в статье «Об изучении японского буддизма», сохранившейся в рукописи, где он писал: «Буддизм в Китае подвергся участи, несколько однородную с той, которая его ждала в Индии. Возрождающееся конфуцианство, имевшее за собой вековую исконную китайскую литературу и основанное на идеале китайской древности, не допустило окончательного торжества иноземной религии... Грандиозная литература, созданная под индийским влиянием, в новом Китае не смогла упрочиться, и в настоящее время она уже забыта. В гораздо большей полноте китайская литература сохранилась в Японии. Здесь положение буддизма было по существу иным, чем в Индии и Китае. Япония не обладала самобытной законченной системой мирозерцания, которое бы могло быть противопоставлено индийскому, притом такому законченному, каким был буддизм в эпоху его проникновения в Японию. Буддийское учение могли не понять, но никто не был в состоянии опровергнуть его, выступить против индийской диалектики. В Японии притом и не было древней могучей касты жрецов вроде брахманов, которая была бы заинтересована в подавлении новой заморской религии. Первые

попытки протеста со стороны придворных жрецов синтоизма быстро закончились поражением, и буддизм на протяжении многих веков был официально признанным культом японских правителей, императоров и сёгунов»²⁶. В этой статье автор, по существу, затрагивает вопрос, который волнует японоведов и сегодня: чем определяются особенности механизма адаптации чужеземной культуры в Японии? Ведь именно отсутствие в Японии собственной многовековой философской и религиозной традиции (какой, скажем, было конфуцианство в Китае) и способствовало в значительной степени той «легкости», с которой в середине I тысячелетия происходило восприятие японцами культуры Китая и Индии.

После Октябрьской революции в Азиатском музее широко развернулась деятельность по пропаганде знаний в области востоковедения. С этой целью ведущие ученые-востоковеды выступали с публичными лекциями, устраивали выставки. Одной из них стала Первая буддийская выставка, открывшаяся 24 августа 1919 г. Самое деятельное участие в ее организации принял Розенберг. С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской, Б. Я. Владимирцев, В. М. Алексеев, О. О. Розенберг выступили с лекциями о буддизме в Индии, Тибете, Монголии, Китае, Японии. Лекция Розенберга называлась «О мирозерцании современного буддизма на Дальнем Востоке». В популярной форме он изложил суть буддийского учения, дал объяснение терминов, охарактеризовал важнейшие буддийские секты в Японии. Розенберг говорил образным, красочным языком, и это делало буддизм максимально понятным, доступным для его слушателей. Вот как, например, он объяснял буддийскую идею о перерождении, отсутствии начала и конца: «Итак, по учению буддизма каждая личность, со всем тем, что она есть и мыслит, со всем ее внутренним и внешним миром, есть не что иное, как временное сочетание безначальных и бесконечных составных частей, как бы лента, сотканная на известном протяжении безначальных и бесконечных нитей. Когда наступает то, что мы называем смертью, ткань с определенным узором как бы распутывается, но те же самые необрывающиеся нити соединяются вновь, из них составляется новая лента, с новым узором».

Бесчисленные нити, из которых соткана данная личность, составляют как бы пучок ниток, как бы ту «основу» ткани, те продольные нити, которые в ткани соединяются то в тот, то в другой узор; ни одна нить не может войти в другую основу, в чужую личность, которая есть такое же обособленное сочетание нитей.

Таким образом, единичная какая-нибудь личность... — это, в сущности, временная узорчатая лента из основных нитей. Эти же самые нити, которые называют себя Иванов, были когда-то Петром, будут когда-то Алексеем... Вот смысл буддийского учения о перерождении»²⁷.

Прочитанные на выставке лекции были в том же году изданы. Четыре маленькие книжечки стали сейчас библиографической редкостью. Пятьдесят лет спустя, вспоминая Первую буддийскую выставку, академик Н. И. Конрад писал, что «эта выставка, эти лекции были удивительным взрывом научного воодушевления, культурнического энтузиазма, веры в то, что революция распахнула перед народом дверь во весь мир и во все в мире»²⁸.

Желая сделать культуру Востока доступной и понятной всем, Розенберг размышлял над вопросом о том, как понять душу Востока, как найти пути взаимопонимания между народами. Ученый был категорически против идеи о том, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток и вместе им не сойтись». Он считал, что народом всего мира свойственны одни и те же законы мышления, что их волнуют одни и те же проблемы и даже решаются эти проблемы во многом одинаково. Доказывал это Розенберг, вновь обращаясь к буддизму: «Буддизм — продукт Индии, а Древняя Индия и по расе и по языку несомненно более тесно связана с Европой, чем с Дальним Востоком, для которого она, собственно говоря, совершенно чужда. В индийской философии в особенности мы встречаемся с комплексом систем, вполне аналогичных с теми системами, которые составляют достояние греко-европейской философии... Это те же вечные философские проблемы. Говорить о какой-то «восточной» загадочной индийской философии может только тот, кто не знает истории европейского философского мышления. Но если индийская философия, понятная и доступная для нас, в то же время оказалась приемлемой и для Дальнего Востока... то невольно нужно спросить, где же та якобы существующая пропасть, разделяющая нас и Дальний Восток»²⁹.

По убеждению Розенберга, Восток остается для европейцев чем-то странным и зага-

дочным только в силу незнания его или, точнее, нежелания узнать. И чтобы понять «душу Востока», Розенберг предлагал свой, быть может испытанный им на практике, путь: «Недостаточно принять к сведению и запомнить ряд явлений, но необходимо попытаться пережить их так, как их переживает восточный человек. Для этого нужно выставить следующие два правила. Первое: необходимо стараться пережить при каждом явлении именно ту цепь ассоциаций, с которой данное явление связано, например, для японца. Это вполне достижимо. Для этого требуется лишь знание японского быта и знание японской литературы... Второе правило — обратное, не требующее новых знаний, а только усилия воли, — препятствовать по поводу возникновения того или иного восточного явления европейских ассоциаций... Оба правила можно выразить и более простыми словами. Для того, чтобы правильно понять восточное явление, религиозное или какое-либо иное настроение, необходимо быть до известной степени актером — недостаточно изучать, необходимо переживать изучаемое... Недостаточно прочитать описание того, как буддисты секты мистиков предаются созерцанию. Необходимо в обстановке горного монастыря после определенной литературной подготовки под руководством учителя погрузиться в созерцание, пережить то настроение, которое наступает, когда теряется ощущение телесной тяжести, и непосредственно переживается единение с буддою так, как его переживают все, присутствующие на созерцании...»³⁰. Можно спорить о том, сколь реален путь, предлагавшийся Розенбергом, но несомненно одно: он был убежден в возможности проникновения в духовный мир народов Востока, верил, что миф о загадочности и таинственности «восточной души» будет развеян.

В последний год своей жизни Розенберг продолжал работу и по японской лексикографии. Он собрал материал, охватывающий от 200 до 300 тыс. иероглифов с указанием по их чтению, и представил в Российскую Академию наук записку под названием «Опыт кодификации идеографического элемента японского словаря». В ней ученый обосновал необходимость создания нового иероглифического японо-русского словаря и критикуя словари, организованные по ключевой системе, предлагал графическую. В 1919 г. вместе с В. М. Алексеевым он разработал проект Комиссии по составлению такого словаря и хотел привлечь к работе над ним С. Г. Елисеева, Н. И. Конрада, Н. А. Невского, Е. Д. Поливанова. Но именно в это время, когда ученый был полон творческих замыслов, его жизнь внезапно оборвалась. Он умер 26 сентября 1919 г. от сыпного тифа, которым заразился во время наступления войск Юденича на Петроград.

Почти семьдесят лет прошло со дня смерти О. О. Розенберга. За это время сделаны большие успехи в изучении буддизма и развитии японоведения. Появилось много работ, в которых исследуется связь буддизма и японской литературы, его влияние на эстетические воззрения японцев, роль буддизма в государственной и общественной жизни Японии. Однако это никоим образом не заслоняет важность и значимость трудов О. О. Розенберга, которые стали основополагающими для всех дальнейших исследований и «знаменуют собой эпоху в изучении буддизма»³¹.

г. Ленинград

¹ А. Д. Литман. Вклад Ф. И. Щербатского в изучение индийской философии.— В кн.: Индийская культура и буддизм. М., 1972, с. 38.

² В. И. Рудой. Отечественная историко-философская школа в буддологии.— «Абхидхарма-коша» (Энциклопедия абхидхармы). Ч. I (рукопись).

³ ЦГИА, ф. 733, оп. 154, № 563, л. 115.

⁴ ЦГИА, ф. 733, оп. 155, № 387, л. 19.

⁵ ЦГИА, ф. 733, оп. 155, № 387, л. 189.

⁶ Архив АН СССР, ф. 725, оп. 3, № 147, л. 4.

⁷ О. О. Розенберг. Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам. Ч. II. Проблемы буддийской философии. Пг., 1918, с. 26—27.

⁸ Архив востоковедов, ф. 47, оп. 1, № 1, л. 11.

⁹ Архив АН СССР, ф. 725, оп. 3, № 147, л. 22.

¹⁰ Архив АН СССР, ф. 725, оп. 3, № 147, л. 83.

¹¹ О. О. Розенберг. Указ. соч., ч. II, с. 1.

¹² Архив АН СССР, ф. 725, оп. 3, № 147, л. 90.

¹³ О. О. Розенберг. Указ. соч., ч. I. Свод лексикографического материала. Токио — Петроград, 1916, с. 1.

- ¹⁴ Архив АН СССР, ф. 725, оп. 3, № 147, л. 82.
- ¹⁵ В. П. Васильев. Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря. Спб., 1867.
- ¹⁶ O. Rosenberg. Arrangement of the Chinese Characters according to an Alphabetical System being the introduction to a Japanese Dictionary of 8000 Characters and List of 22 000 Characters. Tokyo, 1916, p. 4.
- ¹⁷ Архив АН СССР, ф. 725, оп. 3, № 147, л. 83.
- ¹⁸ А. А. Бабинцев. Из истории русского японоведения.— Японская филология. М., 1968, с. 136.
- ¹⁹ ГИА.ЛО. ф. 14, оп. 3, л. 15 857.
- ²⁰ О. О. Розенберг. Указ. соч., ч. II, с. VI.
- ²¹ Там же, с. 116.
- ²² Там же, с. 106.
- ²³ С. Ф. Ольденбург. Памяти О. О. Розенберга. Кн. I. Пг., 1922, с. 158.
- ²⁴ В. М. Алексеев. Наука о Востоке. М., 1982, с. 350—354.
- ²⁵ См.: О. О. Розенберг. Указ. соч., ч. II, с. 8.
- ²⁶ Архив востоковедов, ф. 47, оп. 1, № 7, л. 4.
- ²⁷ О. О. Розенберг. О миросозерцании современного буддизма на Дальнем Востоке. Пг., 1919, с. 22—23.
- ²⁸ Н. И. Конрад. О Федоре Ипполитовиче Щербатском.— Индийская культура и буддизм, с. 7.
- ²⁹ Архив востоковедов, ф. 47, оп. 1, № 7, л. 18.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ С. Ф. Ольденбург. Указ. соч., с. 157.

Советское киноискусство в оценках китайской критики

С. А. ТОРОПЦЕВ,
кандидат филологических наук

В прошлом году в СССР и КНР одновременно возобновился взаимный широкий прокат фильмов, прерванный более двух десятилетий назад. Китайская пресса писала: «Пройдя долгий, извилистый путь, советское кино явило миру свой собственный, обновленный облик. «Экипаж», «Военно-полевой роман», «Вокзал для двоих» продолжают замечательные традиции советской революционной кинематографии, в то же время их отличает новаторский поиск»¹.

Взаимоотношения наших стран в области кинематографии вступили в новый этап. Характер складывающихся сейчас связей позволяет уже сегодня надеяться на возникновение в будущем плодотворных отношений, равно полезных обеим сторонам. И в Китае, и в Советском Союзе идут напряженные поиски такой кинематографической структуры, которая объективно формировала бы условия для вызревания таланта и создания высокохудожественных произведений, одновременно возводя барьер серости. Обмен опытом этих поисков, экспериментов, взаимные обсуждения различных аспектов функционирования огромной и сложной машины кинематографического производства — все это могло бы стать элементом отношений как на административном уровне (Госкино СССР и Министерство радиовещания, кинематографии, телевидения КНР), так и на творческом (Союз кинематографистов СССР и Союз китайских кинематографистов).

Первые серьезные шаги мы уже сделали. Прокат не только возобновился, но и вступил в русло договорных отношений (договор был подписан в октябре 1986 г. во время поездки в Пекин закупочной делегации В/О «Совэкспортфильм»), перейдя от разовых контактов к регулярной практике. В ноябре 1985 г. впервые после перерыва в два с лишним десятилетия КНР посетила официальная делегация Госкино СССР. На беседах в Пекине тогдашний министр культуры КНР Чжу Мучжи говорил об «очень широкой сфере, где мы можем развивать обмен и сотрудничество»², а заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП Сайфуддин отметил, что советское киноискусство оказало большое влияние на становление и развитие китайского кино³. В июле 1986 г. аналогичную китайскую делегацию возглавлял заместитель министра радиовещания, кинематографии, телевидения Дин Цяо, и итогом этого визита стал подписанный в Москве Рабочий план, регулирующий отношения в области кинематографии. В нынешнем году уже состоялся визит в КНР делегации Союза кинематографистов СССР и ожидается ответный. Так что отношения, хочется верить, налаживаются.

До образования КНР советско-китайские кинематографические контакты были эпизодическими. Не много было таких ярких страниц, как увенчавшаяся успехом битва за демонстрацию «Броненосца «Потемкина»» в 1926 г. или приз китайскому фильму «Песня рыбаков» на Московском международном кинофестивале 1935 г. После 1949 г. широкими потоками пошли в КНР советские фильмы, а в СССР — китайские. При этом подчас игнорировалась необходимость тщательно отбора по целому ряду критериев — не только идеологическому, но и художественному, историческому, этнографическому. В результате истинные произведения искусства нередко затмевались «пеленой серости», реалии чужого быта порой воспринимались абсолютно неадекватно, а обоюдная апологетическая тональность кри-

тики препятствовала объективному, серьезному анализу. Потому-то авторы появившихся в последнее время аналитических работ о советской кинематографии, ищущие в лучших наших фильмах тот ценный опыт, который мог бы принести пользу киноискусству КНР, подчас вынуждены оговариваться: «Пусть не поймут меня неправильно — будто я призываю «полностью копировать» советский опыт. Отнюдь нет...»⁴ В данном случае это пишет один из ведущих исследователей зарубежного кино, Чжэн Сюэлай — директор НИИ зарубежного искусства Академии искусств Китая. В контексте многих публикаций Чжэн Сюэлая и его коллег такое замечание следует воспринимать как предупреждение на будущее, сделанное на основе опыта тех десятилетий, когда советское киноискусство то бездумно, фанфарно апологетизировалось, то столь же бездумно, огульно очернялось.

Те или иные черты наших взаимоотношений в кинематографической сфере уже освещались советской печатью⁵, так что целесообразней, видимо, более внимательно присмотреться к тому пути, которым после 1976 г. китайская критика пришла к сегодняшнему взгляду на советское киноискусство, проявляя аналитический подход.

От жестких интонаций освободиться было не так-то просто, и поэтому в первый после 1976 г. период даже простая информация нагружалась привычным политическим подтекстом. Скажем, в рубрике «Международная киноарена» ведущей газеты КНР рядом с бесстрастно объективной информацией об американском фильме «Крамер против Крамера» стояла заметка об «Осеннем марафоне», которую скорее можно отнести не к киноведению, а к социологии, точнее — вульгарной социологии, в рамках которой фильм рассматривался как зеркало будто бы «беспорядочных половых связей» в советском обществе⁶.

На таком фоне простая хроника, сообщающая только факты без комментариев, выглядела объективным противовесом тенденциозности. Так, популярный журнал «Дачжун дяньин», издающийся тиражом более 8 млн. экземпляров, информировал читателей о Московском и Ташкентском фестивалях, о съемках совместно с ГДР телефильма «Карл Маркс. Молодые годы» или с Индией — «Али-Баба и сорок разбойников», о присуждении «Оскара» картине «Москва слезам не верит», об истории советского кино и двусторонних контактов в прошлом (в частности, об участии китайских фильмов в Московском международном кинофестивале 1935 г., когда «Песня рыбаков» получила Почетный приз за «незаурядный показ жизни китайского народа и реализм»).

Для многих молодых читателей подлинным открытием стали воспоминания нынешнего председателя Союза китайских кинематографистов Ся Яня о 30-х гг., когда шла тяжкая борьба с гоминьдановской цензурой за демонстрацию советских фильмов, которые использовались прогрессивной критикой как оружие против политической реакции⁷. Большой интерес вызвали также воспоминания о совместной работе с С. Эйзенштейном одного из интереснейших режиссеров 30-х гг. Юань Мучжи (его фильм «Уличные ангелы» в феврале 1983 г. был показан в московском Доме дружбы с народами зарубежных стран), когда китайский кинематографист стажировался в Алма-Ате в 40-е гг.⁸ Появилась в печати и обстоятельная статья о работе Шукина над образом Ленина⁹. Упрочению (а для многих, воспитанных «культурной революцией», — формированию) представления о советском кино как явлении искусства способствовали возобновившиеся в 1979 г. переводы сценариев как прошлых, так и современных.

На рубеже 70—80-х гг., когда кинематография КНР стала выходить из искусственной изоляции, в которую ее ввергла «культурная революция», она включила в орбиту своих профессиональных интересов и советское киноискусство. Теоретический журнал «Дяньин ишу» начал привлекать советский киноматериал в исследовательских статьях о работе кинооператора, об эволюции киноязыка. В этом журнале, а также в периодическом сборнике зарубежных материалов по киноискусству появились переводы опубликованных в советской печати статей М. Голдовской о творчестве оператора Л. Пааташвили, С. Герасимова о языке кино, А. Тарковского о кинематографической образности, А. Зися о природе творчества. Издательство «Чжунго дяньин» вторым (после 1963 г.) изданием выпустило книгу С. Фрейлиха «Драматургия экрана», «Избранное» А. Довженко (первое издание вышло в 1962 г.), два сборника статей В. Пудовкина, «Основы кинорежиссуры» Л. Кулешова. В фундаментальной статье «Чехов и монтаж» был дан кино-

ведческий анализ художественных приемов русского писателя и разобраны экранизации его произведений¹⁰.

Весьма любопытная дискуссия началась в 1980 г. в журнале «Дяньин вэньсюэ», органе Чанчуньской киностудии. Центральным объектом столкновения мнений стало понятие правдивости художественного текста, которое было извращено, как отмечали участники дискуссии, в период длительного засилья вульгаризаторов. Многие авторы искали аргументы в истории советской кинематографии, преимущественно в «ранних» ее периодах. Двое же из них, известный критик Ма Дэпо и исследовательница советского киноискусства Дай Гуанси, сделали принципиальный шаг вперед, показав, какого прогресса добилось советское кино к середине 50-х гг. в отражении правды жизни¹¹.

Постепенно растет внимание к советским киносценариям. Надо сказать, что у китайских кинодраматургов существуют большие возможности для этого. Десятки журналов регулярно печатают отечественные и зарубежные запущенные в производство и еще ждущие режиссера сценарии. Некоторые из них, не найдя экранного воплощения, но опубликованные в журнале, остаются все-таки в частично осуществленной форме. Начинаясь этот процесс со сценариев фильмов «Несколько интервью по личным вопросам», «Сибириада», затем «Осенний марафон», «Допрос» — то есть художественно значительных и, что оказывалось особенно важным на том первом этапе, социально острых произведений. Именно это последнее их качество, вероятно, и являлось весомым аргументом в определении судьбы публикации на китайском языке. Сценарий фильма «Освобождение» был тогда тоже переведен и издан, но с грифом «для внутреннего распространения».

Сценарии печатались в журналах, специально посвященных литературе и искусству Советского Союза (таковых в КНР три), в других периодических изданиях. Так, весь одиннадцатый номер за 1982 г. альманаха «Зарубежные сценарии» был посвящен советской кинодраматургии. Выходили советские сценарии и отдельными изданиями. Постепенно «социологический» аспект отбора начал вытесняться художественным, и уже в 1982 г. был опубликован сценарий фильма «Двадцать шесть дней из жизни Достоевского», в следующем году — «Романс о влюбленных», «Пять вечеров», «Экипаж». Недавно китайские читатели смогли познакомиться со сценарием «Детского сада» Евтушенко: ни предисловия, ни послесловия, никаких комментариев, только 23 страницы убористого иероглифического текста да 5 кадров из фильма¹². Это уже не «экзотическая диковинка», а искусство другого народа, вводимое в национальную культуру для естественного обогащения ее. Только таким и может быть культурный обмен между странами и народами, не унижающими себя высокомерием, а сознающими свое достойное место в ряду равных.

Аналитическое внимание к советскому киноискусству становится все более неотъемлемой частью киноведения КНР. Только в первых трех номерах пекинского журнала «Шичзе дяньин» («Мировая кинематография») за 1983 г. опубликовано 19 материалов, так или иначе связанных с кино СССР. Тут не только фильмография, сценарии, но и подробные рефераты, обзоры статей теоретиков и практиков А. Караганова, С. Герасимова, В. Толстых, М. Зака, И. Дубровиной. Целый ряд статей переводится полностью (И. Вайсфельда о монтажной образности, М. Туровской о документальности художественного кино, Л. Погожевой об искусстве экранизации, 7-я глава из книги В. Ждана «Эстетика фильма»).

Порой советские издания и исследования помогают изучению кинематографий других стран. Так, перевод воспоминаний Ф. Феллини был сделан не с оригинала, а с советской публикации («Иностранная литература», 1981, № 9), рассказ о фильмах И. Бергмана основан на выборках из книги Абрамова. В 1983 г. журнал «Хуанью» опубликовал раздел книги В. Утилова о Вивьен Ли.

В апреле 1983 г. в Пекине состоялась конференция «Современные художественные течения и современное кино», подробный отчет о которой был помещен в журнале «Мировая кинематография». В конференции приняли участие более 70 киноведов, кинокритиков, преподавателей, кинематографистов-практиков, а также исследователей зарубежных литератур. Участникам показали около четырех десятков представительных картин ведущих кинематографий мира: США, Италии, ФРГ, Франции, СССР. Часть фильмов для этой ретроспективы нашлась в пекинских фондах,

часть получена из Франции и ФРГ. Среди прочитанных докладов многие касались нашей страны: «Социалистический реализм как открытая система», «Впечатления от современной советской литературы», «Изучение современного искусства в СССР», доклады по кинематографии. Конференция завершилась «пеннем русских, шотландских, немецких, японских и латиноамериканских народных песен».

Однако теория теорией, но она мертва без «древа жизни», в данном случае — фильмов. Проката же советских фильмов в КНР практически не было с середины 60-х гг., хотя спорадически на экраны выпускались отдельные старые ленты, критике не подвергшиеся. В 1978 г. демонстрировался «Овод», и это было уже значительным шагом вперед, ибо, когда-то хорошо принятый в Китае, в «культурную революцию» он был обруган за якобы извращение облика революционера. Отдельные картины, получаемые из западных архивов, шли на закрытых сеансах. В целом же ни зрители, ни даже — в массе своей — специалисты до рубежа 70—80-х гг. не имели возможности следить за развитием советского киноискусства. На пресс-конференции делегации КНР на 13-м Московском международном кинофестивале (МКФ) в июле 1983 г. по этому поводу было откровенно выражено сожаление.

1983 год можно считать этапным в развитии советско-китайских кинематографических связей. Во-первых, получив от Оргкомитета Московского международного кинофестиваля приглашение, Китай положительно откликнулся на него, и после 22-летнего перерыва фильмы и делегация КНР включились в работу этого представительного форума. Центральная печать КНР откликнулась на этот факт статьей члена делегации Дай Гуанси¹³. Этот, в сущности, первый на новом этапе рассказ об МКФ носил в целом информативный характер: количество участников, названия фильмов-призеров, краткие их характеристики. О «Вассе», получившей Золотой приз, сказано несколько подробнее, с акцентом на неоднозначность главного образа: «Фильм тонко вскрывает противоречивую психологию героини перед смертью, рисуя этот персонаж разными красками». Нелишне заметить, что горьковская пьеса хорошо известна в Китае по широко прошедшему когда-то фильму-спектаклю «Васса Железнова». В статье об МКФ подчеркиваются дружеские чувства двух народов и полезность подобных визитов.

Еще за полгода до этого, 2 января 1983 г., «Жэньминь жибао» в подборку «7 важнейших кинофестивалей предыдущего года» включила абзац о Ташкентском фестивале. Факт заслуживает нашего особого внимания потому, что это было первое в прессе КНР объективное упоминание об этом фестивале.

В марте 1983 г. по Центральному телевидению КНР прошел 7-серийный телефильм «Карл Маркс. Молодые годы» (СССР — ГДР), что стало первой после долгого перерыва широкой демонстрацией нового советского фильма. В мае его показывали вторично, а в журнале «Дяньши взньи» (1983, № 3) был напечатан сценарий фильма. В рецензии на него отмечались «правдивость и живость» представления «хорошо всем нам знакомого, можно сказать с детских лет, образа», точное воспроизведение «идейных процессов, протекавших в сознании молодого Маркса, его философских взглядов». «Правдивость искусства» рецензент увидел в том факте, что фильм «остался верен правде истории»¹⁴.

В ноябре 1983 г. прошел первый, ставший затем регулярным показ советских фильмов по китайскому телевидению специально ко дню Великой Октябрьской революции. Два из трех названий — «Ленин в Октябре» и «Павел Корчагин» — были привычны. Но вот фильм «А зори здесь тихие...», вышедший в эфир вечером 6 ноября, стал сенсацией как политической (в недавние времена этот фильм подвергался грубой критике за «дегероизацию» и «гуманизм»), так и художественной. Китайские зрители, которые к тому времени уже начали расставаться с социологизаторскими оценками, вдруг поняли, что о сегодняшнем советском кино можно говорить как о подлинном искусстве, и отзвуки этого первого потрясения слышны в периодике КНР по сей день.

Через три недели газета «Хэйлуунцзян жибао», выходящая в северной провинции, граничащей с СССР, откликнулась на фильм расширенной рецензией¹⁵, скорее даже размышлениями о внутренних китайских проблемах, навеянными советским фильмом. Рецензент, в отличие от концепций периода «культурной революции», уже не отвергает огульно гуманизм целиком, а пытается провести грань меж-

ду принимаемым им «революционным гуманизмом», предусматривающим «проведение мер перевоспитания» врагов, опустивших оружие (сцена из фильма, когда Васьков собирается расстрелять пленных фашистов, но затем не делает этого), и «теорией человеческой сущности», все еще относимой им к «ревизионизму» (та же сцена несостоявшегося расстрела в «ревизионистском» варианте, иронизирует критик, должна была бы выглядеть так: Васьков «пожимает руки немецким военнопленным и мирно беседует с ними»).

Обратим внимание на то, что, во-первых, пусть даже привычно осуждая «теорию человеческой сущности», критик все-таки призывает «не путать» ее с «революционным гуманизмом»; во-вторых, свою позицию он аргументирует на материале советского фильма; в-третьих, одобряет советский фильм как за точное отражение исторической правды («старшина Васьков воплощает в себе высокие качества бойца Красной Армии тех лет»), так и за идейный и психологический уровень главного героя («выбор Васькова является воплощением высоких качеств революционного бойца и большой душевной щедрости»).

Конечно, формулировки этой рецензии, ее язык носят на себе следы вчерашнего уровня мышления, ту же «блочность», просто поменявшую знаки. Но это ведь не искусствоведческий анализ, а оценка, помещенная в политическом органе, так что оценивать тут надо только смену ракурса. Однако это «только» — огромный шаг вперед.

На совершенно ином научном и психологическом уровне рассматривается фильм «А зори здесь тихие...» в статье Дай Гуанси «Философичность и лиричность советских фильмов»¹⁶. Исследовательница отмечает две линии в картине. Первая — героика («лирическая песнь во славу героизма простого человека в отечественной войне»), вторая — подход к войне как к преступлению против человека («изображая героизм главных героев, фильм в то же время говорит зрителю: посмотри, что наделала война!»). В героической линии Дай Гуанси видит ее «будничность», как бы деловитость (поступки, а не лозунги, что в течение долгого периода было привычнее для решения военной темы в искусстве КНР). Особо обращается внимание на контраст между довоенной и военной жизнью как на прием, подчеркивающий трагизм войны. При этом критик ссылается на Аристотеля, определявшего трагедию как гибель прекрасного. «Почему,— задается вопросом китайская исследовательница,— в качестве главных героев авторы выбрали девушек? Потому что, считают они, молодые девушки, полные весенних сил, несовместимы с войной, они связаны со всем лучшим, что есть в жизни, им необходимы счастье и любовь... Но они столкнулись с войной, разрушившей любовь, погубившей их юные жизни».

В статье Дай Гуанси дается принципиальная схема развития послевоенного кинематографа СССР. Первый рубеж проходит по 50-м гг., когда впервые широко появились, как пишет, пользуясь привычной китайской терминологией, исследовательница, «противоречия внутри народа», бывшие ранее исключением. Этот специфический китайский термин в данном случае понимать следует так: до 50-х гг. преобладала «монументальность», кинематографисты концентрировали внимание на нестандартных, героических деяниях главных персонажей в борьбе с враждебными силами (социальными, природными), в рамках же социально однородных групп серьезных конфликтов не возникало (т. е. не отображалось на экране). Внутренний мир человека тогда еще не стал объектом первостепенного внимания, ибо считался цельным, чуждым каким бы то ни было конфликтам. В совокупности такой взгляд нередко приводил к формализму и догматизму. В 50-е гг. после отказа от «теории бесконфликтности» в произведении вошли внутренние конфликты — сначала в таких фильмах, как «Урок жизни», «Неоконченная повесть», «Верные друзья», а позже — «Летят журавли», «Судьба человека». Это означает, что в фокус внимания попадали уже не столько конфликты противоположных социально-политических платформ, сколько внутренний мир отдельного человека, в котором находило отражение и классовое, и социальное, и этическое, и психологическое. Внутренний мир, пишет исследовательница, вышел на первый план в советских фильмах 70-х гг., раскрывающих «проблемы философии жизни», отношение человека к бытию. В этот период, считает Дай Гуанси, философичность и лиричность (темы, вынесенные в заголовок статьи) стали как бы тем контра-

пунктирным ядром, в котором сконцентрировалась вся содержательная часть художественного пространства.

Особо выделяет критик темы войны и любви. В первой отмечается движение от изображения героини (то есть внешнего) к решению проблемы «взаимоотношения человека и войны» — какой была бы жизнь, не разразись война, как повернула она жизнь. Помимо «Зорь...», тут анализируется картина «В бой идут одни „старики“», Критик подчеркивает, что эпизоды, с военной темой вроде бы и не связанные, раскрывающие души героев, их любовь к жизни, в конечном счете глубже очерчивают образы. «и потому гибель каждого зритель рассматривает как утрату близкого друга». В таком ракурсе Дай Гуанси видит развитие военной темы, уходящей от бывлой «узкой сконцентрированности на только патриотических и героических действиях». Если в прежних советских фильмах были «герои-монументы», то теперь пришло время «безмянных героев, на чьих могилах нет не только креста, но и камня с именем». Однако война, как точно отмечает критик, не завершается с последними залпами; продолжается ее воздействие на человеческие души. Именно об этом, по ее мнению, говорит фильм «Подранки».

Новый ракурс в решении темы любви констатирует Дай Гуанси на примере фильма «Романс о влюбленных». Раньше акцент ставился на «бедах и радостях» любви, теперь же любовь стала призмой, сквозь которую рассматривается отношение человека к жизни. Необычная стилистика «Романса...» не прошла мимо внимания китайской исследовательницы: она подмечает «небудничный язык» первой, романтической части и смысловозначительную смену цветного изображения на черно-белое. Возражая тем, кто сравнивает этот фильм с «Ромео и Джульеттой», она замечает, что у Шекспира «погибает любовь», тогда как в советской картине «героиня находит новое счастье».

В положительном ряду упомянуты «Калина красная», «Слово для защиты», «Звезда пленительного счастья», «Экипаж», «Белый Бим Черное ухо», «Однажды двадцать лет спустя», «Странная женщина», «Осенний марафон» (тут интерпретированный как притча о человеке, который «боялся всех обидеть, и в результате все вокруг страдают»).

Две характерные особенности отмечает в этих фильмах Дай Гуанси. Во-первых, сюжет перестает быть самодовлеющим («дедраматизация» в последние годы стала весьма популярной конструкцией и китайского фильма), внимание авторов уходит от внешнего действия к глубинам мысли («авторы не торопятся изложить зрителю сюжет, а говорят ему нечто, что помогает зрителю познать философию жизни... Это не морализаторство, а использование образного киноязыка»). Во-вторых, советские кинематографисты перешли от моделирования жизни к натуральному ее изображению («персонажи — объемны, это живые, а не бумажные люди»).

Воспринимая этот анализ, в общих чертах совершенно справедливый, следует помнить, что исследование чужой кинематографии никогда не может оставаться бесстрастным, оно с неизбежностью, пусть порой даже подсознательно, накладывается на проблемы собственного искусства. Так, например, гипертрофирование контраста «героическое — будничное» в военной тематике, уже довольно привычного в советских фильмах, ново и чрезвычайно актуально для кино КНР, страдавшего от избыточной «фанфарности», а акцент на «объемности», «жизненности» персонажей созвучен возникшей в последние годы в КНР тенденции к «приземлению» былых отлакированных и поднятых на котурны героев.

В русле общей увлеченности творчеством В. Шукшина (в КНР переведено несколько сборников его рассказов) находится внимание и к его работе в кинематографии. В большой биографической статье¹⁷, на которой отчасти сказалось знакомство с западными концепциями (так, с чрезмерным нажимом преподнесены бытовые трудности, в рассказе о смерти сквозит излишняя сентиментальность), в целом строится версия своеобразного таланта, раздвинувшего стандарты посредственности. Шукшин-актер показан в статье настолько самобытным дарованием, что любая роль как бы растворялась в его собственном характере. Режиссерская манера сближается, по мнению критика, с писательским стилем Шукшина — «без быстрых фабульных поворотов, без противоречий и конфликтов» в начале творческого пути («Есть такой парень»), сконцентрированность на «несправедливости обстоятельств по отношению к честным, принципиальным людям», «глубокое сочувствие этим несправедливо обиженным людям» на рубеже 70-х гг. («Странные люди» со «сложностями

жизни», «Калина красная», где Шукшин одновременно и «безжалостно препарирует», и «любит своего героя»).

Не совсем точно названная «Женские образы на советском экране»¹⁸, статья Дай Гуанси рассматривает такие фильмы, как «Молодая жена», «Москва слезам не верит», «Впервые замужем», «Несколько интервью по личным вопросам», «Школьный вальс». Если, поверив заголовку, искать тут «женскую» тему, то удивит отсутствие «Странной женщины» или «Звезды пленительного счастья», без которых тема оказывается явно неполной. Но «женские образы» в статье — только «прием», одна из ипостасей общего социологического анализа. Исследовательница строит концепцию развития художественного героя от идеализированных образов (в фильмах «Сельская учительница», «Секретарь райкома») до реального человека во плоти, обладающего душой и на общем социальном фоне имеющего свою личную судьбу. Собственно говоря, отбор фильмов показал, что китайского критика в данном случае заинтересовал не столько образ женщины как таковой, сколько обозначение в фильмах конфликтов между человеком, жадно ищущим для себя достойное место в обществе, и обществом, в силу различных причин эту жажду не всегда удовлетворяющим. Выбор для такого конфликта именно образа женщины весьма актуален для китайского киноискусства, в последнее время смело вторгающегося в такую тему, как столкновение современных социальных тенденций с феодальными пережитками («Голос деревни», «Желтая земля», «Добропорядочная женщина» и другие картины).

Правдивость анализируемых советских фильмов Дай Гуанси мерит самой «логикой жизни», показывая на примере героини Софики Чиаурели, как женщина «разрывается между работой и семьей». В статье подчеркивается многогранность образов, сложность и неоднозначность выстроенной на экране жизни — явное достоинство советских картин 70-х гг. «Не создавать образы, окрашенные либо только положительными, либо только отрицательными чертами, не упрощать противоречия между персонажами, а ставить проблемы и оставлять их на суд зрителей — вот основные особенности современных советских фильмов, отличающие их от прошлых». Генеральный вывод, к которому на основе анализа конкретных произведений приходит китайская исследовательница, звучит так: «Появление таких фильмов есть отражение в кинематографии процесса непрерывного развития литературно-художественной мысли в Советском Союзе».

Такого рода работы показывают, что в начале 80-х гг. в КНР наметился положительный сдвиг в подходе к изучению советского киноискусства, виден явный отход от тенденциозной, вульгарно-социологизаторской интерпретации произведений, чем в течение продолжительного периода страдала кинокритика КНР.

В 1984 г. журнал «Шицзе дяньин» провел специальную конференцию, посвященную советскому киноискусству. Известный режиссер Се Тели (у нас был в прокате его «Безымянный остров», 1959 г.), обобщая к 35-летию КНР опыт развития отечественного кино, подчеркивал, что «китайский оттенок», иными словами, национальная специфика, отнюдь не противоречит серьезной учебе на зарубежных образцах, в частности американских и советских, и в положительном смысле вспоминал, что в 50-е гг. китайские кинематографисты «испытывали огромное влияние советской кинематографии»¹⁹.

Летом 1984 г. в китайский прокат вышли некоторые из уже демонстрировавшихся в 50—60-е гг. фильмов СССР: «Человек с ружьем», «Анна на шее», «Идиот», «Белые ночи», «Алые паруса» и др., что можно рассматривать как значительный шаг вперед. Такого массового выпуска советских фильмов уже давно не было. Пресса откликнулась на это событие не только информацией, но и аналитическими статьями о советской кинематографии как 50—60-х, так и 70—80-х гг., рассматривавшихся уже не изолированно друг от друга, а в преемственности периодов. В статьях формулировались такие особенности киноискусства СССР, как большой удельный вес военной темы, ее развитие (прямое изображение в 50-е гг., «воспоминания о трагичных судьбах» — 60-е гг., «судьба отдельного человека» — 70-е гг.), значительность экранизаций литературных произведений, а в последний период — внимание к чувствам, духовному миру человека. И делался обобщающий вывод: «Сегодня художественный уровень советского кино показывает все большую по сравнению с прошлым зрелость»²⁰.

В 1984 г. КНР приняла участие в Ташкентском международном кинофестивале.

вале — впервые за всю его 15-летнюю историю. Режиссер Хуан Шучинь, постановщик включенного в программу фестиваля фильма «Да здравствует юность», в интервью корреспонденту журнала «Искусство кино» высоко оценила серьезность и представительность Ташкентского фестиваля²¹. В своих «Заметках об экране и сцене Советского Союза»²² она писала о «таинственном чувстве близости» двух народов. Китайского режиссера особенно впечатлили фильмы «Берег» и «Военно-полевой роман» — равно сильные художественно и, подчеркивает она, такие разные по стилю. «Душевные глубины», в которые проникает советское кино последних лет, не прошли мимо взгляда профессионала. С большим волнением Хуан Шучинь передала свои впечатления от советского театра (балет «Ангара» и опера «Царская невеста» в Большом театре, драма «Звездопад» в постановке грузинского театра им. Марджанишвили), подчеркнув, что «чарующая сила искусства театра связала актеров со зрителями».

Восемь очерков по возвращении из Ташкента написал глава делегации известный писатель Ван Мэн (автор романа «Да здравствует юность», экранизация которого демонстрировалась в рамках фестиваля). «Немного жаль было уезжать,— завершает он один из очерков.— Сидеть всем вместе на просмотре разных фильмов — прекрасное дружеское общение и замечательная возможность профессиональной шлифовки»²³. В другом очерке писатель рассказывает о случайной встрече с незнакомой русской женщиной в одном из парков Ташкента, где они пережидали дождь под деревьями. «На наших лицах появились улыбки, мы утешали друг друга, взглядами и улыбками желали друг другу добра, хотя друг друга и не знали»²⁴. Часть из этих очерков через два года он собрал в книгу²⁵.

В год 40-летия великой победы над фашизмом китайская критика уделила серьезное внимание советским фильмам о войне, показав их историческое развитие по линии «слияния героизма с гуманизмом» и «поисков истоков героизма»²⁶. В целом критика констатировала: «Время свидетельствует, что хотя после окончания Отечественной войны минуло много лет, но революционный дух советского народа, проявленный в войне, вечно будет вдохновлять поколение за поколением советских кинематографистов на значительные творческие усилия»²⁷.

В серьезной аналитической статье, посвященной военной тематике, Чжэн Сюэлай пишет о том, что, исправляя «левые» извращения недавнего прошлого, необходимо новыми глазами взглянуть на советские фильмы, ибо «из опыта создания замечательных военных фильмов в СССР, от «Судьбы человека» до «А зори здесь тихие...», мы можем взять немало»²⁸. Критик имеет в виду «окопную правду», противопоставившую «фанфарности», разъедавшей и китайское кино, «суровую правду». «Искусство,— замечает автор статьи,— должно обладать силой потрясения, и берется она прежде всего из правды жизни. Нет правды — нет ничего, и зритель не поверит никаким распрекрасным «идеалам» автора. Вот та важнейшая мысль, на которую нас наводят эти замечательные советские фильмы о войне»²⁹. «Я чувствую,— делает он важный для отечественного кино вывод,— что большое влияние на некоторых наших товарищей оказали фильмы типа «Великого перелома» и «Падения Берлина». Вопрос не в том, что «штабную правду» воплощать нельзя: разве в более поздних эпопеях, «Освобождение», «Блокада», не показана важная роль Сталина, Жукова и других маршалов в войне? Вопрос в том, что недопустимо наделять их «божественным провидением», «мифологизировать»»³⁰.

Вот этот выход через анализ советских фильмов на актуальные проблемы отечественного искусства — примечательная черта сегодняшнего китайского киноведения, обретающего широту взгляда. С почти нескрываемым переносом смысла на собственное кино Дай Гуанси пишет: «Сейчас советские фильмы... обретают многообразие, поиск возможностей киноязыка и пространственно-временной свободы обогащает и оживляет содержание, углубляет их философию... Главные герои — живые, полнокровные люди... На их плечах лежит задача исполнить миссию эпохи»³¹.

Совершенно неожиданную ниточку протянул другой критик от вышедшего в китайский прокат «Военно-полевого романа» к фильму КНР «Весна среди осени», рассказавшему о судьбе женщины, с трудом пережившей «культурную революцию» и, оправившись, столкнувшейся с новыми проблемами. «Оба фильма — о любви. Война и смута «культурной революции» разрушили нормальную человеческую любовь, семейную жизнь, но злые плоды войны и смуты не должны быть для оставшихся тяжелой

ношей. Они заново ищут счастье и должны обрести и права, и смелость»³².

Советские фильмы перестали быть на китайском экране некой аномалией, они входят в зрительскую повседневность, завоевывая доверие и интерес, и в киноведческий обиход как серьезный художественный материал, на почве которого китайские критики размышляют о жизни и проблемах развития искусства. И такая форма культурных контактов наиболее плодотворна и естественна.

¹ «Дачжун дяньин», 1986, № 6, с. 24.

² «Жэньминь жибао», 24.XI.1985.

³ См.: «Правда», 25.XI.1985.

⁴ «Бан дяньин», 1986, № 1. Цит. по: «Баокань цзыляо сюаньхуэй. Дяньин, дяньши яньцзю», 1986, № 3, с. 128.

⁵ См., например: С. Торонцев. Трудные годы китайского кино. М., 1975; «Проблемы Дальнего Востока», 1987, № 1.

⁶ См.: «Жэньминь жибао», 16.IV.1980.

⁷ См.: «Дяньин ишу», 1981, № 3, с. 2.

⁸ См.: «Дяньин ишу», 1979, № 10, с. 57—59.

⁹ См.: «Дяньин ишу», 1979, № 1, с. 55—62.

¹⁰ См.: «Дяньин ишу», 1981, № 5, с. 57—63.

¹¹ См.: «Дяньин вэньсюэ». 1980, № 9, с. 2—8. Более подробно об этой важной статье см. мою статью в «Вопросах литературы», 1982, № 4.

¹² См.: «Дандай дяньин», 1986, № 2, с. 79—101.

¹³ См.: «Жэньминь жибао», 29.VIII.1983.

¹⁴ См.: «Жэньминь жибао», 1.III.1983.

¹⁵ См.: «Хэйлуцзян жибао», 27.XI.1983.

¹⁶ См.: «Сулянь вэнь», 1983, № 2.

¹⁷ См.: «Дяньин чуанцзо», 1983, № 7.

¹⁸ См. «Хуаньцю», 1983, № 6.

¹⁹ «Дачжун дяньин», 1984, № 10, с. 4.

²⁰ «Синь дяньин», 10.VII.1984.

²¹ См.: «Искусство кино», 1984, № 11, с. 165.

²² См.: «Вэньхуэй бао», 26.VII, 2.VIII.1984.

²³ «Дачжун дяньин», 1984, № 9, с. 26.

²⁴ «Жэньминь вэньсюэ», 1984, № 8, с. 25.

²⁵ См.: Ван Мэн. Фан Су синьчао (В Советский Союз с душевным волнением). Пекин, 1986.

²⁶ «Дачжун дяньин», 1985, № 6, с. 30.

²⁷ Там же, с. 31.

²⁸ «Бан дяньин», 1986, № 1. Цит. по: «Баокань цзыляо сюаньхуэй. Дяньин, дяньши яньцзю», 1986, № 3, с. 127.

²⁹ Там же, с. 128.

³⁰ Там же.

³¹ «Дачжун дяньин», 1986, № 6, с. 24—25.

³² «Юньнань жибао» 10.V.1986. Цит. по: «Баокань цзыляо сюаньхуэй. Дяньин, дяньши яньцзю», 1986, № 6, с. 135.

Выступление Лю Даняня на Международной научной конференции в Москве

13-14 октября 1986 г. Институт Дальнего Востока АН СССР, Институт востоковедения АН СССР, Всесоюзная ассоциация китаеведов провели в Москве Международную научную конференцию, посвященную 120-летию со дня рождения выдающегося китайского революционера-демократа Сунь Ятсена.

В работе конференции приняла участие делегация китайских историков во главе с членом Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей, членом президиума Академии общественных наук Китая, почетным директором Института новейшей истории Китая Лю Данянем.

Выступая на конференции, Лю Данянь от имени своих коллег и от себя лично выразил глубокую благодарность Академии наук СССР за приглашение принять участие в конференции.

В своем выступлении Лю Данянь отметил, что советская общественность хорошо знает Сунь Ятсена как истинного патриота. Уже на заре революционной деятельности Сунь Ятсена журнал «Русское богатство» знакомил читателей с его биографией и теориями. Сунь Ятсен — единственный китайский революционер, подчеркнул Лю Данянь, которому вождь пролетарской революции В. И. Ленин дал высокую оценку.

Научный мир СССР изучает наследие Сунь Ятсена, и за прошедшие годы уже накоплен богатый материал. Еще при жизни Сунь Ятсена в Советском Союзе неоднократно издавалась его биография. Китайские ученые, отметил Лю Данянь, всегда стремились познакомиться с научными трудами и исследованиями о Сунь Ятсене, издававшимися в последние десятилетия в СССР, и выразил надежду увидеть новые результаты исследований и новые достижения.

В порядке обмена мнениями Лю Данянь кратко ознакомил участников конференции с тем, как осуществляется подготовка в Китае к проведению Международной научной конференции в связи с этой юбилейной датой (конференция состоялась 2—10 ноября 1986 г. на родине Сунь Ятсена, в провинции Гуандун, где протекала его революционная деятельность.— Б. Ч.). Лю Данянь сообщил, что для этой конференции было критически отобрано 70 работ китайских ученых, для участия в ней приглашено 50 ученых-специалистов из других стран и из Сянган и Аомэня. Из Советского Союза приглашены на конференцию трое ученых, среди них академик С. А. Тихвинский. По масштабам и количеству участников, отметил Лю Данянь, это самый представительный форум, посвященный Сунь Ятсену. Тема Международной научной конференции в КНР — «Сунь Ятсен и его эпоха». Она призвана стимулировать дальнейшее развертывание работ по изучению наследия Сунь Ятсена.

Разъясняя особенности эпохи Сунь Ятсена, Лю Данянь сказал, что это эпоха взлета и падения буржуазно-демократической революции в Китае. Китайская национальная буржуазия полукOLONиального и полупфеодалного об-

щества стремилась к революции и в то же время испытывала нажим со стороны империалистических и феодальных сил. В этой революции проявилась ее слабость. Сунь Ятсен как великий знаменосец буржуазно-демократической революции руководил Синьхайской революцией, он разработал три великих политических установки (союз с Советской Россией, союз с компартией, взаимодействие с крестьянами и рабочими.— Б. Ч.), осуществил сотрудничество гоминьдана и компартии. Благодаря его славным делам Китай достиг прогресса в своем историческом развитии. Сунь Ятсен всю жизнь неустанно работал во имя создания буржуазно-демократической республики, хотя неудачи преследовали его до конца жизни. В идеях и делах он был выше большинства людей своей эпохи, но в чем-то, очевидно, и отставал от них.

Изучая Сунь Ятсена, сказал Лю Даянь, мы можем лучше уяснить себе конкретную обстановку, в которой протекала его борьба, понять особенности той эпохи и, следовательно, найти общие закономерности новейшей истории Китая.

Лю Даянь акцентировал внимание участников конференции на необходимости целостного подхода к изучению истории, исторических личностей как части истории. История, отметил он, представляет собой единое целое. Историческая эпоха, включая базис и надстройку, едина в своем целостном движении, и изменения, возникающие в одной какой-то ее части, вызывают изменения в других.

Касаясь «официальной истории» феодального Китая, он пояснил, что хотя она включает и деятельность отдельных личностей и социальные явления эпохи, но из книг по истории того же периода невозможно понять историю как единый процесс движения. Древняя история Европы отличается от китайской феодальной истории, однако и она не дает понимания истории как единого процесса движения. Появление марксистского исторического материализма вооружило ученых целостным научно-историческим подходом и методологией.

Изучение Сунь Ятсена в связи с эпохой, в которую он жил, подчеркнул выступавший, соответствует такому подходу. Это означает, что изучение истории в КНР строится на основе исторического материализма. Этим объясняется и выбор темы Международной научной конференции в Китае — «Сунь Ятсен и его эпоха».

В связи со 120-летием со дня рождения Сунь Ятсена в Китае подготовлен к печати ряд его трудов. Важнейшее издание — Полное собрание сочинений Сунь Ятсена в 12 томах, объемом свыше 5 млн. знаков. Значительно пополнилось содержание «Избранных писем и рукописей Сунь Ятсена», главным редактором которых является сам Лю Даянь. Им были названы и другие исследования, каждое из которых будет способствовать дальнейшей работе по изучению наследия Сунь Ятсена.

Лю Даянь отметил, что китайские ученые рассматривают свое участие в работе конференции в Москве как возможность учебы, обмена исследованиями, дружеского обмена. Сунь Ятсен и В. И. Ленин, подчеркнул он, проделали огромную работу, чтобы возвести мост дружбы между китайским и советским народами. Это — важное историческое событие. Исторические исследования в науке не должны обходить сложные вопросы, скрывать ошибки, они должны исходить из действительного положения, помогать людям объективно познать историю, поднимать идейный потенциал в данной области науки. Именно в этом направлении прилагают усилия китайские ученые.

В заключение Лю Даянь пожелал успеха в работе конференции.

Материал подготовил Б. К. ЧИЖОВ

Проблемы истории Китая на международных научных конференциях в КНР

*С. Л. ТИХВИНСКИЙ,
академик*

В январе 1986 г. в Шанхае проходила международная конференция по культуре Китая, а в ноябре того же года в г. Гуанчжоу и в деревне Цуйхэнцунь — международная конференция «Сунь Ятсен и его эпоха», посвященная 120-летию со дня рождения выдающегося китайского революционера-демократа, доктора Сунь Ятсена. Обе конференции привлекли большое число китайских и иностранных исследователей и вызвали значительный интерес среди научной общественности КНР. Автору статьи довелось участвовать в работе обеих конференций, и он делится своими впечатлениями о них.

Для участия в организованной Фуданьским университетом конференции, посвященной проблемам изучения культуры Китая, в Шанхай прибыло свыше восьмидесяти китайских обществоведов — преимущественно историков и философов, — представлявших различные научно-исследовательские центры и университеты КНР, а также ученые из США, Японии, ФРГ, Канады и Советского Союза. На конференции были заслушаны и обсуждены многочисленные доклады по двум темам: «Переоценка китайской традиционной культуры» и «Взаимоотношения между китайской и мировой культурой».

Конференцию в Шанхае открыл один из старейших китайских историков, заместитель председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей профессор Чжоу Гучэн. Участников конференции приветствовали мэр города Шанхая Цзян Цзэминь и ректор Фуданьского университета, известная женщина-физик Се Сидэ. Лейтмотивом подавляющего большинства докладов и выступлений китайских участников конференции было стремление поставить культурные ценности и традиции, накопленные в Китае на протяжении его более чем четырехтысячелетней истории, на службу проходящей ныне в КНР социалистической модернизации страны. Резкой критике подвергся период «культурной революции» — «мрачное десятилетие 1966—1976 гг.», — в течение которого китайская культура и ее представители шельмовались и преследовались хунвэйбинами и цзаофанями, уничтожались книги, картины, памятники культуры, были прерваны культурные и научные связи Китая с внешним миром.

Многие китайские ученые призывали к всестороннему изучению на основе марксистской методологии китайских культурных традиций и философских школ с учетом конкретных исторических условий и влияния окружающего общества на общественно-политические взгляды того или иного философа или деятеля культуры. Дальнейшее развитие китайской культуры, по их мнению,

должно основываться на лучших традициях народной культуры Китая и других стран и опираться на творческое развитие марксистской философии, с которой Китай начал знакомиться после Великой Октябрьской социалистической революции в России.

Выступавшие подчеркивали необходимость строгого соблюдения классового, формационного подхода при сравнении китайской культуры с культурой других стран, отмечали, что правомерно сравнивать культуру феодального Китая с культурой феодальной, а отнюдь не капиталистической Европы. На конференции говорилось о многонациональном характере страны, соответственно изменявшемся в различные периоды китайской истории, о необходимости изучения наряду с культурой китайцев — ханьцев — также культуры многочисленных неханьских народов — тюрков, уйгуров, тангутов, киданей, монголов, чжуржэней, маньчжуров и др., входивших в те или иные исторические периоды в состав государственных образований на территории современного Китая, а не говорить о какой-то извечной единой китайской культуре. При изучении культур этих народов, так же как и при изучении культуры китайского народа, важно строго соблюдать принцип историзма и учитывать взаимовлияние культур в те или иные конкретные периоды истории.

Наряду с глубокими научными, марксистскими оценками истории китайской культуры в ходе выступлений отдельных китайских участников конференции допускалось непомерное преувеличение роли древних и средневековых китайских культурных традиций в деле строительства социалистического общества, чрезмерное выпячивание самобытности культуры Китая и высказывались бездоказательные утверждения о ее неизменной прогрессивности по сравнению с культурным наследием других народов. Такое чрезмерное возвеличивание китайской культуры, с одной стороны, свидетельствовало об устойчивости великоханьских культурных традиций феодального Китая и буржуазно-националистических доктрин периода антиманьчжурской и антиколониальной борьбы, с другой — явилось своеобразной формой реакции на нигилистическое отношение к китайской культуре, имевшее место в годы «культурной революции», и свидетельствовало о серьезной обеспокоенности представителей китайской интеллигенции старшего поколения широким распространением за последние годы среди китайской городской и сельской молодежи западной антикультуры — поп-музыки, низкопробной «желтой» литературы и видеофильмов — и сохраняющимся среди части молодежи еще с периода «культурной революции» пренебрежительным отношением к своему собственному культурному наследию.

Не случайно в выступлениях отдельных участников конференции звучал призыв «освободиться от европейского ветра и американского дождя», бороться против уродливой «шанхайской культуры» гоминьдановского периода, когда Шанхай и другие портовые города Китая, где были расположены иностранные концессии, служили опорными пунктами политического, экономического и культурного проникновения в Китай колонизаторов.

Много внимания участниками конференции было уделено оценке вклада в культуру страны таких видных представителей общественной мысли древнего и средневекового Китая, как Конфуций, Лаоцзы, Мэнцзы, Лю Сян, Дун Чжуншу, Хань Юй, Чжу Си, Ван Янмин, Хуан Цзунси, Гу Тинлин и др., а также общественно-политических деятелей и ученых конца XIX — начала XX вв. — Чжан Чжидуна, Кан Ювэя, Лян Цичао, Янь Фу, Чжан Тайяня, Ху Ши, Цянь Му, Лян Шумина и др. Подчеркивалась необходимость видеть в культуре любого исторического периода два слоя: верхушечный, представленный правящим классом, и народный.

Профессор Чжоу Гучэн в своем докладе «О взаимообмене и взаимо-

проникновении китайской и западной культур» говорил о задачах китайских ученых по ознакомлению зарубежных стран, особенно народов развивающихся государств, с китайской традиционной культурой — философией, литературой, изобразительным искусством — и о задачах по распространению изучения китайского языка за рубежом. Одновременно он призывал своих соотечественников широко популяризировать в Китае достижения западной науки и техники.

На открытии конференции был заслушан установочный доклад главного редактора журнала «Лиши яньцзю» («Изучение истории») Бан Пу «Гуманистический дух китайской культуры», в котором проводился тезис о том, что в отличие от западной культуры, в Китае не было характерного для Европы мрачного средневековья, с его пренебрежительным, изуверским отношением к человеческой личности. Китайское общество, по утверждению докладчика, было несравненно более гуманным и по сравнению с Древней Грецией, где человек обычно противопоставлялся мрачным силам природы, и по сравнению с Древней Индией. По утверждению докладчика, родиной истинного гуманизма является Китай, где еще со времен Конфуция (V в. до н. э.) в центре всей общественно-политической мысли находились вопросы о связях между индивидуумом и обществом. Поэтому в истории китайской культуры не было периода, аналогичного европейскому Возрождению. Все китайские религиозные учения также были проникнуты духом гуманизма. Даосизм характерен тем, что призывал к достижению физического бессмертия еще при жизни. Буддизм, который пришел из Индии и в своей классической форме призывал к уходу из семьи, из общества, в Китае подвергся влиянию характерных для этой страны гуманистических традиций, впитал в себя доктрины сыновней почтительности и братства и фактически слился с конфуцианством в форме неоконфуцианской философии, господствовавшей в культурной жизни Китая на протяжении длительного периода. Конфуцианская философия не трансформировалась в религию, поскольку она не признавала бессмертия души, а считала возможным достижение бессмертия личности путем ведения добродетельной и совершенной жизни и создания выдающихся морализующих письменных произведений. Если все же говорить о религиозном аспекте конфуцианства, то опять-таки его от других религиозных учений отличал гуманизм.

Бан Пу говорил о гуманизме в китайском искусстве и литературе, в эстетических взглядах китайцев. Все типично китайское — начиная от колоссального архитектурного сооружения, каким является Великая Китайская стена, до миниатюрной, вырезанной из камня печати; от классической храмовой и дворцовой музыки до пейзажной живописи, отражающей даосские или буддийские мотивы; от огромных частных книгохранилищ до скромных лирических стихотворений; от классического театра до простонародных мистерий; от произведений классической поэзии до лубочных поделок простых ремесленников — все неизбежно концентрируется вокруг человека и его повседневной жизни, свидетельствует о неразрывном единстве человека с окружающим его обществом.

Подчеркивая неизменный гуманистический характер и превосходство китайской культуры над западной, Бан Пу видел в этом и определенную трудность, возникающую при общении Китая с другими странами, особенно в настоящее время, когда Китай стремится к модернизации и должен восполнить то, чего ему недостает, отдавая другим то, что у него есть в избытке, и занять подобающее ему место среди передовых стран мира.

Если в докладе Бан Пу не доставало четкого классового и историче-

ского подхода к анализу культуры, то выступивший в первый день работы конференции профессор Ван Юаньхуа из Шанхайского Научного центра по сравнительному изучению восточных и западных культур в своем докладе «О составных элементах культурной традиции» говорил о необходимости изучения китайских культурных традиций в контексте конкретных исторических условий, с учетом влияния окружающего общества на взгляды того или иного философа или историка культуры. Ван Юаньхуа призывал четко выделять в культурных традициях общее (массовое, типичное) и индивидуальное (частное). С этих позиций он рекомендовал подходить как к оценке работ таких основоположников истории китайской культуры, ученых ханьской династии Лю Сяна, Дун Чжуншу, так и культурологов начала XX столетия Лян Цичао и Цянь Му.

Профессор философского факультета Пекинского университета Тан Ицзе в докладе «О развитии китайской культуры» говорил о влиянии на китайскую культуру индийского буддизма, христианства, привнесенного в XVI столетии иностранными миссионерами, и о колониальном проникновении в Китай капиталистических держав, начиная с 40-х годов XIX в., которое принесло в страну капиталистическую культуру Запада. Автор критиковал период «культурной революции», в течение которого Китай был изолирован от иностранной культуры. В современных условиях, когда КНР проводит политику «четырёх модернизаций», по мнению Тан Ицзе, необходимо творчески развивать марксистскую философию, сочетая ее с китайской традиционной философией. Дальнейшее развитие в стране марксизма, процесса модернизации должно опираться на народную культуру, а отнюдь не на культуру элиты стран Запада. В то же время Тан Ицзе призывал глубоко изучать западную философию, не отгораживаться от нее.

Главный редактор книгоиздательства «Чжунхуа шуцзюй» Ли Кань посвятил свое выступление необходимости серьезного изучения и восприятия марксизма как методологической основы исследования культурного наследия Китая. Он резко осудил «культурную революцию», имевшую место в КНР, и призвал участников конференции к всестороннему изучению всех современных направлений общественной мысли.

Профессор исторической географии Фуданьского университета Тан Цисян в своем докладе призывал к соблюдению классового, формационного подхода при сравнении китайской культуры с культурой западных стран, считал необходимым изучать культурное богатство неханьских народов, заселявших в различные исторические периоды территорию современного Китая, и не говорить о какой-то извечной единой китайской культуре. Применение принципа историзма необходимо как при изучении культуры неханьских народов, так и во многом отличных друг от друга культурных ареалов при династиях Хань, Сун и Тан. Уйгуры до проникновения ислама исповедовали манихейскую религию; среди ханьцев, при династии Хань был широко распространен шаманизм. Культура Китая, по словам Тан Цисяна, не представляет собой некое извечно единое целое. Она различается по историческим периодам, по географическим районам и по отдельным народам, населяющим Китай.

Известный историк, профессор Фуданьского университета Цай Шансы, все труды которого были уничтожены хунвэйбинами в годы «культурной революции», считает возможным осуществление модернизации КНР лишь на основе марксизма. Он заявил, что в настоящее время существуют два вида цивилизации: капиталистическая и марксистская. После движения 4 мая 1919 г. китайский народ стал изучать марксизм-ленинизм. На этой основе и следует продолжать изучение нашей культуры, создавать современные труды по истории культуры. Книги же Лян Цичао и Цянь Му с их слепым преклонением

перед конфуцианскими традициями не пригодны для воспитания современной молодежи, в то время как работы Вэнь Идо, посвященные исследованию влияния даосизма на культуру Китая, продолжают сохранять свою актуальность.

Заместитель главного редактора пекинского журнала «Кэцзибао» Сун Чанцзян посвятил свое выступление проблеме влияния на современность старых китайских политических и культурных традиций, которые при Цинской династии объединялись понятием «цзинь ши». Передовые представители китайской интеллигенции, которые привнесли в Китай марксизм, соединили его с китайскими традиционными доктринами и переработали с учетом китайской действительности. Именно такой, китаизированный марксизм является, по мнению Сун Чанцзяна, движущей силой современных реформ в КНР.

Профессор исторического факультета Пекинского педагогического института Нин Кэ призывал в условиях проходящей в КНР модернизации к отказу от многих устаревших традиций, препятствующих политике модернизации.

О необходимости возрождения интереса к конфуцианству говорил профессор института философии Академии общественных наук Китая Ли Цзэхоу, считавший полезным использование отдельных аспектов неоконфуцианской морали в процессе современной модернизации страны. Ли Цзэхоу приводил пример Чжан Чжидуна, видного сановника и ученого-конфуцианца конца XIX в. В своем памфлете «Цюань сюэ пянь» («Призыв к учению»). Чжан Чжидун призывал использовать западную науку в сугубо прикладных целях («юнь»), сохранив в неизменном виде китайскую науку — конфуцианство — в качестве сути, основы («ти») процесса модернизации страны. Не отождествляя своих взглядов на современную модернизацию Китая со взглядами ученого-конфуцианца, Ли Цзэхоу призывал при осуществлении в КНР процесса модернизации сохранять культурные традиции Китая, выражающиеся в китайском стиле одежды, архитектуры, пище, почтительном отношении молодежи к старшим и т. д. и т. п.

Выступление Ли Цзэхоу, видного специалиста по истории китайской и западной философии, вызвало оживленную дискуссию участников конференции, ряд которых высказывал мнение о том, что при осуществлении современного процесса модернизации в КНР необходимо сохранять социалистический общественный строй («ти»), не допуская, чтобы технические новшества Запада («юнь») повлекли за собой его изменение.

Возражения со стороны многих участников конференции вызвал доклад по истории общественной мысли Китая начала XVII в. сотрудника редакции журнала «Чжунго чжэсюэ» («Китайская философия») Бао Цзуньсина. Вопреки общераспространенному мнению, докладчик отрицал прогрессивный характер деятельности членов академии Дунлинь в конце Минской династии, а также таких крупнейших представителей общественной мысли того времени, как Гу Тинлинь и Хуан Цзунси. Большинство китайских ученых, выступавших с критикой доклада Бао Цзуньсина, считало, что Китай мог вполне самостоятельно найти выход из кризиса феодального общества, и лишь вторжение маньчжуров, а затем колониальная агрессия капиталистических держав помешали этому процессу.

Профессор исторического факультета Пекинского университета Чжан Гуанда посвятил свое выступление сравнению обширного культурного обмена между средневековым Китаем и иностранными государствами при Танской династии с периодом враждебного столкновения культуры Китая с культурой капиталистического Запада в конце правления маньчжурской Цинской династии. Ответственность за неспособность Китая к восприятию западной культуры в XIX в. докладчик возложил на политику изоляции

Китая от внешнего мира, проводившуюся Цинской династией.

Профессор Гэн Юньчжи из Института новой истории Академии общественных наук Китая, говоря о современных проблемах взаимодействия культуры Китая со странами Запада, призывал КНР идти чисто китайским путем, проводить модернизацию современного китайского общества, развивать экономику и культуру на основе сохранения многовековых традиций культуры Китая.

Археолог Ян Сюэцин сообщил, что данные археологических поисков последних лет позволяют дать новое толкование отдельным существенным сторонам древней и средневековой китайской культуры. При раскопках могил знатных людей были найдены книги эпох Чжань Го и Хань, тексты которых подвергались редактуре и многочисленным искажениям при последующих династиях. Теперь представляется возможность заново оценить не только сами тексты, но и результаты деятельности школы «каоцжэн» при Цинской династии, представители которой на основе критического филологического анализа доказывали подлинность или подделку многих из древних трактатов.

Профессор исторического факультета Педагогического института Восточного Китая Чэнь Сюйлу резко осудил проникновение культуры империалистических держав в прибрежные районы Китая, где в результате колониальной политики сложилась уродливая смешанная культура.

Среди сообщений, с которыми на конференции выступили иностранные участники, следует отметить обстоятельный историографический доклад профессора университета Бэркли (Калифорния, США) Фредерика Вэйкмана о взглядах на китайскую культуру современных американских историков, философов и политологов, озаглавленный «Изучение национального характера». Наиболее подробно Ф. Вэйкман излагал оценку культурных традиций Китая, данную американским китаеведом Люсьеном Пай в его работе «Азиатская сила и политика». По мнению Пая, в Азии, в том числе и в Китае, в отличие от Европы и США, преобладает не индивидуализм, а групповая структура общественных отношений. Поэтому неоконфуцианская философия, строго регламентирующая взаимоотношения людей в обществе, наиболее подходит для таких стран, как Китай, Япония, Сингапур и т. д., позволяя им в то же время успешно догонять и даже обгонять страны Запада, заимствуя у последних современную науку и технические новшества.

Участники конференции из США и ФРГ в своих докладах и выступлениях популяризировали взгляды на культуру Китая современных западных буржуазных социологов.

Профессор Чэн Чжунъинь (университет на Гавайях, США) в своем сообщении об изучении китайской философии за рубежом призывал к широкой популяризации в КНР работ западных буржуазных философов с целью «слияния западной и китайской философий».

Американский профессор китайского происхождения Ду Юймин подчеркнул наличие в культуре Китая двух слоев: верхушечного, представленного правящими классами, и народного. Он отметил различие культурных традиций китайского и неханьских народов и призвал к изучению их взаимовлияния, равно как и влияния на культуру Китая западных религиозных и буржуазно-националистических доктрин. Следует усилить творческое изучение западных философских теорий, но при этом решительно «освободиться от европейского ветра и американского дождя», — подчеркнул Ду Юймин. Главное различие между китайской и европейской философией в том, что для первой характерно накопление материала, антология, а для второй — систематизация.

Ду Юймин призвал к глубокому изучению китайских культурных традиций и, в первую очередь, конфуцианства, наиболее яркими представителями которого он назвал ханьского Дун Чжуншу, сунского Чжу Си и минского Ван Янмина. По его мнению, в настоящее время отмечается повсеместный рост интереса к конфуцианству как в КНР, так и на Тайване, и задача ученых — удовлетворить этот интерес.

Западногерманский историк Михаэль Фридрих (Мюнхенский университет) в своем сообщении «Традиции и современность: взгляд на китайскую культуру» объяснил причины кризиса китайской феодальной культуры конца XIX в. противоречием между силой старых традиций и стремлением, не ломая этих традиций, заимствовать западную технологию.

Другой участник конференции из ФРГ Вернер Банк в сообщении «Традиционная китайская система общественных ценностей по данным храмовых записей» изучил более 36 тыс. гадательных записей и предсказаний оракулов в китайских храмах на Тайване, в Гонконге, Сингапуре и странах ЮВА за период с XIV по XX вв. На основании проделанного анализа он утверждал, что китайцы — посетители указанных храмов — интересовались у прорицателей и оракулов главным образом вопросами, которые должны были благоприятствовать бракам, семейным отношениям, сельскому хозяйству, путешествиям, торговле, здоровью и т. д. К какому-то четкому выводу о характере приоритетных интересов китайского населения этих мест и их изменении на протяжении семи столетий автор не пришел. Выступая в прениях, В. Банк призывал собравшихся изучать труды немецкого социолога Макса Вебера, который, как он считает, глубже, чем Маркс, разработал вопросы методологии истории.

Канадская участница конференции Джулия Цин (университет Торонто) посвятила свое сообщение анализу семантики иероглифа «шэн» — «святой», который по традиции использовался в Китае для обозначения личности Конфуция. Она пришла к выводу о том, что этимология данного иероглифа восходит ко временам, когда основной религией китайцев был шаманизм (в состав иероглифа входит знак «большое ухо», обозначающий способность шамана слушать веление богов).

Японский профессор Осаму Оба (университет Кансай, город Осака) на примерах из области лингвистики, буддийской религии и законодательства говорил о наличии элементов китайской культуры в культуре Японии. Выступавший в прениях по этому докладу профессор У Цзе (исторический факультет Фуданьского университета) все успехи Японии на пути модернизации отнес за счет восприятия японским обществом конфуцианской культуры Китая.

При обсуждении вопроса о взаимовлиянии китайской и западной культуры не обошлось и без курьезов. Одним из китайских участников было высказано следующее «логическое» построение: как известно, Гегель был знаком с древнекитайской конфуцианской философией, К. Маркс творчески переработал философию Гегеля. Не следует ли из этого вывод, что в основе марксизма лежит китайская философия?

Доклад советского историка был посвящен изучению китайской культуры в России и Советском Союзе* и вызвал большой интерес со стороны участников конференции.

Выступая при подведении итогов конференции, советский ученый отметил, в частности, что хотя участникам конференции не удалось прийти к единому мнению по вопросу о том, что же должно включать в себя понятие «культура», лейтмотивом большинства докладов и выступлений стала проблема отношения нового социалистического китайского общества к богатому культур-

ному наследию старого Китая и к культуре других стран. Для воспитания молодого поколения в духе интернационализма и патриотизма важно бережное отношение как к своему собственному культурному достоянию, так и непредвзятое (т. е. лишенное как высокомерия, так и низкопоклонства) отношение к культуре других народов. Несмотря на большое разнообразие тематики докладов и выступлений, мало внимания было уделено на конференции показу единства мировой культуры, сходства многих процессов, происходивших в Китае и в других странах; основной упор делался на их различие. В то же время можно провести прямую аналогию, скажем, между цивилизацией в средневековой Европе и преследованием инакомыслия в Цинском Китае, где существовала своеобразная «литературная инквизиция» — «вэньцзыюй»; много общего имеется между Танской новеллой и аналогичным литературным жанром в Италии и т. д.

Важно также, когда речь ведется о «западной культуре», проводить четкое различие между империалистической и демократической культурой. После 1917 г. «западная культура» уже не являлась единой. На развитие демократической культуры Китая огромное влияние оказали культурные процессы, происходившие в первом в мире социалистическом государстве, о чем наглядно свидетельствовало творчество таких выдающихся деятелей китайской культуры, как Лу Синь, Цай Юаньпэй, Го Можо, Мао Дунь, Мэй Ланьфан, Сюй Пэйхун и многих других. Первые десять лет после образования КНР Советский Союз оказал бескорыстную помощь Китаю в области подготовки кадров деятелей культуры, в то время как США осуществляли экономическую и культурную блокаду Китая. В годы «культурной революции» в КНР в Советском Союзе не прекращалась работа по широкому ознакомлению общественности с культурой Китая и выступления в защиту деятелей китайской культуры от бесчинств хунвэйбинов и их покровителей.

Работа международной конференции по китайской культуре широко освещалась на страницах шанхайской и центральной прессы.

* * *

В работе международной конференции, посвященной 120-летию Сунь Ятсена, созданной Китайским обществом по изучению жизни, деятельности и наследия выдающегося китайского революционера-демократа, приняли участие 93 китайских и 38 иностранных ученых (из Австралии, ГДР, Израиля, Канады, КНДР, СССР, США, Филиппин, Франции и Японии). Среди участников конференции было также 8 представителей научных и учебных заведений Гонконга. Конференция собрала видных специалистов по новой и новейшей истории Китая из научных и вузовских центров КНР. От Советского Союза в работе конференции приняли участие академик С. Л. Тихвинский, к. и. н. К. В. Шевелев и м. н. с. А. М. Милов (Институт Дальнего Востока АН СССР). На открытии конференции выступила внучка Сунь Ятсена Сунь Хуэйфан, постоянно проживающая на Гавайях.

Центральная тема конференции «Сунь Ятсен и его эпоха» рассматривалась как на пленарных, так и на секционных заседаниях. Открывая конференцию в актовом зале университета имени Сунь Ятсена в Гуанчжоу, вице-президент Общества Сунь Ятсена профессор Лю Данянь отметил значительное усиление во всем мире интереса к личности Сунь Ятсена, свидетельством чего является публикация только за последние два года свыше 400 книг и нескольких тысяч статей, посвященных этому выдающемуся китайскому революционеру, государственному деятелю и мыслителю. Эпоха, в которой жил и действовал Сунь Ятсен,— это эпоха возникновения, разви-

тия и поражения буржуазно-демократической революции в Китае. Выступавшая за революцию национальная буржуазия полуколониального и полуфеодалного китайского общества была крайне слабой, подвергалась гнету империалистических и феодальных сил и не смогла победить в революции.

Сунь Ятсен был великим знаменосцем буржуазно-демократической Синьхайской революции, руководил ею. Впоследствии он разработал три основных политических установки, осуществлял сотрудничество гоминьдана с Коммунистической партией Китая, внес необычайно яркий вклад в поступательное движение китайской истории. Всю свою жизнь он посвятил борьбе за учреждение буржуазно-демократической республики.

Лю Данянь призвал участников конференции, применяя марксистский историко-материалистический метод, исследовать различные стороны деятельности Сунь Ятсена в неразрывной связи с эпохой, в которой она протекала.

Выступавший с докладом «О социалистических воззрениях Сунь Ятсена» президент Академии общественных наук Китая, президент Общества Сунь Ятсена профессор Ху Шэн сказал, что уже на ранних этапах своей революционной деятельности Сунь Ятсен проявлял стихийное влечение к социализму. Субъективные социалистические воззрения Сунь Ятсена получили свое дальнейшее развитие после ознакомления с общественными теориями Европы и Америки, особенно с опытом Октябрьской революции в России, и привели Сунь Ятсена к концу его жизни к политике сотрудничества с Коммунистической партией Китая. Он пришел к выводу о том, что Китаю не следует повторять путь капиталистического развития, который прошел Запад. Разработанный Сунь Ятсеном принцип «народного благосостояния» предусматривал планируемое государством развитие производительных сил, некий государственный капитализм, который он отождествлял с социализмом. Сунь Ятсен горячо приветствовал победу Октябрьской социалистической революции в России, но стремился избежать социалистической революции в Китае, считал возможным осуществление социализма в Китае мирным путем, на базе его учения о «трех народных принципах». По мнению докладчика, осуществляемое в настоящее время в КНР строительство социализма с китайской спецификой является на практике реализацией социалистической мечты Сунь Ятсена.

На последующих пленарных и секционных заседаниях конференции, происходившей на родине Сунь Ятсена в деревне Цуйхэнцунь уезда Чжуншань (б. Сяншань) провинции Гуандун, выступали китайские и иностранные участники конференции.

Тематика докладов и выступлений касалась эволюции политических и экономических взглядов Сунь Ятсена, его деятельности на посту Чрезвычайного президента на юге Китая, в период подготовки и осуществления Синьхайской революции, работе по реорганизации гоминьдана и осуществлению сотрудничества гоминьдана с Компартией. Внимание участников конференции привлекла также деятельность Сунь Ятсена среди китайской эмиграции за рубежом, среди женщин, военных моряков; его отношение к парламенту, к движению в защиту конституции, его взгляды на традиционную китайскую и западную буржуазную культуру. Ряд докладов был посвящен отношениям Сунь Ятсена с его современниками: Кан Ювэем, Лян Цичао, Янь Фу, Юань Шикаем, Хуан Синем, Сунь Цзяожэнем, Чэнь Цимеем, У Тинфаном, Ляо Чжункаем, Чэнь Цзюньминем, Цюй Цюбо и др.

Доклады иностранных участников конференции — М. Уилбура, Д. Прайса, Г. Шифрина, М. Бержера, М. Бастида, Н. Икеда, Ю. Нодзава, Т. Ямада, Б. Черчилля, С. Фудзи и др. — касались, главным образом, различных внешнеполитических аспектов деятельности Сунь Ятсена, его контактов с представителями иностранных государств. Академик С. Л. Тихвинский

выступил на пленарном заседании конференции с докладом «Сунь Ятсен и Советская Россия». Об отношении Сунь Ятсена к Октябрьской революции в России говорил в своем докладе профессор Икеда Накото (Япония), подчеркнувший, что после ознакомления Сунь Ятсена с опытом Великой Октябрьской социалистической революции в России его принцип «национализма» приобрел ярко выраженный антиимпериалистический характер. Деятельности советских советников Сунь Ятсена посвятил свой доклад профессор М. Уилбур (США). Об отношении Сунь Ятсена к Октябрьской революции в России и его призыве «Учиться у России» говорили в своих докладах китайские ученые Ян Юйцин, Линь Цзяньцзэн, Чэнь Сяоцзюнь, Лю Юнмин, Чжао Цзюнь, Чэнь Сун, Лю Сюэчжао и др., а также японский историк, профессор Нодзава Ютако. Диссонансом к этим докладам прозвучало выступление американского историка китайского происхождения Чэнь Фулиня, голословно пытавшегося отрицать глубокие симпатии, которые питал Сунь Ятсен к Советской России. Он же безосновательно поставил под сомнение достоверность воспоминаний Хэ Сяннин, близкой соратницы Сунь Ятсена, вдовы руководителя левого крыла гоминьдана Ляо Чжункая, свидетельствовавшей о тесных связях, существовавших между Ляо Чжункаем и Сунь Ятсеном.

Оживленное обсуждение вызвал на конференции вопрос о соотношении выдвинутого Сунь Ятсеном принципа «народного благосостояния» и научного социализма. Часть участников конференции так же, как и профессор Ху Шэн, высказали мнение, что принцип «народного благосостояния» — это сочетание субъективного социализма с буржуазно-демократической программой экономического развития Китая по пути государственного капитализма. Другие участники дискуссии делали упор на коренном отличии принципа «народного благосостояния» от марксистского понимания социализма, поскольку этот принцип не предусматривал ликвидации эксплуатации человека человеком, а представлял собой попытку примирить интересы эксплуатируемых и эксплуататоров.

Говоря об обстоятельствах формирования Сунь Ятсеном «трех политических установок» (союз с СССР, сотрудничество с КПК, опора на крестьян и рабочих), Лю Юнмин (партшкола при ЦК КПК) обратил внимание на пристальное изучение Сунь Ятсеном и другими руководителями гоминьдана опыта Дальневосточной Республики (ДВР). Они заинтересовались тем, что в ДВР в отличие от РСФСР не была провозглашена диктатура рабочих и крестьян, не экспроприровалась собственность капиталистов. Именно этот опыт наиболее импонировал руководству гоминьдана.

Чжао Цзюнь (Педагогический институт Центрального Китая) в своем докладе о формировании взглядов Сунь Ятсена на солидарность народов Азии отметил, что в последний период жизни Сунь Ятсен, ознакомившись с политикой Советской России в отношении национальных меньшинств, пересмотрел свои бывшие концепции «паназиазма», сформировавшиеся под влиянием японских доктрин, и пришел к правильному выводу о необходимости совместной борьбы народов Азии и Советской России против колониальной политики империализма.

Наряду с докладами о влиянии на Сунь Ятсена теорий западных социологов (Генри Джорджа, Герберта Спенсера и др.) большой интерес участников конференции вызвали доклады профессора Ли Каня (главный редактор издательства «Чжунхуа Шуцзюй») и Лю Сюэчжао (историк Педагогического института Восточного Китая), показавших наличие во взглядах Сунь Ятсена на проблемы культуры сильного влияния традиционной китайской философии, в частности, конфуцианского учения об обществе будущего — Датун.

Ряд интересных соображений был высказан участниками конференции относительно влияния «Общественного договора» Ж. Ж. Руссо на формирование Сунь Ятсеном принципа «народовластия», равно как и французских республиканских идей, воспринятых Сунь Ятсеном через китайцев, проживавших на территории французского колониального Индокитая.

Следует особо отметить активное участие в работе конференции представительной группы из 15 японских ученых. Значительная часть представленных ими докладов касалась различных сторон деятельности Сунь Ятсена за время его проживания в Японии, контактов с японскими политическими деятелями, вклада Сунь Ятсена в дело китайско-японской дружбы.

На заключительном пленарном заседании конференции с подведением итогов обсуждения выступили ответственный секретарь Общества Сунь Ятсена профессор Цзинь Чжунци и ряд китайских и иностранных участников конференции.

Суммируя научные результаты конференции, Цзинь Чжунци констатировал, что она внесла существенный вклад в изучение революционной и теоретической деятельности Сунь Ятсена, а также истории, экономики и общественной мысли Китая с конца XIX по 20-е гг. XX в. Созыву данной международной конференции предшествовала большая организационная и издательско-публикаторская деятельность. В марте 1985 г. в уездном центре Чжосянь провинции Хэбэй состоялся международный симпозиум, рассмотревший и перспективы исследовательской работы, ведущейся в различных странах по изучению наследия Сунь Ятсена. В августе 1986 г. в Гуанчжоу по этой же теме был организован семинар молодых ученых. В порядке подготовки к данной конференции в КНР было опубликовано около 200 монографических исследований; авторы более 70 из них стали участниками конференции.

Касаясь основных итогов конференции, Цзинь Чжунци отметил:

1. наибольшее внимание участников конференции привлекли последние пять лет жизни Сунь Ятсена, в то время как раньше основное внимание исследователи уделяли деятельности Сунь Ятсена в период подготовки и проведения Синьхайской революции;

2. конференция показала преобладание системного подхода ученых к историческому анализу различных сторон деятельности Сунь Ятсена, его отношению к империалистическим державам, к навязанным Китаю неравноправным договорам, проблеме достижения Китаем национальной независимости;

3. большое внимание на конференции было уделено сравнительному исследованию влияния на общественно-политические воззрения Сунь Ятсена как западной культуры, так и китайской традиционной культуры;

4. доклады иностранных участников конференции были, как правило, основаны на богатых архивных материалах, многие из которых проливают дополнительный свет на внешнеполитическую деятельность Сунь Ятсена; новые материалы, приведенные как китайскими, так и иностранными участниками конференции, позволили охарактеризовать отношения Сунь Ятсена с целым рядом его современников;

5. конференция явилась местом оживленного обмена мнениями, проходила в духе научной объективности и доброжелательства, была отмечена присутствием значительного количества молодых исследователей, почерпнувших много полезного из общения с учеными старшего поколения; к сожалению, ученые с Тайваня не смогли принять участие в работе конференции.

Выступая на заключительном заседании конференции, академик С. Л. Тихвинский поблагодарил ее организаторов за проведенную ими большую

работу и выразил удовлетворение тем, что вопросы о влиянии на Сунь Ятсена Великой Октябрьской социалистической революции и искренняя дружба между Сунь Ятсеном и Советской Россией получили широкое освещение в ходе конференции. Деятельность и теоретическое наследие Сунь Ятсена глубоко и всесторонне изучаются в Советском Союзе. В связи со 120-летием со дня рождения Сунь Ятсена в Москве прошла специальная научная конференция, в работе которой приняла участие представительная делегация китайских ученых во главе с профессором Лю Данянем. Ряд юбилейных мероприятий прошел в других городах Советского Союза по линии Общества советско-китайской дружбы.

Участники международной конференции посетили дом-музей Сунь Ятсена в Цуньхэнцуне, музей, посвященный I съезду гоминьдана в Гуанчжоу, музей военной школы Вампу, основанный при помощи Советского Союза; посетили город и порт Чжуншань, специальную экономическую зону Чжухай; в Гуанчжоу и Пекине, участвовали в юбилейных торжествах, посвященных 120-летию Сунь Ятсена.

Работа конференции широко освещалась на страницах китайской печати и по каналам телевидения.

* Краткое содержание доклада опубликовано в журнале «Проблемы Дальнего Востока», № 2 за 1986 г., с. 11—24.

Тайпины: поиск будущего в прошлом

В. И. ОВСЯННИКОВ,
кандидат исторических наук

Крестьянская война тайпинов явилась крупнейшим событием периода кризиса феодальных отношений в Китае. Тайпиноведение — одно из ведущих направлений китайской историографии¹. Концептуально ряд положений китайских ученых не может быть признан верным. В марте 1956 г. историк Го Ишэн выступил в журнале «Лиши яньцзю» со статьей «О роли новых городских прослоек в тайпинской революции». Эта статья вызвала бурную дискуссию среди китайских ученых. Го Ишэн пытался доказать, что война тайпинов была «буржуазно-демократической революцией». Он считал, что в то время в Китае получили значительное развитие ростки капитализма и тайпинская «революция» совершалась при участии зарождавшегося пролетариата, представители которого составляли руководящее звено восстания². Дискуссия еще более усилилась после публикации другой статьи Го Ишэна «К вопросу о характере тайпинской революции», в журнале «Цзяосюэ юй яньцзю» (январь 1957 г.). По концепции Го Ишэна были высказаны различные точки зрения, но ученые-тайпиноведы, вступавшие с ним в полемику, по мнению советского синолога Л. П. Делюсна, были единодушны в том, что «тайпинское восстание — это «антифеодалная революция», для которой характерна острая классовая борьба»³. Историк Н. А. Королева отмечала, что китайские ученые, идеализируя войну тайпинов, не учитывали важнейшие характеристики тайпинского движения. Ошибки китайских ученых, по мнению Н. А. Королевой, сводятся к тому, что, «во-первых, согласно их утверждению крестьянство — это революционный класс и носитель революционных идей, поэтому тайпинское движение признается ими революцией. Во-вторых, поскольку согласно марксистскому учению о классовой борьбе крестьянство не может самостоятельно довести революцию до победного конца и выдвинуть лозунги пролетарской революции, то крестьянскому движению с его лозунгами о земельном перераспределении приписываются черты «буржуазно-демократической», «буржуазной», «буржуазно-национальной революции»»⁴.

Идеализация крестьянских движений является наиболее устойчивой традицией китайской историографии. Видный китайский ученый Ху Шэн в своем двухтомнике «От «опиумной» войны до «движения 4 мая» 1919 г.»⁵ писал о тайпинах как о «стихийной крестьянской революции», с которой он связывал первый революционный подъем в Китае. Иная точка зрения нашла отражение в работе Чжу Гэцзи, который писал, что «крестьяне выступали против феодальной эксплуатации, но не выступали и не могли выступать против феодализма как системы, выступали против отдельных помещиков, но не выступали и не могли выступать против помещиков как класса»⁶. В последнее десятилетие авторы некоторых работ, так же как и Чжу Гэцзи, занимают более сдержанную позицию и не склонны к чрезмерному завышению роли крестьянских войн и восстаний. Вместе с тем, по мнению профессора Ци Ся, некоторые историки «открыто отходят от марксизма», заявляя, что крестьянские движения вели к реставрации феодализма, а идея уравнительности «хуже феодальной идеологии»⁷. В статье редактора журнала «Лиши яньцзю» Ли Шу сказано, что, «оглядываясь назад, мы столь же глубоко ощущаем, что между успехами, которых добилась историческая наука, и требованиями, предъявляемыми ей эпохой, а также возлагаемыми на нее народными чаяниями, все еще сохраняется большой разрыв»⁸. В выступлении Ху Шэна на конференции, посвященной 130-й годовщине крестьянской войны тайпинов, было сказано о наличии предвзятых выводов в ряде исследований. По его мнению, избавиться от них можно, освободившись от влияния политической конъюнктуры⁹. По мнению Дай И, большего внимания заслуживает история периода правления династии Цин¹⁰. В целом же можно сказать, что изучению новой истории Китая сейчас уделяется особое внимание.

Последовательно научный анализ различных аспектов войны тайпинов дан в работах советских исследователей. Большой вклад в изучение темы внес В. П. Илюшечкин, являющийся автором содержательных работ о тайпинах. В их числе следует назвать монографию «Крестьянская война тайпинов», он же автор соответствующих глав в обобщающей монографии «Новая история Китая». Многие исследователи избрали предметом своего внимания анализ взаимоотношений тайпинов с другими отрядами боровшихся масс в Китае, что нашло отражение в работах В. С. Кузеса «Шанхайское восстание «Союза малых мечей» 1853—1855», Н. К. Чеканова «Восстание няньцзюней в Китае 1853—1868 гг.», С. И. Зарецкой «Внешняя политика Китая в 1856—1860 годах: отношения с Англией и Францией». В сборнике статей «Маньчжурское владычество в Китае» содержится интересная статья Е. Б. Поршневой «Подъем антиманьчжурского движения в Китае под руководством тайных обществ (конец XVIII — начало XIX в.)».

Отдельные вопросы обсуждались на ежегодных научных конференциях «Общество и государство в Китае», проводимых Институтом востоковедения АН СССР. Заслуживает внимания монография В. Н. Никифорова «Советские историки о проблемах Китая», в которой, в частности, содержится интересный анализ дискуссии среди советских историков 1928—1929 гг. по проблемам тайпноведения. Материал, собранный В. Н. Никифоровым, показывает, что исследование крестьянской войны тайпинов уже в раннем советском востоковедении заняло видное место. В те годы были поставлены важные вопросы о характере движения тайпинов, социальном смысле их учения, движущих силах и т. п. Эти вопросы и ныне в центре исследований.

В. П. Илюшечкин писал в своей книге «Крестьянская война тайпинов», что этой войне присущи «острый антиманьчжурский характер, тесная связь с древнекитайскими социальными утопиями и некоторыми старокитайскими традициями, аскетизм морали и религиозная христианская окраска»¹¹. Несколько иной оттенок в оценке идеологии тайпинов содержится в работе австралийского тайпноведа П. Кларка «Пришествие бога в Гуанси. Соображения о влиянии Карла Гюцлафа и Китайского союза на раннем этапе тайпинского движения». Автор считает, что христианство оказало значительное влияние на тайпинов, однако основу их учения составили заимствования из христианства тех элементов, которые были им необходимы для борьбы с маньчжурами. «Эти заимствованные идеи и намерения они преобразовали в форму религии, которая была их собственной, а не традиционно китайской или христианской»¹². В этой связи рассмотрим основные положения документов тайпинов.

Тайпины призывали к восстановлению «небесных принципов отношений между людьми». О каких принципах шла речь и чем была вызвана такая ненависть тайпинов к маньчжурам? Ведь тайпины не питали ненависти к другим народам, считали их братьями. Почему же маньчжуров они называли дьяволами? И не только Цинов-угнетателей, но и все маньчжурское население. Взаимосвязана с этим и проблема восприятия тайпинами христианства. В христианстве Хун Сюцюань усмотрел отголосок древнекитайской идеологии, которую, как будет показано, он считал преступно забытой китайцами. Китайские же религии не устраивали Хун Сюцюаня, так как они оправдывали и поддерживали цинские порядки.

Нужно сказать, что Хун Сюцюань, в сущности, не понимал христианства до конца, но ему импонировали идеи «царства божьего», которое сулило христианам небесные блага. Главное — эти идеи внешне соответствовали древнекитайским утопиям о справедливом обществе «всеобщего единства» и «государстве всеобщего благоденствия». Обращение к древности, будучи типичным для традиционной китайской мысли, привело к тому, что Хун Сюцюань и его сподвижники усматривали в идеях христианства китайские корни.

Первооснова древнекитайских традиций в идеологии тайпинов станет очевидной даже при самом общем взгляде на трактаты, написанные Хун Сюцюанем в период идеологической подготовки восстания тайпинов. Обратимся к «Гимну об истинном пути к спасению мира» (1845). При чтении документа в первую очередь бросается в глаза то, что рассуждения Хун Сюцюаня строятся на основе не христианских догм, а опираются на древнекитайские источники. То же можно проследить в «Поучении об истинном пути к пробуждению мира» (1845) и «Поучении об истинном пути к познанию мира» (1846). Ссылаясь на древность, он доказывал, что «государь и простой землепашец почитали создателя мира»¹³. Все последующие поучения основателя «Тайпин

тяньго» также проистекают из седой китайской старины и в силу этого преподаются не как нечто новое для мировоззрения китайцев.

Основное содержание «Гимна...» состоит из поучений, как избавиться от «неправильных путей» в жизни. Возможность их преодоления, наставлял Хун Сюцюань, в познании древней мудрости и следовании примерам из прошлой жизни. Поэтому все свои наставления для современников он подкреплял примерами из древности.

В «Гимне...» дается идейно-философское обоснование концепций единства и братства людей. Уже в первых его строках говорится о том, что «в Поднебесной (то есть во всем мире.— В. О.) издревле люди друг другу братья»¹⁴, поскольку перед «небесным отцом» все едины. В «Поучении об истинном пути к пробуждению мира» обращает на себя внимание заявление Хун Сюцюаня о том, что «мир состоит из множества государств. Однако в целом он представляет собой одну семью. Господь бог — отец всего сущего в мировом единстве. Он господин и творец всего, что есть в нашей стране. То же можно сказать и о далеких чужеземных государствах... Зачем же нужны барьеры, разделяющие людей? Как же могут возникнуть у людей мысли об уничтожении других людей?»¹⁵

Аналогичные мысли встречаются и в более поздних документах. Так, в «Манифесте о спасении всех китайцев, рожденных и вскормленных небом», написанном Ян Сюцином и Сяо Чаогуем, бог называется «отцом всех народов Поднебесной»¹⁶, а дьявол — «заклятым врагом всех китайцев и всех народов Поднебесной»¹⁷.

Изложенный материал показывает, что обращение Хун Сюцюаня к древности потребовалось ему не столько для поиска аналогов христианским догмам, а в силу традиционного китайского мышления. Отсюда идеализация китайского прошлого, с которого началась критика существовавших в XIX в. в Китае порядков.

Идеология движения тайпинов отражала антиманьчжурские настроения, следовавшая же крестьянская война была направлена на изгнание маньчжур-чужеземцев и восстановление древних китайских порядков, идеальных с точки зрения идеологов этой войны. Однако, чтобы возродить старое, требовалось знамя, под которое можно было бы собрать огромные массы. Таким знаменем стало «тайпинизированное» христианство.

Необходимо отметить, что, по мнению тайпинских идеологов, китайцы задолго до вторжения маньчжур встали на неверный путь и предали забвению древнюю мудрость. Династия Цин призывалась к ответу за упрочение «дьявольских порядков». Явный акцент на критику маньчжур виден в «Поучении об истинном пути к познанию мира»¹⁸.

То, что правившая династия поставила себя выше китайцев, явилось важнейшим обвинением против маньчжур. Эта критика строилась, как показано выше, на противопоставлении положения дел в древности. В «Гимне об истинном пути к спасению мира» Хун Сюцюань негодовал: «Так почему государь ставит себя над людьми?»¹⁹ Наставляя на истинный путь к пробуждению мира, он подчеркивал: «Хороший государь не отворачивается от простого народа и потому достигает вершин добродетели... К сожалению, в наши дни стало трудно находить такие примеры»²⁰. В названных и других документах проступает программа тайпинов: здесь и критика Цинов, и апелляция к народным массам, и заветное желание Хун Сюцюаня обладать тронем монарха.

Уже в условиях начавшегося восстания увидел свет «Манифест о необходимости уничтожения северных варваров по воле неба» (1851—1852), авторами которого были Ян Сюцин и Сяо Чаогуи. Этот документ, объявлявший войну маньчжурам, хотя и написан во многом аллегорически, совершенно четко определил позицию тайпинов. Он исключительно важен для понимания целей и задач восстания, во всяком случае его начальной стадии.

В названии «Манифеста...» содержится определение маньчжур как «варваров». В данном случае играло роль не столько стремление к оскорблению правившей династии, сколько определенная принципиальная позиция. Китайцы — жители Срединной империи — издревле подчеркивали свою исключительность. К «варварам» они относили все неханьские народы Китая и все народы, жившие за его пределами. Таким образом, маньчжуры попадали под названную категорию. На позицию тайпинов в отношении маньчжур оказали влияние совершенно конкретные факторы. Для авторов «Манифеста...» «Китай — священная страна. Маньчжуры — грязная нечисть», поскольку они поклоняются «змие, дьяволу, владыке ада», являющемуся «лукавым и нечистым духом»²¹. Имелся в виду сохранившийся у маньчжур шаманизм, приспособившийся на китайской почве к господствовавшим там учениям. Китай же «принадлежит богу, а не

северным варварам»²². Развернутое определение дьяволу было дано теми же авторами в «Манифесте о спасении всех китайцев, рожденных и вскормленных небом».

Из «Манифеста...» следует, что основанием для борьбы китайцев против маньчжур было также нежелание подчиняться их воле. Особую значимость для понимания причин антиманьчжурских настроений имеет указание на «грязные дела» завоевателей. Ян Сюцин и Сяо Чаогуй перечислили такого рода злодеяния в «Манифесте о необходимости уничтожения северных варваров по воле неба» и характеризовали их как «преступления и злодейства». После этого они вопрошали: «Разве это не надругательство над традициями, оставленными нам прежними поколениями?»²³ Иными словами, здесь звучит прежний мотив идеализации прошлого, который в данном случае имел конкретную направленность, а именно обвинение Цинов в посягательстве на традиции, обычаи и язык китайцев. Такого не могло простить пришельцам ни одно азиатское общество. Индийцы не простили посягательств англичанам, тайпины — маньчжурам. «Ведь таким образом, — констатировали Ян Сюцин и Сяо Чаогуй, — китайцев заставляют забывать свои корни»²⁴.

В вину Цином ставилось и их полное безразличие к общественным нуждам и бедам народа. «Когда случается наводнение или засуха, они не проявляют ни малейшего сочувствия и спокойно смотрят на умирающих от голода людей и бродящие по дорогам толпы бездомных, бесприютных»²⁵. В то же время внимание тайпинов обращалось на коррупцию, в которой погряз государственный аппарат власти: процветало взяточничество и торговля должностями, преступники имели возможность откупиться от наказания, патриоты страны обвинялись в государственной измене и подвергались казни. «...Право на власть дается богатством», — негодовали авторы «Манифеста...», в то время как «смелые и способные изнывают в отчаянии, чахнут и гибнут герои — цвет нашей страны»²⁶. Таким образом, тайпины выдвигали целый комплекс обвинений против Цинов.

В связи с обвинениями Цинов в посягательстве на китайские традиции представляется целесообразным прокомментировать данную позицию тайпинского руководства. Хун Сюцюаню, а вслед за ним и другим идеологам тайпинов была присуща не всегда объективная оценка существующего положения вещей. Утилитарность обвинений Цинов в нарушении ими традиций прослеживается в том, что маньчжуры не только принесли свои традиции, но и переняли многое из более высокой цивилизации китайского общества. Тайпины же перекраивали общественное сознание, причем довольно жесткими мерами. При этом они призывали китайцев: «...Возродите страну, столь долго находившуюся под властью иноземцев, восстановите небесные принципы отношений между людьми»²⁷. Вставал вопрос: каким образом реализовать данные задачи?

Анализ программных документов, частично изложенный выше, позволяет сделать вывод о том, что средство для «возрождения страны» и «восстановления небесных принципов» тайпины видели прежде всего в истреблении «дьяволов», но для этого требовалось моральное очищение народа от скверны «дьявольского наваждения» посредством возврата к прежней вере. Путь к этому, по их мнению, указывало христианство.

Особенно отчетливо «тайпинизация» христианства видна в «Высочайше утвержденных к опубликованию и исполнению императорских эдиктах» (1852), которые включали два доклада Ян Сюцина и Сяо Чаогуйа и одно воззвание к народу. В сущности они повторяли уже известное тайпинское изложение некоторых положений Ветхого завета, обосновавшее необходимость борьбы с маньчжурами и устрашавшее «вероотступников». В этих документах привлекают внимание две детали. «На наше горе, — сказано в одном из докладов, — с тех пор, как династия Мин потеряла политическую власть, маньчжуры, воспользовавшись нашей ошибкой, наполнили смутой Китай»²⁸. О какой ошибке идет речь? Династия Мин была свергнута в 1644 г. в результате крестьянской войны. Однако в это же время объединившиеся племена маньчжур вели захватническую войну против Китая. В июне 1644 г. под напором маньчжурских войск повстанцы покинули Пекин и в Китае воцарилась не «крестьянская», а маньчжурская династия.

Смысл этого сожаления очевиден: династия Мин была негодна народу и он сверг ее, но повстанцы допустили ошибку, позволив маньчжурам-захватчикам воспользоваться победой народа, оттеснив его и установив свое правление. Одним махом Ян Сюцин и Сяо Чаогуй нанесли удар по династиям Мин и Цин. Из всего этого вытекало следующее: «Державный верховный владыка послал небесного посланника встретить

и принять Небесного короля (здесь, видимо, неточность перевода, имеется в виду князя. — В. О.), поднявшегося на небо. Он повелел мне наказать смертью чудовищ маньчжуров и избрал меня, Небесного короля, для осуществления миссии стать властелином и спасителем людей»²⁹. С учетом того, что Небесным князем считался Хун Сюцюань, цели тайпинов приобрели заверченный вид, претензии на установление своего господства и образование новой династии Хун Сюцюаня стали очевидны.

Какая же перспектива открывалась перед Китаем в случае победы тайпинов? Этот вопрос является предметом пристального внимания ученых. В основу изучения кладется «Земельная система Небесной династии». Ху Шэн писал, что в ней воплотились крестьянские идеалы переустройства общества³⁰. Американский ученый Дэн Сьюй, хотя и не считает правомерным характеризовать движение тайпинов как революцию, отмечает, что оно «отличалось от предшествующих крестьянских восстаний... своими прогрессивными социально-экономическими идеалами»³¹.

Обстоятельный ответ на поставленный вопрос дает советская историография. В. П. Илюшечкин писал о «Земельной системе...»: «Это была программа преобразования китайского феодального общества в патриархальное, основанное на идеях "крестьянского социализма"»³². Н. А. Королева считает, что в «Земельной системе...» «содержится призыв вернуться к дофеодальным отношениям в деревне и отсутствует какая-либо программа капиталистического развития»³³. К данным выводам можно лишь добавить, что существо проблемы заключалось в том, что тайпины не понимали истинных причин ухудшения жизни крестьян, как внутренних, так и внешних; они не понимали, а большинство руководителей и не знало сущности буржуазного развития, способного преобразовать общество; их планы переустройства общества, содержащиеся в «Земельной системе Небесной династии» были утопией.

Объективность анализа «Земельной системы...» зависит от сопоставления изложенных в ней принципов с практической политикой тайпинского руководства. Уравнительная идея тайпинов оказалась несостоятельной уже в период подъема войны. Хотя тайпины конфисковывали движимое имущество маньчжурских помещиков и феодалов, боровшихся против новой власти, уменьшали или совсем отменяли налоги, тем не менее уравнительное распределение земли не было реализовано, а «Земельная система...» так и осталась благим пожеланием, недостижимым идеалом. Основная масса землевладельцев сохранила и имущество, и землю. Запреты на торговлю были мало эффективны. Тайпины не заботились должным образом о закреплении освобожденных районов; в результате там фактически сохранились прежние порядки. Реальная политика тайпинов несла лишь некоторое оздоровление жизни в рамках феодального строя, то есть устранение наиболее нетерпимых для крестьян элементов налоговой и арендной эксплуатации.

Нереальность претворения в жизнь уравнительных идей была заложена в идее «Тайпин тяньго». С самого начала в тайпинском государстве существовало разделение на князей (ванов) и рядовых членов общества. Эта структура по мере развития войны углублялась. В результате сложилась верхушка общества из числа ванов и других военачальников, жизнь которых мало чем отличалась от жизни цинских феодалов. Многие из того, что было запрещено рядовым тайпинам, было в порядке вещей для их руководителей. Возможность дифференциации тайпинского общества определялась введением системы титулов, чиновничьих рангов, церемониального кодекса. Стимулом жизни тайпинского руководства становилось приобретение высших чинов, обогащение, увеличение гаремов и т. п. Таким образом, говорить о перерождении тайпинского руководства не приходится. Его суть с самого начала была феодальной, а итогом всему стал внутренний кризис, который переживало тайпинское государство начиная с 1856 г.

Не внесли свежей струи в развитие «Тайпин тяньго» и предложения о переустройстве общества на новых началах, которые делались Хун Жэньганем и другими. Причина этого крылась в ряде обстоятельств. Главное — в Китае не сложились ни объективные, ни субъективные предпосылки для усвоения идеалов буржуазного общества. В сущности, предложения Хун Жэньганя и других сводились к инструментальному использованию реальных достижений капиталистического Запада. В этой связи представляются необоснованными оценки идей Хун Жэньганя как передовых для своего времени. Показательно, что «Новое сочинение в помощь правлению» Хун Жэньганя не было понято большинством тайпинских руководителей и в силу этого не предпринимались какие-либо

усилия к его осуществлению. Даже сам Хун Жэньгань остался равнодушным к судьбе своего детища, и не только к нему.

Изучение работ советских исследователей показывает, что социальный смысл движения тайпинов требует дальнейшего изучения. В связи с этим заслуживают пристального внимания выводы В. П. Илюшечкина, содержащиеся в статье «Тайпины и конфуцианство». Автор считает, что «идейная направленность тайпинского восстания... не выходила по своей форме и по своему содержанию за рамки феодальных конфуцианских идей, понятий и представлений»³⁴, которые можно было реализовать и при существовавшем строе. Установки, которые выходили за эти рамки, становились неосуществимыми и «противоречащими закономерностям общественного развития»³⁵. В. П. Илюшечкин считает, что характеризовать крестьянские движения как антифеодальные можно только в том ограниченном смысле, что «они были направлены против гнета и произвола со стороны господствующего класса и преследовали цель улучшения социально-экономических и политических условий существования крестьянства, но не уничтожения всей системы добуржуазных производственных отношений, которое осуществляется буржуазной революцией...»³⁶. Автор не согласен с распространенным подходом к оценке крестьянских войн, которые якобы «объективно» и «в конечном счете» были направлены против всей феодальной общественно-экономической системы. Движению тайпинов была присуща ограниченность, которую по исторически объективным условиям не смогли преодолеть известные нам крестьянские войны эпохи феодализма.

Принципиальная оценка событий, связанных с крестьянской войной тайпинов, была дана Марксом и Энгельсом. В статье «Революция в Китае и в Европе» Маркс применил к войне тайпинов определение «могучая революция»³⁷. Можно ли буквально воспринимать слова Маркса? Конечно, нет. На это указывают и ленинские слова о крестьянских войнах как «старых китайских бунтах». Изложенная выше идеологическая позиция тайпинов в сопоставлении с марксовым пониманием социальной революции показывает, что применение термина «революция» к войне тайпинов потребовалось Марксу лишь для того, чтобы подчеркнуть огромные масштабы крестьянского протеста против порядков, господствовавших в Китае, радикальность методов такого протеста. Не случайно Маркс в этой же статье писал о движении тайпинов как о «восстании», Энгельс в статье «Персия и Китай» — как о «великом восстании». То есть оба эти определения они использовали как синонимы, выражающие отдельные аспекты явления, которое было не чем иным, как крестьянской войной. Попутно отметим, что аллегорию «бушующее море революции» Маркс употреблял и в связи с восстанием 1857—1859 гг. в Индии.

Важным обстоятельством, ослаблявшим силы тайпинов, было их нежелание объединиться с другими повстанцами. В этом еще раз прослеживается ограниченность тайпинского движения, которое было составной частью всеобщего крестьянского недовольства цинской политикой и одной из форм их протеста. Ко времени зарождения тайпинского движения Китай переживал полосу хронических антицинских восстаний, которые в 1850 г. приняли особый размах. Кажется вполне естественным, что тайпины должны были бы объединить силы борющихся, но этого не произошло.

Политика тайпинов в отношении других повстанцев явилась предметом исследования советских ученых. Ее анализ дается в упоминавшихся выше книгах В. П. Илюшечкина, В. С. Кузеса, Н. К. Чеканова, в обобщающей монографии «Новая история Китая» и др. Все авторы единодушны в том, что нежелание тайпинов идти на союз с другими антицинскими силами явилось следствием их ограниченности. В. С. Кузес писал, что движение тайпинов зародилось в условиях повышенной активности тайных обществ, деятельность которых «практически расчистила путь для создания "общества поклонения богу"». В то же время «тайпины по мере роста их успехов не считали нужным сделать последователей «Триады» своими надежными союзниками»³⁸. Предметом исследования В. С. Кузеса явилось шанхайское восстание «Союза малых мечей», его выводы дополняются исследованием Н. К. Чеканова восстания няньцзюней. «Можно предполагать, — писал он, — что руководство тайпинов не считало няньцзюней своими союзниками, а смотрело на них как на неорганизованную массу бунтарей»³⁹.

Участники крестьянской войны тайпинов фактически обособились от основной массы населения, положив в основу своей идеологии «тайпинизированное» христианство, которое вопреки планам тайпинского руководства не стало идеологической основой единства всех антиманьчжурских сил. Между тем реальная основа для единства су-

ществовала: идея равенства, которая культивировалась в Китае еще до рождения тайпинов. В этой связи невозможно отрывать от крестьянской войны тайпинов период, который ей предшествовал. Именно тогда был выдвинут лозунг «Именем Неба восставшим справедливостью». Программа тайпинов унаследовала лозунги повстанцев 40-х гг., в числе которых следует назвать уравнительные лозунги: «Оберем богатых, чтобы помочь бедным», «Бить богатых, помогать бедным». Утопическая идея общности имущества выражалась в лозунгах: «Уничтожим межи, с тем чтобы все жили одной семьей», «Восемь сторон света составляют мир, все роды должны составлять одну семью»⁴⁰. Однотипность призывов тайпинов и их предшественников естественна, не случайно также и название войны. Оно происходит от понятия «тайпин», имевшее большое хождение в Китае с древности и означающее «великое благоденствие», «великое равенство». «При борьбе крестьян с крепостниками-помещиками, — писал В. И. Ленин, — самым сильным идейным импульсом в борьбе за землю является идея равенства»⁴¹.

События, предшествовавшие крестьянской войне тайпинов, рассмотрены Марксом и Энгельсом в «Первом международном обзоре» (январь 1850 г.). Они коснулись этого вопроса в связи с известиями из Китая, которые привез в Европу немецкий миссионер К. Гюцлафф, проживший там 20 лет. Гюцлафф вернулся в Европу в октябре 1849 г.⁴², то есть когда тайпины еще вели лишь сектантскую пропаганду в Гуандуне и Гуанси. Их повстанческие отряды, как известно, начали формироваться только в июле 1850 г., а первую победу они одержали в декабре 1850 г. Более или менее активная борьба развернулась с января по сентябрь 1851 г., то есть в то время, когда «Обзор...» был уже написан. В 1850 г. деятельность тайпинов еще не привлекала к себе внимания, она не выделялась среди мятежей, охвативших Гуанси. Свидетельство тому содержится в донесении шэньши из Гуанси (октябрь 1850 г.), о множестве восстаний в провинции, о тайпинах при этом ничего не было сказано⁴³. О чем же писали Маркс и Энгельс в «Обзоре...», комментируя Гюцлаффа?

В январе 1850 г. «Новая прусская газета» опубликовала изложение доклада Гюцлаффа о положении Китая на очередном месячном собрании Лондонского статистического общества. В этом докладе Гюцлафф сделал обзор финансового положения империи Цинов. Вывод Гюцлаффа гласил, что империя стоит перед кризисом, который, как показывает, например, история Европы, должен повлечь политико-государственные преобразования. Автор доклада выделил два фактора, определявших финансовые трудности Китая. Внутренний фактор: доходы казны за последние 6—7 лет сократились на треть, так как недовольство народа выросло и он отказывается платить налоги. Внешний фактор: первая «опиумная» война привела к росту дефицита бюджета в 15 млн. ф. ст., а правительство не способно применить эффективные меры для его сокращения. Результатом всего этого, по мнению Гюцлаффа, стало «явление известного демократического движения в народе»⁴⁴, которое основывалось на общинных институтах страны (под общинными институтами Гюцлафф понимал, видимо, тайные организации). Далее следует важный для нас вывод о том, что «эти небольшие общины уже превратились в средство организации систематического местного сопротивления декретам императора»⁴⁵. Данный вывод выражает суть оценки Гюцлаффом политической атмосферы в Китае, после чего следует замечание, которое, по мнению Маркса и Энгельса, является курьезным: «К этому движению добавляются другие явления угрожающего характера: коммунизм, этот ужас западноевропейских стран, оказался не чужд также и китайцам, ибо в стране действуют анархисты, которые проповедуют — бедные ежедневно становятся беднее, богатые ежедневно становятся богаче, а все социальные язвы могут быть излечены с помощью всеобщего распределения благ, коротко говоря, состояние «Поднебесной империи» таково, что ей предстоят большие потрясения в ближайшем будущем»⁴⁶. Очевидно, что автор этих слов интерпретирует китайские события на европейский манер, употребляя к тому же европейские определения. Однако ясно и другое: утопические идеи равенства получили большое хождение в Китае, но в то время они еще не могли связываться с тайпинами и предшествовали формированию их идеологии.

Утопизму идей крестьянских движений, включая и войну тайпинов, противостояла другая сила, которая обладала большими возможностями оказывать воздействие на переустройство общественной жизни Китая. «Тысячи английских и американских судов направились в Китай, — писали Маркс и Энгельс в «Обзоре...», — и в скором времени страна была переполнена дешевыми британскими и американскими фабричными изде-

лиями. Китайская промышленность, покоящаяся на ручном труде, не выдержала конкуренции с машиной. Непоколебимая Срединная империя пережила социальный кризис»⁴⁷. Эта мысль получила дальнейшее развитие в ряде статей Маркса и Энгельса. Они рассматривали колониальную агрессию как важнейший внешний фактор преодоления застоя в общественной жизни Китая. Колонизаторы, подрывая основы традиционного китайского общества, создавали возможность для развития новых общественных сил.

Попытки приписать Хун Сюцюаню антиколониальные идеи не выдерживают критики. Нельзя считать тайпинов родоначальниками национально-освободительного движения еще и потому, что антиколониальные выступления имели место еще до начала войны тайпинов. На последнем этапе войны тайпины вынуждены были обороняться против интервентов, однако документы свидетельствуют, что тайпины не выдвигали антиколониальных лозунгов, а в отношении европейцев питали иллюзии, которые строились на идее всеобщего единства народов. Миротлюбивое отношение к европейцам прослеживается в переписке с англичанами в различные периоды войны, как в начале 50-х гг., так и в 60-е гг.

Европейцы хотя и воспринимались как варвары, но считались братьями китайцев. Инспектор левофлангового отряда дворцовой охраны Ло Даган в письме к английскому представителю (1853) подчеркивал: «Поскольку все мы поклоняемся верховному владыке, все мы являемся братьями. Прочитав письма, [мы удостоверились], что мы с вами идем по одному и тому же пути»⁴⁸. Явная иллюзорность планов тайпинов в отношении европейцев четко прослеживается в письме группы командиров английскому и французскому командующим в Гуанчжоу и Сянгане (1860). Они пытались доказать свое гостеприимство к друзьям, одинаковую сущность Китая и иностранных государств и т. д. Мало того, авторы приветствовали действия европейцев, которые якобы «уничтожили старые порядки» (на захваченной ими территории. — В. О.), осуществляют «добродетельное правление, добились расположения народа»⁴⁹. Дальше больше. «Хотим, — писали тайпинские командиры, — немедленно с войсками двинуться вам навстречу, вместе с вами подумать, составить планы на будущее... И с вами вместе мы будем наслаждаться беспредельным счастьем, постоянно совершая бессмертные подвиги»⁵⁰. Считая, что у европейцев «побуждения весьма благородные»⁵¹, военные, авторы письма, рассчитывали на совместную с ними борьбу против маньчжур. Заблуждения тайпинского руководства нашли яркое выражение и в послании Хун Сюцюаня «Младшим западным братьям» (1858), в котором он призывал европейцев присоединиться к тайпинам: «Идите же, младшие братья, с радостью к нам, и да будет вам успех во всем»⁵².

Иллюзии не покинули тайпинов и тогда, когда помощь Цинам со стороны англичан стала очевидной. Отмечая это обстоятельство, тайпинские князья Ли Сючэн и Тань Шаогуан в письме к Гордону (1863) подчеркнули, что «каждый выбирает, что ему выгодно»⁵³, после чего предлагали наладить торговлю, в частности оружием. Подчеркивалось: «Мы ведем войну с маньчжурами из-за территории. Кто победит, кто потерпит поражение в этой войне — заранее определить невозможно. Небо, конечно, знает исход; иностранцам не следует вмешиваться в наши отношения с маньчжурами»⁵⁴. Далее следует традиционная для тайпинов проповедь о их религиозном единстве с европейцами, о вере в искренность англичан и т. п. Та же тема и в другом письме Тань Шаогуана к Гордону: «Мы воюем с Цинской династией за территорию и не питаем ни капли ненависти к иностранцам»⁵⁵.

Хун Жэньгань в «Новом сочинении в помощь правлению» призывает следовать примеру европейцев в строительстве железных дорог, судов, ссылается на их опыт в страховании жизни и имущества, настаивает на отмене продажи детей в рабство, что в Европе запрещено законом, наконец, ратует за прямое сотрудничество с европейцами. «Следует, — писал Хун Жэньгань, — применять метод соревнования с чужеземцами»⁵⁶. Устранение в прошлом от контактов с иностранцами, по его мнению, нанесло ущерб Китаю. «Мы давно стремимся к самоуправлению, — наставлял Хун Жэньгань, — и если мы не будем терять из виду искренности и справедливости, то следует ли нам опасаться устанавливать отношения с другими странами? Так могут поступать люди только с узким кругозором»⁵⁷.

Иначе относились к европейцам участники выступлений на юге Китая в 40-е гг. Чего они хотели добиться? Ответ на этот вопрос дан в книге А. С. Ипатовой: «После войны 1839—1842 гг. основные усилия гуандунцев были направлены на то, чтобы не допустить английских колонизаторов в Гуанчжоу, воспрепятствовать англичанам получить в аренду участки земли в Гуандуне, не восстанавливать и не строить здания для них на территории

провинции, бойкотировать их товары»⁵⁸. Очевидно, что как тайпины видели в европейцах своих «братьев», так и участники патриотических движений олицетворяли Цинюв с добродетелью и гуманностью. А. С. Ипатова, проанализировав документы гуандунских повстанцев против англичан, пришла к выводу, что их «вера в победу была тесно связана с идеализацией довоенного прошлого и цинских правителей и воплощена в мечту о том времени, когда в стране снова сможет восторжествовать справедливость»⁵⁹. Те же мысли содержатся в работе С. И. Зарецкой «Внешняя политика Китая в 1856—1860 гг.: отношения с Англией и Францией», специальная глава которой посвящена патриотическому движению на юге Китая в указанные годы.

В силу своей ограниченности ни тайпины, ни тайные организации не были в состоянии преобразовать общество, так как проблема заключалась в том, что участники массовых движений не сознавали необходимости соединения антифеодальной и антиколониальной борьбы, не понимали, что без освобождения от влияния на Китай западных держав социальное переустройство общества невозможно. И наоборот, постепенное соединение антифеодального и освободительного направлений борьбы явилось важнейшей задачей массовых движений в Китае. Но она была решена значительно позже и на ином этапе борьбы.

¹ Хотелось бы выразить благодарность В. П. Илюшечкину, высказавшему ценные советы при работе над данной статьей и предоставившему автору китайские материалы.

² См.: Го И шэн. Тайпин тяньго гэмин синчжи, вэньти таолунь цзи. Пекин, 1962, с. 11—48.

³ Рецензия Л. П. Делюсина на сборник статей «Материалы дискуссии о характере тайпинской революции». — «Народы Азии и Африки», 1962, № 5, с. 184.

⁴ Аграрные отношения и крестьянское движение в Китае. Сборник статей. М., 1974, с. 102—103.

⁵ См.: Ху Шэн. Цун япьянь чжаньчжэн дао «у сы юньдун». Т. 1. Пекин, 1981.

⁶ Ч жу Гэ цзи. Бо «сы жэнь бан» цзай нунминь чжаньчжэн фан макэсычжуй мялунь. — «Лиши яньцзю», 1977, № 1, с. 54.

⁷ См.: Чжунго нунминь чжаньчжэн ши ди сань цы сюешу таолуньхуй цзуншу. — «Лиши цзяосюе», 1984, № 2, с. 62—63.

⁸ Ли Шу. Макэсычжуй юй Чжунго лишисюе. — «Лиши яньцзю», 1983, № 2, с. 3.

⁹ См.: Ху Шэн. Гуаньюй Чжунго цзиньдай ши яньцзю ды жогань вэньти. — «Сюешу яньцзю», 1981, № 3.

¹⁰ См.: Да й И. Цзяцянь дуй Цин ши ды яньцзю. — «Нанькай сюэбао», Тяньцзинь, 1982, № 5.

¹¹ В. П. Илюшечкин. Крестьянская война тайпинов. М., 1967, с. 66.

¹² P. Clarke. The Coming of God to Kwangsi. A consideration of the influence of Karl Gützlaff and the Chinese Union during the formative period of the Taiping movement. — «Papers on Far Eastern history». Canberra, 1973, № 7, p. 178.

¹³ Тайпинское восстание. 1850—1864 гг. Сборник документов. М., 1960, с. 131.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, с. 137.

¹⁶ См. там же, с. 27.

¹⁷ См. там же.

¹⁸ См. там же, с. 139.

¹⁹ Там же, с. 131.

²⁰ Там же, с. 136.

²¹ См. там же, с. 21.

²² Там же.

²³ Там же, с. 22.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, с. 24.

²⁸ Материалы по китайскому вопросу. № 9. М., 1927, с. 109.

²⁹ Там же, с. 107.

³⁰ См.: Ху Шэн. Цун япьянь чжаньчжэн дао «у сы юньдун», с. 120—121.

³¹ S. Y. Teng. The Taiping rebellion and the Western powers. Oxford, 1971, XII, p. 6.

³² В. П. Илюшечкин. Указ. соч., с. 119.

³³ Аграрные отношения и крестьянские движения в Китае. М., 1974, с. 109.

³⁴ Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики. М., 1982, с. 242.

³⁵ Там же, с. 244.

³⁶ Там же, с. 246.

- ³⁷ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, с. 99.
- ³⁸ В. С. Кузес. Шанхайское восстание «Союза малых мечей» 1853—1855. М., 1980, с. 39—40.
- ³⁹ Н. К. Чеканов. Восстание няньцзюней в Китае 1853—1868 гг. М., 1963, с. 75.
- ⁴⁰ См.: Пэн Цзэи. Тайпин тяньго гэмин сычао. Шанхай, 1946, с. 17.
- ⁴¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, с. 226.
- ⁴² In: Allgemeine Deutsche Biographien. Zehnter Band. Leipzig, 1879, S. 236.
- ⁴³ См.: Се Сньюяо. Тайпин тяньго цяньхоу Гуансиды фаньцин юньдун. Пекин, 1950, с. 20—21.
- ⁴⁴ «Neue Prousische Zeitung». Januar 1850, S. 9.
- ⁴⁵ Ibid.
- ⁴⁶ Ibid.
- ⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, с. 233.
- ⁴⁸ Тайпинское восстание. 1850—1864 гг. Сборник документов, с. 121.
- ⁴⁹ Там же, с. 125.
- ⁵⁰ Там же, с. 125—126.
- ⁵¹ См. там же, с. 126.
- ⁵² Тайпин тяньго ши ляо. Пекин, 1950, с. 93—99.
- ⁵³ См.: Тайпинское восстание. 1850—1864 гг. Сборник документов, с. 127.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же, с. 128.
- ⁵⁶ Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей нового времени (1840—1898). М., 1961, с. 95.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ А. С. Ипатова. Патриотическое движение на юге Китая в 40-е годы XIX в. М., 1976, с. 145—146.
- ⁵⁹ Там же, с. 147—148.

ЯН ЦЗЯН

4. Малыш Цюй. Рассказ о чувствах

Поэт из нашей группы овощеводов, о котором я уже упоминала, однажды принес с собой щенка. Фамилия поэта была Оу, однако некоторые по ошибке произносили ее Цюй*. Асян в шутку предложила звать щенка «Малыш Цюй». Поэт было обиделся, но, поскольку о происхождении этой клички никто, кроме нас, не догадывался, успокоился.

Возле стены сарая мы соорудили для Малыша конуру из битого кирпича и выложили ее соломой. Ему там было холодно и жестко. Вдобавок, вскоре после появления у нас он свалился в один из арыков. Я в свое время побывала в нем и потом весь день ходила в мокрых туфлях и носках. Но то случилось в теплую погоду, сейчас же было очень жалко смотреть на перемазавшегося в грязи, дрожащего от холода щенка. Если бы поблизости была рисовая солома, ей можно было бы обтереть беднягу, просяная же слишком жестка. Мы вывели его посушиться на солнце, но оно было осеннее, холодное, да еще дул сильный ветер.

Малыш был всего лишь беспородным деревенским псом. Нам же кормить его все равно было нечем — пришлось выпрашивать в столовой очистки картофеля и сухие огрызки лепешек. Однако среди нас нашелся один очень «правильный» старик, который гневно отчитал командира отделения: «Как вы можете давать собаке белые сухари — вы видели, чем питаются крестьяне?» Мы устыдились и впредь не решались давать Малышу ничего, кроме оставшейся от наших порций картошки. Но ни картошка, ни сухари не были «собачьей едой»: Малыш исхудал, ослабел и перестал расти...

Каждый раз, приходя на наш огород, мой муж Чжуншу приносил обрезки свиной шкуры или не до конца обглоданные кости. Малыш опрометью бросался навстречу. А однажды Чжуншу принес выброшенные кем-то два протухших куриных яйца. Малыш умял их вместе со скорлупой... Когда я в одиночестве охраняла огород, Малыш вместе со мной поглядывал в сторону кирпичного карьера, откуда обычно появлялся Чжуншу. При его приближении он кидался навстречу, прыгал, визжал и изо всех сил вилял хвостом. Но и это не могло передать всю меру его восторга. Он бросался на землю, переворачивался, вскакивал, вилял хвостом и снова падал. Вряд ли когда-либо еще Чжуншу удостаивался такого горячего приема. Мне приходилось чуть ли не оттаскивать Малыша в сторону, чтобы муж мог погулять со мной...

Когда всю роту перевели на «центральную усадьбу», Малыш остался на огороде и подкармливался объедками с нашей кухни, которые приносил начальник огородной команды. Но это оказалось очень неудобным, так что пришлось переселить на «усадьбу» и Малыша. Здесь было легче прокормиться — что-нибудь да перепало с кухни, но песик лишился постоянного местожительства. Возвращаясь с огорода, я не знала, где его искать. В роте многие любили собак, но были и такие, которые считали их забавой буржуаз-

ных дам и барышень. Поэтому я старалась не выказывать особой симпатии к Малышу. Однако он вскоре сам разыскал мое жилище, и соседи часто докладывали мне, что Малыш опять приходил в гости. Я была тронута его привязанностью, но могла отблагодарить за нее разве что лишней парой костей. Потом он вознамерился провожать меня на огород. Я запрещала, иной раз даже швыряла в него комками глины. Однажды во время дождя я сидела в сарае. Вдруг раздался визг, в дверной проем влетел Малыш. В радостном возбуждении помахав хвостом, щенок улегся возле меня. Он самостоятельно отыскал дорогу на огород!

...Спустя два или три месяца обнаружилось, что наш щенок — на самом деле барышня, Малышка...

По переезде на «центральную усадьбу» было организовано ночное патрулирование, причем в каждой роте на свой манер. У нас ночь была разбита на четыре дежурства по два часа, начиная с десяти вечера. Пожилых и слабых обычно назначали в первую и последнюю смену. Патрулировали по двое, за исключением первой смены — считалось, что в эту пору достаточно и одного. Привыкшая ложиться поздно, я часто просилась в эту смену. Конкурентов не было. Я надевала казенную шубу, слишком длинную и просторную для меня, брала ручной фонарик и начинала обход. Путь был неблизкий: от северной дороги через киноплощадку к новому огороду, свинарнику и обратно. Через десять минут после отбоя устанавливалась полная тишина, и для одинокого патрульного время текло очень медленно. Но часто я была не одна — подбегала Малышка и, тякнув несколько раз, присоединялась ко мне.

В эти минуты я часто вспоминала котенка по кличке Цветочек, с которым я сдружилась в ту пору, когда в университете Цинхуа проводилась кампания «борьбы против трех зол»!...

Малышка была более смиренной, чем Цветочек, и все время шла рядом, а я вспоминала котенка и все, что было связано с ним. Вскоре мы переехали и больше уже не держали кошек. Буддизм учит нас не дорожить никакими житейскими привязанностями — казалось бы, какое мне дело до принадлежащей школе собачонки? Но она признала во мне хозяйку, и мне было жалко с ней расставаться...

На Новый год в столовой решили угостить нас собачатиной — собачье мясо стоило дешевле свинины. Из окрестных крестьян некоторые любили собак и не хотели их продавать, другие соглашались продать, но не желали убивать; все же наш повар нашел такую семью, которая взялась сделать все, что нужно. По представлениям северян, собачатину нужно долго разваривать на медленном огне и есть с тертым луком — не таким ли блюдом лакомился в «Речных заводах» Лу Чжишэнь? В нашей столовой использовали южный рецепт, предложенный Асян: была приготовлена тушеная собачатина в красном соусе с добавлением лука и имбиря. Я решила попробовать сама и угостила других. Собачье мясо оказалось нежным и довольно жирным, не хуже отборной свинины. А вот Малышка не стала есть собачатины ни в сыром, ни в тушеном виде. Как рассказал поэт Оу, она вырыла ямку и закопала кусок мяса. Я не поверила поэту, как он ни уверял, что сам был свидетелем этой сцены, и приписала эту историю его воображению.

Вдруг разнеслась весть о том, что школе предстоит переезд. Руководство заявило, что собак брать с собой не разрешается. Еще до нашего отъезда на «центральной усадьбе» разместились воинская часть, и мы с Асян пошли просить военных, чтобы они взяли на себя заботу о Малышке. Те ответили, что мы можем не беспокоиться: многие среди них любят живот-

ных. Мы сообщили, что собачку зовут «Малышка Цюй», не вдаваясь в подробности происхождения этого имени.

Отъезд проходил в большой сумятице, и мы в тот день не видели Малышку — видно, она убежала в какой-нибудь дальний угол. После того, как школа обосновалась в Мингане, один из наших отправился на старое место улаживать какие-то дела. Вернувшись, он рассказал, что по словам военных Малышка отказывается принимать пищу, все время бегает и кого-то ищет. Кого? Меня, Чжуншу или всех, кто интересовался ее судьбой? Иные стали жалеть, что мы не последовали примеру других рот и не послушались запрета. Однако всех собак, привезенных в Минган, вскоре прогнали.

Мы с Чжуншу не раз вспоминали Малышку и спрашивали себя: «Где она, что с ней?»

5. Мои приключения. Рассказ об удачливости

Дожди в уезде Сисянь — их не забудет никто из обитателей «школы кадров». Серая пелена обволакивает все вокруг, земля раскисает. Даже земляной пол в комнате становится похожим на густой раствор. Дорожные колеи, которые в солнечные дни становились такими твердыми, что от острых выступов у нас на ногах образовывались волдыри, после первого дождя превращались в жидкую кашу. Ходить было настолько скользко, что даже посох не спасал от падений. Многие из нас, живших в крестьянских домах, покрывались коркой грязи, добираясь до столовой.

Столовая представляла собой крытый соломенными циновками навес. Рядом с ним помещался другой — там хранились повозки и сельскохозяйственные орудия. Мы со своими плшками старались протиснуться по-глухе под навес, где было посуше. Тем же, кто оставался с краю, приходилось не только стоять в грязи, но и мокнуть под дождем. Впрочем, и тем, кто стоял посередине, на голову капало с крыши. После трапезы нужно было добраться, опять-таки по скользкой грязи, до колодца и вымыть посуду. Но хуже всего было, если кто-то на обратном пути падал и разбивал термос с кипятком. На месте купить замену было невозможно, а из Пекина не принимали посылок. Да, в дождливые дни в Сисяне у людей просто опускались руки.

Однажды дождь зарядил на несколько дней. По утрам мы все ходили на занятия, но после полудня предоставлялись самим себе. Многие возвращались в крестьянские фанзы, где они проживали, и занимались кто чем — штопкой, шитьем зимней одежды, писали весточки домой. Я квартировала у помощника бригадира, в доме, который выгодно отличался от прочих. Хотя это была обычная землянка, все же с южной стороны в ней был оконный проем сантиметров тридцать в ширину и сантиметров пятнадцать в высоту. Мы заклеили его тонкой бумагой, которая пропускала свет, но спасала от ветра. Моя постель находилась в самом дальнем и темном углу — вытянешь руку и собственных пальцев не разглядишь. Это место годилось для сна, но днем там сидеть не было никаких сил. Занимать же единственное более или менее светлое место у окна мне было неловко. К тому же я не знала, как быть с заляпанными грязью плащом, штанами и резиновыми сапогами. В один из таких дождливых дней я взяла свой насквозь промокший зонтик и вышла под дождь, опираясь на посох.

Помнится, у себя на родине в Сучжоу я очень любила дождь. В такую пору листья деревьев на заднем дворе нашего дома становились особенно зелеными, а вымощенная камнем мостовая сверкала чистотой. И людям казалось, что у них и душа и тело отмылись от грязи. Но когда шел дождь в Сисяне, мне начинало казаться, что вся я, вместе с костями,

слеплена из мокрой глины. Перемесив много грязи и добравшись до конца деревни, я посмотрела на часы: было всего лишь начало третьего. И тут мне пришла в голову мысль навестить Чжуншу. Я понимала, конечно, что это означает нарушение всех правил, но понадеялась на то, что в такое время не станут устраивать проверок и перекличек. Я решила потихоньку обогнуть столовую и выйти на большую дорогу.

Все окрестные поля перерезали каналы. Сухие в обычное время, в непогоду они заполнялись водой. Перейдя через мостик, я увидела, что дальше пути нет — вода из нескольких канав слилась воедино и образовала целую речку. Но отступить уже не хотелось, да и до дороги было уже недалеко. Осторожно нащупывая путь по краю, где было не так глубоко, я в конце концов выбралась на возвышенное место, зачерпнув при этом немало воды. Убедившись, что охрана за мной не гонится, я зашагала на запад, решив и впредь ходить этим маршрутом.

Быстро идти по размокшей земле было нельзя, каждый раз приходилось нащупывать точку опоры. Из-за налипавшей грязи сапоги становились все тяжелее, а несколько раз я едва не оставила их в грязи. Мало того, невесть откуда взявшиеся комья глины попадали за голенища, мешая ходьбе. Я то и дело перебиралась с одной обочины на другую — казалось, что там гуще трава. Дорога была прямой и ровной, но там, где изготовляли кирпич, на ней образовались глубокие ямы. Я вспомнила, что когда рыли колодец на нашем огороде и мы с Асян возили людям обед, ей доставляло немало труда вытаскивать из этих ям свою тачку. После затяжных дождей эти ямы превратились в настоящий пруд с довольно прозрачной водой. Посредине проходило что-то вроде перемычки. Я сделала шаг и сразу же глубоко увязла. Оказалось, что это след проехавшей здесь повозки. Но пройдя такой нелегкий путь, я уже не хотела возвращаться не солоно хлебавши. Однако двигаясь со всей осторожностью, я все-таки преодолела водную преграду.

Но эта преграда оказалась не последней. Когда мне уже стал виден ряд крытых черепицей домиков, в последнем из которых обитал Чжуншу, выяснилось, что протекавшая перед ними речка разлилась на два с лишним метра, а мостик через нее сорвало течением. Я долго стояла в нерешительности. Под сеткой дождя земля и небо слились воедино, кругом не было видно ни единой живой души. Я вдруг подумала, что если кто-нибудь выйдет из дома и увидит меня, я стану общим посмешищем. Пришлось повернуть и месить грязь в обратном направлении.

Вдруг там, где речка огибала небольшую возвышенность с заброшенной гончарной печью на ней, я заметила крошечный островок и решила попробовать, не поможет ли он мне все же перебраться на ту сторону. Потрогала палкой — почва оказалась достаточно твердой. Это была удача. И хотя дальше путь преграждали груды камней, я, скользя и спотыкаясь, добралась-таки до дверей дома Чжуншу.

Мое появление заставило его вздрогнуть:

— Как ты сюда попала? И зачем?!

— Тебя навестить пришла! — отвечала с улыбкой.

Встревоженный Чжуншу стал укорять меня за неосторожность и торопить домой. Да и я не рискнула задерживаться — посмотрев на часы, я поняла, что затратила на дорогу чуть ли не втрое против обычного времени. К тому же стало темнеть, я могла попасть в яму при переправе через пруд, или островок мог исчезнуть под водой...

На мое счастье объявился попутчик, направлявшийся по делам в «центральную усадьбу». Мое сообщение о том, что смыло мостик через речку,

его не смутило — он знал другую дорогу. Чжуншу облачился в сапоги, раскрыл зонт и пошел проводить меня до гончарной печи. Там мы все расстались, но дальнейший путь был мне знаком и требовалась лишь достаточная осмотрительность. До столовой я добралась уже затемно. Время ужина прошло, но там еще горела лампа и слышались голоса. Я поворовски прокралась мимо столовой и самым быстрым шагом направилась к своей фанзе.

Не помню, досталось ли мне в тот вечер хотя бы пол-лепешки или пришлось ложиться на пустой желудок. Меня переполняло сознание удачи: я не упала в реку, не завязла в грязи, не перемазалась, меня не схватили надзиратели. Даже соседи по дому не заметили в моем поведении ничего необычного.

С наступлением зимы нас переселили в построенные нами самими дома. Военно-пропагандистский отряд решил дать нам возможность как следует встретить Новый год и вкусно поесть, чтобы отвлечь от тоски по родному дому.

Институт зарубежной литературы в свое время выделился из Института литературы, где работали «старик» некоторых женщин из нашей роты («стариками» мы звали своих мужей, независимо от возраста). Командование нашей роты разрешило пригласить их на новогодний ужин. Мастера кулинарного дела из нашей столовой продемонстрировали все, на что способны: стол украшали копченая рыба, маринованная курица, свинина в красном соусе и говядина с острой подливкой. Хороши были и овощные салаты. Чжуншу пировал вместе с нашей командой овощеводов. Мне вспомнилось, что когда Чжуншу исполнилось шестьдесят, мы решили заодно отметить и мое шестидесятилетие по старому способу подсчета возраста³. Но нам на двоих досталась лишь коробка куриных консервов. Да и то я считалась в отпуске и потому получала пищу лишь два раза в день, в другие часы, нежели муж. А сейчас была и отличная еда, и хорошее вино; даже мы, непьющие, чувствовали себя навеселе наравне с другими.

После трапезы я пошла проводить Чжуншу, но на полпути — у того моста, с которого в речку свалился трактор, — он велел мне идти обратно. Я не послушалась: недавно прошел снегопад, дорожки замело и близорукий Чжуншу мог заблудиться (он никогда не мог запомнить дороги).

Снежная пелена застлала все кругом. Я шла, стараясь запоминать любые приметы — группы деревьев, кустарник, расположение ветвей, наклоны и подъемы, — которые помогли бы на обратном пути не сбиться с дороги и не попасть в засыпанные под снегом полные грязи канавы.

В комнате Чжуншу уже светила лампа. Чтобы не опоздать к отбою, я поспешила распрощаться. Один молодой человек вызвался проводить меня, но мне стало жалко заставлять его в новогодний вечер покидать теплую комнату, и я сказала, что сама найду дорогу. А начавшего беспокоиться Чжуншу успокоила — мол, у меня с собой хороший ручной фонарик, да и путь знакомый. На самом деле я обычно ходила совсем другой дорогой, через дамбу. Кроме того, сюда мы шли на свет, а теперь мне предстояло идти среди полной темноты. Чжуншу все же вышел со мной, но через несколько шагов я убедила его вернуться.

Прежде всего мне предстояло определить направление, которому я должна была следовать, а это, по мнению многих, дается женщинам с трудом. В какой-то книге, помнится, есть фраза: женщины и куры, выйдя за ворота, сразу теряют дорогу. Может, это и звучит оскорблением по отношению к женскому полу, но я-то уж точно отношусь к тем животным, у которых не развита способность к ориентации. Со мной часто бывает, как с тем

поэтом, что писал: «Покинул я город, поехал на юг — на севере вдруг очутился». Чжуншу не может запомнить дороги, но с его помощью я могу хотя бы разобраться, где восток, где запад. Сейчас мне нужно было сделать это самой.

Я помнила, что мне нужно было сначала идти на юго-запад, потом вдоль леса на запад, около группы деревьев свернуть на юг и потом идти прямо через мост. Но стоило мне отойти от освещенного окна, как воцарилась тьма. Беззвездное небо, белая земля, различимые лишь с помощью фонаря очертания деревьев. Я подождала, пока глаза привыкнут к темноте, но это не помогло — продолжение тропинки я так и не нашла. Мелькнула было мысль вернуться и позвать сопровождающего, но я опять пожалела человека, тем более, что в такой темноте он вряд ли смог бы помочь.

В надежде, что по выходе из дому я взяла правильный курс, я очертя голову шагнула в царство тьмы. Боясь углубиться в лес, я стала забирать влево. Под покровом снега таилась незамерзшая грязь, но в ней часто попадались опавшие ветки, пучки травы, обрывки веревок, поэтому идти было не так скользко. Через некоторое время я обернулась — освещенных окон уже не было видно. Вдруг я ощутила под ногой пустоту и, понятно, перепугалась. Но в следующую секунду испуг сменился радостью — я догадалась, что попала в довольно широкую канаву, проходившую рядом с дорогой. Найдя удобное место, я выбралась из канавы и смело зашагала по знакомой дороге.

Теперь главное было не пропустить поворот на юг, чтобы не попасть в деревню, расположенную за «центральной усадьбой». Но сейчас я не могла разглядеть ни одного из тех ориентиров, которые так старательно запоминала по пути сюда: стволы деревьев еще угадывались, но ветвей не было видно совсем. Самое опасное было пропустить мост — за ним начинались поля, в которых я могла заблудиться до утра. Поэтому я свернула к первой же замеченной мною группе деревьев. Пройдя несколько шагов, я обнаружила вокруг себя сухие стебли гаоляна, но упрямо продолжала идти на юг. Рано или поздно должна была попасться речка, а на ней рано или поздно встретиться и мост.

Мне приходилось слышать, что на полях гаоляна по ночам прячутся злоумышленники; кроме того, я боялась, что сбегутся бездомные псы. Это заставляло меня проявлять максимум осторожности, и я не решилась включить фонарик. Не помню, сколько времени я брела ощупью, пока не наткнулась на дорогу, за которой возвышалась насыпь. Я добралась до речки! Но я не могла понять, в какой стороне мост. Если слева, то следовало продолжать идти налево до тех пор, пока я не обогну «центральную усадьбу» и не смогу перебраться на другой берег. Мне предстояло идти мимо заброшенной гончарной печи, где по слухам недавно повесился один из курсантов. К счастью, я уже была не такой трусихой, как прежде, а то умерла бы со страху, проходя мимо мест, где утонул один человек и повесился другой. Но, как я угадала, мост оказался справа от меня — я свернула с большой дороги слишком рано. И хотя от моста до моего дома был еще порядочный отрезок пути, я пролетела его как на крыльях.

Меня встретили улыбающиеся лица соседей по комнате. «Ну, как прогулялась?» — спросили они таким тоном, будто я выходила пройтись вокруг дома. Где им, сидевшим в светлом помещении, было представить иной, темный мир за его стенами!

Весной 1971 года произошло «большое переселение» — «школа кадров» Отделения общественных наук из Цисяна переехала в Минган и разместилась в казармах одного из армейских полков. Изменились и задачи школы —

вместо трудовой деятельности главной стала учеба (видимо, имелось в виду учить нас вести классовую борьбу).

Одним из видов учебы считался просмотр кинокартин. Ходить в кино было так же обязательно, как и на классные занятия (один Чжуншу получил освобождение из-за плохого зрения). В отведенные для сеансов вечера мы после ужина забирали раскладные стулья и поротно строем шли на плац, где каждой роте был отведен определенный участок. После дождя приходилось ставить стулья прямо в лужи, а с наступлением жары нас стали одолевать полчища комаров. Правда, по этому предмету нам не нужно было сдавать экзамен, так что я нередко закрывала глаза и дремала. Следует, однако, учесть, что нам показывали все те же несколько фильмов, поэтому всегда оставалась возможность досмотреть пропущенные части на следующих показах. За просмотрами следовали обсуждения, но поскольку в нашей комнате жило тридцать человек, всегда находились желающие поговорить. Я могла помалкивать, не обнаруживая пробелы в своих познаниях.

Однажды после сеанса мы строем возвращались в казармы. Я шла, задумавшись о чем-то, и видела лишь пятки идущих впереди. Вдруг я словно бы очнулась и увидела себя стоящей в коридоре какой-то незнакомой казармы. Я выбежала на улицу, но из маршировавших рядом со мной почти никого не осталось, на мои расспросы никто толком ответить не мог. Ментально все разошлись по своим комнатам, и я осталась одна, как на чужбине, не имея понятия, где искать свою казарму.

Я взглянула на небосвод. Все знакомые мне созвездия находились на непривычных местах, так что определить направления мне не удалось. Все же я почувствовала, что нахожусь где-то вдали от места ночлега. Территория военного городка была очень большой, казармы совершенно одинаковой постройки тянулись ряд за рядом. Их соединяла запутанная сеть дорожек. Сейчас окна светились огнями, но я подумала, что пока буду обходить казармы одну за другой, дадут сигнал отбоя и мне придется еще труднее. Оставался один способ: отыскать мощенную булыжником дорогу, неподалеку от которой, как я помнила, располагались и плац и моя казарма. Так будет, быть может, и дальше, но зато надежнее и удобнее. Да и найти дорогу казалось нетрудным: она на южной стороне, значит, надо повернуться спиной к Полярной звезде и идти прямо.

Боясь опоздать к отбою, я шла, не придерживаясь дорожек, и неожиданно очутилась на гарнизонном огороде. Он мало чем напоминал наш огород в Сисяне. Земля здесь была плодородная и овощи росли так густо, что нельзя было различить грядки. Мне было известно, что между грядками здесь располагались глубокие колодцы для хранения естественных удобрений. Не так давно, также возвращаясь с сеанса, в такой колодец угодила один из курсантов и потом долго отмывался холодной водой в нашей «туалетной комнате». Дрожа от холода, он потихоньку пробрался на свое место, стараясь не привлекать внимания. Но мне нечего было опасаться холодного купания — я сама ни за что бы не выбралась, а крики мои вряд ли бы кто услышал.

Поскольку мы здесь ходили строем, мне не нужен был фонарик, и я забыла сменить батарейку. Теперь он еле светил, я даже не могла разглядеть, какие овощи росли вокруг. Я вспомнила было, как Чжу Бацзе⁴ перебирался через ледяное поле с трещинами, держа наперевес коромысло. Вместо коромысла я могла использовать раскладной стул, держа его поперек. Однако если бы он и задержал мое падение, то ненадолго, а рассчитывать на скорую выручку не приходилось. Я отогнала от себя тревож-

ные мысли и стала со всей осторожностью продвигаться вперед, отодвигая ногами листья и подсвечивая фонарем. Наконец, грядки кончились, но за дорожкой меня ждал следующий огород. Я шла и шла, как в беспокойном сне, когда все время что-то мешает добраться до цели.

Слава богу, направление было взято мною верно. Огороды кончились, и я, минуя склад с угольной крошкой, через груды камней и заросли травы выбралась-таки на мощеную дорогу. Я устремилась вперед, переходя с быстрого шага на бег, и еле дыша вбежала в свою казарму. Свет в комнатах еще горел — последние соседи заканчивали вечерний туалет. Значит, я блуждала по огородам не более двадцати минут, а показалось, что так долго... Я сделала вид, будто иду из уборной и никто не заметил, что я потеряла свое место в строю. Интересно, через какое время нашли бы меня, упавши я в колодец с удобрениями? Теперь, лежа на своей прочной, хотя жесткой и узкой постели, я испытывала чувство безопасности и покоя.

Один из моих коллег, года на два моложе меня, во время киносеанса почувствовал себя плохо. Едва зажгли свет, он упал и перестал двигаться. Врачебная помощь запоздала, и он умер от инсульта. После этого пожилым разрешили не посещать кино. Я подумала: «А если в тот вечер, попав в чужую казарму, я стала бы громко звать о помощи, нас пораньше освободили бы от обязательного кино? Или бы меня стали бы прорабатывать как нарушительницу дисциплины?»

Рассказанные мною случаи вроде бы не представляют собой ничего особенного, да и закончились они благополучно, но при менее благоприятном стечении обстоятельств исход был бы совсем иной.

6. Ложные сведения. Рассказ о мечтаниях

Когда я снимала угол в деревне Янцунь, хозяйская кошка сыграла со мной злую шутку. По вечерам мы зажигали масляный светильник, висевший на стене возле двери. Моя кровать стояла в дальнем, самом темном углу. Однажды вечером после того, как мы с соседями по комнате совершили возле колодца вечерний туалет, я вернулась и вдруг обнаружила на своей кровати два темных предмета. У меня хватило сообразительности не трогать ничего руками, а сначала зажечь ручной фонарик. Один предмет оказался окровавленной мертвой крысой с распоротым животом, рядом валялись ее розовые внутренности. Никто из нас не решился притронуться к останкам. Пришлось осторожно убрать подушку и одеяла, потом взять простыню за четыре угла и вытряхнуть содержимое за ограду — туда, где складывали органические удобрения. На следующее утро я спозаранку занялась стиркой простыни. Ведро за ведром я подносила воду из колодца, оттирала пятна, полоскала, сушила и снова полоскала, но кровавые следы не исчезали.

Я пожаловалась на свои неприятности Чжуншу — мол, кошка «угостила» меня дохлой крысой. В ответ раздались успокоительные слова: «Наверное, ты скоро расстанешься с этими местами. Ведь раз труп крысы и внутренности лежали отдельно, значит, предстоит «отделение», отъезд. А слова «крыса» и «место» в южном произношении звучат очень похоже — стало быть, речь идет об отъезде из этих мест». Но словесные ухищрения, заимствованные у специалистов по толкованию снов, не могли придать мне бодрости.

И все-таки в конце года Чжуншу принес мне на огород неожиданную весть. Часто бывая на почте, он помогал тамошним работникам читать неразборчивые надписи на конвертах, разыскивать малоизвестные геогра-

фические пункты. За это его ценили и нередко потчевали чаем. Вообще в тех местах «чаем» называли обычный кипяток, но ему давали настоящий настой чайных листьев. И вот почтовый работник по секрету рассказал ему, что из Пекина в адрес руководства «школы кадров» Отделения общественных наук пришла телеграмма, предлагающая возвратить в столицу группу «престарелых, ослабленных и больных». В списке «престарелых и ослабленных» есть и его, Чжуншу, имя.

Я была вне себя от радости. Ведь если муж вернется в Пекин и станет жить вместе с нашей дочерью Аюань, мне будет спокойно на душе. Кроме того, я смогу раз в год навещать родных (если и муж, и жена находились в «школе кадров», они такого права не имели).

Спустя несколько дней, он, возвращаясь с почты, вопреки правилам прямо пошел ко мне и сказал, что по дошедшим до него сведениям список «престарелых, ослабевших и больных» уже утвержден и что он в нем фигурирует.

Я уже приготовилась укладывать его вещи, ожидая лишь официального объявления даты отъезда. Через несколько дней Чжуншу пришел снова, вид у него был довольно спокойный. Я спросила:

— Что, список еще не опубликован?

— Опубликован. Моего имени в нем нет.

Чжуншу перечислил имена всех, кому разрешено уехать. Сердце мое как будто опускалось все ниже и ниже. Не будь той ложной вести, не возникла бы надежда, не было бы разочарования, не болела бы душа.

Я проводила мужа до речки и пошла обратно в свой сарай, то и дело оглядываясь на его уменьшавшийся силуэт.

Неужели он моложе и здоровее, чем другие? Повторяя про себя строки стихотворения Хань Юя «В день осеннего полнолуния дарю советнику Чжану»⁵, я предавалась грустным размышлениям.

Мне сразу стало очевидно что во всем виноват «черный материал», хранящийся в досье Чжуншу, о существовании которого мы никогда и не знали бы, если бы не «великая культурная революция». В самом начале кампании в Отделении общественных наук на стене появилась «дацзыбао» за подписью нескольких лиц, в которой Чжуншу поносили за то, что он якобы пренебрежительно отзывался о сочинениях вождя. Все, кто мало-мальски знал Чжуншу, прочтя «дацзыбао», говорили, что он не мог сказать приписываемых ему слов: он нашел бы способ выразиться поостроумнее. Когда мне рассказали о «дацзыбао», я пришла в гнев. Ведь если, согласно поговорке, «ловить ветер и гоняться за тенью», все же должны быть ветер и тень, а тут хотят погубить человека на основании чистой выдумки. Когда нас отпустили домой из «коровников»⁶, я рассказала о случившемся Чжуншу, и мы вместе сочинили прокламацию, в которой изложили свои контраргументы и настаивали на проведении досконального расследования. Наскоро поужинав, мы запаслись клеем и ручным фонариком, пробрались в здание Отделения и наклеили наш листок прямо под той «дацзыбао».

На следующий день мне за это крепко досталось, но все же удалось выяснить, что авторы «дацзыбао» не сами выдумали крамольные слова, приписывавшиеся Чжуншу, а основывались на старом доносе. Видимо, этот донос в свое время без какой-либо проверки был положен в досье Чжуншу. Хунвэйбины начали расследование, но как ни старались, ничего доказать не смогли, тем более что предполагаемый сочинитель доноса от него отрекся. Но когда Чжуншу предстояло отправиться в «школу кадров», в военно-пропагандистском отряде к доносу отнесли со всей серьез-

ностью — мол, хотя ничего и не доказано, но все равно дыма без огня не бывает. Мужу было приказано заняться саморазоблачением. Понадобилось его литературное мастерство, чтобы раскритиковать себя по всем статьям и не признаться ни в чем.

Я долго не могла успокоиться, и когда через несколько дней Чжуншу вновь появился на моем огороде, я сказала: «Могу поклясться, что вся беда в том «черном материале» — доносе». Он назвал меня занудой и сказал, что нет смысла искать корень бед, когда все уже решено. С «занудой» я согласилась, с напрасными надеждами постаралась распрощаться, но сделать это оказалось непросто.

В день отъезда в Пекин «престарелых и больных» мы с раннего утра высыпали на плац. Нужно ли объяснять, с каким чувством провожают уезжающих домой те, кто вынужден оставаться на чужбине! Я провожала глазами грузовики, отвозившие амнистированных и их вещи, пока приятельница не взяла меня за рукав и не отвела в барак. Там мы молча повздыхали и разошлись по своим комнатам.

Итак, престарелые, слабые и больные уехали, значит, оставшимся надо оставить пустые надежды и готовиться провести в школе остаток своих дней. Я поплелась на свой огород, но тут мне в голову пришла мысль: а ведь если бы Чжуншу удалось уехать, я наверняка перестала бы чувствовать себя одной из «наших». Оставаясь в школе, я душой была бы далеко-далеко и невольно начала бы отделяться от «наших». Мне вспомнилось, как накануне Освобождения многие спешили уехать в другие страны. У нас тоже был выбор, но мы остались. Почему? Из-за высокой сознательности, прогрессивного образа мыслей? Чжуншу любил повторять строку из романа Лю Юна⁷: «Становятся все свободней мои халат и пояс, но я ни о чем не жалею, ведь я худею и чахну из-за тебя!» Вот и мы не хотели расставаться с родиной, с «нашими», как поэт не мог расстаться с «ней». Пусть среди сотен миллионов «наших», мы знали лишь немногих — все равно мы ощущали себя неотделимой частицей всех «нас», дышали с ними одним воздухом, страдали от одних и тех же бед. И мне стало совестно, что, поверив слухам, я предалась иллюзиям, стала думать только о том, что муж встретится с дочерью и им будет хорошо, а про своих товарищей забыла напрочь. Уж как нас перевоспитывали после 1949 года, в скольких котлах варили! А получается, что раньше я была лучше, чем теперь.

Пришел Чжуншу, и я спросила, указывая на свой шалаш:

— Если бы нам сказали: если хотите, можете жить здесь, что бы ты ответил?

Чжуншу всерьез задумался, потом сказал, покачав головой:

— Здесь нет книг...

Верно, можно обойтись без любых материальных благ, но трудно жить без книг. А у него в чемодане был лишь словарь иероглифов, записная книжка и несколько эстампов каллиграфических надписей.

Я задала второй вопрос:

— Ты не раскaiиваешься, что тогда не уехал за границу?

— Время течет, но я остаюсь прежним, — ответил он.

Чжуншу всегда принимал решения моментально, как будто не думая, и никогда не отступал назад. Я же долго размышляла, прикидывала в уме возможные последствия, и тем не менее наш выбор всегда оказывался одинаковым. И коль скоро выбор был сделан нами самими, причем сознательно, не вслепую, нам оставалось лишь забыть об иллюзиях и делать то, что выпало на нашу долю.

Когда школа перебралась в Минган, произошли некоторые изменения.

Теперь между нашими с Чжуншу общежитиями стояло лишь несколько домов — за пять-шесть минут мы могли добраться друг до друга. В общежитиях были черепичные крыши, цементные полы и застекленные окна, нам уже не приходилось выстраиваться в очередь в «туалет» из тростниковых циновок. Кормили здесь лучше, чем в столовой нашего Отделения, да и Аюань то и дело присылала из Пекина продукты. В комнатах стало просторнее, можно было достать из чемоданов хотя бы немногие имевшиеся книги и письменные принадлежности. Дочь стала присылать нам литературу на иностранных языках, другие также получали посылки, и можно было потихоньку обмениваться книгами и с удовольствием перечитывать знакомые страницы. Места вокруг были тихие, уединенные, так что нетрудно было найти подходящие маршруты для прогулок, а гулять вдвоем было куда приятнее, чем встречаться на огороде. Нас не загружали ни физической, ни умственной работой, и было неловко получать жалованье, ничего не делая. Но еще больнее было смотреть, как молодые, здоровые люди целыми днями производят речи, не занимаясь никаким полезным трудом.

В «школе» фактически не велось никакой работы, но покидать ее было нельзя. До железнодорожной станции можно было добраться пешком за час с небольшим, но без справки от военно-пропагандистского отряда билетов не продавали. Случилось так, что у Чжуншу разболелись зубы, а у меня стало плохо с глазами. Мы одновременно испросили разрешение и поехали лечиться в близлежащий город Синьян. В тамошней больнице изобрели новый метод «удаления зубов с проверкой пульса»: вам проверяют пульс и тут же выдергивают зуб. Пациенты, не желая испытывать на себе это новшество, разбежались, а за ними последовали и мы с Чжуншу. Взамен мы решили осмотреть какую-то достопримечательность (забыли ее название). Мы обнаружили насыпной холм, полувывсохший пруд с полуразрушенным мостом и плантацию лекарственных растений на склоне холма. Настроение у нас было как нельзя лучше — ведь мы на целый день вырвались из школы. Потом я снова съездила в Синьян — оказалось, что у меня повреждены слезные протоки. Нужно было ехать лечиться в Пекин, но военно-пропагандистский отряд наотрез отказал в разрешении на отпуск. Более того, оказалось, что без специального направления от Отделения меня даже не записали бы к врачу. Видимо, такой порядок был введен для того, чтобы никто не смог под предлогом лечения задержаться в столице.

И все же мне повезло — разрешение было получено, а когда курс лечения закончился, я приехала в школу вместе с Аюань, чтобы она смогла повидать отца. Мы были уверены, что он встретит нас на вокзале, но его там не оказалось. Не встретился он и по дороге в школу. Только там я узнала от общих знакомых, что после моего отъезда он разболелся — приступы астмы, высокая температура. Лекарские познания медработницы его роты не дотягивали даже до уровня «босоногого врача»; она сама призналась мне, что впервые в жизни делала укол в вену и от волнения забыла снять жгут с руки Чжуншу. Все же сделанные ею два укола возымели действие, и к нашему приезду температура у мужа спала. После этого медработница не раз напускала на себя комически важный вид и повторяла: «Господин Цянь, не забывайте, что я ваша спасительница!» И в самом деле — если бы она не захотела или не посмела сделать уколы, его пришлось бы везти в какое-то другое место, и бог знает, чем бы это кончилось.

Приезд дочери принес нам немалое облегчение. Но люди вокруг нас продолжали испытывать беспокойство — им нечем было заняться, они не знали, что их ждет. С тех пор, как пришло известие о том, что Линь Бяо

«сыграл в ящик», борьба против так называемой «группы 16 мая» в «школе» прекратилась. Но даже те, кого по возрасту или состоянию здоровья вернули в Пекин, не занимались своим делом, а лишь ходили на митинги и политзанятия.

Верно говорят, что наши надежды в конце концов обычно сбываются, рано или поздно, но уже не приносят ожидаемой радости. В марте 1972 года было объявлено об отправке в Пекин второй группы пожилых и больных; на сей раз в списке значились и я, и Чжуншу. Мне больше хотелось уехать вместе со всеми курсантами, но раз образовалась вторая группа, значит, будут третья, четвертая... Да и остающиеся искренне радовались за нас — даже устроили нам проводы. Мы полакомились клецками в бульоне и пельменями с начинкой из мяса и дикорастущих трав. Приготовить все это оказалось возможным потому, что в общежитии еще оставались жаровни, обогревавшие нас зимой. Словом, остающиеся отнеслись к нам куда лучше, чем я к тем, кто уезжал в прошлом году. Мне было совестно, но я ничего не могла поделать со своим эгоизмом — я радовалась отъезду. Полтора десятка лет меня перевоспитывали, два года я провела в «школе», и все равно никакого прогресса. Я осталась такой, какой была.

С тех пор прошло восемь лет, но каждое, самое незначительное событие тех времен у меня перед глазами. То был неординарный жизненный опыт, и мне захотелось поделиться им с читателями.

Перевод В. СОРОКИНА

Окончание. Начало см. «Проблемы Дальнего Востока», № 2 за 1987 г.

* Многие китайские иероглифы имеют не одно, а несколько чтений. Тот, о котором идет речь, в значении «район» читается «цзюй», а как фамильный знак — «оу».

¹ «Борьба против трех зол» — проводившаяся зимой 1951/52 гг. в партии, государственных учреждениях и массовых организациях кампания борьбы против коррупции, расточительства и бюрократизма.

² Военно-пропагандистские отряды — группы военнослужащих, направлявшиеся в «школы кадров» для руководства «работой по перевоспитанию».

³ В старом Китае ребенку со дня рождения уже считался год.

⁴ Чжу Бацзе — волшебный боров, персонаж знаменитого фантастического романа «Путешествие на Запад» (XVI в.).

⁵ Хан Юй (768—824) — знаменитый литератор и мыслитель эпохи Тан. Упомянутое стихотворение обращено к другу, находившемуся в опале и даже после амнистии лишенному возможности вернуться в столицу.

⁶ «Коровниками» в просторечии называли помещения, куда в начале «культурной революции» незаконно заточали кадровых работников, интеллигентов и т. п.

⁷ Лю Юн — известный поэт, живший в X в.

*В. П. ЗИМОНИН,
кандидат исторических наук*

*Ю. М. ЩЕБЕНЬКОВ,
участник кампании Советских
войск на Дальнем Востоке*

Войны всегда были страшным бедствием для человечества в целом и для миллионов конкретных людей. Неисчислимый урон нанесла вторая мировая война хотя бы тем, что после нее остались сотни тысяч детей-сирот. В любой стране средства массовой информации, исходя из принципов гуманизма, стремились облегчить судьбу сирот, помочь им найти родственников. Не являются исключением и печать, радио и телевидение Японии. После восстановления японо-китайских дипломатических отношений в Японию стали приезжать многочисленные группы лиц японской национальности, постоянно проживающих в Китае. В годы второй мировой войны они находились с родителями в Китае и во время боевых действий потеряли близких. Воспитывались они либо приемными родителями-китайцами, либо в китайских детских домах.

Японская печать называет их «сиротами», хотя сейчас им уже под пятьдесят. Естественен доброжелательный интерес, который вызвали в Японии репортажи о встречах после многих лет разлуки детей с родителями, братьев и сестер. Но в этих репортажах умалчивается о том, как попали японские дети в Китай, а вопрос этот имеет принципиальное значение.

После захвата Маньчжурии в начале 30-х гг. японские милитаристы начали планомерную колонизацию китайских территорий. По составленному в 1936 г. плану через 20 лет предполагалось на 50 млн. жителей Маньчжурии иметь 5 млн. японских колонистов. К 1945 г. в Маньчжурии уже насчитывалось около 1 млн. японских переселенцев. Мужчины расценивались как резерв для формирования частей Квантунской армии. Закрепление колонистов сопровождалось массовым изгнанием китайских крестьян с их исконных земель. Именно поэтому так много японских детей оказалось в годы войны в Китае.

Сейчас те, кто контролирует японские средства массовой информации, забывают об этих фактах и, видимо, не без умысла, организуют «свидетельства» сирот, в которых звучат грубые антисоветские мотивы, фальсифицируются эпизоды прошедшей войны. Они пытаются убедить японцев в том, что сироты будто бы появились в результате «зверств», якобы чинившихся на территории Маньчжурии «жестокими» русскими солдатами в августе 1945 г.

Так, прошлой осенью во время пребывания в Японии очередной партии «сирот», пятеро из них были представлены японским читателям и телезрителям в качестве «очевидцев расправы» советских войск над «мирными» японскими беженцами в местечке Гэгэньмяо. Некто Такатоси Кояма, которому в августе 1945 г. было всего около четырех лет, на широко освещавшихся

телевидением пресс-конференциях и специально организованных панихидах по родителям, погибшим у Гэгэньмяо, с поражающими подробностями заученно описывал «рев танков», «треск пулеметов» и другие «ужасы» пресловутого «инцидента». В интерпретации агентства «Киодо цусин» этот «инцидент» изложен так: 18 августа 1945 г. в районе поселка Гэгэньмяо наступавшая советская танковая часть неожиданно натолкнулась на колонну японских беженцев, состоявшую примерно из 1200 человек, преимущественно женщин и детей, и будто бы обрушилась на нее всей своей мощью. Почти все беженцы были якобы уничтожены пулеметным огнем или раздавлены гусеницами.

Такого рода рассказы «сирот» подхватили крупнейшие японские газеты. В дни пребывания «сирот» в Японии в них печатались рассказы «очевидцев» с измышлениями о «жестокостях» советских солдат, о советских самолетах, будто бы расстреливавших колонны японских беженцев с малых высот, о «горах трупов» и другими пугающими подробностями...

Нашелся даже художник, попытавшийся «увековечить» на холсте «воспоминания» о «трагедии Гэгэньмяо». Его полотна, для которых он не пожалел красок кровавых тонов, неоднократно демонстрировало телевидение.

Вполне очевидно, что объектом этой клеветнической кампании является в первую очередь молодое поколение, неискушенное в истории минувшей войны.

Делается недостойная попытка опорочить добрую славу советского воина, выполнявшего благородную освободительную миссию на Дальнем Востоке в августе 1945 г., и поставить нашего солдата в один ряд с солдатом японской императорской армии с его слепым фанатизмом и культом жестокости, прививавшимися ему милитаристской пропагандой с самого раннего возраста.

Исторические факты убедительно свидетельствуют против всех утверждений, злонамеренно вложенных в уста «сирот».

Фашистские захватчики, вторгшиеся на советскую землю летом 1941 г., несли с собой смерть и разрушения, горе и страдания миллионам советских людей. Однако когда советский воин погнал фашистские орды назад, к границам Германии, он вступил на немецкую землю не как мститель, жаждущий возмездия, а как интернационалист, освободитель народов от коричневой чумы фашизма.

Убедительным примером могут служить известные всему миру кадры документальной кинохроники, в которых отражались подлинные события завершающих боев за Берлин. В те дни советские воины шаг за шагом теснили бешено сопротивлявшегося фашистского зверя и в то же время бескорыстно делились своей нехитрой солдатской пищей с голодными берлинцами, в первую очередь с детьми, хотя, быть может, их родители стреляли в этих солдат из окон и подвалов соседних домов.

У советского человека никогда не поднимется рука, чтобы причинить какой-либо вред ребенку, кто бы ни были его родители. Это незыблемый закон советского общества, результат интернационалистического воспитания всех поколений советских людей.

Коммунистическая партия, советское военное командование всегда требовали от советских воинов высоко держать знамя пролетарского интернационализма. Так, в обращении Военного совета 1-го Дальневосточного фронта к личному составу войск фронта перед началом боевых действий указывалось: «Воин Красной Армии! Тебя знают на Западе как освободителя, таким тебя должны знать и на Востоке — в Китае, в Маньчжурии и Кореи»¹.

В обращениях советского военного командования к японским гражданам,

проживавшим в то время в Маньчжурии, указывалось, что Красная Армия с мирным населением не воюет и что тот, кто не выступает с оружием в руках против неё, может быть спокоен за свою жизнь и имущество².

Какие же события в действительности происходили в середине августа 1945 г. у поселка Гэгэньмяо?

Поселок Гэгэньмяо и железнодорожная станция того же названия, расположенные на железной дороге Халун-Аршан — Байчэн в западной части Маньчжурии, находились в полосе наступления войск 39-й армии Забайкальского фронта, которой командовал Герой Советского Союза генерал-полковник И. И. Людников. Передовые отряды стрелковых корпусов 39-й армии, преодолев неприступные кручи Большого Хингана, на четвертый день операции вышли на простор Маньчжурской равнины и стали развивать наступление в юго-западном направлении.

Как отмечалось в донесениях политотдела армии, местное население — китайцы и монголы — радушно встречало наступающие части 39-й армии. Жители выносили бойцам воду, овощи, угощали табаком, охотно оказывали помощь при вытаскивании застрявших автомашин и т. д. Китайские железнодорожные рабочие, служащие, инженерно-технические работники оставались на своих местах и сотрудничали с советскими войсками в восстановлении пути и движения³.

В одном из документов того времени, хранящемся ныне в архиве, имеется сообщение о том, что в полосе наступления 39-й армии находилось японское сельскохозяйственное поселение — колония «Токио», — в котором насчитывалось 400—500 японских колонистов. Большинство из них переселилось в те места в 1944 г. из Токио и его окрестностей. Возглавлял колонию некто Ямадзакки Синьити, бывший владелец магазина. При создании этой колонии было занято несколько китайских деревень. Их население было частично изгнано, частично «уплотнено», а освободившиеся жилища и земля отданы японским колонистам.

О режиме, насаждавшемся японцами в том районе, свидетельствует целый ряд архивных документов. К примеру, в одном из донесений начальника политотдела 39-й армии отмечалось: «Фактическими хозяевами Маньчжурии являлись японцы, которые совсем не считались с потребностями монголов и китайцев... Особо большое недовольство японцами у аратов вызывала насильственная их эвакуация»⁴.

Почти все жители колонии «Токио», узнав о наступлении Красной Армии, поспешно бежали в горы. По показаниям задержанных японцев, многие колонисты, в том числе женщины с детьми, страшась возмездия за свое хозяйничанье в Маньчжурии, покончили жизнь самоубийством. Вот лишь одна выдержка из многих политдонесений о поведении японцев в районах боевых действий. «При приближении Красной Армии японцы не только угоняют японское население, но и заставляют матерей убивать своих детей. Японка Ямамото Харуко, жена чиновника городского управления по снабжению населения города Фуцзин продовольствием и промтоварами, на допросе показала: «9 августа над городом Фуцзин появились самолеты неяпонского типа. Сначала многие думали, что самолеты — английского или американского происхождения, но затем убедились, что это советские самолеты. Японцы, главным образом женщины, побросав вещи, ушли в направлении на Цзямусы. Многие японки дорогой душили и убивали детей, а трупы сбрасывали в реку. Я с двумя детьми — с годовалым и пятилетним — шла с группой японцев и японок. Мне тоже предложили убить детей, но я отказалась это сделать». Говоря о причинах бегства японцев из Фуцзина, Ямамото повторила клеветническую пропаганду япон-

ских захватчиков о том, что Красная Армия якобы хочет уничтожить всех японцев из мирного населения. Другая допрошенная японка, Мацуда Йото, убила своего семилетнего сына. Так японские фанатики заставляют своих женщин убивать детей»⁵.

В одном из боевых донесений от 14 августа, полученном штабом 39-й армии, приводился следующий факт: «На участке 19-й гвардейской стрелковой дивизии японские части, отходящие из Халун-Аршанского укрепрайона в юго-восточном направлении, пытаются пробиться на Солунь, предпринимают неоднократные контратаки. В этих контратаках участвует и гражданское население...»⁶ Этим гражданским населением вполне могли быть колонисты из поселка «Токио», фактически являвшиеся резервом императорской армии.

Что же касается железнодорожной станции и поселка Гэгэньмяо, то, по данным боевых донесений, этот пункт был освобожден без боев частями 5-го гвардейского стрелкового корпуса 39-й армии не 18-го, а еще 14 августа 1945 г. В отношении этого поселка в донесении политотдела 39-й армии имеется запись следующего содержания: «...В освобожденных населенных пунктах нередко возникают стихийные митинги местного населения в знак благодарности воинам Красной Армии за освобождение... К примеру, в поселке железнодорожной станции Гэгэньмяо на таком митинге выступил местный житель Лю Ванцзы, который заявил: «Красная Армия пришла сюда для того чтобы освободить нас от гнета японских разбойников, которые грабили нас дочиста. С приходом Красной Армии мы станем свободными и будем жить в достатке». Свое выступление он закончил призывом к населению оказывать помощь наступающим советским войскам»⁷.

Вопросы отношения советских войск к населению освобождавшихся районов постоянно находились в поле зрения политорганов частей и соединений 39-й армии. Как только советские войска, преодолев Большой Хинган, вступили в густонаселенные районы Маньчжурии, с личным составом частей и соединений были проведены беседы о бдительности и о необходимости уважительного отношения к местному населению. Политические отделы соединений дали указание войскам строго соблюдать честь и достоинство советского воина, уважать нравы, обычаи и вероисповедание местного населения⁸.

Таким образом, хранящиеся ныне в архивах документы свидетельствуют о том, что ничего даже отдаленно напоминавшего рассказы «сирот» у поселка Гэгэньмяо, равно как и в других районах Маньчжурии, освобожденных советскими войсками в те августовские дни, не происходило.

Подлинную картину того времени помогают восстановить также факты, приводимые в воспоминаниях известных советских военачальников — участников Маньчжурской стратегической наступательной операции 1945 г.⁹

Так, к примеру, дважды Герой Советского Союза генерал армии А. П. Белобородов, командовавший в августе 1945 г. 1-й Краснознаменной армией 1-го Дальневосточного фронта, в своих мемуарах приводит документально подтвержденное содержание допросов пленных генералов, входивших в состав командования 5-й японской армии, которые признавали факт уничтожения японского гражданского населения военнослужащими 5-й японской армии. «Японским генералам,— пишет генерал армии А. П. Белобородов,— было зачитано одно из политдонесений политотдела 365-й стрелковой дивизии. В нем сообщалось, что части дивизии, совершая марш к городу Линькоу, обнаружили в пути две группы убитых японских женщин и детей... На железнодорожном переезде стояли грузовые машины. В кузовах в одинаковых позах сидели, поджав ноги, или лежали, опрокинувшись, женщины и

дети, головы в белых, видимо ритуальных повязках... Другая группа была найдена на шоссе в районе станции Дидаохэ. Всего в обеих группах насчитывалось более 400 женщин и детей. Захваченные неподалеку от этих мест пленные показали на допросе: убийства совершены японскими солдатами и офицерами; взять с собой в сопки женщин и детей они не могли и... убивали женщин и детей с их согласия...»¹⁰

Выслушав текст переведенного донесения, командующий 5-й японской армией генерал Н. Симидзу цинично заявил, что «каждый народ живет и умирает по своим законам»¹¹. Последующее расследование показало, что злодеяние, совершенное 12—13 августа в районе города Линькоу и станции Дидаохэ, было делом рук роты смертников 135-й пехотной дивизии 5-й японской армии¹².

Получив ряд подобных сигналов, командование 1-й Краснознаменной армии немедленно приняло соответствующие меры, чтобы воспрепятствовать возникновению подобных случаев в последующем.

«Японские беженцы, старики, женщины и дети, толпами выходили на встречу советским частям и умоляли защитить. Мы собрали их всех, около 11 тыс. человек, в японский военный городок и обеспечили сильной охраной»¹³, — вспоминает генерал армии А. П. Белобородов. При этом он справедливо замечает: «Вот ведь как получилось: десятки лет японские газеты и прочие средства массовой пропаганды вдалбливали в головы людей всякую чушь про «варваров-большевиков», а пришли мы, и всю эту грязную пену как потоком смыло. К нам же кинулись в поисках защиты»¹⁴. Нельзя при этом не отметить тот факт, что несмотря на ненависть местного населения к японским поработителям, китайцы тем не менее приютили и воспитали многих потерявшихся малолетних японцев, проявив акт большого великодушия по отношению к ним.

Измышления о поведении советских воинов, выполнявших миссию освобождения Северо-Восточного Китая от японских захватчиков, выглядят великим кощунством на фоне тех массовых зверств и грабежей, которые творили войска Страны восходящего солнца в оккупированных ими в годы второй мировой войны странах.

Даже сокращенный перечень злодеяний японских оккупантов в материалах Токийского процесса составил два объемистых тома. Как отмечалось в обвинительном акте, японские агрессоры в широких масштабах осуществляли нарушения признанных обычаев и правил войны путем убийств населения, веча, глумления над военнослужащими, интернированными гражданскими лицами... хищения общественной и частной собственности, бессмысленного, не оправданного военной необходимостью разрушения городов и деревень, совершения массовых убийств, насилий, грабежей, разбоя, пыток и других жестокостей в отношении беспомощного гражданского населения захваченных стран»¹⁵. Главный американский обвинитель на Токийском процессе Дж. Кинан, например, заявил в ходе одного из заседаний, что японские милитаристы «стремились, и это являлось частью их плана агрессии, подавить волю народов к борьбе, совершая зверства невероятной жестокости как по характеру, так и по масштабам».

Бесчеловечный метод ведения войны носил всеобщий характер. К преступлениям японских завоевателей относятся и массовая резня в китайском городе Нанкине, где погиб каждый пятый из его миллионного населения, и разработка и применение химического и бактериологического оружия (только в результате испытаний которого в так называемом «Отряде 731» из состава Квантунской армии было уничтожено более 3 тыс. китайцев, монголов, корейцев, русских, американцев...¹⁶). К этим преступлениям относятся

и гибель в результате японских карательных операций свыше 130 тыс. филиппинских граждан¹⁷, и гибель нескольких десятков тысяч американских и филиппинских военнопленных в ходе изнурительного, почти 100-километрового «марша смерти» по полуострову Батаан на Филиппинах¹⁸, и нещадная эксплуатация и смерть половины из 200 тыс. согнанных в рабочие батальоны из разных стран индонезийцев, китайцев, бирманцев и военнопленных в период строительства железной дороги Бирма — Таиланд, и повсеместные массовые расстрелы заложников за каждую «попытку причинить вред» японским солдатам или гражданским лицам. К ним относятся и каннибализм, и насилие над беззащитными женщинами, стариками и детьми, и полное разрушение десятков городов и многих сотен деревень. В конечном счете японский милитаризм повинен в том, что в годы войны на фронтах и в тылу в различных странах Восточной и Юго-Восточной Азии погибло около 25 млн. человек, в том числе около 18 млн. китайцев, 4 млн. индонезийцев, 2 млн. вьетнамцев¹⁹, в том, что немалые жертвы понес от его агрессивной политики и сам японский народ. Трудно даже представить себе, сколько сирот осталось в тех странах, где по воле правящих кругов Японии побывали ее войска. Да и в самой Японии война плодила множество сирот.

Неизвестно, сколько бы еще продолжалась (по американским подсчетам, не менее полутора лет) преступная деятельность японской военщины на оккупированных территориях, если бы не вступление Советского Союза в войну с Японией в августе 1945 г. и не молниеносный разгром его Вооруженными Силами костяка японских сухопутных войск — миллионной Квантунской группировки, — вынудивший японское командование пойти на немедленную и безоговорочную капитуляцию.

И никакими лживыми пропагандистскими кампаниями не удастся запятнать тот светлый образ советского воина-освободителя, который навеки остался в сердцах китайского, корейского и других народов, переживших все тяготы и лишения японской оккупации.

¹ Цит. по: Победа на Востоке. К 40-летию разгрома милитаристской Японии. М., 1985, с. 55.

² См.: ЦГАСА, ф. 394, оп. 9087, д. 200, л. 92.

³ См. там же, д. 195, л. 137, 134.

⁴ Там же, л. 164.

⁵ ЦАМО, ф. 32, оп. 11306, д. 692, л. 347.

⁶ ЦГАСА, ф. 394, оп. 9087, д. 200, л. 377.

⁷ Там же, д. 195, л. 138, 161.

⁸ См. там же, д. 203, л. 117.

⁹ См.: А. П. Белобородов. Прорыв на Харбин. М., 1982; И. И. Людников. Через Большой Хинган. М., 1967; И. А. Плиев. Через Гоби и Хинган. М., 1965; И. М. Чистяков. Служим Отчизне. М., 1985, и др.

¹⁰ См.: ЦАМО, ф. 294, оп. 6980, д. 59, л. 26—27. Цит. по: А. П. Белобородов. Прорыв на Харбин, с. 167.

¹¹ А. П. Белобородов. Прорыв на Харбин, с. 168.

¹² См. там же, с. 170.

¹³ Там же, с. 168.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Стенограмма Токийского процесса, ед. х-р., 9, л. 3.

¹⁶ См. Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М., 1950, с. 425.

¹⁷ См. Л. Н. Смирнов, Е. Б. Зайцев. Суд в Токио. М., 1978, с. 530.

¹⁸ См.: Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985, с. 298.

¹⁹ См.: "Beijing Review", 1985, May 6, p. 16, 18; И. В. Можейко. Западный ветер — ясная погода. М., 1984, с. 195, 200.

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

Критика «буржуазной либерализации» в газетах КНР

В публикациях по проблемам идеологии органа ЦК КПК газеты «Жэньминь жибао» в конце прошлого — начале текущего года заметное место заняла критика «идейного течения буржуазной либерализации». Оценка существа этого течения была дана руководством КПК в принятом 6-м пленумом ЦК КПК 12-го созыва (28.IX.1986) постановлении относительно руководящего курса в строительстве социалистической духовной культуры. «Буржуазная либерализация,— говорится в этом документе,— фактически отрицающая социалистический строй и ратующая за капиталистический строй, в корне противоречит интересам народа и идет против течения истории, и широкие народные массы решительно отвергают ее».

Тем не менее и после пленума выступления на страницах «Жэньминь жибао» против «буржуазной либерализации» продолжались. Необходимость в них была, и это в полной мере подтвердили прошедшие в декабре прошлого года в ряде городов Китая студенческие выступления. По этому поводу «Жэньминь жибао» (6.I.1987) в передовой статье писала: «В Китае нет ни идеологической, ни материальной основы для возникновения крупных беспорядков. Курс партии и правительства правильный, доходит до сердец масс. ЦК КПК сплочен. Мысли и чувства людей сконцентрированы на проведении «четырёх модернизаций». В настоящее время обстановка в КНР отличается от периода «великой культурной революции», которая была развернута по ошибке руководителя». «Культурная революция» была использована контрреволюционной группировкой, в результате чего в стране в течение 10 лет царил смута. Несомненно, что сейчас обстановка другая, нет причин для смуты.

Выступления студентов «Жэньминь жибао» расценивает как «невесть какое событие», однако делается вывод, что «если разобраться глубже, это все же серьезно и явилось результатом распространения за последние годы идей буржуазной либерализации, результатом нашей нерешительной позиции». Студенческие выступления, указывается в статье, еще раз напомнили о необходимости решительно давать отпор «идейному течению буржуазной либерализации».

Рассматривая причины «подъема правых тенденций в стране», «Жэньминь жибао» пишет: «У ряда товарищей чрезвычайно обострено осознание глубокого зла «левого» идейного течения. Это правильно, и это можно понять, так как левые ошибки действительно принесли тяжкие бедствия народу и партии. Но с другой стороны, у этих же товарищей развилась определенная слепота по отношению к идейному течению буржуазной либерализации». «Буржуазная либерализация», говорится далее в статье,— «это идейное течение, которое отравляет в первую очередь молодежь страны, наносит вред стабильности и сплоченности общества», и поэтому «нельзя подходить упрощенно к этой проблеме». Правильное ее разрешение — «важная задача коммунистической партии в практической работе по укреплению руководства в области идеологии, а также искусства и воспитания».

Сторонники «буржуазной либерализации», отмечала «Жэньминь жибао» в редакционной статье (29.XII.1986), наиболее полно раскрывают существо своей позиции в дискуссии о демократии. С некоторых пор в этой дискуссии высказывается много путаных и ошибочных мнений. Как наиболее опасное из них газета выделяет тезис о том, что «может быть демократия без партийного руководства, без социалистического строя». Отдельные лица договариваются до того, что объявляют капиталистический строй «свободной демократией», а социалистический — «системой диктатуры без демократии». Подобная точка зрения, по мнению «Жэньминь жибао», могла сформироваться из-за недостатка основополагающих знаний прежде всего у молодежи.

Сторонники «буржуазной либерализации» не хотят видеть разницы между социалистической и буржуазной демократией, пишет «Жэньминь жибао» (14.1.1987), а прикрываясь ширмой «чистой демократии», вводят в заблуждение некоторую часть молодежи, которая не усвоила даже марксистскую теорию государства. С учетом этого многие материалы по вопросам демократии в «Жэньминь жибао» написаны простым языком и ориентированы на широкие массы читателей. Например, разъясняя различие между буржуазной и социалистической демократией, газета пишет: «Демократия капиталистических государств — это форма правления буржуазии, и служит она капиталистической частной собственности. Наша демократия — это социалистическая демократия абсолютного большинства людей, осуществляющая меры пресечения только по закону и лишь в отношении враждебных и преступных элементов».

Судя по тому, что большинство статей с разъяснениями по вопросам демократии обращено к молодежи, идеи «буржуазной либерализации» в наибольшей степени распространились среди учащихся и студентов. Редакционная статья «Жэньминь жибао» (29.XII.1986) объясняет это в основном недостатком практического опыта некоторой части молодежи, которая не может правильно проанализировать и понять проблемы демократии. В то же время важно отметить, говорится в статье, что, «несмотря на распространение на какое-то время в ряде учебных заведений ошибочных идейных течений и даже на то, что кое-кто прибегнул к экстремистским действиям, большинство учащихся все же смогло разобраться, где правда, а где ложь, сохранило трезвую голову и заняло правильную позицию». В форме беседы с молодежью построена статья в «Жэньминь жибао» (5.1.1987), в которой разъясняется, что «Китай в настоящее время вступил всего лишь в начальный период социализма» и «это является отправным пунктом, с которого должны рассматриваться социальные вопросы современного Китая». Указывая на недостаток теоретических разработок, автор статьи подчеркивает в связи с этим насущную необходимость именно сейчас «направить коллективный разум на написание работы о начальном периоде социализма».

В ряде статей «Жэньминь жибао» указывается, что реформы в области политической структуры, структуры партийного и государственного руководства объективно необходимы, поскольку этого требуют экономические преобразования. Однако при этом все авторы подчеркивают, что реформы должны осуществляться под руководством коммунистической партии. Цель реформы политической структуры, пишет «Жэньминь жибао» (25.XII.1986), состоит в том, чтобы «оживить деятельность различных органов партии и государства, поднять активность низших эшелонов масс, преодолеть бюрократизм, повысить эффективность работы». Все это «направлено на создание социалистической политической структуры — высокодемократичной, юридически совершенной». Это чрезвычайно сложный и длительный процесс, который должен осуществляться поэтапно, шаг за шагом.

Лейтмотивом выступлений «Жэньминь жибао» против «буржуазной либерализации» и правых тенденций в целом является призыв решительно придерживаться четырех основных принципов: отстаивать социалистический путь, диктатуру народной демократии, руководство со стороны коммунистической партии, марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзэдуна. Эти принципы были провозглашены еще в 1979 г., пишет «Жэньминь жибао» (6.1.1987).

В статье начальника секретариата Госсовета КНР Чэнь Цзюньшэна в «Жэньминь жибао» (12.1.1987) говорится, что сейчас в Китае «вновь можно услышать рассуждения, в которых ставятся под сомнение или отрицаются четыре основных принципа, с той только разницей, что на этот раз в качестве повода для критики выдвигаются требования «ускорить реформу политической структуры», провозглашается необходимость «бороться за демократию и свободы». В целом, отмечает Чэнь Цзюньшэн, эти рассуждения затрагивают коренной вопрос: должен ли Китай в конечном счете идти по социалистическому пути?

Чэнь Цзюньшэн указывает на методологическую ошибку, когда «сравнивают развивающиеся страны с развитыми». Отмечая сохраняющиеся еще в стране многочисленные трудности в снабжении населения продовольствием, в повышении уровня грамотности, в обеспечении занятости, он пишет: «Эти трудности возникли не по вине социализма. Тем не менее находятся лица, сопоставляющие свою родину, пережившую

бесчисленные невзгоды и только что вставшую на путь подъема, с развитыми капиталистическими странами. Такое сопоставление не имеет научного обоснования, ибо его необходимо делать с учетом социально-исторических условий».

Социалистический путь, делает вывод Чэнь Цзюньшэн,— это исторически правильный выбор, сделанный китайским народом. Если бы Китай отказался от социалистического строя, то в стране неизбежно произошла бы глубокая поляризация общества, развитые страны завоевали бы рынок Китая, а китайская национальная экономика была бы подавлена. В современном мире, рассуждает Чэнь Цзюньшэн, пока лишь небольшое число стран строит социалистическое общество, большинство, более 100 стран, идут по капиталистическому пути. Однако из них только 10—20 можно считать развитыми. В экономическом и техническом отношении Китай пока не достиг уровня развитых капиталистических стран, но нельзя винить в этом социалистический строй. В результате социалистического строительства отставание Китая от развитых капиталистических стран уменьшилось. Со времени 3-го пленума 11-го созыва, благодаря реформе и расширению внешних связей, продолжает автор статьи, экономика Китая оживилась, народ реально ощущает это. В основном разрешена проблема обеспечения продовольствием и одеждой 800-миллионного крестьянства, намного улучшились условия жизни городского населения. И все же темпы преобразований кажутся кое-кому медленными. Эти люди забывают, что реформа — сложный последовательный процесс, в котором нельзя забегать вперед. Автор призывает «знакомить народ страны, особенно молодежь, с тем, что есть прогрессивного и полезного в капиталистическом мире, но решительно отвергать все реакционное и прогнившее».

Призыв к защите четырех основных принципов стал главной темой и традиционной новгородней статьи «Жэньминь жибао». Обычно в таких статьях подводятся итоги минувшего года и ставятся задачи перед народом на очередной год. Уже в заголовке последней статьи подчеркивается, что «решительная защита четырех основных принципов — основная гарантия успешного проведения реформы и открытой политики». После констатации экономических успехов, достигнутых в минувшем году, и вывода о том, что «жизнь народа продолжает улучшаться», в статье указывается, что «четыре основных принципа — это основа государственности Китая, это неизбежный вывод из истории развития китайской революции».

В начале января практически в каждом номере «Жэньминь жибао» было по два-три материала, затрагивающих проблемы идеологической борьбы, в защиту четырех основных принципов и социалистической демократии. Судя по публикациям, эти проблемы обсуждались в партийных и государственных органах, в ходе проведения различных мероприятий общественными организациями. Так, на пленарном заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей, как сообщала «Жэньминь жибао» (15.1.1987), «с информацией о беспорядках, в которых приняло участие небольшое число студентов некоторых вузов», выступил заместитель председателя Государственного комитета по делам просвещения Хэ Дунчан. «Основная причина беспорядков,— заявил он,— в том, что часть студентов попала под влияние ошибочной идеологии», под «влияние идей буржуазной либерализации, идей западной демократии». Председатель ПК ВСНП Пэн Чжэнь, пишет «Жэньминь жибао», указал на заседании, что «защита четырех основных принципов — главная гарантия успешного проведения реформы, политики открытого доступа для внешнего мира и проведения четырех модернизаций».

17 января 1987 г. «Жэньминь жибао» и другие центральные газеты опубликовали полный текст Коммюнике расширенного заседания Политбюро ЦК КПК, состоявшегося 16 января в Пекине. В специальном пункте коммюнике также содержится призыв бороться против «идейного течения буржуазной либерализации, защищать четыре основных принципа».

Во второй половине января вопросы идеологического воспитания с учетом указаний расширенного заседания Политбюро ЦК КПК и пленарного заседания ПК ВСНП обязательно затрагивались китайскими руководителями в выступлениях на различных собраниях и встречах. Например, в выступлении заместителя премьера Госсовета Ли Пэна на Всекитайском совещании работников плановых органов («Жэньминь жибао», 18.1.1987); в обращении начальника Генерального штаба Народно-освободительной армии Китая Ян Дэжи к активу Гуанчжоуского военного округа, в котором

он потребовал от командиров и бойцов серьезно изучать Коммунике расширенного заседания Политбюро ЦК КПК и настойчиво претворять в жизнь его установки по вопросам борьбы против «идейного течения буржуазной либерализации» («Жэньминь жибао», 20.1.1987). Проблемы борьбы с «идейным течением буржуазной либерализации» затрагивались также в приветствиях китайских руководителей на церемонии награждения передовиков производства, на встречах ветеранов партии с молодежью и ряде других мероприятий.

Кроме заявлений политических и государственных деятелей в защиту четырех основных принципов, «Жэньминь жибао» в конце января стала публиковать репортажи с различных собраний низовых коллективов, участники которых выражали поддержку решениям расширенного заседания Политбюро ЦК КПК. На страницах газеты стали перепечатываться передовые и редакционные статьи из местных и отраслевых газет, в которых рассматривались пути борьбы с правыми тенденциями и буржуазной идеологией, меры по укреплению в обществе атмосферы нетерпимости к чуждым социализму взглядам.

Однако партийное руководство Китая тем не менее предупреждает об опасности, которую несет возможный выход критики за пределы идейно-политической сферы. Так, исполняющий обязанности Генерального секретаря ЦК КПК, премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян на встрече с членом Политбюро, секретарем ЦК ВСРП Ф. Хаваша заявил, как пишет «Жэньминь жибао» (19.1.1987), что «в ходе борьбы против буржуазной либерализации особое внимание обращается на то, чтобы выступления не вылились в политическую кампанию, нельзя допустить «левацких» ошибок, имевших место в прошлом».

Примерно до середины января текущего года критика сторонников «идейного течения буржуазной либерализации» на страницах «Жэньминь жибао» была безымянной или в форме диалога с «апологетами Запада». Такой диалог под заголовком «Огульное копирование Запада означает отказ от социализма» был опубликован, например, 12 января. Поименная критика началась после публикации 15 января уведомления Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины, призывающего членов КПК строго соблюдать Устав партии. В уведомлении, в частности, говорится: «Небольшая часть членов партии игнорирует партийную дисциплину, под предлогом реформы и политики открытого доступа для внешнего мира выступает с заявлениями, идущими вразрез с линией, курсом и политикой партии. Они гонятся за химерой, извращают факты, занимаются демагогией и даже открыто отрицают четыре основных принципа, нагло отрицают руководство со стороны коммунистической партии, нападают на социалистический строй, стремясь распространить идейное течение буржуазной либерализации в различных районах и отраслях».

Руководители Китая в выступлениях постоянно подчеркивают, что дисциплинарные меры предпринимались и будут предприниматься против отдельных лиц, нарушающих закон и партийную дисциплину, а не против какой-либо социальной группы, в частности интеллигенции. Разъясняя это, «Жэньминь жибао» (18.1.1987) пишет, что некоторые провоцируют конфликт между партией и интеллигенцией, заявляют, что борьба против «буржуазной либерализации» будто бы направлена против интеллигенции. Подобные высказывания рассматриваются как «чистейший вымысел и клевета». В газете подчеркивается, что «борьба с буржуазной либерализацией не может привести и не приведет к изменению выработанной на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва политики партии в отношении интеллигенции», и выражается надежда, что «широкие массы интеллигенции будут бдительны и не позволят отдельным бесчестным личностям спровоцировать себя».

В целом, как можно видеть, публикации в «Жэньминь жибао» по вопросам борьбы за строгое соблюдение четырех основных принципов против лиц, пытающихся пропагандировать «буржуазную либерализацию», против правых тенденций в идеологической обстановке проникнуты убежденностью в том, что «социалистический путь и руководство коммунистической партии — это исторический выбор китайского народа».

Б. Н. БАСОВ

СООБЩЕНИЯ. СПРАВКИ

Особенности начального этапа формирования политической системы КНР

*Л. М. ГУДОШНИКОВ,
доктор юридических наук*

Формированию политической системы народного Китая были присущи некоторые особенные черты, непосредственно связанные с главными чертами революционного процесса в стране. Как известно, этот процесс носил в Китае длительный характер. Первые островки народной власти — Советские районы Китая — возникли еще в 1927 г., и, следовательно, в год семидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции мы отмечаем и шестидесятилетие китайских Советов. С тех же 20-х гг. революция в Китае была вооруженной, и в конце концов гораздо раньше централизованной власти в руках китайских коммунистов оказалась централизованная вооруженная организация, которая в освобожденных районах выступала организатором революционной власти и самих партийных организаций.

С возникновения первых Советских районов начинается отсчет история народной государственности в Китае, история революционной власти во главе с коммунистами. Таким образом, к моменту провозглашения КНР в 1949 г. КПК обладала уже более чем двадцатилетним опытом работы в освобожденных районах страны. Организационные формы революционной власти менялись, но эта власть всегда была преемственной и руководимой Компартией Китая. Разумеется, приобретенный партией опыт не мог не носить характера опыта военного времени, в условиях которого многие нормативные положения оставались программными декларациями, и зачастую обстановка вынуждала заменять демократический механизм функционирования власти военным управлением. Кроме того, в течение многих лет партия приобретала этот опыт в сельских районах, в большинстве случаев — отдаленных. Только в результате освобождения Северо-Востока Китая Советской Армией в 1945 г., в том числе и ряда крупных городов, и перехода их затем в руки революционных сил Китая во главе с КПК появился и опыт работы в городских условиях. Важным преимуществом работы партии в новых, городских условиях была возможность получения поддержки Советской военной администрации. Последняя ликвидировала с освобождением Маньчжурии японские и марионеточные органы управления регионом и постепенно передала их функции китайским гражданским властям. В связи с этим надо отметить, что благодаря контакту с Советской военной администрацией демократические власти Северо-Восточного Китая перенимали советский управленческий опыт¹.

Важно также сказать и о такой особенности революционного процесса в Китае, как его развитие от мест к центру. Местные органы, уже обладавшие сравнительно большим опытом работы, в течение определенного времени были сильнее только что созданных центральных. Это обстоятельство также находило определенное отражение в политической структуре страны.

Если связать особенности революционного процесса в стране с характерными чертами ее политической системы, следует прежде всего отметить особую роль вооруженных сил страны, сохраняющуюся и до настоящего времени. В определенные исторические периоды они играли в политической жизни страны гораздо большую роль, чем в других социалистических странах. Для начального этапа существования народного государства — восстановительного периода — было характерно наличие высшего контроля и прямого военного управления (военно-контрольные комитеты и военно-административные комитеты, военные представители в производственных единицах,

военные группы по приему управления и т. п.). При этом военно-административные комитеты в больших административных районах существовали до ноября 1952 г., то есть до их преобразования в административные комитеты². Органы военного контроля существовали несколько больший период времени, и в «культурную революцию» произошло их возрождение³.

В политической системе КНР восстановительного (или, точнее, доконституционного) периода рядом важнейших актов государства и единого фронта (закон об организации Центрального народного правительства, Организационный статут Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) и его Общая программа и т. д.) закреплялось особое положение вооруженных сил. Это выразилось, во-первых, в выделении руководства вооруженными силами в отдельную систему, независимую от высшего органа по делам управления — Административного совета; во-вторых, в подкреплении уже сложившейся системы военного управления и военного контроля общегосударственной регламентацией; в-третьих, в особом представительстве вооруженных сил в органах власти и едином народно-демократическом фронте.

Нужно также подчеркнуть значение НОАК как важного источника формирования кадров для всего политического аппарата страны (то есть для государственных и партийных органов, общественных организаций). Само выдвижение армейских кадров в политический аппарат в ходе революции, развивавшейся в форме длительной вооруженной борьбы, является естественным процессом. Однако армия осталась главным резервуаром формирования органов государства и после образования КНР⁴.

Сильнейшее влияние военный фактор революции оказал на партию коммунистов, ядро политической системы страны. С середины 30-х гг. до 1949 г. 80 % численности КПК составляли военные. НОАК, выступая как главная вооруженная сила революции и как создатель партийных организаций, о чем говорилось выше, в то же время вела от имени КПК политическую работу среди населения освобожденных районов. Армия была, таким образом, главным связующим звеном между партией и массами. Для партийных кадров превратилось в традицию решать все вопросы революции, государственного строительства и т. п. при помощи армии и армейскими методами. В партии, так же как и в государственном аппарате, стал господствовать стиль администрирования, демократический централизм зачастую подменялся армейским командованием. В начале 50-х гг. предпринимались попытки пресечь распространение этого стиля, когда проводились кампании борьбы с военными методами управления, голым администрированием и бюрократизмом⁵. Однако в политическом аппарате страны указанный стиль продолжал сохраняться и получил новое распространение в 60-е гг., сначала в связи с кампанией «учиться у НОАК», а затем и «культурной революцией».

Следующей характерной чертой формирования политической системы КНР следует считать длительное сохранение в партии традиций подпольной работы. Партийные организации на предприятиях, в учреждениях и после провозглашения КНР продолжали находиться на полулегальном положении. Большинство коммунистов открыто не объявляли о своей принадлежности к партии, партийные собрания и конференции проводились подпольно. Тогда же укрепилась существующая до сих пор система назначаемых территориальных партийных комитетов и бюро (делегированные партийные органы). К такого рода невыборным территориальным органам относились районные комитеты в городах, местные комитеты в особых районах (чжуанцзюй) провинций и бюро ЦК КПК в больших административных районах. В те же годы сложился институт партийных групп руководства, то есть объединение в особые партийные организации коммунистов, занимающих руководящие посты в учреждениях, производственных единицах и иных организациях. При этом секретарями партийных групп становились руководители учреждений. Тогда же складывались и другие формы и методы партийного руководства, просуществовавшие затем в течение нескольких десятилетий. В частности, в те времена возникла практика совмещения партийных и административных постов. Например, секретарь провинциального комитета КПК часто бывал одновременно и председателем соответствующего народного правительства, директор предприятия — секретарем парткома завода, ректор — секретарем парткома.

Еще до образования КНР партия заняла руководящее положение в государственном и хозяйственном механизме, а также в основных массовых общественных организациях страны, включая профсоюзы. В августе 1948 г. на VI Всекитайском съезде профсоюзов в Харбине была создана Всекитайская федерация профсоюзов. Этот

съезд профсоюзы освобожденных районов провели совместно с Китайской ассоциацией труда, объединявшей профсоюзы в неосвобожденных районах. В образованных на съезде руководящих органах федерации большинство составляли члены КПК.

В марте — мае 1949 г. по решению КПК и под ее руководством были созданы такие массовые организации, как Всекитайская демократическая федерация женщин, Ново-демократический союз молодежи, Всекитайская федерация студентов и др. К тому же времени относится появление различных организаций, объединявших демократические круги интеллигенции.

Накануне образования КНР сформировался единый народно-демократический фронт, принявший организационную форму Народного политического консультативного совета Китая. Он объединил под руководством КПК одиннадцать некоммунистических демократических партий, представлявших различные слои буржуазии и буржуазной интеллигенции, а также хуацяо⁶. Однако НПКСК не был партийным блоком. В нем с самого начала, кроме политических партий, были представлены общественные организации, территориальные единицы (представительство освобожденных районов, крупных городов), различные круги населения (представители торгово-промышленных кругов, лиц свободных профессий, служащих культуры), хуацяо, национальные меньшинства, беспартийные демократические деятели и специально приглашенные лица. Кроме того, в состав первого созыва НПКСК входило шесть военных делегаций, представлявших главное командование НОАК, четыре полевые армии и южнокитайскую народно-освободительную армию.

Организационной особенностью некоммунистических демократических партий Китая была возможность одновременного членства в двух партиях, причем иногда с занятием в обеих партиях руководящих постов (это относилось главным образом к одновременному членству в одной из партий в демократической лиге Китая, первоначально формировавшейся как партийный блок). Однако имела место критика одновременного членства в КПК и некоммунистических партиях. НПКСК при создании КНР принял на себя функции Всекитайского собрания народных представителей. В дальнейшем через Всекитайский комитет НПКСК (пленарные сессии НПКСК после первой сессии не созывались) он выступал не только в качестве общественного, но и государственного совещательного органа (предварительное обсуждение важнейших законов, заслушивание докладов о правительственной деятельности и т. п.).

Для политической системы первых лет существования КНР было характерно перелетание функций государственных органов с органами единого фронта. Первая, и единственная, сессия НПКСК сыграла роль учредительного собрания КНР. Сессия НПКСК одновременно образовала и высший орган государственной власти — Центральный народный правительственный совет и общегосударственный орган единого фронта — ВК НПКСК. Созывавшиеся на местах на последнем этапе народно-освободительной войны и в восстановительный период конференции представителей всех слоев народа (конференции народных представителей) функционировали в основном как органы единого фронта. Ими формировались консультативные советы в провинциях и постоянные комитеты в уездах в качестве постоянно действующих органов единого фронта. Только к концу восстановительного периода конференции представителей всех слоев народа стали принимать на себя полномочия местных собраний народных представителей, однако и к моменту принятия Конституции 1954 года этот процесс завершен не был. Фактически органами власти на местах оставались военно-контрольные и военно-административные комитеты и народные правительства.

Особенно большое значение из местных государственных органов в первые годы КНР получили военно-административные комитеты больших административных районов. Они играли важную самостоятельную роль и своей деятельностью в те годы компенсировали недостаток опыта управления у только что созданных центральных органов КНР. Военно-административные комитеты и одновременно бюро ЦК КПК в больших административных районах возглавлялись командующими больших военных округов, совпадавших по территории с большими административными районами. Командующие в ряде случаев занимали по совместительству и посты политических комиссаров войск соответствующих округов. Военно-административные комитеты имели очень широкие полномочия, в том числе в вопросах законодательства. Их деятельность сыграла большую роль в становлении общегосударственной правовой системы КНР. Закон именовал их «высшими органами местной государственной власти».

Военно-контрольные комитеты НОАК создавались, как правило, в крупных и средних городах (некоторое число военно-контрольных комитетов имелось и в других административно-территориальных единицах, например в уездах). Одновременно с ними еще до освобождения соответствующих городов создавались контролируемые комитетами народные правительства. Перед военно-контрольными комитетами ставилась задача «принять управление» у прежних городских властей и постепенно передать его городским народным правительствам. Этот процесс происходил в различные сроки и в целом не вышел за рамки восстановительного периода.

Формирование государственного аппарата КНР имело ряд особенностей, связанных со строительством заново почти всего центрального государственного аппарата. Органически во вновь созданный центральный государственный аппарат вошел лишь Народно-революционный военный совет, возглавлявший централизованную военную организацию коммунистов — НОАК. Наряду с ним были созданы Административный совет, Верховный народный суд, Верховная народная прокуратура⁷. Вышестоящим органом стал Центральный народный правительственный совет, а в союзоуплотности с ним они составили Центральное народное правительство (ЦНП). Местные народные правительства не копировали структуру центрального, однако в их систему по закону входили судебные и прокурорские органы, в чем сказались традиции организации власти в освобожденных районах⁸. Кроме того, судебная система того периода отличалась обилием различного вида чрезвычайных судов. До образования КНР в освобожденных районах уже действовали военные трибуналы военно-контрольных комитетов и народные трибуналы в районах проведения земельной реформы⁹. После образования КНР чрезвычайные судебные органы создавались во время проведения ряда массовых политических кампаний (подавление контрреволюции в 1950—1951 гг., движения «против трех», «против пяти»).

Продолжая характеризовать государственный аппарат КНР в период его формирования в общегосударственном масштабе, следует указать на некоторые особенности его организации. Одни из них явились продолжением традиций организации власти в освобожденных районах, другие не связаны с ними. Из практики освобожденных районов перешел институт территориальных делегированных органов — управления уполномоченных в уже упоминавшихся особых районах, на которые делилось частично или полностью большинство провинций страны, и районные присутствия в уездных районах (эти районы объединяли несколько волостей). Делегированные органы часто наделялись исполнительными функциями. Это органы общей компетенции в своих административных единицах. Образование там представительных органов не предусматривалось.

Среди центральных государственных органов своеобразное положение занял Административный совет. Будучи по своему статусу высшим органом административного управления, он в отличие от правительств других социалистических государств не ведал вооруженными силами. Своеобразно был решен китайским законодательством и вопрос об ответственности Административного совета в период между сессиями Центрального народного правительственного совета. В этот период он нес ответственность перед председателем ЦНП. В связи с этим должно быть отмечено, что законодательство и политическая практика восстановительного периода создали председателю ЦНП особое положение в государственной структуре КНР, которое было выше обычного положения главы коллегиального органа государственной власти.

Таким образом, политическая система КНР, формировавшаяся под действием определенных факторов, связанных с особенностями революционного процесса в стране, несла на себе влияние этого процесса. Она не могла полностью соответствовать начавшемуся после окончания восстановительного периода крупномасштабному экономическому строительству, в ходе которого закладывались основы социализма. Наступало время серьезных изменений в политической системе КНР. Естественно, что в исторических условиях 50-х гг. китайские коммунисты прежде всего обратились к опыту мирового социализма. Этот опыт творчески сочетался ими с революционным опытом своей страны.

Еще в ходе восстановительного периода происходит постепенное ослабление системы военного контроля и военного управления. С упоминавшимся уже выше преобразованием военно-административных комитетов административные органы больших административных районов утратили самостоятельный характер и прямую

связь с военным командованием. В течение восстановительного периода происходит и сокращение аппарата военно-контрольных комитетов, обусловленное постепенной передачей управления местным народным правительствам и другим государственным органам. Одновременно в формировании различных государственных органов усиливались выборные начала. В деятельность различных политических институтов внедрялись демократические методы, чему в значительной мере способствовало овладение опытом передовых социалистических государств.

В самом конце восстановительного периода в декабре 1952 г. КПК через ВК НПКСК внесла предложение о проведении всеобщих выборов для избрания Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) и местных собраний народных представителей (СНП). Закон о выборах был принят 11 февраля 1953 г., и в том же году начались предусмотренные законом многостепенные выборы представительных органов власти, завершившиеся летом 1954 г. Первая сессия ВСНП первого созыва 20 сентября 1954 г. приняла первую конституцию КНР. Это был важный шаг в совершенствовании политической системы КНР, освобождению ее от пережитков военного времени. При разработке конституции и принятых вместе с нею органических законов, определявших структуру и принципы деятельности высших и местных органов государственного управления, органов суда и прокуратуры широко использовался опыт других социалистических стран в сочетании с опытом китайской революции и строительства нового Китая.

В качестве политической основы общества закреплялась система массовых представительных органов типа Советов в СССР и Народных Советов (национальных комитетов) в других социалистических странах — система собраний (съездов) народных представителей. Всекитайское собрание народных представителей в качестве высшего органа государственной власти пришло на смену Центральному народному правительственному совету. Значительную самостоятельную компетенцию конституция предоставила Постоянному комитету ВСНП. В систему высших органов власти был введен и элемент единоличной президентуры — Председатель КНР, который в большинстве случаев при исполнении им своей компетенции действовал на основании решений коллегиальных органов — ВСНП и его Постоянного комитета — и поэтому рассматривался как часть коллегиального института главы государства. Однако по Конституции 1954 г. Председателю КНР предоставлялись и довольно широкие самостоятельные полномочия в отношении созыва Верховных государственных совещаний и командования вооруженными силами страны.

Конституцией был существенно приближен к аналогичным институтам социалистических стран и высший орган государственного управления, получивший в конституционной государственной структуре новое название — Государственный совет. В отличие от своего предшественника — Административного совета — Госсовет сосредоточил в своих руках всю полноту государственного управления, включив в свою систему специальные органы, ведающие строительством вооруженных сил и планированием народного хозяйства. Этими отраслями Административный совет не ведал. Конституция определила подотчетность Госсовета только ВСНП и его Постоянному комитету.

Конституция внесла существенные изменения в систему местных органов власти и управления, приблизив принципы организации и деятельности этой системы к принятым в большинстве социалистических стран. Было произведено четкое разграничение компетенции местных органов, изменен порядок их образования. В отличие от конференций народных представителей собрания народных представителей становились единственными органами власти на местах. На смену народным правительствам пришли народные комитеты, которые в отличие от первых не были облечены полномочиями местных органов власти и конструировались как исполнительные органы. Другое отличие собраний народных представителей от конференций народных представителей заключалось в том, что они не создавали свои специальные постоянные органы — эти функции возлагались на народные комитеты. Собрания народных представителей уже не имели организационной связи с единым фронтом, тогда как их предшественники формировали местные органы НПКСК, которыми были консультативные советы и постоянные комитеты. Наконец, собрания народных представителей стали избираться непосредственно населением или нижестоящими собраниями народных представителей, тогда как конференции народных представителей не были пол-

ностью выборными органами — часть их делегатов приглашалась народными правительствами или же выдвигалась организациями.

В соответствии с конституцией система местных органов власти основывалась на закреплённом в ней административно-территориальном делении. Что касается местных органов управления, то они базировались не только на конституционных административно-территориальных единицах. Сохранялись особые округа и уездные районы, управляемые делегированными органами, и, кроме того, законом предусматривалось учреждение делегированных органов в кварталах городских районов и городов, не имеющих районного деления.

Существенные изменения внесла конституция КНР и в систему судебно-прокурорских органов. Они были выведены из подчинения местным народным правительствам, то есть народным комитетам. Органы прокуратуры становились централизованной системой, образцом построения которой послужили прокуратуры в других социалистических странах. Судебные органы в отличие от прокурорских не утратили некоторых организационных связей с местными органами власти. Было установлено, что председатели судов всех ступеней должны избираться представительными органами, а судьи назначаться народными комитетами. Вместе с тем вводилась подотчетность судов представительным органам и ответственность перед ними.

В качестве принципов организации и деятельности судов конституцией провозглашались: осуществление правосудия только судом, участие народа в осуществлении правосудия, гласность суда и обеспечение обвиняемому права на защиту, национальное равноправие в отношении языка и письменности судопроизводства, независимость судей и подчинение их только закону. В основу организации и деятельности прокуратуры, согласно конституции, были положены ленинские принципы, апробированные практикой СССР и социалистических стран, а именно: единство в осуществлении функций надзора за соблюдением законов, обеспечиваемое централизованным построением прокуратуры и независимостью прокуроров от местных властей; законность как обязательный и единственный для прокурорского надзора критерий.

Следующей после принятия конституции важной вехой в формировании политической системы КНР явился VIII съезд КПК, состоявшийся в сентябре 1956 г. Это был первый съезд партии после победы народной революции, впервые проводившийся как съезд партии, правящей в масштабах всей страны. VIII съезд КПК проходил под благотворным влиянием XX съезда КПСС, что подчеркивали сами китайские руководители. Съезд акцентировал внимание на важнейшем значении неуклонного соблюдения принципа коллективного руководства и борьбы против культа личности. В докладе об изменениях в Уставе КПК тогдашний Генеральный секретарь ЦК партии Дэн Сяопин подчеркнул: «...Культ личности, как общественное явление, имел длительную историю, и он не мог не найти некоторого отражения в нашей партийной и общественной жизни. Наша задача состоит в том, чтобы решительно продолжать проводить в жизнь курс ЦК, направленный против выпячивания личности, против ее прославления...»¹⁰ Съезд изъясил из Устава КПК положение об «идеях Мао Цзэдуна» как теоретической основы партии.

Историческое значение VIII съезда КПК заключается прежде всего в том, что он принял программу строительства социализма в Китае, которая была в основном выдержана в духе марксизма-ленинизма и принципов пролетарского интернационализма. В его решениях был закреплён курс на строительство социализма в Китае в тесном союзе со всей мировой социалистической системой¹¹. Съезд уделил большое внимание вопросам партийного и государственного строительства.

Принятый VIII съездом КПК Устав партии в качестве организационного принципа КПК провозглашал демократический централизм, выборность всех руководящих партийных органов с установлением на выборах в принципе тайного голосования. По новому Уставу устанавливалась строгая периодичность всекитайских и местных партийных съездов, сроки полномочий партийных комитетов. В духе опыта коммунистических партий социалистических стран Устав КПК, принятый VIII съездом, формулировал права и обязанности членов партии, вопросы прохождения кандидатского стажа и приема в партию, вопросы партийного руководства комсомолом и структуры партийных организаций.

В целом съезд отражал неуклонный рост роли партии в восстановительный период и годы, за ним последовавшие. Вместе с этим процессом происходило уменьшение

политической роли армии, которая, как отмечалось выше, выступала ранее в качестве строителя основных составных частей политической системы страны и сама осуществляла военный контроль и военное управление.

VIII съездом КПК были даны также принципиальные установки относительно деятельности важнейших общественных организаций КНР. В частности, съезд осудил наблюдавшуюся в профсоюзах тенденцию к бюрократизации, призвал уделять большее внимание широкому привлечению масс через профсоюзы к контролю над производством и управлению им, разворачиванию инициативы и массовой критики. Особенно важное значение имела линия съезда на использование экономических стимулов в производстве и постепенное повышение заработной платы на основе роста производительности труда. После VIII съезда КПК на предприятиях оживилась работа профсоюзов, рабочие стали широко привлекаться к управлению производством.

Перед союзами молодежи съезд партии поставил задачу «еще более энергично проводить организационно-идеологическую работу среди своих членов и широких масс молодежи и преодолеть такой недостаток в своей работе, когда некоторые организации Союза молодежи не обращают внимания на применение методов работы, отвечающих особенностям молодежи, не применяют методы убеждения и воспитания с целью выявления активности и инициативы широких масс молодежи»¹². Съезд обратил особое внимание на необходимость овладения молодыми людьми знаниями.

Всекитайская демократическая федерация женщин была определена на съезде как «организация Единого фронта женщин, находящаяся под руководством партии и являющаяся наиболее широкой массовой организацией женщин»¹³. Перед ней была поставлена задача привлечения новых активисток из всех национальностей и социальных слоев, а также преодоления сектантских взглядов, развития взаимопомощи и сотрудничества. С трибуны съезда подвергалась критике бытовавшая среди части кадровых работников недооценка роли организаций Всекитайской демократической федерации женщин.

В отношении некоммунистических демократических партий был подтвержден курс на «длительное сосуществование и взаимный контроль между Коммунистической партией и всеми демократическими партиями»¹⁴. При этом указывалось, что и после завершения социалистических преобразований, когда социальная основа этих партий изменится (национальная буржуазия и верхние слои мелкой буржуазии «станут частью социалистических тружеников»), «демократические партии превратятся в политические партии этой части тружеников»¹⁵. Съезд поставил задачу дальнейшего укрепления Единого народно-демократического фронта. В резолюции съезда по политическому отчету указывалось на необходимость «усиливать сотрудничество со всеми демократическими партиями и беспартийными демократическими деятелями, а также полностью развивать роль Народных политических консультативных советов и консультативных органов всех ступеней»¹⁶. Отдельно подчеркивалась установка на сплочение с представителями верхних слоев национальных меньшинств, с патриотически настроенными китайскими гражданами за границей (т. е. хуацяо. — Л. Г.), причем было подчеркнуто, что они «также являются составной частью Единого фронта»¹⁷.

В связи с вопросами государственного строительства в политическом отчете ЦК КПК съезду большое внимание было уделено вопросу о характере власти в КНР. Съезд определил, что демократическая диктатура народа в Китае после завершения задач буржуазно-демократической революции, «по существу представляет собой диктатуру пролетариата»¹⁸. Государственный строй КНР был определен в политическом отчете ЦК КПК как «сочетание высшей демократии с высшей централизацией». Вместе с тем было указано: «Для того, чтобы этот строй постепенно стал зрелым и совершенным, еще понадобится соответствующее время»¹⁹. В связи с работой государственного аппарата серьезное внимание было уделено съездом борьбе против бюрократизма. Для этой борьбы, подчеркивалось в докладе, «необходимо усилить руководство и контроль партии в отношении государственных учреждений..., необходимо усилить контроль со стороны Всекитайского Собрания народных представителей и его Постоянного комитета над центральными органами власти и контроль со стороны местных Собраний народных представителей всех ступеней над местными органами власти»²⁰ всех ступеней..., в органах власти всех ступеней необходимо усилить контроль сверху донизу и снизу доверху. В борьбе с бюрократизмом органы госконтроля должны в полной мере выявить свою должную роль..., необходимо усилить контроль со стороны

народных масс и низовых работников над работой государственных учреждений»²¹.

Таким образом, к 1957 г. в КНР были заложены основы политической системы социалистического типа, опирающиеся на революционный опыт Китая в сочетании с опытом мирового социализма. Однако в создавшейся в конце 50-х гг. обстановке в КНР, порожденной действием субъективного фактора, политическая система социалистического типа оказалась незакрепленной. Это позволило определенным политическим силам подорвать эту систему в ходе так называемого большого скачка и политических кампаний 60—70-х гг., привести ее в ходе «культурной революции» к сильнейшей деформации. Развитие политической системы социалистического типа в КНР оказалось прерванным практически на два десятилетия.

Лишь устранение действия деформирующего субъективного фактора позволило в конце 70-х гг. вернуться к прерванному развитию политической системы социализма, а затем начать ее совершенствование в ходе реформ 80-х гг.

¹ Закономерно предположить, что китайскими коммунистами опыт Советской военной администрации был впоследствии использован при создании военно-контрольных комитетов НОАК в городах во время наступления главных сил Народно-освободительной армии Китая с Маньчжурской революционной базы и окончательного освобождения страны.

² Под таким названием органы управления большими административными районами существовали до ликвидации этих районов в июле 1954 г.

³ Система военного контроля и военного управления возродилась в период «культурной революции» в виде системы военизированных «ревкомов» и военно-контрольных органов в центральных министерствах и ведомствах. Снова появились военные представители на предприятиях, в гражданских учреждениях возникли политотделы, существовавшие какое-то время и после «культурной революции».

⁴ Известно, например, что за период с 1949 по 1958 г. из рядов НОАК было направлено на работу во все звенья государственной, партийной и общественной систем более 7 млн. офицеров и солдат. — См.: «Народы Азии и Африки», 1969, № 3, с. 22.

⁵ См.: Л. М. Гудошиников. Политический механизм Китайской Народной Республики. М., 1954, с. 40.

⁶ К концу 1949 г. число демократических партий и групп несколько уменьшилось: в ноябре в партию Революционный комитет гоминьдана Китая вошли Товарищеская ассоциация трех народных принципов и Общество содействия демократии гоминьдана Китая, а в декабре объявил о самороспуске Китайское народное общество спасения родины.

⁷ В 1952 г. был образован Государственный плановый комитет КНР, занявший в системе высших государственных органов страны положение, равное положению, которое занимает Административный совет (Госплану были переподчинены некоторые министерства). — Законодательные акты Китайской Народной Республики. М., 1952, с. 70.

⁸ Должно быть отмечено, что и в традиционном Китае соединение административной и судебной власти на местах было обычным явлением.

⁹ Затем система этих трибуналов была распространена в 1950 г. на все районы проведения земельной реформы.

¹⁰ Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. М., 1956, с. 98.

¹¹ КНР. Краткий исторический очерк (1949—1979 гг.). М., 1980, с. 53.

¹² Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая, с. 75.

¹³ Там же, с. 355.

¹⁴ Там же, с. 49.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, с. 480.

¹⁷ Там же, с. 50.

¹⁸ Там же, с. 479.

¹⁹ Там же, с. 50, 51.

²⁰ Имеются в виду местные народные правительства — народные комитеты.

²¹ Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая, с. 51—52.

Состояние и перспективы развития биотехнологии в Японии

Э. В. КИКАБИДЗЕ

В «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года» определены новые подходы к решению проблемы интенсификации общественного производства. В соответствии с этим масштабы использования в народном хозяйстве достижений науки и техники неизмеримо возрастут. Пути к овладению странами социализма высотами современной науки и техники намечены принятой на 41-м (внеочередном) заседании СЭВ Комплексной программой научно-технического прогресса на период до 2000 года. Для концентрации усилий братских стран избрано пять приоритетных направлений, среди которых важное место отводится ускоренному развитию биотехнологии. Направления работ, заложенные в программе, отвечают требованиям нового этапа научно-технической революции, характеризующегося стремительным развитием науки и техники, более тесным сращением науки с производством, прорывами в новые области человеческого знания. Реализация задачи повышения эффективности научно-технического развития в СССР предполагает всестороннее изучение и использование зарубежного опыта.

После первого, нефтяного, и последовавшего за ним кризиса 1974—1975 гг. научно-техническое развитие капиталистических стран, и Японии в частности, происходит в направлении усиленной разработки энерго- и материалосберегающей технологии.

Именно в это время наиболее остро встала проблема развития наукоемких отраслей промышленности. Наряду с робототехникой и производством новых материалов биотехнология является одной из наиболее приоритетных сфер развития наукоемкой технологии Японии в 80-е гг.

Направления развития биотехнологии

Термин «биотехнология» не нов, он широко употреблялся еще в начале нынешнего столетия. К области биотехнологии относятся такие древние производства, как хлебопечение, получение спирта, брожение, виноделие, сыроварение, силосование кормов.

Биотехнология возникла на стыке различных направлений науки — микробиологии, биохимии, генетики, цитологии, биоорганической химии, молекулярной биологии. Она представляет собой новый этап синтеза современных знаний в области биологии и технологического опыта. Базируясь на достижениях фундаментальных наук, биотехнология в свою очередь ставит перед ними новые задачи.

«Современная биотехнология — комплексная многопрофильная область научно-технического прогресса, включающая такие разделы, как: микробиологический синтез в его широком понимании, генная и клеточная инженерия, инженерная энзимология»¹. Именно эти новые направления призваны во многом содействовать решению продовольственной проблемы и серьезных задач в области медицины. В настоящее время к сфере биотехнологии относят использование биотехнологических источников для производства энергии и различных видов сырья и топлива. Биотехнология играет значительную роль в решении проблемы защиты окружающей среды от загрязнения. Именно микробиологические методы являются в наши дни наиболее эффективными для уничтожения и переработки производственных и бытовых отходов, для обеспечения экологического равновесия даже в районах с большой плотностью населения и высокой концентрацией промышленного производства.

Перечисленные выше проблемы, в решении которых значительное место при-

надлежит биотехнологии, представляют насущный интерес для Японии. Особую актуальность они приобрели на современном этапе, что обусловило в конце 70-х — начале 80-х гг. скачок в развитии биотехнологии в этой стране.

Министерство внешней торговли и промышленности (МВТП) Японии дает следующее определение: «Биотехнология на практике является использованием биологических организмов, систем, процессов в промышленном производстве. Бактерии, дрожжи, плесневые грибы, морские водоросли, клетки и ткани более высокоразвитых растений и животных, а также ферменты, выделенные из этих организмов, являются исходными объектами для развития новых отраслей промышленности и замены существующих химических и механических процессов новыми или улучшенными промышленными микробиологическими процессами».

По мнению зарубежных ученых, новым на данном этапе является не только использование микробиологии в промышленности, а выделение ее в особую сферу производственной активности.

Корни развития биотехнологии в Японии уходят в ранний период эпохи Мэйдзи (1868—1912), когда были предприняты первые попытки систематизировать проведение научных исследований в стране. В то время процессы ферментации являлись важнейшими объектами научного поиска. Правительство Мэйдзи извлекало выгоду от производства саке (рисовой водки) и поэтому содействовало исследователям, занимавшимся изучением ферментационных процессов. С самого начала периода Мэйдзи ветвь науки, изучающая продукты метаболизма живых организмов, и особенно микроорганизмов, стала крупнейшей ветвью агрохимии.

Основной движущей силой биотехнологии в Японии явился биохимический подход к микробиологии в целом, и к прикладной микробиологии в частности. В период между двумя мировыми войнами наблюдалось стремительное развитие индустрии ферментации. Это началось с производства органических кислот с помощью различных бактерий, плесневых грибов, дрожжей. После второй мировой войны прикладная микробиология заняла центральное место в развитии биотехнологических научных исследований в Японии.

В 1953 г. при Токийском университете был основан Институт прикладной микробиологии, который сыграл активную роль в развитии японской науки. К 70-м гг. японская ферментационная промышленность уже имела десятилетний стаж лидерства на мировой арене.

Наблюдаемый в последние годы значительный прогресс в развитии молекулярной биологии содействовал применению научных знаний в промышленном масштабе, и в частности в микробиологической промышленности. После первого нефтяного кризиса микробиологическая промышленность стала ключевой отраслью биотехнологии в Японии. Эта отрасль испытывает потребность не только в продуктивных микроорганизмах, но и в соответствующей среде, в которой они могут расти, а также в технологической обработке как организмов, так и продуктов, получаемых с их помощью. Развитие микробиологической промышленности сопровождается простыми технологическими решениями и в большинстве случаев рентабельно. Достижения Японии в микробиологической промышленности заключаются в массовом и сравнительно дешевом производстве ценных продуктов, а именно: широкого спектра антибиотиков, вакцин, медицинских препаратов для людей и животных, средств защиты растений, удобрений, белков, витаминов, жиров, ферментов, аминокислот.

У биотехнологии две основные цели: синтез новых химических препаратов и открытие биологических методов более эффективного производства ныне используемых химических препаратов. При дальнейшем эффективном развитии биотехнология может привести к революционным изменениям в химической промышленности.

Новые направления биотехнологии, которым прочат большое будущее в последующие два десятилетия, классифицируются следующим образом:

- промышленная технология, использующая ферментационные реакции (применение биологических процессов в промышленной технологии);
- выращивание культур клеток в промышленных масштабах;
- генная инженерия (работа по видоизменению клеточных структур);
- создание гибридных клеток.

Первые два направления биотехнологии, указанные выше, могут оказать радикальное воздействие на развитие многих промышленных процессов. По мнению специа-

листов, рекомбинации генов и создание новых типов гибридных клеток методом генной инженерии могут иметь большое значение в недалеком будущем.

Генная инженерия — одна из наиболее перспективных областей биотехнологии. Она связана с целенаправленным конструированием новых, не существующих в природе сочетаний генов с помощью генетических и биохимических методов. Это делает возможным построение по усмотрению ученых рекомбинантных дезоксирибонуклеиновых кислот (ДНК), определяющих наследственность. Основной целью генетической инженерии является получение белка человека, животных, растений и микроорганизмов, необходимого в практической деятельности для управления их наследственностью и жизнедеятельностью.

Одним из важнейших белков является инсулин, вырабатываемый поджелудочной железой и регулирующий уровень сахара в крови. Учеными найден более рентабельный, чем химический синтез, путь получения инсулина с помощью генной инженерии. Не менее важным объектом генной инженерии является интерферон, вырабатываемый клетками позвоночных для защиты от вирусных инфекций.

В предстоящее десятилетие в Японии предполагается широко использовать микробиологические методы в промышленном производстве, а к концу 90-х гг. — заменить 30 % энергоемких нефтехимических процессов микробиологическими.

Япония лидирует на мировом рынке по производству аминокислот, нуклеотидов, микробных ферментов и антибиотиков частично за счет разработки нескольких процессов получения различных аминокислот с использованием иммобилизованных ферментов и клеток. Не только отдельные компании, но и целые отрасли промышленности быстро освоили эти процессы, что способствовало снижению издержек производства и повышению конкурентоспособности японской продукции на мировых рынках.

Стратегия частных фирм в сфере НИОКР в биотехнологии

На современном этапе японские компании, специализирующиеся в области биотехнологии, развернули массивное продвижение на внутренний и внешний рынки. Этому способствуют наличие финансовых ресурсов и необходимого оснащения для проведения НИОКР в области биотехнологии, а также внушительная поддержка со стороны МВТП.

Согласно обзору, проведенному МВТП летом 1983 г., в Японии исследования в области биотехнологии ведутся в широком масштабе крупными частными фирмами. НИОКР в области биотехнологии ведут более 150 частных фирм. Эти фирмы реорганизуют свои системы НИОКР, создают научно-исследовательские институты и набирают новый состав научных сотрудников для работы в области биотехнологии². С 1980 г. ежегодно более 10 компаний начинают проводить НИОКР, связанные с биотехнологией. В 1982 г. частные предприятия затратили на НИОКР в этой области 50 млрд. иен, то есть на 20 % больше, чем в прошлом³. В последние годы наблюдается ежегодное удвоение ассигнований частных фирм на НИОКР в области биотехнологии. Так, в 1984 г. эти расходы возросли на 28,2 %, а в 1985 г. — примерно на 50 %. В среднем расходы одной компании на НИОКР в области биотехнологии достигают 295 млн. иен. Годовой бюджет на НИОКР крупных компаний «Адзиномото», «Торэй индастриз», «Танабэ сэйяку» составляет свыше 1 млрд. иен⁴. В Японии биотехнология занимает второе место по приоритетности НИОКР после электроники.

Как и в микроэлектронике, японская стратегия в области биотехнологии отличается от американской. В США новые виды продукции биотехнологии разрабатываются и практически реализуются мелкими фирмами типа «Ситус», «Биоген», «Дженекс», «Джинентек корпорэйшн»⁵. В Японии же основной импульс к проведению НИОКР исходит от крупных пищевых, фармацевтических, винодельческих и химических компаний типа «Адзиномото» и «Мицубиси кагаку»⁶. Японские промышленные компании, значительно уступая американским фирмам по финансированию НИОКР в области биотехнологии, превосходят американских партнеров по эффективности использования результатов НИОКР. Это объясняется рядом причин; в том числе большим акцентом японских фирм на прикладные исследования, направленные на производство товарной продукции.

Комитет по «наукам о жизни» при «Кэйданрэн» состоит из представителей 70 компаний, 50 из которых действуют в области биотехнологии, а остальные являются

производителями нового оборудования, необходимого для проведения НИОКР в области биотехнологии.

Пять частных НИИ в Японии вовлечено в проведение исследований ДНК. Многие другие частные НИИ изучают различные аспекты промышленного использования ферментов. 70 % (12 тыс. человек) общего числа ученых, работающих в области биотехнологии, трудятся в лидирующих в этой области частных фирмах, 20—25 % — в университетах и частных исследовательских лабораториях и лишь 5—10 % — в лабораториях государственных учреждений.

Японские пищевые и пивоваренные фирмы производят антибиотики, ферменты и сиропы с высоким содержанием фруктозы, а также препараты для лечения рака. Они извлекают прибыль за счет овладения искусством технологии ферментации. В противовес им мелкие японские фармацевтические фирмы наживают капитал на производстве собственных лекарств. В 1979 г. семь из одиннадцати новых видов антибиотиков, получивших широкое применение на мировом рынке, было получено в японских лабораториях. В 1980 г. Япония вышла на второе место в мире после США по производству лекарственных препаратов.

Проведение НИОКР в области биотехнологии приобретает все более широкий размах в Японии. В общих расходах на НИОКР в области биотехнологии преобладают расходы частных фирм. По данным газеты «Нихон кэйдзай симбун», в начале 80-х гг. не менее 95 частных компаний составили оперативные планы поставки на рынок в течение 2—5 лет продукции микробиологической промышленности. Из них 44 % составят фармацевтические препараты, 25 — пищевые продукты и химические реактивы и 10 % — продукция, имеющая отношение к энергетике. Испытывая острую нехватку в специалистах в области биотехнологии, частные фирмы организуют внутрифирменные курсы по их подготовке, а также направляют научных работников на стажировку за рубеж. Так, в настоящее время более 60 % частных фирм, проводящих НИОКР в области биотехнологии, направляют научно-исследовательский персонал на стажировку за рубеж⁷.

Среди крупных химических компаний, быстро включающихся в проведение исследований в области биотехнологии, можно назвать фирму «Мицубиси кагаку». Проведение исследований в области биотехнологии является одной из сторон стратегии фирмы по преодолению последствий энергетического кризиса.

Практически каждая крупная химическая компания в Японии следует по стопам «Мицубиси кагаку». Фирма «Сёва дэнко» производит аминокислоты, создавая новые типы гибридных клеток-продуцентов с помощью генной инженерии, а также разрабатывает методы получения новых препаратов гормонов и витаминов. Фирма «Асахи кагаку» проводит исследования в области противораковых лекарственных препаратов. Эти исследования ведутся в контакте с Токийским университетом и фирмами «Дайниппон сэйяку» и «Сумитомо кагаку». Фирма «Сумитомо кагаку» будет производить интерферон по лицензии английской фирмы «Велком фаундэйшн» и клиническое испытание гормонов роста, полученных по лицензии американской фирмы «Джинентек». Фирма «Мицуи тоацу кагаку» намерена производить интерферон с использованием технологии «Джинентек», а также разрабатывать получение урокиназы с помощью технологии рекомбинантных ДНК, импортированной у американской фирмы «Дженекс». В последние годы наряду с заключением лицензионных соглашений наблюдается стремление японских и американских фирм к совместным исследованиям в области биотехнологии⁸. Стимулом для японских компаний служит превосходство американских партнеров в создании новых видов продукции и процессов с помощью биоинженерии. Американские фирмы привлекает значительный опыт японских компаний в ферментационных процессах, обеспечивающий последним преимущество в массовом производстве. Стремясь к совместным исследованиям, американские фирмы преследуют также цель проникновения на японский рынок фармацевтической продукции, которая по своим масштабам занимает второе место в мире. В начале 80-х гг. стали появляться первые филиалы американских биотехнологических компаний в Японии («Эндзо биокэмил инк.») и филиалы японских фармацевтических компаний в США («Оцука фармацевтикл Ко. лтд.»). С целью выяснения возможностей международного научно-технического сотрудничества в области биотехнологии организуются посещения японскими делегациями ведущих биотехнических фирм в Англии, ФРГ, Швейцарии, во Франции и в США, а также министерств, курирующих работы в области биотехнологии в этих странах.

Фирмы «Сумитомо кагаку», «Тэйдзин», «Канэбо» и «Вакамото сэйяку» начали проведение НИОКР в области биотехнологии с направления своих исследователей на стажировку в Центр биотехнологических исследований при сельскохозяйственном факультете Университета в Киото. Этот центр был создан в 1982 г. для специализации в исследованиях в области клеток растений и уже заслужил мировую известность высоким техническим уровнем проведения исследований в области культуры тканей. Четыре указанные выше компании намерены разрабатывать сельскохозяйственные химикалии, наркотики и красители с использованием методов генной и клеточной инженерии.

В последние годы фармацевтические, химические, пищевые компании — «Мицубиси кагаку когё», «Асахи кагаку когё», «Кёва хакко», «Адзиномото» — направляют значительные ресурсы на исследование фундаментальных проблем в области протеинов с целью увеличения объема производства искусственных протеинов и новых лекарственных препаратов.

В 1980 г. для проведения объединенными усилиями НИОКР в области биотехнологии была создана ассоциация из пяти следующих частных компаний: «Асахи кагаку», «Кёва хакко когё», «Сумитомо кагаку», «Мицубиси кагаку» и «Мицуи тоацу кагаку».

В связи с принятием МВТП в 1981 г. программы развития базовой промышленной технологии для проведения НИОКР в области биотехнологии в августе 1981 г. была создана Ассоциация технических исследований в области биотехнологии. В эту ассоциацию вошли 14 крупных фармацевтических, химических и пищевых фирм, которые намерены ассигновать 26 млрд. иен на проведение биотехнологических исследований в течение 10 лет.

Роль государства в развитии НИОКР в биотехнологии

Признавая стратегическую важность развития биотехнологии, а также существовавшее отставание Японии в этой отрасли от ведущих капиталистических стран, в частности от США, японское правительство с 1974 г. приступило к форсированию биотехнологических исследований в стране. В результате возник целый ряд проектов в различных государственных учреждениях.

Главным органом по планированию и стимулированию проведения НИОКР в области биотехнологии является МВТП. В 1975 г. МВТП, отдав предпочтение развитию технологических процессов микробиологической промышленности, ассигновало 6 млрд. иен на осуществление 200 проектов. Кроме МВТП, непосредственное содействие развитию биотехнологических исследований оказывают пять других государственных учреждений, часть проектов которых уже вступила в действие, а другая будет осуществляться несколько позже.

В 1973 г. Управление по науке и технике (УНТ) учредило Комитет содействия проведению исследований в области «наук о жизни». Среди пяти основных сфер исследования приоритет был отдан изучению процессов старения и разработке противораковых препаратов. В 1979 г. УНТ ассигновало 1,5 млрд. иен на выполнение четырехлетней программы исследований базовых биореакторов, а также проблем рекомбинации ДНК и генной технологии. Этот научный совет поддерживает проведение исследований в области биотехнологии почти в 100 университетах.

Министерство здравоохранения и социального обеспечения в 1982 г. приняло программу, нацеленную на содействие развитию новых технологий производства гармонов, вакцин, интерферона, витаминов, аминокислот, антибиотиков и диагностических препаратов.

Японские ученые полагают, что на современном этапе они близки к осуществлению нового этапа в технологии генетического превращения при создании новых сортов сельскохозяйственных культур, которые могут произрастать без искусственных удобрений. Исследовательская группа во главе с Кокэй Хирота, главным генетиком Национального института генетики, занята выполнением задачи по выделению и перестройке генетического аппарата бактерий, найденных в корнях растений риса, для получения урожаев без применения искусственных удобрений, за счет способности растений самостоятельно фиксировать азот из воздуха и переводить его в необходимые для своего нормального роста соединения. Исследования данного института являются

частью программы, разработанной министерством сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства. Цель этих исследований заключается в проведении генетической мутации культур риса, которые могли бы произрастать на любой почве даже в плохих условиях. Поскольку азотные удобрения получают на нефтяной основе, ограничение их использования при выращивании риса будет способствовать большей экономии энергии.

В начале 80-х гг. проведение НИОКР совместными усилиями промышленных компаний, государственных учреждений и университетов получило особый размах. В 1982 г. около 60 фирм были связаны межфирменными контактами, 45 из них осуществляли совместные научно-исследовательские проекты. Более 116 фирм были вовлечены в совместные научно-исследовательские проекты с государственными научно-исследовательскими институтами и университетами. Целью подобной кооперации является разработка конечных продуктов или технологических процессов для использования микробиологической промышленностью, а также проведение фундаментальных исследований, содействующих более быстрому выполнению практических задач.

Так, в августе 1981 г. фирмы «Кёва хакко когё» и «Торэй индастриз» заявили о приобретении ими у японской исследовательской лаборатории по проблемам рака лицензии на производство бета-интерферона и бета-фибробластов с использованием технологии рекомбинантных ДНК. Обе компании объединили усилия в направлении практического применения технологии, разработанной Японской исследовательской лабораторией по проблемам рака. Это первая попытка осуществить процесс массового производства интерферона целиком на базе национальных исследований. В 1982 г. предполагалось приступить к первым клиническим испытаниям полученного таким образом интерферона в терапии рака.

Фирма «Кёва хакко» также играет ведущую роль в проведении в жизнь трех проектов МВТП по разработке новых сфер биотехнологии. Учитывая большие успехи данной компании в области технологии ферментации, МВТП поручило ей координировать действия группы химических фирм по проведению исследований в области выращивания культуры клеток животных в промышленном масштабе по плану проекта, который вступил в силу в 1981 г. Второй крупный проект нацелен на производство альтернативных видов топлива из богатых целлюлозой материалов, таких, как солома, рис, сахарный тростник и древесная стружка. Из суммы ассигнований, равной 12 млрд. иен, предназначенной МВТП для осуществления семилетнего проекта, фирма «Кёва хакко» предполагает самостоятельно использовать примерно одну треть.

В целях совершенствования системы исследований в области биотехнологии министерство сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства подтвердило свое стремление расширять сотрудничество государственного и частного секторов. Министерство планирует допускать исследователей частных фирм в государственные исследовательские организации и экспериментальные станции для проведения НИОКР, сообщать частным фирмам информационные данные о состоянии научных исследований и разработок в биотехнологии. Министерство предполагает осуществлять совместные с частным сектором программы в таких сферах, как выведение более совершенных сортов растений посредством метода культуры клеток, создания гибридных клеток, а также создания ферментных и клеточных систем для использования их в качестве биореактивов в пищевой промышленности. Министерство возлагает надежды на осуществление объединенных исследовательских программ с частными фирмами.

В процессе формирования в Японии новой промышленной структуры, в основе которой будут менее энерго- и материалоемкие процессы, биотехнология, подобно микроэлектронике, является ключевой областью, связанной с широким спектром отраслей промышленности. Сельское хозяйство, фармацевтическая и химическая промышленность, энергетика, производство пищевых продуктов, металлургия и другие отрасли используют достижения биотехнологии.

Медицинские потребности населения Японии могут быть удовлетворены за счет применения новых лекарственных препаратов. Использование результатов исследований в области клеточной и молекулярной биологии может содействовать повышению эффективности контроля за загрязнением окружающей среды.

Характерным является тот факт, что в Японии несколько компаний, в частности биотехнологических, параллельно проводят одинаковые научные исследования (например, исследуют интерферон, фактор ракового некроза, моноклональные антитела).

Компании, которые станут лидерами на внутреннем рынке, будут серьезными конкурентами и на мировой арене.

Американские эксперты в области биотехнологии высказывают серьезные опасения по поводу того, что японская биотехнология может выйти на передовые рубежи и заменить по значимости химию к концу десятилетия¹.

Поскольку в Японии существует давняя традиция успешного использования микроорганизмов, все изменения в развитии биотехнологии в этой стране могут произойти столь же быстро, как и в микроэлектронике. Если Япония добьется такого же успеха в развитии биотехнологии, какой наблюдается в развитии автомобилестроения и электроники, то возникнет вероятность захвата ею лидирующих позиций на мировом рынке.

Новый акцент в японской научно-технической политике на форсирование фундаментальных исследований не означает отрыва последних от практики, а предполагает еще более тесную связь с ней. Это повлечет за собой введение новой технологии в производство традиционных видов продукции. По мнению японских специалистов, умелое сочетание старой технологии (ферментации) с новой (генной инженерией) может дать Японии значительные преимущества перед другими развитыми капиталистическими странами.

* * *

При рассмотрении состояния и перспектив развития биотехнологии в Японии четко прослеживаются общие особенности развития научно-исследовательской базы промышленной технологии и системы государственно-монополистического регулирования сферы НИОКР в стране.

В общих расходах на НИОКР в области биотехнологии преобладают расходы частных фирм. В последние годы частные фирмы наряду с проведением прикладных исследований в области биотехнологии форсируют фундаментальные исследования в этой области и подготовку высококвалифицированных специалистов.

В начале 80-х гг. активизировалась политика государства, направленная на развитие отечественных технологических систем на базе национальных исследований, в частности в области биотехнологии. Кроме национальных программ развития биотехнологии, она включена в 10-летнюю программу МВТП по развитию базовой промышленной технологии.

Характерное для последних лет усиление международного научно-технического сотрудничества Японии с ведущими капиталистическими странами не только в сфере обмена технологией, но и в проведении совместных НИОКР в области биотехнологии свидетельствует о возросшем уровне национальной биотехнологии.

В предстоящее десятилетие биотехнология наряду с робототехникой и новыми материалами будет находиться в фокусе научно-технической деятельности в Японии. В связи с энерго и материалосберегающей тенденцией перспектива ее устойчивого развития не подлежит сомнению.

Развитие биотехнологии создает новые возможности прибыльного приложения капитала. Правящие круги Японии отводят этому направлению научно-технического прогресса важную роль в техническом перевооружении производства. Развитие биотехнологии способствует росту производительности труда и эффективности производства.

¹ «Вестник АН СССР», 1982, № 4, с. 6.

² In: "Fortune", 29.X.1984.

³ In: "The Japan Times", 10.I.1984.

⁴ In: "Nature", 24.X.1985.

⁵ См.: «Мировая экономика и международные отношения», 1982, № 1.

⁶ In: "Chemical Week", 16.XII.1981.

⁷ In: "New Scientist", 6.XII.1984.

⁸ In: "Business Week", 19.X.1981.

⁹ In: "Scientific American", November 1985.

О Кульджинской школе переводчиков и толмачей

Вторая половина XIX в. в истории взаимоотношений России и Китая характеризовалась значительным развитием политических, торговых и научных связей между ними. Уже в начале 60-х годов в Сибири, на Дальнем Востоке и в Туркестанском крае стала остро ощущаться нехватка переводчиков. Для удовлетворения растущей нужды в лицах, знающих китайский, монгольский и маньчжурский языки при русских консульствах в Урге и Кульдже были созданы специальные школы переводчиков и толмачей¹, внесших определенный вклад в историю практического отечественного востоковедения. Однако если о существовании и деятельности школы переводчиков в Урге имеются специальные публикации², то этого нельзя сказать о Кульджинской школе, выпускники которой также принимали участие в формировании международных отношений на Дальнем Востоке и в Центральной Азии. Цель настоящего сообщения отчасти восполнить этот пробел и на основе новых архивных поисков рассказать об этой школе.

В 1860 г. после подписания дополнительного русско-китайского Пекинского договора, на основании статьи 5 в Урге было открыто русское консульство. Первое время в качестве переводчиков консульство использовало местных жителей, однако это был далеко не лучший выход из положения. Поэтому первый ургинский консул Я. П. Шишмарев 1 мая 1864 г. обратился с докладом на имя генерал-губернатора Восточной Сибири Корсакова с предложением готовить переводчиков при самом консульстве, а учителями пригласить местных монгольских и маньчжурских чиновников. В год, по предварительным подсчетам консула, на школу необходимо было отпускать из государственных средств 1140 руб. Предложение было одобрено губернатором, школа создана и просуществовала несколько десятилетий, подготовила более ста переводчиков, однако до 1884 г., как отмечает Е. Даревская, находилась «на положении неофициального заведения»³.

Острая нужда в людях, знающих восточные языки, ощущалась и в Туркестанском генерал-губернаторстве, которое стало направлять своих учеников в Ургинскую школу. В 1873 г., как явствует из донесения начальника школы Шишмарева в Азиатский департамент МИД, из восьми учеников школы, четверо были командированы туркестанским генерал-губернатором Кауфманом. Эти ученики, говорится в донесении Шишмарева, «приготавлиются при консульстве особо, согласно требованиям и условиям Туркестанского края»⁴.

В середине 70-х годов XIX в. существованию школы переводчиков в Урге было решено дать законный статус и выработать ее устав. Между различными министерствами и ведомствами Российской империи, административными учреждениями Сибири и Туркестана, консульствами в Монголии и Пекине началась продолжительная переписка по этому вопросу, закончившаяся в 1881 г. тем, что проект устава «Ургинской школы переводчиков монгольского и маньчжурского языков» министерством внутренних дел был

вынесен на рассмотрение Государственного совета. Мнения членов Совета о целесообразности школы переводчиков в Урге разделились. Министр иностранных дел Н. К. Гирс, указав, что «приготовление переводчиков тех именно наречий, которыми говорят в частях Китая, сопредельных Туркестанскому краю», затруднительно, предложил перевести школу в Кульджу. Из-за разногласий дело было возвращено в МВД «для составления новых по упомянутому заявлению соображений». В защиту интересов Ургинской школы активно выступил генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Г. Анучин. 11 декабря 1881 г. в своей пространной записке МИД он указывал, что «перемещение школы из Урги в Кульджу, облегчив приготовление переводчиков для Туркестанского края, затруднит это же самое для Восточной Сибири». Между тем здесь, подчеркивал глава восточносибирской администрации, «с каждым днем ощущается все большая и большая потребность в опытных переводчиках китайского языка». Он предложил создать две школы переводчиков: одну в Урге, другую — при российском консульстве в Кульдже, которая готовила бы переводчиков и толмачей для Туркестанского края. Ознакомившись с предложениями Анучина, Гирс тут же отправляет ургинскому консулу Шишмареву, назначенному чрезвычайным комиссаром по возвращении Илийского края Цинской империи, телеграмму следующего содержания: «Благоволите сообщить телеграфом, можно ли иметь Кульдже опытных учителей монгольского и маньчжурского языков и наречий китайского, на которых говорят по соседству с Восточной Сибирью». Уже на другой день была получена ответная телеграмма Шишмарева с положительным ответом. Под давлением туркестанской администрации МИД начинает склоняться в пользу создания одной школы в Кульдже. Как же в то время обстояло дело с подготовкой переводчиков в Туркестанском крае?

Степной генерал-губернатор генерал-лейтенант Г. А. Колпаковский 11 декабря 1882 г. доносил в МИД, что «ввиду давно ощущавшейся потребности в толмачах и переводчиках китайского, маньчжурского и монгольского языков для пограничных с Китаем управлений Туркестанского и нынешнего Степного генерал-губернаторств Семиреченская область, чтобы получить таких людей посылала, по примеру Западной и Восточной Сибири, чрез известное число лет 3—4-х мальчиков, по преимуществу из казачьих детей, в Ургу, где они определялись учениками в находящуюся при тамошнем консульстве школу переводчиков»⁵. В Семиреченскую область из Ургинской школы возвратилось 3 переводчика маньчжурского и монгольского языков — Скударов, Афанасьев, Деев — и толмач Ермолаев (Афанасьев вскоре после возвращения умер). В 1878 г. казачий сын И. Затинщиков был рекомендован педагогическим советом Верненского приходского училища в Ургинскую школу. Руководство Ургинской школы направило его на «стажировку» в торговую слободу Маймачен к старшему учителю зайсану (князю) Наянтаю, и через некоторое время он был определен в школу. Материальное положение его было довольно тяжелым. Ученики школы, состоявшие главным образом из детей казаков Забайкальского казачьего войска, получали ежемесячное казачье довольствие в размере 25 руб., Затинщиков же получал 7 руб. в месяц. Он учился в Урге с июня 1879 по март 1883 г., после чего был отправлен обратно в Верный. В свидетельстве об окончании школы, подписанном новым консулом В. Успенским, говорилось, что Затинщиков «в течение трех с половиной лет при отличном поведении обучался и оказал успехи: в монгольском языке — хорошие и в маньчжурском языке хорошие»⁶. Подготовка переводчиков в Монголии обходилась Семиреченской казне довольно дорого, к тому же специфика

работы будущих переводчиков ургинскими преподавателями учитывалась недостаточно. Однако не эти обстоятельства побуждали Семиреченскую и Туркестанскую администрацию добиваться у правительства разрешения на создание школы в Кульдже. Дело в том, что эта школа уже существовала и готовила переводчиков на протяжении 10 лет, однако существовала она так же, как и Ургинская, «нелегально».

Как известно, в 1871 г. русскими войсками временно был занят Илийский край. Воспользовавшись этим, Семиреченское областное начальство «поместило в виде опыта в Кульдже... у китайского волостного управителя Янчи двух казачьих малолетков Бахирева и Сташкова, обязав Янчи учить их при посредстве учителя Кульджинской народной школы китайскому языку». Через несколько лет учебы Бахирев и Сташков стали единственными русскими переводчиками в Семиречье. В 1881 г. Сташков был назначен переводчиком маньчжурского языка в комиссию по передаче Илийского края цинским властям.

Ободренные первыми успехами семиреченские власти, возглавляемые тогда энергичным и способным администратором Колпаковским, в 1878 г. решили набрать уже 5 учеников «с отпуском на содержание их ежегодно участковому начальнику, по смете Кульджинского района потребной суммы, по расчету 190 руб. на воспитанника». Первый кульджинский консул И. Падерин энергично принялся за их обучение. Выделенных средств, однако, оказалось недостаточно в связи с резким повышением цен на продовольствие и предметы первой необходимости. Это вздорожание произошло вследствие вступления в край цинских карательных войск и бегства коренного населения в пределы России. Одним из первых вопросов о легализации Кульджинской школы поднял Шишмарев. Прибыв в 1880 г. в Илийский край и ознакомившись с положением дел на месте, он обратился к Туркестанскому генерал-губернатору Кауфману с предложением об организации школы переводчиков в Кульдже на новых юридических основаниях и выделении казной соответствующих средств. Спустя некоторое время Кауфман и Колпаковский обратились к правительству с ходатайством «об утверждении существующей при российско-императорском консульстве в Кульдже школы переводчиков маньчжурского и китайского языков в законодательном порядке с производством каждый год на содержание ее отпуска в размере 1460 руб. и с дарованием ей тех же прав, коими пользуется подобная ей Ургинская школа переводчиков»⁷.

Правительство обратилось за консультациями к видным ученым-востоковедам, в частности к известному синологу В. П. Васильеву. Последний пришел к мысли, что было бы целесообразно создать несколько школ переводчиков. «Урга есть главный центр Монголии,— писал он в своей записке правительству,— в которой существует немало оттенков в наречиях и, конечно, только с языком господствующим удобнее понимать и быть понимаемым теми, которые, говоря особым наречием, не могут не быть хотя несколько знакомы с ургинским, так как большинство монгольских племен приезжает в Ургу. В окрестностях же Кульджи можно встретить всего скорее говорящих цзюнгарским (калмыцким или близко к нему подходящим наречием), с которым будет неудобно справляться в Урге... В Кульдже будет труднее научиться по-монгольски и по-маньчжурски». Поэтому, полагал В. П. Васильев, «было бы гораздо целесообразнее (как это ни прискорбно для ургинского или кульджинского самолюбия), оставив Ургинскую школу на прежнем основании, представить консулам в Чугучаке (для Западной Сибири), Кульдже и Кашгаре (или Турфане)... входить с представлением об открытии таких же школ при своих консульствах на подобную же сумму

в 980 рублей, принимая в расчет и нужные для каждой местности языки»⁸.

Правительство приняло решение, «помимо преобразования существующих ныне в Урге классов для обучения китайскому и монгольскому языкам в постоянную школу, учредить еще другую в Кульдже». Министерство иностранных дел совместно с министерством внутренних дел составило проект «оснований для устройства помянутых школ и смету расходов, потребных на содержание оных» и передало его на рассмотрение Государственного совета. 27 ноября 1884 г. Совет одобрил представленный проект. Кульджинской школе выделялось 6 государственных стипендий. Устав Кульджинской школы разрабатывал ее первый начальник консул И. Падерин. В школу на казенный счет принимались юноши, «говорящие по-киргизски», то есть по-казахски, приписанные к Сибирскому и Семиреченскому казачьему войску, а также дети казахов, «окончивших курс в городских четырехклассных училищах». Три стипендиата обязательно должны были быть русскими. «Областные и уездные начальства» имели право за свой счет направлять в школу своих представителей. Принимались в школу и частные лица, платившие взнос в сумме 200 руб. в год. Стипендиаты после завершения учебы имели преимущество при распределении.

Ученики Кульджинской школы переводчиков и толмачей изучали «письменный и разговорный маньчжурский, китайский, калмыцкий и тюркские языки». В течение пяти лет обучения они должны были овладеть двумя выбранными ими языками. «Окончившие курс учения в школах молодые люди разделяются на два разряда: по 1-му разряду выпускаются приготовившиеся к занятию должности переводчика, ко 2-му разряду — приготовившиеся к занятию должности толмача». Первые после сдачи экзамена производятся в чиновники XIV класса, вторые получают этот класс, прослужив 2 года. После окончания школы ученики обязаны были прослужить в качестве переводчиков не менее шести лет⁹. Учителей приглашали из местных жителей. В 1883—1884 гг. школа финансировалась из кульджинских доходов, а затем — со сборов на народное образование с казахского и киргизского населения Семиреченской области.

Из Семиреченской области в школу был принят урядник Семиреченского полка Петр Шебалин, казак того же полка Григорий Хабаров, возвратившийся из Урги Иван Затинщиков, «казачий малолеток» Мало-Алмаатинской станицы Александр Шашков и сын канцелярского служащего Александр Шмаков. Кроме них, на счет Зайсанского приставства обучался казак Мусалим Ильясов. Шебалин, Хабаров и Шмаков закончили двухклассное училище в Кульдже (приравняемое к четырехклассным городским училищам), Шашков с 1882 г. находился при русском консульстве в Кульдже и изучал китайский и маньчжурский языки. Из числа учеников Верненской мужской гимназии были приняты Вениамин Ладыгин (сын бедняка) и Александр Габеев (сирота). «Из учеников школы,— сообщал кульджинский консул и начальник школы И. Падерин Семиреченскому военному губернатору,— особенно успешно занимался и значительно усовершенствовался казак Григорий Хабаров, он уже может быть порядочным переводчиком — письменным и разговорным. Усердно занимались и одобрительно себя вели остальные ученики: Шебалин, Затинщиков, Шмаков, Шашков. Шмаков и Затинщиков самостоятельно делают письменные переводы тоже очень удовлетворительно, но Затинщикову недостает знания китайского разговора»¹⁰. В сентябре 1886 г. состоялся по существу первый выпуск переводчиков Кульджинской школы. Главным экзаменатором был назначен Иссыккульский уездный судья Малишевский. Все ученики выдержали испытания успешно и были

направлены на службу в различные административные учреждения края, а также в Сибирь. Григорий Хабаров служил переводчиком в Хабаровске, Шмаков и Шебалин в Семиреченске. Летом 1885 г. Бахирев сопровождал направленного в Кашгарию капитана Генерального штаба Галкина¹¹. После своего возвращения он составил интересное описание Синьцзяна.

Вскоре после первого выпуска в школе появились новые ученики — Павел Калачев, Дмитрий Шеглов, Иван Агапов, Яков Калачев. В 1889 г. школу окончили Александр Габеев, Вениамин Ладыгин и Василий Рагозин, каждый из которых в какой-то мере проявил себя в деле исследования Центральной Азии. В. Ладыгин в 1893—1895 гг. принимал участие в известной экспедиции в Центральную Азию В. И. Роборовского. А. И. Габеев служил в качестве драгомана на Китайско-Восточной железной дороге, выступал в печати с различного рода статьями¹². В третьем выпуске учились Григорий Асанов, Нор-Ахмет Карачев, Валентин Козлов и др. Нормальные занятия продолжались в школе до начала 90-х годов. В 1891 г. Степной генерал-губернатор Таубе поднял вопрос о закрытии Кульджинской школы переводчиков, как обходящуюся слишком дорого для государственной казны. В защиту сохранения школы энергично выступил кульджинский консул В. М. Успенский. Возражая Таубе, консул писал: «Как в Степном, так и в Туркестанском генерал-губернаторстве потребность в людях, знающих более-менее основательно как тюркские наречия, так и китайский и маньчжурский языки, всегда была и есть, только потребности появлялись не спорадически, а тянулись последовательным рядом случаев, иногда довольно значительных, а потому и не обращали на себя внимания высшей провинциальной власти»¹³. В. М. Успенский хорошо отзывался о некоторых учениках школы, в частности Асанове и Карачеве. «О первом здешние представители китайской администрации отзываются с большой похвалой, как об устном переводчике китайского языка. В текущем году он принял за окончательное подготовку себя в письменном маньчжурском языке. Карачев прекрасно и почти безошибочно излагает переводы казенных бумаг на язык маньчжурский и говорит на нем порядочно. Ныне он переходит к усиленным упражнениям в языке китайском. Тюркский язык Карачеву знаком как природный, а Асанову — как с малолетства вращавшемуся среди киргизов (казахов.— В. М.)».

В школе преподавали знающие свое дело учителя. Китаец Ду Ан, провинциальный сюцай провинции Ганьсу, «очень сведующий по здешнему в литературе и толковый преподаватель; Цзинкина — человек, уже 10 лет имеющий дело с нашими учениками и выпустивший из здешней школы такого маньчжурского писаря, как Хабаров, изложению которого удивлялись даже здешние казенные писцы-маньчжуры; Касым-Ахун, ташкентский сарт, учившийся в Самарканде и почитаемый среди здешних ахунов». Кульджинская школа, по мнению консула, «прожила десятилетие не бесследно, если остановиться даже на тех молодых людях, которые указаны в отношении МВД и которые занимают ныне скромные, но крайне полезные и необходимые места учителя дунганской школы в Каракунузе и должность заведующего дунганами (Ладыгин и Шмаков). Лично мне крайне было бы жаль, если бы школа бесповоротно закрылась. Но я не смею выступить борцом против такого авторитета, как господин Степной генерал-губернатор».

В 1893 г. был произведен очередной, третий по счету выпуск, и в школе остался один ученик Козлов. Новых заявок не поступало, и Таубе 25 сентября 1893 г. написал в МИД, что он принял решение закрыть «состоящую при кульджинском консульстве школу переводчиков и толмачей,

а ученика Козлова для окончания установленного пятилетнего курса перевести в таковую же в Урге»¹⁴. Узнав об этом решении, В. М. Успенский обратился к влиятельному графу Д. А. Капнисту за поддержкой. Довольно резко консул парировал замечание Таубе о том, что все бумаги и переписку с цинскими властями, а также и прочие обязанности, связанные с устными и письменными переводами не так уже трудно выполнять и самим консулам. «О трудности или легкости того или другого дела,— указывал М. В. Успенский,— может судить только тот, кто его делает, а не тот, кто заставляет делать... Кульджинское консульство не всегда может располагать в своем составе таким персоналом, который удовлетворял бы всем требованиям знаний в группе монголо-китайских языков». Консул приводит далее целый ряд фактов и примеров, доказывая необходимость сохранения школы, приложив при этом ходатайства русских купцов, торгующих с Китаем, просивших прислать им людей, знающих китайский язык.

Мнения о целесообразности сохранения школы переводчиков в Кульдже в правительственных кругах вновь разделились. За ее сохранение выступил министр финансов С. Ю. Витте, считавший, что «упразднение означенной школы, шло бы в разрез с не раз уже высказывавшимся стремлением обоих правительств, русского и китайского, к подготовке возможно большего контингента лиц, могущих служить толковыми посредниками во взаимных пограничных и торговых сношениях, с каковой целью и учреждена была китайским правительством, почти одновременно с кульджинской школой, школа переводчиков в Урумчи»¹⁵. Чаша весов склонилась, таким образом, в пользу сохранения школы, которая просуществовала еще несколько лет.

В. А. МОИСЕЕВ,
кандидат исторических наук
г. Алма-Ата

¹ См.: П. Е. Скачков. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977, с. 242—245.

² См.: Е. Даревская. Ургинская школа переводчиков и толмачей (Из истории русско-монгольских связей).— «Свет над Байкалом», 1958, № 1, с. 139—150.

³ Там же, с. 141, 150.

⁴ АВПР. Китайский стол, д. 2035, л. 22—22 об.

⁵ Там же, л. 41—42 об, 46, 49.

⁶ Центральный Государственный Архив Казахской ССР (Далее ЦГА КазССР), ф. 44. Семиреченское областное правление, оп. 1, д. 360, л. 315.

⁷ АВПР. Китайский стол, д. 2035, л. 49 об, 51 об.

⁸ ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 1, д. 360, л. 217—217 об.

⁹ См.: АВПР. Китайский стол, д. 2035, л. 72—77.

¹⁰ ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 1, д. 360, л. 354—354 об.

¹¹ См. там же, д. 37375, л. 153—157.

¹² См.: А. И. Габеев. О необходимости использования опыта русской деятельности в Маньчжурии с целью избежания ошибок в нашей предстоящей работе в Монголии. Доклад бывшего драгомана КВЖД в Российской экспортной палате. СПб., 1913.

¹³ АВПР, Китайский стол, д. 2035, л. 172—172 об.

¹⁴ Там же, л. 177 об — 178 об, 181—181 об.

¹⁵ Там же, л. 236—247, 256, 260—261 об.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Труды по истории китайской литературы

Чжунго сяньдай вэньсюэ ши (История новейшей китайской литературы). — Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, Пекин, 1984, т. 1—2, 837 с. Чжао Сяцю, Цзэн Цинжуй. Чжунго сяньдай сяоши ши (История китайской прозы в новейшее время). — Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, Пекин, 1984, т. 1, 670 с., т. 2, 900 с.

Издательство Народного университета Китая (Пекин) выпустило в свет два солидных труда по истории новейшей литературы в Китае. Согласно установленной периодизации, к новейшей относится литература периода с 1917 (или 1919) по 1949 г., то есть ко времени между «литературной революцией» и «движением 4 мая», с одной стороны, и созданием Народной республики — с другой. При такой периодизации литература КНР называется современной.

Народный университет, родившийся почти одновременно с Народной республикой, известен не только как центр подготовки политико-административных, хозяйственных и научных кадров для великой страны, но и как научно-исследовательское учреждение, чьи разработки пользовались начиная с 50-х гг. заслуженной известностью. В лучших трудах, выпущенных учеными университета, с марксистских позиций исследовались кардинальные проблемы прошлого и настоящего Китая, его экономики и идеологии, истории и культуры, его положения в современном мире. «Культурная революция» более чем на десятилетие прервала деятельность Народного университета. Она возобновилась лишь в июле 1978 г.

Первая из рецензируемых работ — «История новейшей китайской литературы» (далее — «История литературы») — подготовлена соответствующей кафедрой филологического факультета. Главным редактором издания является Ли Чжихао. Как мы узнаем из редакционного пояснения, книга в основе своей была написана в начале 60-х гг. и в 1964 г. выпущена в качестве учебного пособия «для внутреннего пользования». После переработки, с исправлениями и дополнениями, в 1979 — 1980 гг. вышло первое открытое издание книги. При подготовке данного, второго издания она вновь была подвергнута доработке, коснувшейся главным образом раз-

делов о литературном движении и теоретических дискуссиях. Отдельные дополнения и поправки внесены также в разделы о творчестве некоторых писателей.

Авторский коллектив исходит из представления о новейшей китайской литературе как о части «новой культуры, возникшей после «движения 4 мая» под руководством пролетариата и имевшей в качестве ведущей идеологии коммунистическое мировоззрение и теорию социальной революции». «Главное ее течение было новодемократическим по своей сущности, то была последовательно антиимпериалистическая и антифеодалная литература широких масс» (с. 1). Первым среди проповедников «новой литературы» называется Ли Дачжао с его статьей «Миссия "Утреннего колокола"», опубликованной 15 августа 1916 г. Затем достаточно подробно рассказывается о последовавших известных публикациях Ху Ши, Чэнь Дусю (впервые «настоящему призывавшего к литературной революции») и Чжоу Цзожэня. Отмечая выдающиеся исторические заслуги «движения 4 мая», авторы говорят и о присущих ему серьезных недостатках: не ставился прямо вопрос о борьбе с империализмом, существовала недооценка потенциальных возможностей рабоче-крестьянских масс и т. д.

Стремление к объективной оценке как достижений, так и слабостей присуще многим разделам книги. Представляется, однако, что чувства меры не удалось сохранить при характеристике значения «Выступлений на конференции по вопросам литературы и искусства в Яньани» в 1942 г. По словам авторов, эти «Выступления» по сравнению с «движением 4 мая» представляли собой «еще более великую, более глубокую революцию». Конечно, новаторское значение таких замечательных произведений литературы Освобожденных районов, как «Седая девушка», повести Чжао Шули, романы Чжоу Либо и Дин Ли неоспоримо, как неоспорима важность проходившего в 40-е гг. процесса дальнейшего сближения прогрессивной литературы с жизнью трудящихся масс, их запросами и чаяниями. Но можно ли сказать, что между названными произведениями и лучшими творениями 20—30-х гг. существуют «более глубокие» различия, нежели между этой классикой прогрессивной литературы и произведениями начала XX в.? И разве только после 1942 г. писатели стали «сознательно отображать антиимпериалистическую войну и освободительную борьбу» (с. 4)?

История литературы предостерегает против переоценки значения подобных установочных выступлений. Они могут играть мобилизующую роль, могут облегчить понимание проблем, поставленных жизнью перед искусством. Но когда рожденные в конкретных обстоятельствах рекомендации превращаются в панacea, когда каждое положение превращается в догму (а так, увы, и произошло), негативная их функция становится очевидной.

Надо сказать, что в «Истории литературы» — со ссылкой на Ху Цяому и Чжоу Яна — отмечается наличие в «Яньаньских выступлениях» некоторых недостатков, как-то: тезиса о том, что литература подчиняется политике, разделения политических и художественных критериев оценки литературных произведений, сведения социальной сущности человека к классовой. Тем не менее общий вывод авторов состоит с тем, что «Выступления» не только подняли китайскую революционную литературу на новую ступень, но и «имели великое значение для мировой прогрессивной литературы, особенно для литератур Азии, Африки и Латинской Америки» (с. 675).

В первом томе, доводящем изложение до начала войны с Японией, шесть глав анализируют основные черты литературного процесса и идеологических дискуссий в период «движения 4 мая», в 20-е гг. и в период Левоы лиги китайских писателей. Две главы посвящены «великану культурной революции» Лу Синю, по одной — «основоположнику новой поэзии» Го Можо и «выдающемуся революционному писателю» Мао Дуню. К ним примыкают и две главы второго тома — «Ба Цзинь, Лао Шэ, Цао Юй» и «Писатели Левоы лиги и прочие» (отдельные параграфы посвящены также Шаоцзюню и Юй Дафу). Такое сосредоточение внимания на нескольких наиболее крупных фигурах представляется оправданным, особенно если иметь в виду, что перед нами учебное пособие. Это позволяет дать более подробный идейно-художественный (как правило, с акцентом на идейную сторону) анализ самых значительных произведений этих, теперь уже можно сказать, классиков китайской культуры нынешнего столетия, воссоздать хотя бы некоторые неповторимые черты их облика. Понятно и то, что авторы большей частью исходят из устоявшихся, общепризнанных оценок.

Удачей авторов представляется глава о Лу Сине, в которой учтено многое из достижений лусиневедения, принявшего в КНР в последнее десятилетие большой размах. Раскрывая идейную эволюцию великого писателя, отразившуюся в его художественных произведениях, публицистике и научных трудах, авторы убедительно показывают и ее закономерную последовательность, и ее органическую связь с развитием политической и классовой борьбы в стране. При этом читателю ясно, что, хотя каждому этапу этой борьбы соответствует этап в духовном развитии Лу Синя, это соответствие отнюдь не носит механического характера: писатель не просто «испытывал влияние», он как бы пропущал все свершившееся в стране события через свое сознание, выработывал личное отношение к ним, в случае необходимости корректируя свои прежние позиции. Больше внимания, чем в других разделах, уделено художественному мастерству писателя, его индивидуальной манере.

В главах, анализирующих идейные процессы в новейшей китайской литературе, при из-

ложении содержания проходивших в исследуемый период дискуссий наиболее подробно освещаются воззрения ведущих представителей марксистской и революционно-демократической мысли, включая руководящих деятелей Компартии Китая. Вместе с тем более полно и объективно, нежели в прежних изданиях такого типа, излагаются и точки зрения литераторов, внесших в тот или иной период свою лепту в духовное развитие общества, но затем оставших от его поступательного хода или же повернувших вспять. К их числу относятся Чжоу Цзожэнь, Ху Ши, Линь Юйтан. Правда, в публикациях самого последнего времени встречаются еще более позитивные оценки этих деятелей, чем те, что содержатся в «Истории литературы». Но ведь более новое не всегда означает более правильное. Об этом, в частности, говорит отповедь, данная в конце 1986 г. китайской центральной печатью попытке в какой-то мере оправдать коллаборационизм Чжоу Цзожэня в годы антияпонской войны.

За три с лишним десятилетия, охватываемые «Историей литературы», в истории китайского общества произошло много событий, резко изменивших его облик. Сложным и противоречивым было влияние этих перемен на развитие литературы, на идейную эволюцию ее творцов. Преждевременно было бы утверждать, что в рецензируемом труде найдены окончательные ответы на все возникающие в этой связи проблемы, что уделено должное внимание всем литературным процессам и явлениям, того заслуживающим. Но это, безусловно, солидный и добросовестный труд, помогающий учащейся молодежи, да и не только ей, составить в целом верное представление о пути развития прогрессивной культуры Китая в ответственной период жизни страны, о немалых трудностях и замечательных достижениях на этом пути.

Второй из рассматриваемых трудов — «История китайской прозы в новейшее время» (в дальнейшем — «История прозы») — подготовлен двумя сотрудниками Народного университета. Чжао Сяю принадлежат три первые части этого объемистого (свыше полутора тысяч страниц) издания и заключение, Цзэн Цинжюю — введение и три остальные части. Поясняя свой выбор темы исследования, авторы указывают на то, что по сравнению с другими родами литературы проза (строго говоря, сюжетная проза — «сяошо» — в отличие от «саньвэнь») в новейшее время располагала «наиболее крупным отрядом авторов, дала наибольшее число произведений, наиболее широко и глубоко отразила жизнь, достигла наиболее значительных художественных результатов и обладает наибольшим числом читателей» (с. 1). С этой оценкой нельзя не согласиться. Справедливо и замечание о том, что в стране «этой темой почти никто специально серьезно не занимался»¹.

Первой бросающейся в глаза особенностью «Истории прозы» является то, что авторы на-

чинают изложение не со времени «литературной революции» или «движения 4 мая», а на два десятилетия раньше. Первая часть книги носит название «Предвестники» и анализирует развитие сюжетной прозы — в теоретическом и творческом аспектах — с 1896 по 1917 г. За начальную точку отсчета принято обнаружение работы Лян Цицао «Относительно обучения детей» («Лунь ю сюэ»), в одном из разделов которой известный деятель реформаторского движения выступает против традиционно пренебрежительного отношения к художественной прозе и говорит о ее большом значении для борьбы с социальными пороками, за улучшение нравов общества.

Авторы подробно анализируют общественные предпосылки расцвета прозы в последнее десятилетие Цинской империи, особенно социально-критического (по терминологии Лу Синя — «обличительного») направления, о проделанной китайскими просветителями в этой связи значительной теоретической работе, о растущем влиянии переводов иностранной литературы как на умы общества, так и на художественную практику. Немало нового материала содержится в разделах о борьбе реалистических и антиреалистических тенденций в литературе первого десятилетия XX в.

Авторы, безусловно, правы в том, что новейшая проза, первым произведением которой обычно считается «Дневник сумасшедшего» Лу Синя (1918), не родилась на пустом месте и была в определенной степени подготовлена просветительской и «обличительной» литературой предыдущего периода. Об этом, в частности, подробно говорится в монографии В. И. Семанова «Лу Синь и его предшественники» (1967). И все же непосредственно включение периода 1896 — 1917 гг. в «историю прозы новейшего времени» не кажется до конца убедительным. Авторы надеются, что, «показав связь между созданием великим Лу Синем новой эры в китайской прозе и усилиями его предшественников», они еще более подчеркнут величие этой «новой эры». Но коль скоро речь идет о «новой эре», не логичнее ли было бы в самой структуре книги более четко выделить разговор о достижениях предшествующей эпохи («старой эры»), перенеся его во «введение»? Ведь в сознании современников грань между этими двумя эпохами была предельно отчетлива. Те же писатели 20 — 30 гг., которые по форме и отчасти по содержанию продолжали прозу начала века, рассматривались именно как продолжатели и эпигоны (что не означает, будто в их произведениях не может быть достоинств и их не следует изучать).

Первое десятилетие новейшей прозы авторы труда делят на два этапа — «Рождение» (1917—1921) и «Становление» (1921—1927). Нам такое членение представляется излишним, тем более что творчество Лу Синя занимает ведущее место в каждой из частей повествования. Но нельзя не воздать должного широте охвата материала и тщательности его ана-

лиза, нередко приводящего к нестандартным выводам и оценкам. Выделяя в прозе этого периода ряд направлений («проблемная проза» членов Литературного сообщества, «изображение самого себя» у группы «Творчество», «литература родных мест» и др.), Чжао Ясю в то же время показывает, как отдельные течения сливались в большой поток реалистической прозы. Ее достижениям посвящена самая крупная по объему четвертая часть книги — «Расцвет» (1927—1933).

Чередуя очерки о Мао Дуне, Ба Цзине и Лао Шэ с обзорными разделами, переходя от характеристик отдельных произведений к анализу более или менее общих тенденций и стилевых школ, Цзэн Жуйцин развертывает впечатляющую картину литературного развития за указанный период. Она свидетельствует о заметном идейно-эстетическом росте ведущих прозаиков, о том, что прогрессивная литература Китая того времени превращалась в органическую составную часть мировой революционной культуры. Многие из созданного в те годы по праву принадлежит к высшим достижениям национального гения Китая в текущем столетии, и вдумчивое освоение опыта тех лет может еще сослужить добрую службу в борьбе за расцвет китайской литературы наших дней.

В особый период выделяют авторы прозу первых лет войны сопротивления японским захватчикам (до 1942 г.). Не приходится сетовать на авторов за сравнительную бедность этой части «Истории прозы» — в те годы на передовых позициях действительно находились иные жанры, прежде всего поэзия и драматургия. Тем не менее подмечены такие важные явления, как возникновение новых образов и тем (патриотически настроенные военные, пробуждающиеся крестьяне, жизнь освобожденных районов), возрождение в специфических условиях войны сатирической и обличительной прозы.

Последняя часть книги озаглавлена «Перелом» и охватывает 1942—1949 гг. Речь идет о «торжестве рабоче-крестьянско-солдатского направления в литературе», которая стала отображать «новую эпоху масс» (с. 638). Замечательнейшим представителем этого направления назван Чжао Шули, первое знаменитое произведение которого, «Женитьба Маленького Эрхэя», было написано еще до знакомства автора с «Яньаньскими выступлениями по вопросам литературы и искусства» (с. 647). Очень детально анализируя жизненный и творческий путь этого действительно прекрасного художника и человека, рассказывая о произведениях его соратников из Освобожденных районов, Цзэн Жуйцин дает и более подробную, и более позитивную, чем это было принято ранее, характеристику прозы гоминьдановских районов. Разумеется, в этом, как и в других разделах столь масштабного труда, есть оценки и высказывания, которые могут вызвать несогласие или требуют уточнения. Однако это неизбежно.

Два труда литературоведов Народного университета Китая, о которых мы вкратце рассказали, свидетельствуют о стремлении их авторов дать с позиций марксистской науки более глубокий и объективный анализ пути, пройденного китайской литературой в нынешнем столетии, об их отходе от многих устаревших формул и предубеждений. Как отмечают авторы «Истории прозы», сейчас в КНР исследованием современной китайской литературы заняты более четырех тысяч человек. От такого большого отряда читатели вправе ожидать новых, все более интересных, содержательных, оригинальных работ. Мы уверены, что надежды эти сбудутся.

В. Ф. СОРОКИН,
доктор филологических наук

¹ Вне пределов КНР данной проблематикой занимался американский буржуазный ученый китайского происхождения Ся Чжицин, впервые опубликовавший (на английском языке) свою «Историю новейшей китайской прозы» в 1960 г. Авторы рецензируемого труда справедливо критикуют Ся за «пробелы в познаниях и предрассудки»; сходная оценка была дана у нас в свое время в рецензии на книгу Ся. — см.: «Народы Азии и Африки», 1963, № 1.

Экспансия США в зоне Индийского океана

А. Д. Портнягин. Стратегия США в зоне Индийского океана. М., «Международные отношения», 1985, 128 с.

Предметом рецензируемого исследования является военно-политическая экспансия США в зоне Индийского океана. Автор в комплексе рассматривает всю систему действий Вашингтона (политического, экономического и военно-стратегического характера), направленных на нагнетание международной напряженности и против стабилизации обстановки в этом регионе.

Возрастающий интерес США к зоне Индийского океана связан с его военно-стратегическим значением в современном мире, природными богатствами и другими факторами, играющими важную роль в мировой политике.

Все это предопределяет высокое место региона в иерархии внешнеполитических приоритетов Вашингтона, который всеми средствами стремится утвердить свою гегемонию в этом районе мира. Особую опасность (и отнюдь не только для Советского Союза) представляют планы правящих кругов США использовать зону Индийского океана в качестве военно-стратегического плацдарма против СССР. Важный элемент политики Вашингтона в регионе — курс на подавление национально-освободительного движения, на вмешательство во внутренние дела неприсоединившихся государств, подчинение их американскому диктату.

Стремление Соединенных Штатов наращивать милитаристские приготовления в регионе для обеспечения неоглобалистских замыслов Вашингтона в зоне Индийского океана и за ее пределами, отмечает А. Д. Портнягин, представляет исключительную опасность для дела мира и безопасности народов.

В этой связи уместно напомнить, что американское военное присутствие в районе Индийского океана в последние два десятилетия постоянно расширяется. В настоящее же время Соединенные Штаты имеют там около 30 военных баз и опорных пунктов. Центральное звено в их цепи — стратегическая база многоцелевого назначения на острове Диего-Гарсия. Кроме того, в Индийском океане практически постоянно находятся две ударные группировки военно-морских сил США во главе с авианосцами с ядерным вооружением на борту. Регулярные облеты акватории океана совершают американские стратегические бомбардировщики В-52 и самолеты системы АВАКС. Кроме того, Пентагоном разработаны планы размещения на постоянной основе в зоне Индийского океана 2 — 3-х подводных лодок «Трайдент». Важно также иметь в виду, что Соединенные Штаты намерены использовать район Индийского океана и для реализации программы «звездных войн». В частности, по данным зарубежной печати, на острове Диего-Гарсия ведется сооружение компонентов системы наведения на цель ударных космических вооружений. Параллельно Вашингтон проявляет заинтересованность в привлечении НАТО и Японии к обороне зоны Индийского океана.

А. Д. Портнягин убедительно показывает, что военное, прежде всего ядерное присутствие в Индийском океане нужно Вашингтону для того, чтобы оказывать давление на внешнюю и внутреннюю политику неприсоединившихся государств, держать под своим контролем океанские коммуникации, создавать угрозу безопасности социалистических стран. Эти цели полностью вписываются в стратегию неоглобализма, согласно которой различные районы мира, в том числе и зона Индийского океана, рассматриваются Вашингтоном как плацдармы в новой мировой войне. При этом постоянным и важным элементом стратегии США является их готовность к вме-

шательству в существующие или создаваемые Вашингтоном региональные и локальные конфликтные ситуации. Цели такого вмешательства традиционны: укрепление позиций Соединенных Штатов в ущерб интересам и безопасности других государств, недопущение ослабления положения младших партнеров Вашингтона. Одновременно нарастает стремление Вашингтона к прямому применению силы в конфликтной ситуации.

В целом, констатирует автор, к настоящему моменту в военно-политической стратегии Вашингтона, нацеленной на обеспечение США позиции господствующей державы в районе Индийского океана, выделены две характерные черты: во-первых, стремление обеспечить условия для постоянного массированного присутствия американских вооруженных сил в регионе (примерно в таком же масштабе, как в районах Тихого и Атлантического океанов); во-вторых, готовность к применению военной силы для предотвращения развития таких процессов, которые ограничивали бы свободу действий Вашингтона. Именно поэтому США создают дополнительные трудности на пути урегулирования региональных и локальных конфликтов.

При этом, стремясь замаскировать свои агрессивные замыслы, Вашингтон пытается убедить афро-азиатские страны в том, что американское военное присутствие является якобы залогом их безопасности. В качестве пропагандистского прикрытия в оборот неизменно пускается тезис о «советской военной угрозе».

Между тем хорошо известно, что Советский Союз не ведет в этом районе никаких военных приготовлений, не концентрирует там свои боевые корабли и не имеет военных баз. Вся политика СССР направлена на то, чтобы Индийский океан стал как можно более безопасным районом мира. «Мы по-прежнему и решительно за то, — подчеркнул М. С. Горбачев в своей речи во Владивостоке, — чтобы возобновить переговоры по превращению Индийского океана в зону мира». Именно Соединенные Штаты и их союзники срывают на протяжении многих лет эти переговоры, а также проведение международной конференции по Индийскому океану. Советский Союз выразил готовность в любое время начать переговоры с США и другими неприбрежными странами о существенном сокращении численности и деятельности военно-морских сил в Индийском океане, а также выработать международные гарантии безопасности морских коммуникаций. Налицо, таким образом, диаметрально противоположные подходы к ситуации в районе Индийского океана.

Исследование положения в районе Индийского океана является важной задачей советских ученых-международников. Работа А. Д. Портнягина несомненно вносит вклад в ее решение.

П. Ю. МАСЛОВ

Как в Японии решают проблему повышения эффективности экономики

Б. Н. Добровинский. Японская экономика 1970 — 1983 гг. Анализ эффективности. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1986, 208 с.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» выпустила в свет новую книгу известного советского японоведа, доктора экономических наук Б. Н. Добровинского, посвященную анализу проблемы эффективности японской экономики в 70-х — начале 80-х гг.

Рецензируемая монография представляет собой экономико-статистическое исследование эффективности общественного производства в Японии за почти пятнадцатилетний период. Она является непосредственным продолжением аналогичного труда, написанного автором в 1975 г. и посвященного анализу той же проблемы за предшествующее пятнадцатилетие*. Обе работы связаны концептуальным единством. Их содержание свидетельствует о том, что методологические принципы, положенные в основу исследования эффективности японской экономики, вполне применимы для стадий как с высокими, так и с замедленными темпами экономического роста.

Актуальность монографии обусловлена тем, что ныне проблема повышения эффективности общественного производства находится в центре внимания не только экономической науки, но и хозяйственной практики всех или по крайней мере большинства стран мира. Причин тому немало. Как подчеркивает автор, «главная из них состоит, несомненно, в том, что эффективное ведение хозяйства становится все более важным условием перехода на интенсивный путь экономического развития, на расширение экономической деятельности не столько путем вовлечения в сферу производства новых ресурсов, сколько за счет максимально целесообразного использования уже применяемых средств» (с. 3).

Проблема повышения эффективности экономического развития стоит сегодня и перед советским социалистическим обществом. Грандиозные планы перестройки народного хозяйства СССР, намеченные XXVII съездом КПСС и закрепленные в последующих решениях Советского правительства, основаны на интенсивном пути развития. При этом совершенно очевидно, что повышению эффективности советской экономики должен служить прежде всего собственный опыт, а также опыт других

социалистических стран. Вместе с тем определенную роль в этом отношении могут сыграть и позитивные, не противоречащие социалистической системе хозяйства, стороны зарубежной практики, в частности, опыт высоко развитых капиталистических стран.

Поэтому исследование проблемы эффективности экономики Японии — второй по уровню экономического развития капиталистической державы мира, — предпринятый Б. Н. Добровинским, представляет не только большой научный, но и важный практический интерес.

Концепции автора, на наш взгляд, присущ последовательный и логичный характер. Учитывая особую важность теории эффективности экономического развития и недостаточную разработанность ряда ее положений, автор на протяжении всей монографии уделяет большое внимание вопросам методологии исследования, которым посвящены специальное методологическое введение и начальные параграфы большинства глав (главы II—VII). При этом концептуально эффективность рассматривается как категория общественного производства, выражающая характер отношений между его участниками при создании единицы продукта путем сокращения затрат всех видов используемых ресурсов. С экономико-статистической точки зрения, эффективность трактуется как стоимостное соотношение между создаваемым конечным продуктом и издержками на его производство овеществленного и живого труда. Эти положения определяют весь ход и логику исследования.

Первая глава монографии посвящена анализу экономической обстановки, сложившейся в Японии в 70-е гг. Она предваряет последующее изложение проблемы. И это логично: опыт 70-х гг. подтвердил неоспоримость положения о том, что показатели эффективности, существенно сказываясь на результатах производственной деятельности, в свою очередь сами формируются под влиянием складывающихся условий производства, характера экономической конъюнктуры и т. п. В главе подробно рассматривается, в частности, экономическое положение, сложившееся в условиях резкого замедления темпов экономического роста, вялости инвестиционного процесса, обострения проблемы реализации продукции, усиления зависимости от экспорта, кризиса государственных финансов, общего ухудшения условий воспроизводства в связи с циклическим и структурными кризисами середины 70-х гг. Наряду с этим анализируется политика государства и монополий по противодействию возникшим неблагоприятным явлениям. Все это рассматривается в плане воздействия на формирование показателей эффективности.

Учитывая, что эффективность экономики во многом зависит от состояния и развития НИОКР, автор отводит анализу положения в сфере научных исследований специальную вторую главу. В ней, в частности, рассматриваются особенности научно-технической политики, проводившейся монополиями и государ-

ством в 70-е гг.; излагаются вопросы обеспечения НИОКР кадрами, финансовыми средствами, материально-техническими ресурсами; исследуются структурные изменения, произошедшие в этой области; приводятся данные о результатах научных исследований и разработок в 70-е гг. и выясняется их влияние на динамику эффективности.

Третья глава монографии посвящена анализу динамики и особенностей воспроизводства конечного общественного продукта в 70-х гг. и содержит расчеты его объема, сделанные автором, относящиеся к сфере как материального, так и нематериального производства.

Значительный интерес представляет собой четвертая глава, в которой рассматривается динамика материалоемкости продукции и структура материальных затрат. В ней, в частности, обосновывается необходимость исчисления материалоемкости по предметам труда, впервые вводимым в общественное производство, доказываются несостоятельность предложений о расчете материалоемкости по промежуточному (оборотному) продукту. Из подробной таблицы расчетов материалоемкости (с. 102—103) следует, что в 70-е гг. материалоемкость производства в Японии заметно снижалась. Это подтверждается как стоимостными показателями, так и данными о натуральных показателях энергоемкости, металлоемкости, водопотребления для промышленных целей и других видов ресурсопотребления. Значительная часть главы посвящена показу японского опыта снижения материалоемкости.

В пятой главе анализируются проблемы фондоемкости общественного продукта. Автор обосновывает необходимость исследования этой сложной проблемы как в плане учета затрат потребленного капитала, так и с точки зрения использования всего примененного капитала. Особо рассматривается вопрос об отдаче, получаемой от инвестиций в основной капитал, исследуются причины неизменного возрастания издержек основных фондов и сохранения этой тенденции с 60-х гг. Специальному рассмотрению подвергнута динамика фондоемкости (отношение всей стоимости примененного капитала к созданному с его помощью общественному продукту), выясняются ее особенности в 70-х гг. Глава завершается исследованием движения природного коэффициента капиталоемкости. В этой связи раскрывается специфика инвестиционного процесса. Выводы обосновываются оригинальными авторскими расчетами.

Анализу важного вопроса об издержках на живой труд посвящена шестая глава. В ней содержится методологическое обоснование порядка исчисления указанных затрат и приводятся конкретные расчеты величины издержек на рабочую силу, приходящихся на единицу продукта. Одновременно исследуется специфика формирования удельных величин этого вида производственных издержек и выясняются ее особенности, обусловленные сдвигами

в половозрастной и квалификационной структуре занятости, перестройкой системы оплаты труда и рядом других факторов. Наконец, здесь же рассмотрено влияние на издержки производства роста производительности труда.

Особый интерес представляет собой седьмая глава. В ней подводятся итоги всему исследованию, сквозной характер которого позволяет автору выйти на обобщающий (интегральный) показатель эффективности, синтезирующий частные показатели эффективности. Кроме расчетов интегрального показателя, в главе приведены данные о продуктивности различных факторов производства, полученные путем дифференцирования каждого из видов издержек производства по конечному продукту. Общий вывод, к которому приводит анализ динамики интегрального показателя, сводится к тому, что в 70-е гг. затраты ресурсов в расчете на единицу продукции возрастали, т. е. эффективность функционирования японской экономики снижалась.

В заключительной главе предпринята попытка выяснить возможный характер изменения эффективности японской экономики в 80-е гг. и вероятную роль в этом различных факторов.

Заслугой автора монографии, на наш взгляд является то, что в своем глубоком и многостороннем исследовании он уделит большое внимание рассмотрению сложных методологических вопросов анализа проблемы. Как подчеркивает он сам, «это объясняется тем, что при возрастающей значимости теории эффективности многие ее положения разработаны еще недостаточно полно. В этих условиях долг каждого, кто берет на себя труд выступать с публикациями по данной тематике, состоит в том, чтобы внести посильный вклад в разработку теории вопроса и совершенно четко заявить о занимаемых им методологических позициях и примененных методах расчета показателей» (с. 4).

Такой серьезный, подлинно научный подход к исследованию проблемы приобретает особенно большое значение, поскольку в этой области науки (теория эффективности) среди советских экономистов, как известно, существует еще ряд дискуссионных и спорных точек зрения. Одним из спорных вопросов является, в частности, вопрос о целесообразности и возможности введения в эту теорию обобщающего (интегрального) показателя эффективности. В отличие от тех советских экономистов, которые считают введение такого показателя ненужным и невозможным, автор рецензируемой монографии не только стоит на прямо противоположных позициях, но и делает первую, на наш взгляд, довольно убедительную попытку обосновать необходимость и правомерность существования такого показателя. Эта заслуживающая внимания идея проходит красной нитью через всю монографию. Более того, доказательству правомерности и необходимости введения интегрального показателя эффективности посвящено практически все исследование. И в этом проявляются как оригинальный творческий подход автора монографии к анализу поставленной проблемы, так и его научная смелость.

Именно поэтому новый труд Б. Н. Добровинского представляет собой значительный интерес как для научных работников, так и для специалистов-практиков, занимающихся проблемами эффективности экономики.

В. Н. ХЛЫНОВ,
доктор экономических наук

* Б. Н. Добровинский. «Япония: проблемы повышения эффективности». М., 1975, 331 с.

3 февраля с. г. в Москве состоялось заседание правления Всесоюзной ассоциации китаеведов (ВАКИТ), в котором приняли участие представители ряда отделений ассоциации, московских научных учреждений и практических организаций и ведомств.

С докладом «О перестройке советского китаеведения в духе решений XXVII съезда КПСС и январского (1987) Пленума ЦК КПСС» выступил директор Института Дальнего Востока АН СССР доктор философских наук М. Л. Титаренко. Докладчик отметил, что советское китаеведение вступило в новый этап своего развития, что обусловлено целым рядом факторов, связанных с глубокими переменами как в Китае, так и в нашей стране. В докладе был поставлен вопрос о необходимости преодоления инерции прежних взглядов и представлений, которая мешает объективному и трезвому анализу обстановки в Китае.

В докладе заместителя председателя Всесоюзной ассоциации китаеведов доктора исторических наук Ю. М. Галеновича «О работе правления ВАКИТ в 1985—1986 гг. и о предложениях по плану работы на 1987—1988 гг. отмечалось, что развитие советско-китайских отношений за последнее время открывает перспективы широкой и плодотворной работы Всесоюзной ассоциации китаеведов. Решения XXVII съезда КПСС призывают советских китаеведов вести работу по всем направлениям в интересах дружбы советского и китайского народов и, с другой стороны, требуют вносить гораздо больший, чем до сих пор, вклад в дело развития советско-китайской дружбы, укрепления добрососедских отношений между нашими странами.

Деятельность ВАКИТ должна быть направлена на изучение опыта строительства социализма в Китае. Особое внимание необходимо обратить на теоретическое осмысление этого опыта. Советские китаеведы испытывают необходимость в том, чтобы совместно с китайскими учеными изучать актуальные вопросы развития социализма. При этом надо учитывать новизну проблем и специфику каждой социалистической страны, серьезно и уважительно относиться к ее поискам и опыту.

Новые широкие перспективы в работе ВАКИТ открываются и в связи с тем, что в КНР и с точки зрения теории деятельности народных или общественных организаций, и с точки зрения практического налаживания контактов с советскими общественными организациями позитивно подходят к развитию таких связей, а это еще одна возможность расширения нашего сотрудничества.

ВАКИТ является добровольной научно-общественной организацией, и от каждого из нас, от нашей инициативы, самодеятельности, ответственного отношения к делу зависит то, как будет действовать наша ассоциация.

Решения XXVII съезда нашей партии побуждают и ВАКИТ к активной деятельности. Можно сказать, что 1986 г. был первым годом, когда ассоциация сделала начальные шаги в ряде направлений, проявила по сравнению с предыдущим периодом большую активность.

В то же время вполне очевидно, что действенной работы ВАКИТ пока еще не ведет. Деятельность ассоциации сегодня далеко еще не отвечает современным требованиям, не соответствует возможностям, которые имеются.

В докладе было отмечено, что не все члены ВАКИТ аккуратно платят членские взносы, не все члены правления ассоциации активно работают в секциях и отделениях. В 1988 г. встанет вопрос о новом составе правления ВАКИТ. Очевидно, было бы целесообразно, чтобы в него вошли только те, кто активно работает и своевременно платит членские взносы. Занимать посты в правлении, отделениях или секциях ассоциации только с целью поддержания собственного престижа, из амбициозных соображений или «для представительства» недопустимо.

Организционно ассоциация складывается из отделений (в порядке алфавита): Бурятского, Забайкальского, Казахского, Киргизского, Ленинградского, Московского, Приамурского, Приморского, Таджикского, Узбекского. Инициативно работают группы членов ВАКИТ в Киеве и в других городах страны.

Активнее других действовало Ленинградское отделение, которое провело содержательные мероприятия. В частности, совместно с Ленинградским отделением Общества советско-китайской дружбы была проведена конференция на тему «Китаеведение в Ленинграде». На заседаниях заслушивались рассказы ученых, побывавших недавно в Китайской Народной Республике. Приглашались для выступлений стажеры из КНР, обучающиеся в Ленинграде.

Хотя некоторые отделения ВАКИТ и провели интересные мероприятия, но в то же время нужно сказать, что до полноценной работы им еще очень далеко. Эта работа в значительной степени ведется формально, имеет очень ограниченные масштабы, носит узкий характер.

В 1985 г. на заседании правления ассоциации были организованы ее секции. К сожалению, до сих пор секции, по существу, так и не приступили к работе, остаются формальными образованиями. Ими были проведены лишь отдельные мероприятия. Например, в октябре 1986 г. секция социально-экономических наук провела конференцию на тему «Реформы в КНР». Секция литературы, культуры и языка организовала встречи с известными китайскими литературоведами Гэ Баоцюанем и У Юаньмаем. На заседании секции исторических наук академик С. Л. Тихвинский рассказал о состоявшейся в КНР конференции, посвященной Сунь Ятсену.

ВАКИТ создана в значительной степени для того, чтобы предоставить возможность китаеведам собираться по интересам и вести творческие дискуссии. Задача правления ассоциации — создавать условия и организовывать такие творческие обмены мнениями.

Главной формой работы ассоциации в 1986 г. явилась организация совместно с рядом академических институтов научных конференций на такие темы, как «Ленинские идеи в решениях XXVII съезда КПСС и актуальные проблемы советского китаеведения», «65 лет КПК», «VIII съезд КПК и его значение в истории КНР», «120 лет со дня рождения Сунь Ятсена», «Актуальные проблемы мира и безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе». В некоторых конференциях участвовали ученые из КНР, других социалистических стран, научные и практические работники из Москвы и других городов нашей страны. Эти конференции стали местом встреч и обмена мнениями между китаеведами.

Секретариат ассоциации неоднократно организовывал прослушивания тематических выступлений членов ВАКИТ, возвратившихся из КНР, — стажеров и членов тех или иных делегаций. Эти встречи привлекали много участников.

Инициативная группа членов секции культуры, литературы и языка обсудила письма преподавателей китайского языка, направленные в правление ВАКИТ, в которых выражалась тревога в связи с состоянием обучения китайскому языку в школах-интернатах нашей страны. ВАКИТ обобщила и подготовила предложения о перестройке преподавания китайского языка в школах-интернатах и обычных школах, в которых изучается китайский язык. На основе этих предложений был выработан проект типового положения о преподавании китайского языка в таких школах. В этой же связи была создана группа китаеведов для разработки новых учебных планов для вышеупомянутых учебных заведений.

ВАКИТ предприняла шаги для установления связей с китайским Обществом по изучению СССР и стран Восточной Европы. Этому обществу было направлено письмо с предложением обмениваться литературой, визитами ученых.

В докладе Ю. М. Галеновича было также сказано, что в 1988 г. намечено провести очередное общее собрание членов ВАКИТ, на котором будет избран новый состав правления ассоциации, а также всеобщую конференцию китаеведов, в подготовке которой членам ВАКИТ предстоит принять активное участие.

Академик-секретарь отделения истории АН СССР С. Л. Тихвинский в своем выступлении обратил внимание на необходимость тесного сотрудничества ВАКИТ с другими общественными организациями, прежде всего с Обществом советско-китайской дружбы, которое отмечает в этом году свое тридцатилетие. К этой дате ОСКД и ВАКИТ могли бы подготовить соответствующие материалы. С. Л. Тихвинский подчеркнул также

важность совместной работы ВАКИТ с Всесоюзным обществом «Знание», что могло бы найти свое выражение как в создании постоянного лектория по Китаю, так и в публикациях различного рода пропагандистских и лекционных материалов и брошюр.

По мнению С. Л. Тихвинского, ВАКИТ должна постоянно вести работу с ветеранами советского Китаеведения, проявлять о них заботу, а также собирать и публиковать их воспоминания, раскрывая страницы советско-китайской дружбы и сотрудничества.

Академик С. Л. Тихвинский предложил также, чтобы ассоциация уделяла внимание работе со стажерами из КНР, находящимися в нашей стране. ВАКИТ могла бы, по его мнению, сыграть большую роль и в деле популяризации китайской современной и классической литературы: выпускать брошюры, приглашать для выступления китайских писателей и литературоведов и т. п.

Наконец, С. Л. Тихвинский подчеркнул важность воспитания и выдвижения молодых Китаеведческих кадров. В этой связи ассоциация могла бы участвовать в организации курсов совершенствования в китайском языке как для молодых Китаеведов, так и для тех, кто готовится к стажировке в КНР.

Директор Института востоковедения АН СССР профессор М. С. Капица в своем выступлении подчеркнул необходимость объединения сил ученых различных Китаеведческих центров для изучения Китая, а также вопросов, связанных с обеспечением мира и безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе. В частности, необходимо более тесное сотрудничество Института востоковедения и Института Дальнего Востока при подготовке энциклопедического издания «Азия», при организации различных симпозиумов и конференций. М. С. Капица также говорил о той первостепенной роли, которую приобретают в области международных отношений контакты ученых, связи по линии научных и общественных организаций.

Директор Института языкознания АН СССР член-корреспондент В. М. Солнцев в своем выступлении уделил особое внимание вопросу о совершенствовании языковой подготовки Китаеведческих кадров. Он поставил вопрос об использовании интенсивных методов обучения, о повышении уровня языковой и общеобразовательной подготовки в школах и школах-интернатах, в которых изучается китайский язык, о расширении подготовки Китаеведов в вузах в строгом соответствии с требованиями науки и практики. По его мнению, ВАКИТ должна принять участие в готовящейся в настоящее время конференции преподавателей иностранных языков.

Директор Института истории им. Дониша академик АН Таджикской ССР Б. И. Искандаров говорил об изучении истории отношений с Китаем народов Средней Азии, о роли ВАКИТ в координации научных исследований, осуществляемых в различных Китаеведческих центрах, остановился на вопросе о создании новых школ-интернатов с преподаванием китайского языка.

Выступившие затем в прениях доктор экономических наук Е. А. Коновалов, доктор исторических наук А. В. Меликсетов, кандидат экономических наук С. С. Разов, доктор филологических наук Б. Л. Рифтин, доктор филологических наук В. Ф. Сорокин, доктор исторических наук М. Ф. Юрьев, и. о. главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока» В. А. Архипов и др. подчеркивали необходимость новых форм работы, предлагали конкретные шаги по активизации работы ассоциации в пропаганде знаний о Китае, в совершенствовании языковой подготовки Китаеведов, в укреплении международных связей ВАКИТ прежде всего с обществами и ассоциациями КНР, других социалистических стран.

При этом, в частности, отмечалось, что перед ассоциацией открывается большой простор для перестройки, однако она еще работает недостаточно активно. Резервы в организации перестройки работы секций, Московского отделения и руководящих органов ВАКИТ огромны, но пока еще не выявлены. Стиль и методы работы также должны совершенствоваться.

Одной из важнейших задач ассоциации является работа с кадрами, с опытными Китаеведами. Но еще более важен вопрос о молодых кадрах. ВАКИТ должна сыграть роль в постановке вопроса о подготовке кадров, и тут у нее непочатый край работы.

Ассоциация совместно с академическими институтами должна вести работу с ветеранами, систематизировать сведения о них, собирать их воспоминания.

ВАКИТ может осуществлять координацию работы различных, в том числе и не Китаеведческих, научных центров и практических организаций при решении задач, которые невозможно решить силами одних только ученых-Китаеведов. В настоящее время

масштабность проблем остро ставит перед китаеоведами необходимость их комплексного решения. Нужен новый уровень методологического подхода к делу изучения реформ в КНР, борьбы в Китае против буржуазной идеологии. В этих целях необходимо координировать усилия всех ученых-китаеведов.

Важная задача ассоциации — активное участие в научном освещении китайского опыта. При этом ВАКИТ должна предпринимать усилия для того, чтобы на страницах советских журналов появлялись труды китайских авторов, работы, написанные совместно советскими и китайскими учеными.

Работа секций ассоциации не должна носить рутинный характер, необходимо вести поиск новых форм работы.

При проведении работы с ветеранами важно иметь в виду необходимость придания заседаниям, на которых отмечаются юбилеи наших видных ученых-китаеведов, характера творческих обсуждений.

Выступавшие привлекли также внимание к старению кадров советского китаеведения, в частности к тому, что у нас мало молодых переводчиков китайской литературы, молодых специалистов по китайской культуре. Необходимы новые усилия для целенаправленной работы в этом направлении, для подготовки молодых кадров через аспирантуру, с помощью выделения для молодежи новых рабочих мест.

ВАКИТ должна более энергично содействовать тому, чтобы печать, средства телевидения популяризировали знания о Китае, чтобы в специализированных некитаеведческих журналах более активно публиковались статьи по Китаю, переводы произведений китайской литературы.

Вносилось предложение о том, чтобы при поступлении в ряд вузов страны абитуриенты имели возможность по своему выбору сдавать экзамены не только по западным, но и по китайскому языку, а в самом вузе продолжать изучение этого языка.

Некоторые из выступавших предлагали создать школу молодого китаеведа или молодого переводчика с китайского языка.

Отмечалось, что в КНР действует много различных обществ, с которыми ВАКИТ должна налаживать контакты, осуществлять сотрудничество в различных формах, в том числе проводить совместные исследования и т. д.

Признавалось целесообразным предложить китайской стороне издание совместного журнала по вопросам культуры или литературы.

Вносились предложения о том, чтобы ВАКИТ содействовала установлению личных контактов советских и китайских ученых, а также помогла наладить заказ в КНР книг для специалистов по предварительно издаваемым каталогам.

Отмечалась необходимость увеличения приема на китайские отделения в вузы страны. В настоящее время ощущается острая нехватка специалистов по Китаю. Однако эту проблему необходимо решать, принимая конкретные меры для того, чтобы выпускники были обеспечены по окончании вузов рабочими местами по специальности.

Особо подчеркивалась необходимость комплексного развития китаеведения, включая общую историю и историю экономики. В этих целях ставился вопрос о написании большой работы по истории Китая с древнейших времен до настоящего времени.

Представители местных отделений ВАКИТ, заместитель директора Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР доктор исторических наук Е. И. Кычанов, заведующий сектором Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР доктор исторических наук Ф. В. Соловьев, кандидат исторических наук В. В. Седнев и другие выступавшие на заседании отмечали специфические сложности работы китаеведов на местах, выражали надежду на то, что ассоциация будет оказывать им большую помощь в работе. При этом, в частности, отмечалось, что с помощью ВАКИТ необходимо обеспечить возможность для периферийных китаеведов выезжать на стажировку в КНР.

*Заместитель председателя
ВАКИТ Ю. М. ГАЛЕНОВИЧ,
доктор исторических наук*

ИДВ АН СССР расширяет международные связи

Институт Дальнего Востока АН СССР поддерживает устойчивые научные связи с Китаеведческими центрами и другими научно-исследовательскими организациями за рубежом. Международные связи используются сотрудниками института для обмена мнениями, информацией и литературой с иностранными коллегами, повышения эффективности научной работы. В последнее время ИДВ АН СССР приступил к налаживанию взаимовыгодных контактов с научными институтами стран Южной Азии. В частности, институт установил (1985—1987) научные связи с Центром перспективных исследований Бангладеш (директор — профессор Мизанур Рахман Шелли) и Институтом стратегических исследований Бангладеш (генеральный директор — доктор М. Абдул Хафиз).

Научные дискуссии с представителями иностранной научной общественности все больше фокусируются на кардинальных проблемах международной политики, таких, как советские предложения по обеспечению мира и безопасности в Азии, меры доверия на Дальнем Востоке, возможные пути к разрядке в районе Тихого океана, проблемы разоружения и сохранения стратегического баланса сил в азиатско-тихоокеанском регионе, нормализация положения здесь на основе принципов, изложенных в Делийской декларации и речи М. С. Горбачева во Владивостоке.

В ходе таких встреч и бесед можно заметить живой интерес иностранной аудитории к подходу Советского Союза к острым международным проблемам, стремление разобраться в существе мирных инициатив СССР, нового политического мышления в современных условиях.

Позитивный отклик в общественно-политических и научных кругах стран Южной и Юго-Восточной Азии получили две научно-практические конференции по проблемам безопасности, состоявшиеся в столице Бангладеш городе Дакке, в которых приняли участие представители ИДВ АН СССР (Ю. Г. Жарких, В. А. Архипов) и ИВ АН СССР (П. Садыхов).

Конференция по теме «Безопасность малых стран», проведенная Институтом стратегических исследований Бангладеш, состоялась 6—8 января 1987 г. В ней приняли участие более 160 представителей из Австралии, Бутана, Египта, Индии, КНР, Мальдивской Республики, Малайзии, Непала, Нигерии, Пакистана, США, СССР, Шри-Ланки, Филиппин, Южной Кореи.

Конференция была открыта президентом Бангладеш генералом Эршадом, подчеркнувшим актуальность проблем, послуживших темой этого научного симпозиума. «Существует,— заявил он,— настоятельная необходимость пересмотра основ концепций безопасности, с тем чтобы они полностью соответствовали нуждам укрепления мира и плодотворного сотрудничества между народами в целях обеспечения лучших условий жизни для них».

Участников конференции приветствовали также присутствовавшие в качестве гостей министры иностранных дел Бангладеш Хумаюн Рашид Чоудхури и Бутана Льюпо Дава Церинг.

В девятнадцати основных докладах, прослушанных участниками конференции на пленарных заседаниях и в шести специализированных секциях, был рассмотрен широкий круг проблем, имеющих жизненно важное значение для малых стран мира, каждодневно сталкивающихся с необходимостью преодоления многочисленных трудностей, возникающих на их пути к экономическому и социальному прогрессу. По этим докладам состоялась дискуссия. Несмотря на различие точек зрения и выдвигавшихся на их основе предложений, участники конференции были единодушны в своем стремлении обеспечить для малых стран мирные условия, в которых они могли бы продолжать свои усилия, направленные на развитие национальной экономики и культуры.

образования, на обеспечение лучшей жизни народов в обстановке безопасности и плодотворного добрососедского сотрудничества. Исключение составил представитель Пакистана, который откровенно призывал к «милитаризации во имя безопасности».

Примечательно выступление бывшего министра иностранных дел Бангладеш Самшул Хака. Он, в частности, сказал: «Встреча лидеров двух великих держав в Рейкьявике открыла окно для свежего, бодрящего воздуха и показала всем, что любые, самые сложные проблемы могут быть решены путем переговоров при наличии доброй воли». С. Хак призвал всех участников внести посильный вклад в дело достижения мира и безопасности на континенте.

Конференция по теме «Советский взгляд на проблемы азиатской безопасности» состоялась 9 января 1987 г., в ней приняли участие 78 ученых из 12 стран. Конференция была организована М. Р. Шелли и возглавляемым им центром.

Советской делегацией были представлены два доклада: «Комплексный подход к проблемам безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе» и «Ситуация в АТР и проблемы безопасности стран Юго-Восточной Азии». Участие в конференциях позволило советским представителям конкретно и аргументированно изложить советскую точку зрения на проблему обеспечения мира, безопасности и сотрудничества в азиатско-тихоокеанском регионе.

Поддерживая деловые связи с зарубежными коллегами, коллектив ИДВ АН СССР считает, что такие связи не только полезны для развития науки, но и способствуют укреплению взаимопонимания между народами, имеют важное значение для дела мира и безопасности.

Проведение семинаров, симпозиумов, коллоквиумов, в которых принимает участие широкая международная общественность, свидетельствует о том, что у нее растет понимание необходимости принятия неотложных мер к стабилизации международной обстановки, к отказу от абсурдного курса милитаристских кругов империалистических держав на дальнейшее усиление гонки вооружений, лихорадящей мир.

Участники конференций в Дакке были единодушны в том, что дальнейшему сползанию общества в пропасть милитаризации и ядерной угрозы должен быть положен конец, а освобождающиеся при этом средства должны быть обращены на цели мирного развития народов в условиях, обеспечивающих им возможность двигаться по пути мира, прогресса и процветания.

Высокую оценку получили на обеих конференциях новые советские мирные инициативы и внешнеполитическая деятельность Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. Так, в выступлении одного из участников прозвучали слова: «М. С. Горбачев является единственным послевоенным политическим лидером, который взбудоражил умы мирового сообщества и не оставил никого равнодушным, выдвинув абсолютно новые политические концепции о войне и мире, сопроводив их конкретными политическими шагами по всему комплексу сложнейших международных проблем».

Работа обеих конференций широко освещалась местной прессой.

Поездка в Бангладеш представителей ИДВ АН СССР и знакомство с научной и общественно-политической деятельностью Центра перспективных исследований, Института стратегических исследований, а также других научно-исследовательских организаций Бангладеш была плодотворной. Встречи с представителями научных кругов Бангладеш, руководителями и преподавателями университетов дали возможность получить содержательную информацию о направлениях научно-исследовательской деятельности бангладешских коллег и научном потенциале страны в целом, материально-технической базе научных организаций. Были закреплены уже имеющиеся и установленные новые деловые контакты с представителями бангладешских ученых.

Была также достигнута договоренность о сотрудничестве и обмене изданиями и публикациями между журналом «Проблемы Дальнего Востока» и издаваемым в Бангладеш журналом «Проблемы Азии», главным редактором которого является видный политолог Мизанур Рахман Шелли. М. Рахман Шелли выразил желание регулярно публиковать в журнале «Проблемы Азии» статьи советских китаеведов и других ученых.

*В. А. АРХИПОВ,
Ю. Г. ЖАРКИХ*

ДОКУМЕНТЫ

**Закон Китайской
Народной Республики
о банкротстве
предприятий
(для проведения
в опытном порядке)**

Принят на 18-м заседании
Постоянного Комитета ВСНП
шестого созыва 2 декабря 1986 г.

ОТ РЕДАКЦИИ:

По просьбе читателей публикуем текст «Закона Китайской Народной Республики о банкротстве предприятий», о котором в нашем журнале (№ 2 за 1987 г.) была помещена статья Авдокушина Е. Ф.

Глава I. Общие положения

Статья 1. Настоящий Закон разработан в соответствии с нуждами развития социалистической плановой товарной экономики и преобразования структуры экономики в целях стимулирования самостоятельного хозяйствования предприятий общенародной собственности, усиления системы экономической ответственности и демократизации управления, улучшения хозяйствования, повышения экономической эффективности, защиты законных прав и интересов кредиторов и должников.

Статья 2. Настоящий Закон применяется к предприятиям общенародной собственности.

Статья 3. Предприятие, которое вследствие несовершенного хозяйствования и управления терпит серьезные убытки и не в состоянии исполнить долговые обязательства, сроки которых истекли, в соответствии с положениями настоящего Закона объявляется банкротом.

Предприятие, об объявлении которого банкротом ходатайствуют кредиторы, не считается банкротом в следующих случаях:

а) если речь идет о коммунальном предприятии и предприятию имеющему важное значение для жизни государства и народа, которому соответствующие правительственные ведомства окажут финансовую помощь или предпримут иные меры помощи для исполнения им долговых обязательств;

б) если получены гарантии, согласно которым долговые обязательства будут исполнены в шестимесячный срок со дня ходатайства об объявлении предприятия банкротом.

Если после ходатайства кредиторов об объявлении предприятия банкротом вышеуказанные органы последнего ходатайствуют об упорядочении его деятельности и при этом предприятием было достигнуто примирительное соглашение с кредиторами, то процедура, связанная с банкротством, приостанавливается.

Статья 4. Государство различными путями должным образом устраивает рабочих и служащих обанкротившегося предприятия на новую работу, а также обеспечивает

их основные жизненные потребности до поступления на работу. Конкретные меры устанавливаются Государственным советом отдельно.

Статья 5. Дело о банкротстве относится к ведению народного суда по месту нахождения должника.

Статья 6. В случае, если данный Закон не определяет процессуального порядка дела о банкротстве, то применяются нормы гражданского процесса.

Глава II. Возбуждение и принятие к рассмотрению ходатайства о банкротстве

Статья 7. Если должник не в состоянии исполнить обязательства, сроки которых истекли, то кредиторы могут ходатайствовать об объявлении должника банкротом.

При возбуждении ходатайства об объявлении должника банкротом кредиторы обязаны представить соответствующие доказательства о сумме долговых обязательств, о наличии имущественного залога и о неспособности должника исполнить долговые обязательства, сроки которых истекли.

Статья 8. Должник по получении согласия своего вышестоящего органа может ходатайствовать об объявлении себя банкротом.

При возбуждении ходатайства об объявлении себя банкротом должник обязан разъяснить состояние убыточности своего предприятия, предоставить соответствующие бухгалтерские документы и таблицы, долговые и кредитные книги.

Статья 9. Народный суд после принятия к рассмотрению дела об объявлении предприятия банкротом обязан в течение десяти дней уведомить об этом должника и сделать публичное объявление. Народный суд по получении предоставленной должником долговой книги обязан в течение десяти дней уведомить об этом уже известных кредиторов. В объявлении и уведомлении должна быть установлена дата созыва первого заседания совещания кредиторов.

Кредиторы в течение месяца после получения уведомления, а не получившие сообщения кредиторы — в течение трех месяцев со дня объявления обязаны заявить суду о своих правах, дать разъяснения относительно суммы долговых обязательств и наличия имущественного залога, а также предоставить соответствующие подтверждающие документы. Не заявившие в срок о правах рассматриваются как самостоятельно отказавшиеся от них.

Народный суд обязан по отдельности регистрировать заявления о правах, обеспеченных и не обеспеченных имущественным залогом.

Статья 10. После возбуждения кредиторами ходатайства об объявлении банкротом должник обязан в течение пятнадцати дней после получения уведомления из народного суда предоставить народному суду документы, перечисленные в ч. 2 ст. 8 настоящего Закона.

Должник, выступающий поручителем других организаций, обязан в течение пяти дней после получения уведомления народного суда известить заинтересованные стороны.

Статья 11. Народный суд после принятия дела об объявлении банкротом к рассмотрению обязан приостановить производство других гражданских дел относительно имущества должника.

Статья 12. После принятия дела об объявлении банкротом к рассмотрению народным судом недействительным является погашение долгов части кредиторов, за исключением тех случаев, когда это необходимо должнику для нормального производства и хозяйствования.

Глава III. Совещание кредиторов

Статья 13. Все кредиторы являются участниками совещания кредиторов. Участники совещания кредиторов обладают правом решающего голоса, за исключением кредиторов,

права которых обеспечены имущественным залогом и которые отказались от права на первоочередное удовлетворение своих требований. Поручитель должника после исполнения долговых обязательств за должника может считаться кредитором и обладать правом решающего голоса.

Председатель совещания кредиторов назначается народным судом из числа кредиторов с правом решающего голоса.

Законный представитель должника обязан присутствовать на совещании кредиторов и отвечать на их вопросы.

Статья 14. Первое заседание совещания кредиторов созывается народным судом в течение пятнадцати дней после истечения срока, предоставленного для заявления о долговых правах. Последующие заседания совещания кредиторов созываются по мере необходимости, определяемой народным судом или председателем совещания; совещание также может быть созвано ликвидационной группой или по требованию более четверти общего числа кредиторов, права которых не обеспечены имущественным залогом.

Статья 15. К компетенции совещания кредиторов относится:

- а) изучение документов, подтверждающих соответствующие права, признание наличия имущественного залога и размера залога;
- б) обсуждение и принятие проекта примирительного соглашения;
- в) обсуждение и принятие плана распоряжения имуществом банкрота и распределения этого имущества.

Статья 16. Совещание кредиторов принимает решения простым большинством голосов присутствующих кредиторов, имеющих право решающего голоса. При этом объем прав, представляемый ими, должен составлять более половины общей задолженности, не обеспеченной имущественным залогом; однако для принятия решения о проекте примирительного соглашения необходимы голоса кредиторов, представляющие более двух третей общего объема прав, не обеспеченных имущественным залогом.

Решение совещания кредиторов обладает обязывающей силой для всех кредиторов.

Если кредиторы считают, что решение совещания кредиторов нарушает нормы законодательства, то они могут в течение семи дней после принятия решения совещанием кредиторов обратиться в народный суд для вынесения судебного решения.

Глава IV. Примирение и упорядочение

Статья 17. В случае ходатайства кредиторов об объявлении предприятия банкротом вышестоящий орган предприятия, в отношении которого возбуждено ходатайство об объявлении банкротом, в течение трех месяцев после принятия народным судом дела к рассмотрению может ходатайствовать об упорядочении деятельности данного предприятия, при этом срок упорядочения не должен превышать двух лет.

Статья 18. После возбуждения ходатайства об упорядочении предприятие обязано предоставить совещанию кредиторов проект примирительного соглашения.

Примирительное соглашение должно установить сроки для исполнения предприятием долговых обязательств.

Статья 19. Примирительное соглашение, достигнутое между предприятием и совещанием кредиторов, подлежит одобрению народным судом, после чего народный суд делает публичное объявление о приостановлении процедуры, связанной с банкротством. Примирительное соглашение обладает юридической силой со дня объявления.

Статья 20. Ответственность за упорядочение возлагается на вышестоящий орган предприятия.

План упорядочения деятельности предприятия должен пройти обсуждение на собраниях рабочих и служащих данного предприятия. О ходе упорядочения деятельности предприятия должно сообщаться на собраниях рабочих и служащих, мнения которых должны учитываться.

О ходе упорядочения деятельности предприятия следует регулярно докладывать совещанию кредиторов.

Статья 21. В период упорядочения деятельности предприятия народный суд может принять решение о прекращении процесса упорядочения и объявить предприятие банкротом в одном из следующих случаев:

- а) при невыполнении примирительного соглашения;
- б) при продолжении ухудшения финансового состояния, в связи с чем совещание кредиторов ходатайствует о прекращении упорядочения;
- в) в случае одного из действий, перечисленных в ст. 35 настоящего Закона и наносящих серьезный ущерб правам и интересам кредиторов.

Статья 22. Народный суд должен прекратить процедуру, связанную с банкротством, и дать публичное объявление об этом, если после упорядочения предприятие сумеет в соответствии с примирительным соглашением исполнить долговые обязательства.

Если по истечении срока упорядочения предприятие не сумело в соответствии с примирительным соглашением исполнить долговые обязательства, то народный суд должен объявить данное предприятие банкротом и в соответствии с положениями ст. 9 настоящего Закона заново зарегистрировать права кредиторов.

Глава V. Объявление банкротом и ликвидация предприятия-банкрота

Статья 23. Решением народного суда предприятие объявляется банкротом в одном из следующих случаев:

- а) если оно должно быть объявлено банкротом в соответствии с положениями ст. 3 настоящего Закона;
- б) если упорядочение прекращается в соответствии с положениями ст. 21 настоящего Закона;
- в) если по истечении срока упорядочения предприятие не в состоянии исполнить долговые обязательства в соответствии с примирительным соглашением.

Статья 24. Народный суд должен в течение пятнадцати дней со дня объявления предприятия банкротом создать ликвидационную группу для принятия в ее ведение предприятия-банкрота. Ликвидационная группа несет ответственность за сохранение, учет, оценку, распределение имущества предприятия-банкрота и распоряжение этим имуществом. Ликвидационная группа может вести необходимую гражданскую деятельность в соответствии с законом.

Члены ликвидационной группы назначаются народным судом из числа персонала вышестоящего органа предприятия, правительственных финансовых органов и прочих заинтересованных органов, а также из числа специалистов. Ликвидационная группа может приглашать для работы необходимый персонал.

Ликвидационная группа несет ответственность перед народным судом и отчитывается перед ним о своей работе.

Статья 25. Любым организациям и лицам не допускается незаконное распоряжение имуществом, бухгалтерскими книгами, документами, материалами и печатью предприятия-банкрота.

Должники и владельцы имущества предприятия-банкрота могут исполнять долговые обязательства или передавать имущество, только обращаясь к ликвидационной группе.

Статья 26. В отношении неисполненных договоров предприятия-банкрота ликвидационная группа может принимать решения об их расторжении или продолжении исполнения.

В случае решения ликвидационной группы о расторжении договора, в результате чего другая сторона несет ущерб, размер компенсации за ущерб рассматривается в качестве права на удовлетворение требования в связи с банкротством.

Статья 27. Законный представитель предприятия-банкрота в период до выполнения формальностей по передаче дел ликвидационной группе несет ответственность за сох-

ранность имущества, бухгалтерских книг, документов, материалов и печати данного предприятия.

Законный представитель предприятия-банкрота до окончания процедуры, связанной с банкротством, ведет работу в соответствии с требованиями народного суда или ликвидационной группы; его самоустранение от служебных обязанностей недопустимо.

Статья 28. Имущество предприятия-банкрота включает в себя:

- а) все имущество, находившееся в хозяйственном управлении предприятия к моменту объявления его банкротом;
- б) имущество, полученное предприятием-банкротом после объявления о банкротстве до окончания процедуры, связанной с банкротством;
- в) прочие имущественные права, которыми пользовалось предприятие-банкрот.

К имуществу предприятия-банкрота не относится имущество, уже выступающее в качестве залога, если стоимость залога превышает сумму обеспечиваемого им долга, превышающая доля относится к имуществу предприятия-банкрота.

Статья 29. Имущество прочих лиц, находящееся на предприятии-банкроте, возвращается через ликвидационную группу лицам, имеющим на него право.

Статья 30. Права кредиторов, возникшие до объявления предприятия банкротом как обеспеченные, так и необеспеченные имущественным залогом, при отказе от права на первоочередное удовлетворение являются правами в связи с делом о банкротстве.

Расходы кредиторов на участие в процедуре, связанной с банкротством, не рассматриваются в качестве прав в связи с банкротством.

Статья 31. Права кредиторов, срок удовлетворения которых к моменту объявления банкротом еще не наступил, рассматриваются в качестве прав, срок удовлетворения которых уже наступил, но при этом подлежат вычету проценты, срок выплаты которых еще не наступил.

Статья 32. Кредиторы, права которых, обеспеченные имущественным залогом, возникли еще до объявления предприятия банкротом, обладают правом на первоочередное удовлетворение за счет данного залога.

Обеспеченные имущественным залогом права кредиторов в части, превышающей стоимость залога и оставшейся невозмещенной, считаются правами в связи с банкротством и удовлетворяются согласно процедуре, связанной с банкротством.

Статья 33. Кредиторы, имеющие долги перед предприятием-банкротом, могут погасить их до ликвидации предприятия-банкрота.

Статья 34. Перечисленные ниже расходы в связи с банкротством, подлежат первоочередному покрытию из имущества предприятия-банкрота:

- а) затраты на управление, распродажу и распределение имущества предприятия-банкрота, включая затраты на наем персонала;
- б) процессуальные расходы по делу о банкротстве;
- в) другие расходы, оплачиваемые в общих интересах кредиторов во время процедуры, связанной с банкротством.

В случае, если стоимость имущества предприятия-банкрота недостаточна для покрытия расходов в связи с банкротством, народный суд должен объявить об окончании процедуры, связанной с банкротством.

Статья 35. Являются недействительными следующие действия предприятия-банкрота за шесть месяцев до принятия народным судом дела о банкротстве к рассмотрению и вплоть до дня объявления банкротом:

- а) утаивание, самовольный раздел или безвозмездная передача имущества;
- б) продажа имущества по ненормально заниженной цене;
- в) предоставление имущества в залог для обеспечения долговых обязательств, ранее не обеспеченных имущественным залогом;
- г) исполнение долговых обязательств, срок исполнения которых не наступил;

д) отказ от своих прав в качестве кредитора.

В случае совершения предприятием-банкротом перечисленных выше действий ликвидационная группа вправе ходатайствовать перед народным судом о возвращении имущества. Возвращенное имущество присоединяется к имуществу предприятия-банкрота.

Статья 36. Находящееся среди имущества предприятия-банкрота комплектное оборудование подлежит реализации как единое целое; при невозможности его реализации как единого целого оно может быть реализовано по частям.

Статья 37. План распределения имущества предприятия-банкрота предлагается ликвидационной группой, рассматривается и одобряется совещанием кредиторов, докладывается народному суду и после вынесения судебного решения принимается к исполнению.

После первоочередного покрытия расходов, связанных с банкротством, за счет имущества предприятия-банкрота производится погашение долгов в следующем порядке:

а) задолженность предприятия-банкрота по выплате заработной платы рабочим и служащим и расходы по охране труда;

б) задолженность предприятия-банкрота по выплате налогов;

в) права кредиторов в связи с банкротством.

В случае недостаточности имущества предприятия-банкрота для погашения долгов в указанном порядке оно распределяется пропорционально.

Статья 38. По завершении распределения имущества предприятия-банкрота ликвидационная группа обращается в народный суд по поводу окончания процедуры, связанной с банкротством. После окончания процедуры неисполненные деловые обязательства исполнению не подлежат.

Статья 39. После окончания процедуры, связанной с банкротством, ликвидационная группа обращается в учреждение, в котором ранее было зарегистрировано предприятие, для регистрации его ликвидации.

Статья 40. При совершении предприятием-банкротом одного из перечисленных в ст. 35 настоящего Закона действий, выявленного в течение года со дня окончания процедуры, связанной с банкротством, соответствующее имущество подлежит возврату через народный суд, а долги погашаются согласно положениям ст. 37 настоящего Закона.

Статья 41. При совершении предприятием-банкротом одного из действий, перечисленных в ст. 35 настоящего Закона, законный представитель предприятия-банкрота и непосредственно ответственный за это персонал подвергаются административным взысканиям; при наличии в действиях законного представителя предприятия-банкрота и непосредственно ответственного за это персонала состава преступления они несут уголовную ответственность согласно закону.

Статья 42. После объявления предприятия банкротом на контрольные и ревизионные правительственные учреждения возлагаются обязанности по выявлению ответственности за банкротство.

Если законный представитель предприятия-банкрота несет главную ответственность за банкротство предприятия, то он подвергается административному взысканию.

Если вышестоящий орган предприятия-банкрота несет главную ответственность за банкротство предприятия, то его руководитель подвергается административному взысканию.

Если законный представитель предприятия-банкрота и руководитель вышестоящего органа предприятия-банкрота привели предприятие к банкротству вследствие халатного отношения к служебным обязанностям, что причинило серьезный ущерб государственному имуществу, то они несут уголовную ответственность согласно положениям ст. 187 Уголовного кодекса Китайской Народной Республики.

Глава VI. Дополнительные установления

Статья 43. Настоящий Закон вводится в действие в опытный порядок по истечении трех месяцев со дня вступления в силу Закона о промышленных предприятиях общественной собственности; конкретные мероприятия и последовательность шагов по вводу в действие в опытный порядок настоящего Закона определяются Государственным советом.

Приложение: соответствующая статья Уголовного кодекса.

Статья 187. Работники государственных органов, причинившие серьезный ущерб общественному имуществу, интересам государства и народа по причине халатного отношения к служебным обязанностям, наказываются лишением свободы на срок до пяти лет либо уголовным арестом.

*«Жэньминь жибао», 3.XII.1986
Перевели: И. Я. ВИКТОРОВ,
Е. Г. ПАЩЕНКО*

«ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА», 1987, № 3, с

Технический редактор Харчевникова Л. Н.

Сдано в набор 27.01.87. Подписано в печать 30.04.87. А02259. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литер. Усл. п. л. 15,0. Уч. изд. л. 20,97. Усл. кр.-отт. 24,6. Изд. № 43440. Тираж 11 302. Заказ 769. Цена 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли 119817. ГСП, Москва, Г-21, Zubovskiy bulvar, 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат ВО «Союзполиграфпром» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли 142300, г. Чехов Московской области